ПАНТЕОНЪ

№ 2. — ФЕВРАЛЬ.

1851.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СЛУЧАЙ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО БЫТА. Комедія въ четырехъ дѣйст іяхъ. Соч. *П. А. Каратыгина.*

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. ЦѢЛКОВЫЙ. Повѣсть *И- С. Юрьевой.*
2. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Утро и вечеръ . . . . . *В. Корсака.*
2. Изба . . . . . *Его же.*
3. Пловецъ. . . . . *Его же.*
4. Минуты душевной тишины . . . *Н. Суслова,*
5. Глазки. . . . . *Н. Ч—а.*
6. Усопшему . . . . . *Д. Сушкова.*
7. Ураганъ. . . . . *А. Зименко.*
8. Совѣтъ . . . . . *Г. Лаговскаго.*

III. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

Галлерея русскихъ художниковъ: АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМОРОКОВЪ, какъ писатель и драматургъ. — Статья 1-я. *Г. Лаговскаго.*

IV. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ТРАГИКА ТАЛЬМЫ.

V. ЮМОРИСТИКА.

БУБНОВАЯ ДАМА. Шутка *В. И. Савинова.*

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Гвельфы и Гибелины. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, либретто Скриба, музыка *Мейербера.*

II. БАЛЕТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

1. Нанда и Рыбакъ. Большой фантастическій балетъ, въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе *Перо*, музыка *Пуньи*, декораціи и машины *Роллера.*
2. Крестьянская Свадьба (Wesele w Ojcowie), балетъ-дивертисманъ, исполненный Варшавскими танцорами и танцорками.

(*Бенефисъ Карлотты Гризи.*)

III. РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. Старички или съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *П. С. Ѳедорова.*
2. Курьерская свадьба. Оригинальная шутка-водевиль, соч. *Оникса.*
3. Идеалъ или женитьба безъ любви. Оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. *Н. Я. Яковлевскаго.*
4. Провинціалка. Комедія, въ одномъ дѣйствіи, соч. *И. С. Тургенева.*
5. Елка. Драматическая быль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Барона *Ѳ. Ѳ. Корфа.*
6. Жена подъ замкомъ, или исправленный ревнивецъ. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи. соч. *В. Ш.*
7. Сцена изъ водевиля «Бѣдовая дѣвушка». съ новой аріей-попури г. *Кажинскаго.*
8. Людмила; баллада *В. А. Жуковскаго.*

Статья Ѳ. А. КОНИ.

VII. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція (*Письмо изъ Парижа отъ 1/13 февраля.*)

Новый балетъ Теофиля Готье и Сен-Леона «Пакеретта». — Фанни-Черито въ главной роли. — Музыка соч. *Бенуа.* — Дебюты тенора *Мера* и дѣвицы

Пуансо въ Большой Оперѣ. — Появленіе г-жи *Но* въ «Лючіи» и въ «Привидѣніи» — *Флотова*. — «Пиковая дама» Большая комическая опера соч. *Скриба*, музыка *Галеви*. — Дебюты въ Комической Оперѣ *Анны Лемеръ*. — Итальянская Опера. Блистательный дебютъ *Каролины Дюпре*, дочери знаменитаго пѣвца, въ «Лючіи», и въ «Любовномъ напиткѣ.» — Дебюты *Магдалины Брогант* на сценѣ Французскаго Театра. — Принятіе г-жи Рашель общницею этого театра. — Ея будущіе проэкты на открытіе новой Калифорніи. — Празднованіе годовщины рожденія Мольера. — Дѣвица Жоассенъ. — «Мужичекъ», комедія *Сувестра*. — «Конецъ комедіи», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ *Таксиль-Делора*. — Новая отдѣлка театра «Драматической Гимназіи». — «Записки Гимназіи», прологъ *Дюмануара* и *Клервиля*. — «Дочь Короля Рене» комедія-водевиль *Густава Лемуана*. — Малютка-артистка *Юдифь Феррейра* — въ піескѣ «Машино приданое,» соч. г. г. *Клервиля* и *Жюля Кордье*. — «Всякому свой чередъ, умѣй только выждать», водевиль *Баяра*. — «Шевалье де Пезена» — соч. *Лорансена*. — «Взаимное обученіе» шутка *Теодора Барьера*, съ музыкою *Герве*. — «Бабушкины женихи» водевиль г-жи *Анаисы Сегела*. — Годичныя обозрѣнія (revues) разныхъ театровъ: «Послѣдній день Нантскаго Отеля», «Journal pour rire», «Путешествіе улитокъ», «Чепуха», и пародіи на: «Блуднаго сына», «Пальяца», на «Сказки Королевы Наварской.» — Некрологъ *Адріана Перле*, комика Драматической Гимназіи, нанисанный актеромъ *Сансономъ*.

Статья *Аполинарія Бонавентуры*.

VIII. СМѢСЬ.

1. Нигдѣ не напечатанное письмо госпожи Сталь къ Тальмѣ. —
2. Нумеръ пятьдесятъ третій.
3. Два года въ плѣну у горцевъ. (Воспоминаніе о жизни и похожденіяхъ въ Кавказскихъ горахъ Штабсъ-Капитана Новоселова). *В. Савинова.*
4. Гаспаро Спонтини, графъ ди Сан-Андреа.

IX. КАЛЕЙДОСКОПЪ.

1. Густавъ Альбертъ Лорцингъ. (*Некрологъ.*) 2. Статистика ежедневныхъ несчастій въ Парижѣ. — 3. Еще странности Обера и Скриба. — 4. Наслѣдство знаменитой актрисы Сентъ-Обень. — 5. Пожаръ Кролева Воксала въ Берлинѣ. — 6. Кресло Мольера. — 7. Американскій способъ сбывать мыло и ваксу. — 8. — Дорво, старѣйшій изъ французскихъ драматурговъ. — 9. Мистеръ Барнумъ, антрепренеръ Женни Линдъ. 10. Московскій калачъ съ бриллiантовой начинкою. — 11. Стихи гр. Ростопчиной и г. Ленскаго — въ честь Фанни-Эльслеръ. — 12. Андрей Осиповичъ Сихра. — 13. Молчаливость геніальныхъ людей. — 14. Англійскіе романы «*Дженъ-Эйръ*» и «*Шерли*». —

X. БАЛАГУРЪ.

1. Исторія тысяча перваго кандидата въ Геній. (*Журнальные нравы.*) — 2. Тибетскій пикъ. 3. Театральные гробы. — 4. Анекдоты, острыя слова и изреченія.

XI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 2.

ГОЛУБОЙ КАПОТЪ. Комедія, въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Сочиненіе *Ки Кугушева*. —

—

При этой книжкѣ прилагается портретъ знаменитаго русскаго комика М. С. Щепкина, рисованный на камнѣ г. *Клюквинымъ*, печатанный *Полемъ-Пети*.

—

Пол. Поль Петш.

Рис. Клюквинъ.

М. С. ЩЕПКИНЪ.

ПАНТЕОНЪ

ОП

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ѳ. КОНИ.

10761

ТОМЪ I.

ФЕВРАЛЬ — КНИЖКА ВТОРАЯ.

1851.

Литературно-театральная
Библиотека
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 3-го Марта 1851 г.

Цензоръ *Н. Ахматовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. К. КРАЙЯ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СЛУЧАЙ

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО БЫТА.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

П. А. Каратыгина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Михайло Ивановичъ Сельскій.
Ольга Александровна, жена его.
Софья Сергѣевна Зарницына, вдова генерала.
Евгеній Львовичъ Зарницынъ, сынъ ея, отставной ротмистръ.
Баронъ Вильвицкій.
Анна Петровна Корицкая.
Зенеида Павловна, дочь ея.
Агафья Марковна Язвина, старая дѣва.
Катерина Ивановна Томская, тетка г-жи Сельской.
Нѣкто.
Ангорскій.
Пулькинъ.
Бурдюковъ, пріѣзжій помѣщикъ.
Зубковъ, его племянникъ.
Вальтраповъ, гусарскій офицеръ, пріятель Зарницына.
Кузминична, старая няня Язвиной.
Капельдинеръ.

Слуга Зарницыной.
Слуга Сельскаго.
Нѣсколько лицъ обоего пола изъ зрителей Большаго театра.

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

—

(Театръ представляетъ скромную, но порядочно убранную комнату.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЗАПОЗДАЛАЯ ЛЮБОВЬ.

I.

ЗАРНИЦЫНА и ЕВГЕНІЙ.

Зарницына. Да, сударь, еслибъ былъ живъ вашъ покойный отецъ, вы бы не жили такъ безтолково, вы бы болѣе дорожили моимъ спокойствіемъ.

Евгеній. Полноте, полноте, maman! вѣдь вы меня ужасно распекаете....

Зарницына. При отцѣ вы бы не посмѣли и подумать выйдти въ отставку.... Ну, согласись самъ, можно-ли въ двадцать шесть лѣтъ оставить службу, не имѣть никакого занятія и ровно ничего не дѣлать?

Евгеній. Помилуйте, у меня минуты нѣтъ свободной.... Вотъ, напримѣръ, сегодня цѣлое утро объѣзжалъ своихъ новыхъ лошадей, въ четыре часа званъ къ С. Жоржу, вечеромъ въ театръ, послѣ на балъ, съ бала, м. б., въ маскарадъ. Шутка сказать — вѣдь это чего-нибудь да стоитъ.

Зарницына. Прекрасное занятіе: одна заря выгонитъ изъ дому, другая вгонитъ, баклушничаешь, рыскаешь изъ угла въ уголъ.... Вѣчныя карты, долги, заемныя письма.... есть чѣмъ хвастать....

Евгеній. Вотъ ужъ послѣднее — напраслина!

Зарницына. Хорошо, хорошо, сударь. Я все знаю, меня вы не обманете.

Евгеній. Ну, полноте, maman.... Зачѣмъ вы притворяетесь сердитой; это вамъ вовсе не къ лицу. (*Цѣлуетъ ея руку.*)

Зарницына. Повѣса! когда ты исправишься.... Пора, сударь, взяться за умъ.... Пора сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ...

Еслибъ ты меня любилъ, такъ вѣрно бы послушался моего совѣта, объ чемъ я тебѣ ужъ нѣсколько разъ говорила.

Евгеній. То есть записаться въ полкъ мужей?... Нѣтъ, maman, пощадите....

Зарницына. Скажи, пожалуйста, отчего ты пересталъ ѣздить къ Корицкимъ?

Евгеній. Такъ, времени не было.

Зарницына. Отчего же ты прежде бывалъ у нихъ каждый день? Вѣдь тебѣ Зенеида очень нравилась?...

Евгеній. Да, она миленькая дѣвушка.

Зарницына. Добрая, образованная, хорошей фамиліи, съ прекраснымъ приданымъ, и при всемъ томъ любитъ тебя. — Я это навѣрно знаю. — Гдѣ же ты найдешь лучше невѣсту?

Евгеній. Да я и не ищу.

Зарницына. Къ чему же ты ее компрометировалъ? Зачѣмъ прежде старался ей нравиться. Всѣ въ городѣ начали громко говорить о вашей свадьбѣ и это меня радовало, потому что я увѣрена была въ твоемъ счастіи.... Что же за причина твоей теперешней холодности?... отчего такая перемѣна?... развѣ ты съ ней поссорился?

Евгеній. Нѣтъ, мы не ссорились.

Зарницына. Развѣ ты слышалъ объ ней что-нибудь дурное?

Евгеній. Ничего, кромѣ хорошаго.

Зарницына. Такъ отчего же ты не ѣздишь болѣе въ этотъ домъ?

Евгеній. Такъ....

Зарницына. Нѣтъ, не такъ; ты повѣсничаешь, дуришь, затѣваешь интриги несбыточныя.... Ты понимаешь о чемъ я говорю.... Нечего смотрѣть на часы; я тебя, за твои проказы, по головкѣ не поглажу.

Евгеній (*встаетъ*). Извините, маменька, мнѣ теперь некогда.... надо сдѣлать еще два, три визита, да купить букеты и новый бинокль къ сегодняшнему спектаклю.

Зарницына. Важное дѣло! Заѣдешь къ старухѣ разъ въ недѣлю на пять минутъ и тотчасъ за шляпу.... Ну, ужъ!... Поди, Богъ съ тобой. Скажи мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, видѣлъ-ли ты вчера на балу барона Вильвицкаго? пригласилъ-ли ты его ко мнѣ?

Евгеній. Какъ же; онъ непремѣнно къ вамъ будетъ сегодня поутру.... Я не понимаю только, что за компанія вамъ этотъ старый полотеръ.... По моему скучнѣе его нѣтъ на свѣтѣ человѣка,

Какъ онъ мнѣ надоѣлъ вчера на балѣ.... Шутъ въ пятьдесятъ лѣтъ — туда же еще вздыхаетъ и волочится.

Зарницына. Что это значитъ? ужъ не соперники ли вы съ нимъ?

Евгеній. Соперники? Ха.... ха.... ха! Слишкомъ много чести одному и немножко обидно другому.... Вотъ я, на вашемъ мѣстѣ, посовѣтовалъ бы ему жениться, въ его года можно быть постояннымъ мужемъ, а за невѣстой дѣло не станетъ.... Ваша протежé тридцати-восьмилѣтняя Агаточка, какъ разъ была бы ему подъ пару.... И чего же лучше: одинъ другаго хуже.

Зарницына. Какой у тебя злой языкъ!... Ты никого не оставишь въ покоѣ.

Евгеній. Да имъ бы обоимъ пора на покой. Знаете-ли вы, maman, что пять лѣтъ тому назадъ ваша Агата хотѣла отплатить вамъ жестокой неблагодарностью: она имѣла виды на вашего единственнаго сына.

Зарницына (*смѣется*). Какой вздоръ.... Чего ты не выдумаешь!

Евгеній. Вздоръ то былъ съ ея стороны, а я говорю историческую истину, у меня есть факты, доказательства.... Ахъ, не могу вспомнить!... Еслибъ вы видѣли, какъ она была вчера уморительна на балу у Стройновскихъ; хоть бы на смѣхъ кто-нибудь ее ангажировалъ. (*Голосъ Агаты*) А! вотъ, кажется, и она.... да это ея дѣвственный голосокъ — вотъ легка напомнитъ.... И какъ кстати она сойдется здѣсь съ барономъ. Удружите, maman, сосватайте ихъ хоть для курьезу.... Пересидѣлая дѣва, какъ залежалый товаръ, рѣдко находитъ купца, а она у васъ лѣтъ десять съ рукъ нейдетъ. Однакожъ прощайте... Надъ старостью смѣяться грѣхъ, а у меня съ ней безъ смѣха не обойдется.... до свиданія, maman! (*Уходитъ.*)

—

II.

ЗАРНИЦЫНА одна, потомъ АГАТА.

Зарницына. Повѣса! весь въ отца.... языкъ какъ бритва, а сердце предоброе.

Агата. Прощайте, прощайте Евгеній Львовичъ! (*Цѣлуетъ руку у Зарницыной.*) Здравствуйте, моя добрая благодѣтельница. Извините, что я такъ поздно васъ сегодня навѣщаю. Вчера на балу я не пропустила ни одного кадриля.... насилу проснулась сегодня....

Зарницына. Здравствуй, Агата.... я очень рада, что ты, по прежнему, веселишься, что ты наконецъ утѣшилась.

Агата. Помилуйте, я давно забыла и думать объ этомъ.

Зарницына. Однакожъ вчера еще поутру ты плакала.

Агата. Да, плакала, какъ дитя, у которой отняли игрушку — и только....

Зарницына. Ну, въ твои года такими вещами опасно играть.... Женихъ былъ очень выгодный, среднихъ лѣтъ, съ достаткомъ и съ хорошимъ чиномъ.

Агата. Коллежскій Совѣтникъ — велика важность. Но вы мнѣ все еще не сказали, *чѣмъ* именно я имѣла несчастіе ему не понравиться?

Зарницына. Я тебя предупреждала, что онъ человѣкъ солидный, тихій, смирный, а ты иногда невоздержна на языкъ. Онъ мнѣ жаловался, что на послѣднемъ вечерѣ у сестры его, ты ни одного гостя не пощадила своими эпиграмами.

Агата. Но я ли виновата, что гости его сестры были какіе-то уроды съ того свѣта.... Самому младшему изъ нихъ было, по-крайней-мѣрѣ, шестьдесятъ лѣтъ, да и сестрица-то его такъ ломается, что мочи нѣтъ, корчитъ знатную барыню, а живетъ на Пескахъ.... я признаюсь очень рада, что не состоялось это сватовство.

Зарницына. Послушай, ma chére, еслибъ ты была красавица, молода, богата, тогда, разумѣется, женихи смотрятъ сквозь пальцы на недостатки невѣсты, но въ тридцать восемь лѣтъ....

Агата. Въ тридцать семь, маменька!

Зарницына. Ну, это все равно. Въ эти года поздно ребячиться.... Надо стараться быть болѣе любезной, болѣе снисходительной къ чужимъ недостаткамъ.

Агата. Ахъ, Боже мой! Неужели вы думаете, что мнѣ такъ хочется замужъ? Я не смѣла только противиться вашему выбору, а этотъ женихъ мнѣ съ перваго взгляду не понравился.

Зарницына. Ты знаешь, Агата, что я объ тебѣ забочусь, какъ родная мать, но сегодня утромъ я ужаснулась, какъ перебрала всѣхъ твоихъ женіховъ: въ послѣдніе пять лѣтъ ихъ было ровно двѣнадцать и всѣ они почти сами отъ тебя отказались.

Агата. И прекрасно! Я очень рада! Свобода мнѣ всего дороже.... И стоятъ-ли эти эгоисты вниманія благоразумной дѣвицы? Они не умѣютъ цѣнить истинныхъ достоинствъ.... они женятся или для связей, или для денегъ, а я не могу доставить моему мужу ни того, ни другаго.... Если-бъ не желаніе сдѣлать вамъ угод-

ное, я бы и не подумала объ этихъ неблагодарныхъ, объ этихъ чудовищахъ, объ этихъ....

Зарницына. Полно, полно, моя милая; мы здѣсь одни, ты знаешь, я тебѣ не измѣню и потому горячись сколько тебѣ угодно, но при другихъ не говори этого....

Агата. Отчего же?

Зарницына. Оттого, чтобъ иные тебѣ не прочли басни объ лисицѣ и винограде....

Агата. Да, для лисицы виноградъ былъ киселъ, а для меня всѣ мужчины совершенно одинаковы.

Зарницына. Успокойся, моя милая. Твое дѣло еще не совсѣмъ потеряно; ты не будешь въ убыткѣ отъ ожиданія; только прими мой дружескій совѣтъ.

Агата. Говорите, говорите, маменька. Я во всемъ готова васъ слушаться.

Зарницына. До-сихъ-поръ ты не хотѣла слышать о сорокалѣтнемъ женихѣ; даже лѣтъ пять назадъ ты желала имѣть мужа однихъ съ тобою лѣтъ, потомъ позволила ему быть уже сорокапяти лѣтъ, но будь благоразумна: отодвинь границы еще не много....

Агата. Что-же? —Вы хотите, чтобъ я вышла за старика?...

Зарницына. Мужчина въ пятьдесятъ лѣтъ еще не старикъ. Молодой мужъ для тебя мечта несбыточная. Михайло Иванычъ Сельскій былъ немногимъ тебя старѣе, однако-же и тотъ....

Агата. Что такое Михайло Иванычъ? Что вы хотите этимъ сказать? Я не понимаю.

Зарницына. Не понимаешь? Ты забыла? Ну, такъ я тебѣ напомню. Четыре года тому назадъ ты явно имъ занималась, ты старалась ему нравиться и конечно такая партія была очень выгодна, онъ человѣкъ достаточный, хоть и недальняго ума, но однако-жъ, онъ замѣтилъ твои маневры, оказалъ тебѣ свое равнодушіе и къ довершенію дерзости женился на милой молодой дѣвицѣ, которая принесла ему въ приданое сто-тысячъ.... На твоемъ мѣстѣ я бы не забыла этого.

Агата. Что-жъ? если я не такъ богата, не такъ молода, не такъ хороша собой, какъ его прекрасная супруга, такъ, по-крайней-мѣрѣ, я во многомъ могу служить ей примѣромъ.

Зарницына. Но развѣ ея нравъ?...

Агата. О, это прелесть, которая только напоминаетъ пословицу объ тихомъ омутѣ.

Зарницына. Послушай, Агата, ты нападаешь на нее, потому

что ненавидишь Михайла Иваныча за то, что онъ слишкомъ неучтиво забраковалъ тебя, это понятно, но его жена тебѣ ничего не сдѣлала, а ты никогда не пропустишь случая сказать объ ней что - нибудь дурное. Это нехорошо; это просто — зависть.

Агата. Кто? я? я буду завидовать этой женщинѣ?... помилуйте.

Зарницына. Но въ чемъ же ты можешь ее упрекнуть?

Агата. Въ чемъ упрекать ее постороннимъ людямъ, если мужъ молчитъ.

Зарницына. Да ты не на шутку ее обвиняешь. Мнѣ говорили, что мой сынъ очень интересуется этой дамой.... Вы, вѣрно, хотите сдѣлать на это намекъ.... въ такомъ случаѣ, я требую доказательствъ, вы зашли слишкомъ далеко; говорите же, я васъ слушаю.

Агата. Вы требуете доказательствъ?

Зарницына. Да, и самыхъ вѣрныхъ....

Агата. Очень хорошо-съ, только съ условіемъ: не говорить объ нихъ никому, потому что я не люблю вредить репутаціи порядочныхъ женщинъ.

Зарницына. Постарайтесь только вы сами не разсказывать другимъ, тогда эта тайна вѣрно не пойдетъ дальше.

Агата. О, я не привыкла разглашать чужія тайны.

Зарницына. Я это вижу.... Продолжайте.

Агата. Вчера мы съ ней вмѣстѣ были на балѣ у Стройновскихъ.... Вотъ съ послѣ двухъ, или трехъ кадрилей, она сѣла подлѣ меня; жаръ былъ невыносимый, она жаловалась мнѣ на головную боль и вскорѣ я увидѣла, что она блѣднѣетъ и почти лишается чувствъ. Я начала ее поддерживать.... двѣ другія дамы присоединились ко мнѣ на помощь, мы помогли ей выйти въ хозяйскій будуаръ и тамъ она совершенно упала въ обморокъ.... Ахъ, пожалуйста, только никому не говорите....

Зарницына. Будь покойна.... далѣе, далѣе?...

Агата. Вотъ-съ.... въ то время, какъ одна изъ дамъ давала ей нюхать спиртъ, другая распускала шнуровку, я, чтобъ потереть ея руки, сняла перчатки и вообразите, что-же я увидѣла.... (*Слуга входитъ.*)

—

III.

ТѢЖЕ и СЛУГА.

Слуга. Баронъ Вильвицкій!

Зарницына. А! Проси, проси.... Ты послѣ доскажешь.... мнѣ нельзя заставить его дожидаться, я сама его пригласила.

Агата. Я приду къ вамъ ужо вечеромъ.... Извините, если я сказала вамъ что-нибудь непріятное.... Ахъ, Боже мой! я сегодня такъ дурно одѣта. Чтобъ не встрѣтиться съ барономъ я пройду черезъ столовую.

Зарницына. Но вѣдь ему пятьдесятъ лѣтъ.

Агата. Я знаю, но зачѣмъ-же его пугать собою.... Прощайте, maman, до свиданья. (*Уходитъ.*)

—

IV.

ЗАРНИЦЫНА И БАРОНЪ.

Баронъ. Мое почтеніе Софьѣ Сергѣевнѣ.

Зарницына. Здравствуйте, баронъ... Стыдно, стыдно забывать старинныхъ, или лучше сказать старыхъ друзей.

Баронъ. Я, по старинному, цѣлую вашу ручку, а вы, по старому, будьте ко мнѣ снисходительны.

Зарницына. Вы цѣлые полгода не были у меня. Развѣ эдакъ поступаютъ съ друзьями?

Баронъ. Повинную голову и мечъ не сѣчетъ и я чѣмъ угодно готовъ загладить свою вину.

Зарницына. Вотъ это похвально; а за опытомъ дѣло не станетъ... Садитесь, баронъ, садитесь.... Мое сегодняшнее приглашеніе не со всѣмъ безкорыстно: я ожидаю отъ васъ большаго одолженія.

Баронъ. А я ожидаю вашихъ приказаній.

Зарницына. Дѣло идетъ о тайнѣ и ваши совѣты были всегда такъ благоразумны....

Баронъ. О, сударыня, для васъ я готовъ служить всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно.

Зарницына. Шутки въ сторону, баронъ, дѣло серьезное... Мнѣ нужна ваша помощь, я хочу жаловаться вамъ — на моего сына...

Баронъ. На вашего сына? Помилуйте, что же я тутъ могу.....

Зарницына. Мой повѣса не совсѣмъ дурной человѣкъ; шалости свойственны его лѣтамъ, но сердце у него, право, предоброе.

Баронъ. Да, добрые то люди, говорятъ, всегда и проматываются.

Зарницына. Ахъ, едва-ли это не правда. На дняхъ я узнала чрезъ моего повѣреннаго, что его деревня уже заложена, а капитала уже не существуетъ, онъ кругомъ задолжалъ; и наконецъ, его кредиторы начали ко мнѣ являться. Разумѣется, я имъ отказывала; но третьяго дня я получила письмо отъ одного изъ нихъ... вотъ оно — прочтите.

Баронъ (*читаетъ*). «Ваше Превосходительство! Я имѣю два «векселя, каждый въ 5,000 руб. сереб., подписанные вашимъ сы«номъ... Я нѣсколько разъ приходилъ къ нему съ требованіемъ, «но онъ не сказывается дома... Это вынуждаетъ меня искать «своихъ денегъ законнымъ образомъ... Но прежде, нежели рѣшиться «на такую мѣру, я счелъ долгомъ обратиться къ вамъ... Я «думаю, что вамъ пріятнѣе будетъ заплатить эту сумму, нежели «видѣть въ тюрьмѣ вашего единственнаго сына. Завтра я приду «за рѣшительнымъ отвѣтомъ. — » И вы заплатили?

Зарницына. Что же мнѣ было дѣлать! При одной мысли объ этомъ, я была готова всѣмъ пожертвовать... Но въ ту минуту, какъ я отдавала деньги, мнѣ пришла счастливая мысль, отъ которой ожидаю большой пользы.

Баронъ. Что же это такое?

Зарницына. Вотъ что: если Евгеній узнаетъ, что я выкупила его векселя, онъ вовсе перестанетъ объ нихъ безпокоиться; заплативъ одному кредитору, я прокладываю дорогу другимъ... они теперь съ утра до вечера будутъ осаждать меня. Эти три векселя въ моихъ рукахъ ничего не значатъ, но въ рукахъ другаго лица они будутъ болѣе безпокоить...

Баронъ. Кто же этотъ другой?

Зарницына. Вотъ услуга, о которой я васъ хотѣла просить...

Баронъ. Но такое щекотливое дѣло...

Зарницына. Тутъ нуженъ человѣкъ честный, благородный, который бы не употребилъ во зло довѣренности матери и легкомыслія сына. О, вы вѣрно мнѣ не откажете, какъ искренній другъ моего мужа... Возьмите же эти векселя, подписанные на ваше имя. Этимъ рѣшительнымъ средствомъ я, можетъ быть, его отвлеку отъ многихъ дурачествъ. Страхъ попасть въ тюрьму заставитъ его образумиться... у него есть выгодная невѣста, которая ему прежде очень нравилась, но свѣтская вѣтренность сбила его съ толку... Еслибъ онъ женился на Корицкой, я бы была совершенно счастлива.

Баронъ. Ваша правда... эта партія прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ.

Зарницына. Я знала наперед, что вы будете одного со мною мнѣнія. Въ этой женитьбѣ вы видите, м. б., и для себя нѣкоторую выгоду...

Баронъ. Что вы хотите этимъ сказать... я... я очень люблю вашего сына и не понимаю....

Зарницына. Полноте, полноте, баронъ, мы оба очень хорошо понимаемъ другъ друга... Я вамъ вѣрила мою тайну, а вы скрываете свою... и совершенно напрасно, потому что я все знаю.

Баронъ. У меня нѣтъ никакихъ секретовъ.

Зарницына. Въ такомъ случаѣ не надо краснѣть... Я поздравляю васъ, баронъ; я не думала, чтобъ вы были еще такъ молоды.

Баронъ. Вамъ угодно меня мистифировать, смѣяться надо мною.

Зарницына. Смѣяться? я такъ далека отъ этого, какъ близка къ вамъ въ эту минуту. Я слишкомъ васъ уважаю, но ваша недовѣрчивость ко мнѣ требуетъ маленькаго наказанія... Да, баронъ, есть на Невскомъ проспектѣ домъ, гдѣ живетъ молодая, прекрасная женщина, у которой между прочимъ, есть два обожателя: одинъ 26 лѣтній повѣса, который подписалъ эти векселя, а другой немного постарше, но очень любезный, который съ годами, можетъ быть, не утратилъ средства нравиться.

Баронъ. Но это клевета... я просто другъ Сельскаго.

Зарницына. А! на Невскомъ много домовъ, а вы тотчасъ догадались, о комъ я говорю. Впрочемъ объ вашей склонности такъ много говорятъ въ городѣ, что я безъ разспросовъ обо всемъ бы узнала... Я слышала объ ней, по крайней мѣрѣ, отъ десяти человѣкъ.

Баронъ (*вскакиваетъ*). Боже мой! неужели это правда!

Зарницына. Что съ вами? Развѣ вы думали, что никто еще не знаетъ вашей тайны? Напрасно, въ свѣтѣ легче скрыть ненависть нежели любовь... Въ большомъ свѣтѣ все видно.

Баронъ. Это ужасно! И такъ чувства, которыя я считалъ погребенными въ глубинѣ моего сердца, не укрылись отъ людской клеветы! Вы правы; въ свѣтѣ злословіе и праздность изъ нитки плететъ канатъ.

Зарницына. Однакожъ все-таки нужна нитка. Будьте же откровенны, баронъ... и скажите мнѣ: знаетъ-ли она объ вашей любви?

Баронъ. О, еслибъ она знала, я бы тотчасъ уѣхалъ отъ нее на край свѣта!...

Зарницына. Ну, такъ я вамъ совѣтую послать за по дорожной....

Баронъ. Какъ! она знаетъ!.. и даже вамъ это извѣстно?... о, я самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ!

Зарницына. Полноте, баронъ.... какое малодушіе! Садитесь — разскажите мнѣ свое горе... Можетъ быть, мы вмѣстѣ придумаемъ какое-нибудь средство пособить вамъ. Я теперь въ такихъ годахъ, что мнѣ смѣло можно признаться въ любви — къ другой... я старинная ваша пріятельница и это названіе даетъ мнѣ право на вашу довѣренность... Я знаю на опытѣ, что самая молчаливая любовь бываетъ иногда немножко болтлива.

Баронъ. Хорошо.. такъ и быть... я вамъ все разскажу... мнѣ будетъ легче! Вы услышите признаніе самое тяжелое, самое жалкое и унизительное — словомъ признаніе влюбленнаго старика! Какъ ни безразсудна покажется вамъ страсть моя, но сомнѣваюсь, чтобъ вы судили о ней строже меня самого... нѣтъ, я знаю, что для меня прошла пора любви, прошла невозвратно! Никакія качества ума и сердца не замѣнятъ преимуществъ молодости: вижу свои сѣдины, свои морщины, свою старость и совсѣмъ тѣмъ — люблю, люблю горестно, безнадежно и даже не хочу взаимности!.. Любить въ 50 лѣтъ!... что можетъ быть этого смѣшнѣе?... Понимаете-ли вы теперь весь ужасъ моего страданія... Знаете-ли вы, что такое любить и старѣться?

Зарницына. И вы спрашиваете это у пятидесятилѣтней женщины?

Баронъ. Но у васъ есть сынъ, вы испытываете любовь матери, а у меня никого нѣтъ, ни родныхъ, ни друзей; я совершенно одинокъ на свѣтѣ.... въ молодости своей я не испытывалъ этого нѣжнаго чувства, я никогда, никого не любилъ; ни одна женщина не возбуждала въ моемъ сердцѣ жажды любви.... Весна моя была холодна и разсудительна, но теперь, когда зима убѣлила мою голову, мнѣ остается только краснѣть отъ своей запоздалой страсти!!

Зарницына. Но неужели мой Евгеній, въ самомъ дѣлѣ вашъ счастливый соперникъ?

Баронъ. Послѣ безразсудной любви, мнѣ только не доставало имѣть соперникомъ двадцатишестилѣтняго человѣка, ловкаго, прекраснаго собою, любезнаго, обладающаго всѣми средствами нравится, которыхъ, м. б., у меня не было и въ молодости.... Мы съ нимъ играемъ совершенно противоположныя роли: мнѣ, без-

сильному старику, суждены заботы, надзоръ, ревность опекуна, ему искусство нравиться.

Зарницына. Но говорятъ, что любовь не можетъ существовать безъ надежды и если вы, какъ сами признаетесь, ничего не надѣетесь, то....

Баронъ. Не только не надѣюсь, но еслибъ видѣлъ хоть малѣйшій поводъ къ надеждѣ, то клянусь вамъ честью, не старался бы имъ воспользоваться.

Зарницына. Надо признаться невозможно высказать больше благородства и великодушія, говоря совершенныя нелѣпости.... извините мою откровенность.... И такъ вы, будучи человѣкомъ умнымъ, растрачиваете вашу жизнь на любовь къ двадцати двухълѣтней женщинѣ, прекрасной собой, окруженной толпою обожателей и замужемъ за пустымъ человѣкомъ....

Баронъ. Не говорите мнѣ объ немъ.... Не проходитъ дня, чтобъ я не поправлялъ его глупости! Знаете-ли, къ кому онъ теперь пристрастился, кому услуживаетъ, и называетъ своимъ другомъ?

Зарницына. Моего сына?

Баронъ. Судите же объ его дальновидности.

Зарницына. Знаете-ли, баронъ, выслушавъ ваше признаніе, я, какъ другъ вашъ, совѣтую вамъ рѣшиться на спасительную мѣру, которая должна произвести въ вашей жизни совершенный переворотъ. Въ сильныхъ болѣзняхъ нужны сильныя средства. (*Баронъ беретъ шляпу.*) Что съ вами?

Баронъ. Ничего, ничего продолжайте.... я предвижу, какая бомба готова разразиться надъ моею головой и беру предосторожности.

Зарницына. Да, злой насмѣшникъ, да, вамъ надо жениться.... я говорила вамъ объ этомъ сто разъ и скажу еще тысячу.

Баронъ. И я тысячу разъ буду васъ благодарить. Спасибо вамъ за то, что хоть вы не смѣялись во время моего разсказа, а теперь можете тѣшиться надо мной, сколько угодно!

Зарницына. Женитьба — лучшее лекарство отъ несбыточной любви.

Баронъ. Вѣрю, вѣрю....

Зарницына. У меня есть для васъ невѣста, скромная, разсудительная....

Баронъ. Дай Богъ найти ей жениха болѣе благоразумнаго.

Зарницына. О, закоренѣлый холостякъ! вамъ не отвертеться

отъ женитьбы.... Я не теряю надежды, что вы скоро одумаетесь и примите мой дружеской совѣтъ.

Баронъ. Прощайте, Софья Сергѣевна, вы, хоть женщина, но я смѣло ввѣрилъ вамъ свою сокровенную тайну.

Барницына. О, будьте увѣрены.... И такъ я надѣюсь, баронъ, что вы, при случаѣ, предупредите моего сына объ этихъ векселяхъ....

Баронъ. Непремѣнно; можетъ быть, даже сегодня въ театрѣ....

Барницына. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Баронъ. Прощайте, Софья Сергѣевна! (*Уходитъ.*)

Барницына. До свиданія, баронъ, до свиданія.... Бѣдный старикъ.... если онъ не женится непремѣнно попадетъ въ сумасшедшій домъ.

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ФОЙЕ БОЛЬШАГО ТЕАТРА.

Театръ представляетъ фойе Большаго Театра; по обѣимъ сторонамъ стулья; нѣсколько дверей, сквозь которыя видны коридоръ и ложи; въ концѣ залы большое трюмо; нѣсколько лицъ обоего пола кочуютъ изъ угла въ уголъ, иные оправляются передъ зеркаломъ.

—

I.

АНГОРСКІЙ и ПУЛЬКИНЪ.

Пулькинъ. Bonjour, Вольдемаръ.... гдѣ ты сегодня сидишь?

Ангорскій. Въ девятомъ ряду.... а ты?

Пулькинъ. Я?... подымай выше.

Ангорскій. Что-же вѣрно у кого-нибудь въ ложѣ?

Пулькинъ. Нѣтъ, братъ, свои послѣднія заплатилъ.

Ангорскій. Гдѣ же это?

Пулькинъ. Тамъ, гдѣ помѣщаются высокіе цѣнители искусства, въ буквальномъ смыслѣ.

Ангорскій. Э! э! куда тебя занесло.... вѣрно вчера проигрался.

Пулькинъ. Вообрази, братецъ.... Тузъ, король, дама, валет козырей, три туза масти — вѣрныхъ семь....

Ангорскій. Ну....

Пулькинъ. Безъ двухъ!!

Ангорскій. Вѣрно масть раздѣлилась и не твой ходъ?

Пулькинъ. Не мой....

Ангорскій. Э, такъ что-жъ мудренаго.... тутъ и говорить нечего.... Нѣтъ, я тебѣ лучше скажу, что со мной третьяго дня было.... Представь—себѣ нанимаю извощика въ Гороховой.... вдругъ....

Нѣкто (*подходитъ изъ толпы.*) Позвольте васъ спросить: который часъ?

Ангорскій. Семь безъ четырехъ.

Нѣкто. Стало-быть скоро начнутъ-съ?

Ангорскій. Я думаю.

Нѣкто. Фанни Эльслеръ отличная танцовщица. Позвольте спросить, какъ она, по вашему, въ сравненіи съ Мартыновымъ?

Ангорскій. Какъ, съ Мартыновымъ?

Нѣкто. Да-съ, вѣдь онъ тоже танцуетъ качучу на Александринскомъ Театрѣ.... я имѣлъ удовольствіе видѣть; вы меня извините, можетъ-быть, я ошибаюсь, а по моему Фанни лучше Мартынова танцуетъ.

Пулькинъ. Что это за шутъ?

Нѣкто. Извините пожалуйста, нѣтъ ли у васъ табачку? Я забылъ свою табакерку.

Ангорскій. Я не нюхаю.

Нѣкто. Извините, что обезпокоилъ — а вы тоже не изволите имѣть этой привычки?

Пулькинъ. Нѣтъ, у меня такая же привычка, какъ у него.

Нѣкто. Извините пожалуйста.... Капельдинеръ, одолжи, братецъ, нѣтъ-ли у тебя табачку. Мое почтеніе! (*Отходитъ.*)

Ангорскій. Это вѣрно какой-нибудь сумасшедшій, ко всѣмъ съ носомъ суется....

Пулькинъ. Отстань съ нимъ! Терпѣть не могу людей, которые дѣлаютъ все на даровщинку.... Скажи лучше, есть ли у тебя сегодня букетъ?

Ангорскій (*вынимая изъ шляпы*). Еще-бы! цѣлыхъ два.... а у тебя?

Пулькинъ. Нѣтъ, братецъ, мнѣ ужъ надоѣло бросать деньги... Покажи ка. Славный букетъ.... это, кажется, тремя рублями пахнетъ.

Ангорскій. Нѣтъ, теперь — весной они не дороги. За то зимой, во время итальянской оперы, къ нимъ нашему брату и приступу не было.

Пулькинъ. Одолжи мнѣ одинъ, mon cher!

Ангорскій. Вотъ мило! Тебѣ вѣрно не надоѣло бросать чужіе букеты.

Пулькинъ. Нѣтъ, это я не для себя, а сегодня Mlle Фіялкина въ театрѣ, такъ мнѣ бы ее хотѣлось подарить.

Ангорскій. Убирайся ты съ своей Mlle Фіялкиной.... ей и куричьей слѣпоты довольно.

Пулькинъ. Ахъ, mon cher, ты сегодня не въ духѣ. Эге, кажется увертюру начали.

Ангорскій. Неужели ты будешь смотрѣть водевиль?

Пулькинъ. Нѣтъ, что — водевиль, а тамъ, того гляди и мѣста не найдешь — наши райскія птички, я думаю съ шестаго часу залетѣли.... до свиданья. (*Уходитъ.*)

Ангорскій. Капельдинеръ, нѣтъ-ли афишки?

Капельдинеръ (*въ дверяхъ*). Есть сударь!

Ангорскій. Дай пожалуйста. (*Уходитъ въ корридоръ.*)

—

II.

КОРИЦКАЯ И ЗЕНЕИДА.

Зенеида. Ахъ, милая маменька.... вы видѣли его?

Корицкая. Кого, mon ange, кого?

Зенеида. Евгенія Львовича.... Онъ сейчасъ прошелъ тамъ по коррндору.

Корицкая. Нѣтъ не видала.... Но что съ тобою? Посмотрись въ зеркало; какъ ты вспыхнула.

Зенеида. Ахъ, еслибъ онъ сидѣлъ подлѣ насъ! или хоть напротивъ.... какъ-бы я была рада.

Корицкая. Э! э! ma chere, какъ это нехорошо; ты сама говорила, что перестала объ немъ думать, а теперь....

Зенеида. Что жъ мнѣ дѣлать, если я не могу его забыть....

Корицкая. Надо знать себѣ цѣну, не унижать себя. Если онъ пересталъ къ намъ ѣздить, такъ стало-быть ему у насъ скучно; Богъ съ нимъ! Ты еще такъ молода, что тебѣ нечего искать жениховъ. Съ твоимъ приданымъ, ты сама должна быть находка... Но, что съ нимъ сдѣлалось? отчего онъ, въ самомъ дѣлѣ, отсталъ отъ насъ? Ужъ не ревнуетъ-ли онъ тебя?

Зенеида. Онъ? меня? Напротивъ.... скорѣе бы я могла подумать....

Корицкая. Что такое?

Зенеида. Такъ, мнѣ говорили, только я еще навѣрно не знаю....

Корицкая. А въ такомъ случаѣ оставь-же и ты его; вотъ тебѣ мой дружескій совѣтъ. Если онъ намъ здѣсь встрѣтится, не говори съ нимъ ни слова. Покажи ему всю свою холодность.... Но что опять съ тобою? Ты дрожишь....

Зенеида. Да, maman! вы правы.... Лишь бы онъ только подошелъ къ намъ, вы увидите какъ холодно я съ нимъ обойдусь.... Не говорите же и вы тоже съ нимъ ни слова.... обѣ, совершенно, его не замѣтимъ. Это должно уколоть его самолюбіе. Пусть-же онъ не хвастаетъ своимъ равнодушіемъ ко мнѣ.... Ахъ, вотъ и онъ!

—

III.

ТѢЖЕ и ЗАРНИЦЫНЪ.

Зарницынъ (*вбѣгаетъ, не видя ихъ.*) Ихъ здѣсь нѣтъ.... вѣрно они не пріѣзжали.

Зенеида. Боже мой! какъ бьется мое сердце! Маменька, не обертывайтесь, не замѣчайте его.... ахъ, онъ насъ увидѣлъ — кланяется.

Корицкая. Ахъ, ma chère! зачѣмъ же оглянулась. А! Евгеній Львовичъ!... Вотъ рѣдкость-то! Сколько лѣтъ.... сколько зимъ? гдѣ это вы пропадали?...

Зенеида. Маменька! зачѣмъ вы это спрашиваете.

Зарницынъ. Какъ ваше здоровье Зенеида Павловна?

Зенеида. Merci! я здорова....

Корицкая. Скажите пожалуйста, Евгеній Львовичъ, вы вѣрно уѣзжали отсюда?...

Зарницынъ. Нѣтъ, Марья Ивановна, но я былъ очень занятъ....

Корицкая. Заняты.... вотъ рѣдкость! чѣмъ, позвольте полюбопытствовать?...

Зенеида (*тихо.*) Ахъ, maman, зачѣмъ вы объ этомъ спрашиваете!

Корицкая. Ничего, ничего, я такъ стороной. — Васъ, однакожъ, наши знакомые видѣли каждый день, гдѣ-нибудь въ обществѣ.

Зарницынъ. Да, можетъ быть, только я....

Корицкая. Конечно, вы, можетъ быть, избираете общества, которыя вамъ больше доставляютъ удовольствія.... это очень естественно.

Зенеида. Ахъ, maman, онъ обидится.

Зарницынъ (*всторону*). Какъ она хороша сегодня!... Я точно виноватъ передъ вами и постараюсь загладить свою вину, если вы будете такъ великодушны, что позволите мнѣ заслужить прощеніе.

Зенеида. Маменька, вы слышите: онъ проситъ прощенія.

Корицкая (*тихо дочери*). Будь мужественна, дитя мое.... не вѣрь этимъ фразамъ.

Зарницынъ. У васъ, кажется, нѣтъ сегодня букета, Зенеида Павловна. Еслибъ вы мнѣ сдѣлали честь....

Зенеида. Мегсі.... мнѣ не надо....

Корицкая. Мы вамъ очень благодарны, но вѣдь вы не думали насъ встрѣтить здѣсь и, вѣрно, этотъ букетъ былъ приготовленъ для кого нибудь другаго.

Зарницынъ. Нѣтъ, я хотѣлъ его, просто, бросить на сцену....

Зенеида. А! бросить! въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же васъ лишать удовольствія.

Зарницынъ. Но вѣдь и вы также можете его бросить, если онъ вамъ ненуженъ, а если вы его не возьмете, такъ я его здѣсь же разорву.

Корицкая. А! въ такомъ случаѣ, позвольте ужъ лучше я возьму.

Зенеида. Maman! не берите.

Зарницынъ. Видите, Зенеида Павловна, ваша maman снисходительнѣе ко мнѣ....

Корицкая. Да, хоть вы совсѣмъ этого и не стоите; мы обѣ на васъ очень злы.... Что, вы сегодня въ креслахъ?

Зарницынъ. Самъ не знаю.... я взялъ №, только онъ мнѣ не нравится.

Корицкая. Если хотите, можете придти къ намъ въ ложу.

Зарницынъ. Благодарю васъ, я буду очень счастливъ; не знаю только, будетъ ли это пріятно Зенеидѣ Павловнѣ?

Зенеида. Мнѣ все равно, если maman угодно....

Корицкая. Видите какъ мы незлопамятны, а вы и забыли думать объ насъ.

Зарницынъ. Исправлюсь, право исправлюсь.

Корицкая. Ну.... ну, хорошо, хорошо, Богъ васъ проститъ.... До свиданія.... приходите же къ намъ въ ложу.

10761

Зарницынъ. До пріятнаго свиданія.

Зенеида. Ахъ, maman, какъ я вамъ благодарна!

Корицкая. То-то же; а ты еще меня удерживала. (*Уходятъ*).

—

IV.

ЗАРНИЦЫНЪ, потомъ НѢКТО.

Зарницынъ. Ахъ! какъ она похорошѣла — чудо! И какой милый характеръ! хочетъ позлиться и не можетъ.... Въ самомъ дѣлѣ.... я глупости надѣлалъ, надо опять съ ними сойтись.. Но что это значитъ.... неужели Сельскіе еще не пріѣхали? Восьмаго десять минутъ, неужели они не будутъ....

Нѣкто (*подходя*). Позвольте спросить: который у васъ часъ?

Зарницынъ. Извините пожалуйста, мнѣ некогда. (*Бѣжитъ и сталкивается съ Бурдюковымъ.*) Pardon!... (*Убѣгаетъ.*)

—

V.

БУРДЮКОВЪ и НѢКТО.

Бурдюковъ. Ничего-съ, не извольте безпокоиться.... О какое здѣсь прекрасное, учтивое общество.... Ахъ! какъ здѣсь важно! Экое зданіе, подумаешь!... Чудо! чудо!

Нѣкто. Вы, вѣрно, въ первый разъ разъ здѣсь изволите быть?...

Бурдюковъ. Въ первый, батюшка, въ первый; отродясь не бывалъ.... Чудо! чудо! просто глаза разбѣгаются. Скажите на милость, что же здѣсь такое?

Нѣкто. Это фойе.

Бурдюковъ. А! а! что же тутъ тоже представляютъ?

Нѣкто. Нѣтъ-съ, это просто зала.

Бурдюковъ. А, зала! славная зала! — Вѣдь здѣсь ходить позволяется?

Нѣкто. Какъ-же съ, эта зала нарочно устроена для публики; вотъ здѣсь дамы передъ зеркаломъ наряды свои поправляютъ.

Бурдюковъ. Такъ-съ, такъ-съ.... Экое зеркало! Поди-ко, чай, что заплачено! Чудо! чудо!

Нѣкто. Здѣсь тоже и маскарады бываютъ.

Бурдюковъ. И маскарады! а! а сегодня не будетъ маскарада?

Нѣкто. Нѣтъ-съ, сегодня не будетъ.

Бурдюковъ. Жалъ.... мнѣ бы все хотѣлось за разъ увидѣть.

Ну, ужъ Петербургъ, голова кругомъ пойдетъ, только повертывайся.

Нѣкто. Вы, вѣрно, изъ губерніи изволили пріѣхать?

Бурдюковъ. Издалека, батюшка, издалека.

Нѣкто. Да-съ, Петербургъ единственный городъ! — Вы изволите нюхать табакъ?

Бурдюковъ. Какъ же, батюшка, только извините не французской.

Нѣкто. О, помилуйте! — Это у васъ бумажная....

Бурдюковъ. Бумажная, батюшка.

Нѣкто. Покорно благодарю. (*Отходитъ.*)

Бурдюковъ. На здоровье, батюшка.

—

VI.

ТѢЖЕ и ЗУБКОВЪ.

Зубковъ. А вы здѣсь, дядюшка.... Зачѣмъ же вы вышли изъ креселъ.... я васъ хватился, думалъ что вамъ сдѣлалось дурно.

Бурдюковъ. Нѣтъ, Ваничка, мнѣ очень хорошо, не безпокойся, такъ хорошо, что и сказать нельзя.

Зубковъ. Такъ зачѣмъ же вы ушли?

Бурдюковъ. Да что же мнѣ тамъ дѣлать?... Мнѣ ужъ довольно.

Зубковъ. Какъ довольно.... вѣдь вы еще ничего не видали.

Бурдюковъ. Какъ, ничего? все видѣлъ.

Зубковъ. Чтожъ вы видѣли?

Бурдюковъ. Какъ, что? и люстру видѣлъ.... и большую картину видѣлъ.... и на публику наглядѣлся.... Такъ живо, шумно — весело — чудо! чудо! Подлѣ меня сѣли два такіе балагура, что-любо дорого слушать.... Потомъ музыка заиграла, потомъ подняли большую картину, вышли двое — какіе то во фракахъ, невзрачные собой, начали о чемъ то постороннемъ разговаривать, да таково что-то неявственно.... Сосѣди мои какъ нарочно замолчали, такая досада.... и кругомъ то же все притихло — ну, думаю себѣ, что ихъ слушать, пойду прогуляюсь по заламъ, здѣсь попрохладнѣе.... а то тамъ такая жара, что бѣда....

Зубковъ. Послушайте дядюшка.... вѣдь вы меня конфузите.... съ вами лопнетъ всякое терпѣніе.... Сами же говорили, что никогда не бывали въ театрѣ, отдыху не давали, чтобъ взялъ васъ.... Я хлопоталъ, насилу досталъ билеты, привезъ, усадилъ, а вы и смотрѣть не хотите.

*

Бурдюковъ. Да мнѣ довольно, Ваничка.... право довольно.... очень тебѣ благодаренъ.... Я вотъ здѣсь погуляю, да выпью тамъ чего-нибудь въ вашемъ буфетѣ.... вотъ куда мы давича заходили, да часовъ въ девять отправлюсь и на боковую.... Ты не безпокойся обо мнѣ....

Зубковъ. Да вѣдь послѣ водевиля начнется балетъ. Фанни Эльслеръ танцуетъ.

Бурдюковъ. Ну, пусть ее танцуетъ.... Ты обо мнѣ не безпокойся.... Мнѣ довольно, право довольно.

Зубковъ. Полноте пустяки говорить.... Пришли въ театръ, такъ сидите до конца, а то никуда васъ больше не повезу....

Бурдюковъ. Ну, ну пойдемъ — ужъ потѣшу тебя, такъ и быть; что съ тобою станешь дѣлать! *(Уходятъ.)*

—

VII.

БАРОНЪ и ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ольга Александровна. Я повторяю вамъ, баронъ, что это несносно.... Это хоть кого выведетъ изъ терпѣнія.... Вѣчно объ одномъ и томъ же.

Баронъ. Помилуйте, я не сказалъ вамъ ничего обиднаго. Мнѣ показалось только странно отчего Зарницынъ встрѣчается намъ первый всегда и всюду. Давича въ Лѣтнемъ саду, потомъ въ Пассажѣ, теперь въ театрѣ, короче сказать вездѣ.... Согласитесь, что это не можетъ быть дѣломъ одного случая.

Ольга. Почемъ я знаю, это не мое дѣло.

Баронъ. Отчего онъ, напримѣръ, не можетъ пройти мимо васъ, чтобъ не заговорить съ вами, хоть о погодѣ, если не придумаетъ чего-нибудь поумнѣе. Въ обществахъ онъ почти отъ васъ не отходитъ....

Ольга. Про васъ могутъ сказать тоже самое.

Баронъ. Мои лѣта и дружба съ вашимъ мужемъ не могутъ дать пищи злословію, но молодой человѣкъ, другое дѣло; въ свѣтѣ не задумаются вывести какое-нибудь невыгодное вамъ замѣчаніе.

Ольга. Мнѣ какое дѣло....

Баронъ. Напрасно; мужчина можетъ пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ, но женщина должна имъ дорожить.

Ольга. Благодарю васъ за наставленіе, только, кажется здѣсь имъ не мѣсто. Довольно того, что намъ иногда читаютъ скучныя лекціи на сценѣ, но если еще и въ театральномъ фойе мы долж-

ны ихъ слушать, такъ я первая откажусь отъ этого невиннаго удовольствія. Скажите вы мнѣ, въ свою очередь, баронъ, что заставляетъ васъ играть такую неблагодарную роль.... роль резонера въ родѣ опекуна....

Баронъ. Моя дружба къ вамъ, и....

Ольга. Опять! Прежде надо опредѣлить, что такое дружба.... По моему, дружба должна быть снисходительна, скромна, обязательна, а не такая, какъ ваша. Любовь можетъ считать себя вправѣ быть ревнивой, недовѣрчивой, но дружба никогда!

Баронъ. Вы правы; мы не понимаемъ другъ друга. Въ вашихъ глазахъ, дружба только привычка, а я думаю, что она можетъ иногда обратиться въ страсть.

Ольга. Тѣмъ хуже для нее. Этимъ дружба ничего не выиграетъ. Я бы не совѣтовала ей выступать изъ границъ спокойной умѣренности.

Баронъ. Теперь я благодарю васъ за наставленіе; но если вы не дорожите моей дружбой, такъ ваше доброе имя мнѣ дороже моего собственнаго.... а благосклонность, съ какою вы принимаете преслѣдованіе молодаго повѣсы, не только неблагоразумна, даже опасна....

Ольга. Перестаньте пожалуйста, развѣ мы въ лѣсу живемъ.... Человѣкъ, который ѣздитъ къ намъ въ домъ, будетъ публично убѣгать встрѣчи со мною.... тутъ нѣтъ никакого смысла....

Баронъ. Я не говорю, чтобъ онъ убѣгалъ отъ васъ, но желалъ бы, чтобъ онъ не бѣгалъ всюду за вами.

Ольга. Да-съ чего вы это берете? вотъ мы здѣсь минутъ десять, однакожъ его не видать....

Баронъ. Сію-минуту явится.... И, хоть онъ давича держалъ въ рукахъ билетъ въ креслы, но я увѣренъ, что онъ будетъ у васъ въ ложѣ.

Ольга. Вы увѣрены?

Баронъ. Готовъ биться объ закладъ....

Ольга (*отходя*). Не понимаю только изъ чего вы бьетесь.

—

VIII.

ТѢЖЕ, СЕЛЬСКІЙ и ЗАРНИЦЫНЪ.

Сельскій. Вотъ они! вотъ они.... Ступайте сюда. Ты, душенька, видѣла Евгенія Львовича?

Зарницынъ. Я ужъ имѣлъ честь....

Сельскій. Ну, а что Катерины Ивановны еще нѣтъ?

Ольга. Я не знала въ какой ложѣ мы сегодня будемъ и условилась съ ней подождать ее здѣсь, въ фойе.

Сельскій. Да что же это она такъ долго не ѣдетъ.... ужъ водевиль начали. Но знаешь что, мой другъ: у Евгенія Львовича кресла подлѣ журналистскихъ, а мнѣ очень нужно о многомъ переговорить съ Антипъ Антиповичемъ, такъ я просилъ его уступить мнѣ свой билетъ, а онъ сядетъ съ вами въ нашу ложу....

Зарницынъ (*всторону*). Только этого не доставало.... Самъ помогаетъ ему....

Сельскій. А вотъ и Катерина Ивановна.... Мы только васъ и дожидаемся.

—

IX.

ТѢЖЕ и КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Катерина. Pardon, pardon, ma chère. Я тебя задержала, но право это не моя вина.... Вообрази какое приключеніе.... мой Степанъ....

Сельскій. Вы объ немъ, тетушка, въ ложѣ разскажете; тамъ ужъ давно начали. Евгеній Петровичъ, прошу,... Ступайте же, ступайте.... Баронъ сейчасъ придетъ къ вамъ; мнѣ нужно сказать ему слова два.

Баронъ. Часъ отъ часу не легче.... (*Они уходятъ.*)

—

X.

СЕЛЬСКІЙ и БАРОНЪ.

Сельскій. Послушай, мой другъ; ты вѣдь коротко знакомъ съ Антипъ Антиповичемъ.... отрекомендуй меня ему, пожалуйста, и похвали ему мое новое сочиненіе, которое помѣщено въ журналѣ. Ты въ антрактѣ, послѣ водевиля, приходи въ кресла и мы устроимъ это дѣло.... До свиданія, мой дружечикъ! (*Уходитъ.*)

—

XI.

БАРОНЪ и НѢКТО, выходятъ изъ коридора.

Баронъ. Чудакъ! пишетъ и дѣлаетъ совершенныя глу-

пости и еще хочетъ, чтобъ его хвалили. Нѣтъ, я не пойду къ нимъ въ ложу.... они будутъ въ глаза надо мной смѣяться.... Уѣду домой....

Нѣкто. Извините, если я васъ обезпокою: который у васъ часъ?

Баронъ. Восьмаго половина.

Нѣкто. Покорнѣйше благодарю.... извините, что я васъ потревожилъ. (*Отходитъ.*)

Баронъ (*садится*). Да, чортъ возьми! изъ давнишняго разговора видно, что она не хочетъ больше слушать моихъ совѣтовъ.... Кончено, перестану ѣздить къ нимъ, уѣду вовсе изъ Петербурга.... уѣду на край свѣта!... однакожъ не войдти-ли хоть на минуту?... нѣтъ, нѣтъ, что за малодушіе!...

Нѣкто. Извините, пожалуйста.... позвольте попросить у васъ табачку.

Баронъ. Какъ надоѣлъ!... Кто нюхаетъ табакъ, тотъ носитъ съ собой свою табакерку.

Нѣкто. Совершенно справедливо, но я почти никогда не нюхаю, а теперь.... такъ-съ пришла фантазія.... (*Нюхаетъ табакъ.*) Какая прекрасная табакерочка — рококо! старинная вещь, должно быть.... ужъ нынче этакихъ не дѣлаютъ.... Покорно васъ благодарю. (*Отходитъ.*)

Баронъ. Однакожъ если я уѣду изъ театра, не сказавъ имъ ничего, что они обо мнѣ подумаютъ?... Пойду лучше къ нимъ.... но вотъ Зарницынъ вышелъ изъ ложи, оглядывается, подходитъ къ лампѣ, развертываетъ какую-то бумажку.... Что это значитъ.... оглядывается.... бѣжитъ сюда.... спрячусь. (*Уходитъ въ другія двери.*)

—

XII.

ЗАРНИЦЫНЪ одинъ.

Здѣсь никого нѣтъ.... Слава Богу! нашелъ мѣсто безъ свидѣтелей.... Письмо!... первое письмо отъ нее! О, я съ ума сойду отъ радости! Я не могъ дождаться антракта.... это было свыше силъ моихъ. Прочтемъ: «Со вчерашняго вечера я въ ужасномъ безпо«койствѣ и вы этому причиною. Вчера, будучи увѣрена, что встрѣ«чу васъ на несносномъ балѣ у Стройновскихъ по необдуман«ности я, послѣ долгой борьбы, написала къ вамъ пись«мо.... это была первая моя вина, за которой не замедлило и на«казаніе. Не имѣя привычки къ подобнымъ вещамъ, я не знала «куда мнѣ спрятать свою записку и рѣшилась положить ее въ

«перчатку; эта неосторожность была причиной ужасныхъ по-«слѣдствій.... На балу мнѣ сдѣлалось дурно; пришедъ въ чув-«ство, я увидѣла себя въ маленькомъ будуарѣ, окруженною тремя «дамами. Первая мысль моя была о запискѣ; я взглянула на руки, «онѣ были безъ перчатокъ.... перчатки лежали подлѣ меня на ди-«ванѣ.... я схватила ихъ — и вообразите мой ужасъ? записки «тамъ не было! Я посмотрѣла на окружавшихъ меня дамъ, и въ «одной изъ нихъ я узнала моего вѣчнаго врага — это сорокалѣт-«няя дѣвица Язвина, фаворитка вашей матушки.... Увидя ея злобную «улыбку, я все поняла, она похитила мою записку, она держитъ те-«перь въ рукахъ мою репутацію, спокойствіе, жизнь! — «Ахъ, про-«клятая Агафья!... недаромъ я ее всегда ненавидѣлъ.» — Ваши без-«престанныя письма, большую часть которыхъ я не принимала, «вынудили меня наконецъ, отвѣчать вамъ.... *Что* было въ моей «запискѣ, я не помню; вѣроятно много глупостей, но злословіе «съумѣетъ дать имъ преступный смыслъ.... Эта роковая записка «не должна быть въ ея власти, кому-же кромѣ васъ мнѣ ее воз-«вратить? Я хотѣла, было, отдать вамъ это письмо сегодня «утромъ въ Лѣтнемъ саду, но со мной былъ мой безотлучный «шпіонъ, онъ ужъ нѣсколько разъ намекалъ мнѣ объ васъ....»

О! я вырву у этой старой дуры записку вмѣстѣ съ ея жизнію, если она мнѣ не отдастъ ее добровольно!

—

XIII.

ЗАРНИЦЫНЪ и БАРОНЪ.

Баронъ. Что вы здѣсь дѣлаете, Евгеній Львовичъ.

Евгеній. Ахъ! (*Прячетъ записку въ жилетъ.*) Я.... я ничего.... я такъ....

Баронъ. Вы оставили вашихъ дамъ?

Евгеній. Да.... тамъ очень жарко! мнѣ сдѣлалось немножко дурно....

Баронъ. Въ самомъ дѣлѣ, вы такъ поблѣднѣли; я не ожидалъ, чтобъ у прежняго гусара были такіе слабые нервы. Впрочемъ, можетъ быть это отъ полнокровія, отъ избытка здоровья.

Евгеній. Избавьте меня, баронъ, отъ вашего участія.... Теперь, хоть не время и не мѣсто пускаться съ вами въ объясненія, ну да ужъ все равно, коли къ слову пришлось.... Мы, кажется, хорошо понимаемъ другъ друга, будемъ же вести открытую войну, какъ прилично благороднымъ соперникамъ.

Баронъ. А! вы первый бросаете мнѣ перчатку! Я въ свое время не отказывался ни отъ какого вызова, я самъ старый кавалеристъ, но теперь долженъ признаться, что бой нашъ будетъ неравенъ. Столько преимуществъ на вашей сторонѣ.

Евгеній. За то на вашей многолѣтняя опытность: одно другаго стоитъ.

Баронъ. Эта иронія доказываетъ, что вы увѣрены въ своей побѣдѣ надо мной?

Евгеній. Согласитесь, что для этого не надо еще имѣть много самолюбія.... а если вы не увѣрены въ своей силѣ, такъ не поднимайте перчатки.

Баронъ. Ну, ужъ нечего дѣлать, какъ-нибудь постараемся.

Евгеній. Это басня.... она можетъ быть столько же стара, сколько и несправедлива. Впрочемъ я позволяю вамъ употреблять всевозможныя хитрости.... но вся ваша старинная стратегія ни къ чему не послужитъ.

Баронъ. Посмотримъ, чья возьметъ.

Евгеній. Увидимъ кто проиграетъ.... Прощайте, баронъ. Прежде нежели вы соберетесь съ своими, силами я бы лучше вамъ посовѣтовалъ излѣчиться отъ своей слабости.

Баронъ. Благодарю васъ за совѣтъ, но это ужъ будетъ мое дѣло, Евгеній Львовичъ.

—

XIV.

ЕВГЕНІЙ, БАРОНЪ и ВАЛЬТРАПОВЪ.

Вальтраповъ. А! здравствуй Евгеній! я тебя искалъ.... мнѣ надо тебѣ сказать слова два...

Евгеній (*идетъ*). Мнѣ теперь некогда, извини пожалуйста.

Вальтраповъ. Постой, постой; я тебя не задержу: всего два слова.... Ecoutez, mon cher.... (*Уходитъ за нимъ.*)

—

XV.

БАРОНЪ одинъ, потомъ НѢКТО.

Баронъ. Эта записка отъ нее!... я въ этомъ увѣренъ.... онъ съ такимъ испугомъ спряталъ ее въ жилетку.... Но отчего-же, при чтеніи этой записки, онъ былъ такъ смущенъ, разстроенъ.... онъ даже

поблѣднѣлъ.... Отдалъ бы все, чтобъ только узнать, что въ этой запискѣ! Ахъ, голова идетъ кругомъ! (*Садится.*)

Некто. Бѣдный старичекъ.... онъ что-то не въ себѣ.... (*Подходитъ къ нему.*)

Баронъ. И она къ нему пишетъ! Это ужасно!

Некто. Извините, что безпокою... позвольте попросить у васъ.... не слышитъ.... прекрасно.... (*Оглядывается и лезетъ къ нему въ карманъ.*)

Баронъ. Писать къ повѣсѣ, ввѣрять доброе имя, репутацію — мальчишкѣ, который, можетъ быть, завтра же.... О! холодный потъ выступаетъ.... (*Хочетъ достать платокъ изъ кармана.*) Что это? кто тутъ?

Некто. Извините, вы были чѣмъ-то заняты, мнѣ было совѣстно васъ безпокоить второй разъ! у васъ такой прекрасный табакъ....

Баронъ (*хватаетъ его за воротникъ*). Ахъ, ты негодяй!

Некто. Пожалуста не обижайте меня.... я человѣкъ порядочный....

Баронъ. Это и по рукамъ видно.... Эй! капельдинеръ!

Некто. Ай-ай! кеске-се, кеске-се. Сенепабьенъ.... вы меня компрометируете, я по ошибкѣ.... по разсѣянности.

Баронъ (*держа его руку*). Капельдинеръ!

Некто. Лесе муа транкиль.... жеву запри! не срамите меня публично: шестеро дѣтей!...

Баронъ. Капельдинеръ!

Некто. Четверо, право, четверо!... не погубите, я самъ отслужу вамъ, ваше сіятельство.

Баронъ. Ахъ! какая мысль.... онъ самъ позволилъ мнѣ употреблять всякія хитрости. Поди сюда, чтобъ пуститься на такое опасное ремесло, надобно имѣть болѣе ловкости.

Некто. Вы меня обижаете, ваше сіятельство; еслибъ вы случайно не опустили руку въ карманъ, такъ вѣрно бы не почувствовали моей руки.... ручаюсь вамъ моею честью.

Баронъ. Ты я вижу только въ карманъ за словомъ не полезешь; ты, въ самомъ дѣлѣ, мастеръ своего дѣла. Хорошо же, если ты имѣешь такое высокое понятіе объ своемъ искусствѣ, я сейчасъ его испытаю.... хочешь-ли ты получить за свою ловкость двадцать пять рублей?

Некто. Какъ не хотѣть, ваше сіятельство.

Баронъ (*подводя къ двери.*) Поди же сюда.... А! онъ еще не ушелъ, на наше счастье. Видишь-ли ты тамъ въ корридорѣ мо-

лодаго человѣка, который разговариваетъ съ гусарскимъ офицеромъ? —

Нѣкто. Съ усами-съ? вижу-съ.

Баронъ. У него въ жилеткѣ, въ правомъ карманѣ спрятана бумажка.

Нѣкто. Ассигнація?

Баронъ. Нѣтъ, просто записка.... эту записку мнѣ надо имѣть, во чтобы то ни стало. Если ты ее достанешь, двадцать пять рублей твои.

Нѣкто. Серебромъ?

Баронъ. Да да.... Вотъ кончилась пьеса! теперь тамъ больше народу — не ошибись.

Нѣкто. Помилуйте, ваше сіятельство, за кого вы меня принимаете! (*Убѣгаетъ.*)

Баронъ. Что я дѣлаю.... Опомнись старикъ! до чего доходитъ твое сумасбродство! это низко! Не воротить ли его?... нѣтъ, теперь поздно.... вотъ онъ ужъ подлѣ него.... Что это?... онъ прикинулся пьянымъ, толкнулъ его, извиняется, кланяется ему, обнимаетъ — отходитъ отъ него: неужели все кончено?... О, это въ самомъ дѣлѣ Боско въ своемъ родѣ.

Нѣкто (*вбѣгаетъ*). Извольте посмотрѣть: она-ли?

Баронъ. Подай.... она! это ея рука.... Вотъ твои деньги и убирайся....

Нѣкто. Покорно благодарю.... Прошу быть впередъ знакомымъ... (*Всторону.*) Вмѣстѣ съ запиской я захватилъ золотые часы на память.... Сегодня довольно....

(*Убѣгаетъ.*)

Баронъ (*читаетъ письмо*). Не могу разобрать ни одного слова.... въ глазахъ темно.... Уѣду лучше домой....

—

XVI.

БАРОНЪ, ЕВГЕНІЙ и КАПЕЛЬДИНЕРЪ.

Евгеній. Я тебѣ говорю, что онъ сію-минуту пробѣжалъ сюда.... черноватый, низкаго росту.

Капельдинеръ. Здѣсь много такихъ, ваше высокоблагородіе, не распознаешь.

Баронъ. О чемъ вы хлопочете! Куда это вы бѣжите....

Евгеній. Отыскать мошенника, который укралъ у меня часы.... О, я его узнаю изъ тысячи.

Баронъ. Ахъ, негодяй!

XVII.

БАРОНЪ, КОРИЦКАЯ и ЗЕНЕИДА, съ букетомъ въ рукахъ.

Корицкая. Что это, Евгеній Петровичъ.... Куда вы такъ торопитесь.... Вы обѣщали придти къ намъ въ ложу.... мы васъ ждали, и между-тѣмъ....

Евгеній. Извините, пожалуйста.... Мнѣ никакъ нельзя.... Со мной случилось такое непріятное обстоятельство.... Я завтра буду честь имѣть.... (*Убѣгаетъ.*)

Корицкая. Что съ нимъ сдѣлалось? Что за отчаяніе!

Капельдинеръ. У нихъ сейчасъ вытащили золотые часы съ цѣпочкой.... Такое несчастіе.... можно сказать небывальщина....

Зенеида (*кидаетъ букетъ и бросается на шею къ матери*). Ахъ, маменька! Онъ меня не любитъ, онъ не стоитъ моей любви!

Корицкая. Ай, ай! ma chère! что это съ тобою? опомнись!... Вѣдь здѣсь публика! здѣсь не мѣсто падать въ обморокъ!... (*Баронъ поддерживаетъ Зенеиду.... нѣсколько лицъ входятъ въ разныя двери.*)

—

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДЮЖИННАЯ НЕВѢСТА И ТРИНАДЦАТЫЙ ЖЕНИХЪ.

Театръ представляетъ комнату.

I.

АГАТА, одна, сидитъ у стола и раскладываетъ карты.

Странно, очень странно!.... Вотъ ужъ третій разъ все одно и тоже.... Это что-то необыкновенно.... Конечно, карты пустяки; я имъ не вѣрю.... но отчего-же, именно, бубновый король не отходитъ отъ меня и червонная десятка подлѣ.... Очень, очень странно! Няня, няня Кузьминишна, Кузьминишна! Поди сюда!... Я воображаю, какъ она опять по своему начнетъ мнѣ растолковывать.... Пусть ее потѣшится.... Кузьминишна! (*Звонитъ.*)

—

II.

АГАТА и КУЗЬМИНИШНА

Кузьминишна. Иду, иду, барышня.... что прикажете?

Агата. Что ты тамъ дѣлала?

Кузьминишна. Да ничего, моя красавица кофеишку пожарила, да переварки на плиту поставила... А что? опять погадать, что-ли?

Агата. Да, мастерица, что и говорить.... Четвертаго дня, что ты ни гадала, все вышло на выворотъ.

Кузьминишна. А какъ-же? Вѣдь сказала, что будутъ непріятности отъ жлудоваго короля, такъ-таки и вышло.... Женишокъ-то вашъ и на попятный. Ну, да что за бѣда; дурной женихъ сватается, хорошему дорогу прокладываетъ. Покажитко, моя косаточка, каково-то теперича. Ахъ! батюшки-свѣты! Какъ прекрасно. Ну, помяните мое слово, коли вамъ сегодня, али завтра, не будутъ говорить о бубновомъ королѣ.... Право такъ.... я вѣдь не свое говорю, такъ карты легли.... Сами видите.... вотъ и свадьба и богатѣйшій женихъ — и карета.

Агата. Что за вздоръ.... Гдѣ ты тутъ нашла карету?

Кузьминишна. А вотъ эта-то? Какъ же не карета, карета! четверка.... право четверка. Ну матушка, Агафья Марковна, честь имѣю проздравить съ богатымъ женихомъ.

Агата. Да также, какъ на прошлой недѣлѣ.

Кузьминишна. А что-жъ? вѣдь говорила, что будутъ свататься, такъ и вышло, а что разошлось, такъ ужъ это случай такой.... ужъ супротивъ эвтово картамъ дѣлать нечего.... Покажитко, что у тебя на сердцѣ?... ну, свадьба, такъ и есть свадьба.... да еще съ молодымъ, бѣлокурымъ.... да чуть-ли не съ княземъ, али графомъ, али анараломъ....

Агата (*самодовольно*). Полно, полно хвастать, Кузьминишна.

Кузьминишна. Ужъ что себѣ хочешь, а мое почтеніе, будешь енаральша!

Агата. Ха, ха, ха! полно, полно, не смѣши.... Я генеральша.

Кузьминишна. А что-жъ мудренаго, матушка барышня? есть и хуже васъ, да въ великой чести живутъ, а вы еще моя желанная, не то, чтобы того.... право.... славная невѣста. Вѣдь любовь слѣпа, матушка; не по хорошу милъ, а по милу хорошъ; авось и на нашей улицѣ будетъ праздникъ.

Агата Ну довольно, довольно, поди лучше мели свой кофей.

Кузьминишна Ужъ быть тебѣ за енараломъ!... Вспомяни мое

слово!... Ей-ей, такъ! енаральша да и полно!... ужъ посмотрите Одначе пойду погляжу на переварки!... (*Уходитъ.*)

—

III.

АГАТА, одна.

Какая смѣшная! Какъ эти люди суевѣрны! Вѣдь теперь ее ничѣмъ не разувѣришь.... вбила себѣ въ голову. (*Подходя къ зеркалу.*) А что-же, въ-самомъ-дѣлѣ.... Что-жъ тутъ мудренаго. Мало-ли чего ни бываетъ на свѣтѣ.... Вѣдь не также я дурна.... чтобъ.... да, нѣтъ не хочу генерала; въ этомъ чинѣ трудно найти молодыхъ лѣтъ.... Хорошо-бы й полковника, только гвардейскаго! Впрочемъ и въ арміи есть молодцы и богатые люди.... Признаюсь... это было-бы очень, очень хорошо.... Лакей войдетъ съ докладомъ, полковница такая-то; — мило! деликатно! Ну, а еслибы штатскаго? Что жъ иной и штатской очень репрезентабеленъ, напримѣръ статскій совѣтникъ.... не дурно, можно ѣздить четверней.... Какую-бы карету заказать?... Орель д'урсъ.... Это такъ благородно.... Въ-самомъ дѣлѣ: четыре раза одинаково ложатся карты.... Неужели это просто случай? Что если на этой недѣлѣ, гдѣ-нибудь въ обществѣ.... мой суженый подойдетъ ко мнѣ и скажетъ глухимъ сердечнымъ, едва слышнымъ голосомъ: «Агата! умоляю васъ!...» — «Что это значитъ, сударь? чего вы хотите?» — «Вашей любви! вашей благосклонности....» — «Ахъ, мосье.... Я не сомнѣваюсь въ искренности вашихъ намѣреній.» — «Можно ли имѣть другія намѣренія на такую дѣвицу, какъ вы!...» — «Но я право не знаю....» — «Что-же можетъ быть препятствіемъ?... неужели счастливый соперникъ?» — «Нѣтъ, нѣтъ, будьте увѣрены.» — «Онъ подходитъ ближе, беретъ меня за руку.... я закрываюсь платкомъ, будто краснѣю.... онъ становится на колѣни.» Агата! Агата! любовь до гроба!» — Что вы дѣлаете? — Ну, если кто-нибудь войдетъ сюда.... Ахъ, дверь отворяется....

—

IV.

АГАТА и ЗАРНИЦЫНА.

Зарницына. Здравствуй, Агата.... здравствуй, душа моя.

Агата. Ахъ, Софья Сергѣевна, какимъ случаемъ? Я никакъ не ожидала, садитесь, садитесь, пожалуйста....

Зарницына. Некогда, ma chère, я ѣду обѣдать къ Загорскому

и только на минутку завернула къ тебѣ. Я хотѣла было написать къ тебѣ, но не могла лишить себя удовольствія прочесть на твоемъ лицѣ изумленіе, восторгъ, которые непремѣнно должны быть отъ моей новости. Поздравляю тебя, мой дружечикъ.... Чудесная партія.... Деревня въ Смоленской губерніи, сорокъ тысячъ годоваго доходу, каменный домъ на Гороховой и титулъ вашего высокородія, каково? Что-жъ ты ничего не отвѣчаешь?

Агата. Постойте, постойте, я ничего не могу понять.... Сорокъ тысячъ въ Смоленской.... деревня въ Гороховой.... Что я такое напутала.... сама не помню.... Позвольте опомниться.

Зарницына. Лучшаго жениха тебѣ и желать нечего.

Агата. Женихъ! женихъ! Ахъ, маменька! Если это сонъ, не будите меня.... дайте мнѣ еще побредить, помечтать.

Зарницына. Мнѣ и самой все это кажется какъ во снѣ.... Такъ это неожиданно....

Агата. Неужели это правда?... Ахъ, умру, умру съ радости!

Зарницына. Напротивъ, ты теперь только жить начнешь, хоть немножко поздно, да все равно....

Агата. Позвольте мнѣ поцѣловать вашу благодѣтельную ручку.... Слезы рѣкой льются.... и признательное сердце, полное благодарности....

Зарницына. Полно, полно, Агата, успокойся....

Агата (*утирая слезы*). Не могу, маменька, не могу!

Зарницына. Но ты меня не спрашиваешь объ его имени.

Агата. Ахъ, я сама себя не помню отъ радости. Какихъ онъ лѣтъ, маменька?

Зарницына. Ну, опять за старое.... Это послѣднее дѣло, сударыня.... Конечно онъ не очень молодъ, но еще молодецъ хоть куда! Однимъ словомъ это.... баронъ Вильвицкій.

Агата. Баронъ Вильвицкій! Я буду баронеса! Ахъ какое счастіе.... но какъ же это случилось? Мнѣ казалось напротивъ, что онъ не обращалъ на меня никогда никакого вниманія.... Вамъ извѣстно, что онъ занимался Сельской....

Зарницына. Что тебѣ до этого.... Сперва былъ влюбленъ въ нее, потомъ разлюбилъ.

Агата. Ну, а если онъ женится на мнѣ съ отчаянія?

Зарницына. Какая ты смѣшная, Агата! Кажется въ твои годы нельзя имѣть претензіи на первую любовь. Онъ любилъ женщину, на которой не могъ жениться и рѣшился очень благоразумно жениться на другой, которую полюбитъ со временемъ...

Только ты его не разочаровывай, старайся ему нравиться.... Будь скромна и любезна.

Агата. О, маменька, для васъ я готова на всякую жертву.

Зарницына. Смотри-же, завтра вы оба у меня обѣдаете. Баронъ хоть просилъ меня предупредить тебя объ его сватовствѣ, но ты все-таки и виду не показывай.

Агата. Не покажу, маменька, ни зачто не покажу.

Зарницына. Смотри-же, веди себя при немъ осторожно, онъ говорилъ, что скромность въ дѣвицѣ ему всего дороже.... Однако-жъ, прощай, ma chere, меня ждутъ; у Загорскихъ рано обѣдаютъ.

Агата. Ахъ, maman! чѣмъ я вамъ заплачу за ваше обо мнѣ попеченіе.

Зарницына. Погоди, погоди, платятъ, когда уже со всѣмъ купятъ, а намъ прежде надо подумать, какъ бы товаръ лицомъ продать....

Агата. Да, да, посовѣтуйте: какое платье мнѣ лучше къ лицу.... вер-де-помъ, сомонъ или голубое.... розе ужъ намозолило глаза.

Зарницына. Мы завтра поговоримъ объ этомъ.... Ты поутру заѣдешь ко мнѣ.....

Агата. Непремѣнно, маменька.... А что на голову, какъ вы думаете.... Фероньеру, или цвѣточекъ?...

Зарницына. Завтра, завтра; еще будетъ время.

Агата. Конечно-съ.... конечно — ну, а на шею? вы не одолжители своего фермуара.... или ужъ это будетъ слишкомъ по купечески?

Зарницына. Прощай, прощай до завтра!

Агата. Прощайте, милая маменька-съ, прощайте.... Ваше превосходительство. Mille grâces, mille grâces, будьте здоровы! (*Провожаетъ ее.*)

—

V.

АГАТА, одна.

Ахъ! Боже мой! какое счастіе! — Вотъ сюрпризъ!... Вотъ благополучіе! Конечно, ему ужъ за пятьдесятъ, да это надежнѣе.... Это лучше, вѣрнѣе.... Постоянство въ мужьяхъ нынче большая рѣдкость, а за молодымъ не углядишь; за то теперь меня ужъ небудутъ называть Агафьей Марковной! Нѣтъ, кончено! На визитныхъ карточкахъ: баронесса такая-то, на конвертахъ: Ея Высоко-

родію — баронессѣ такой-то. Жандармъ у подъѣзда закричитъ: «Карета баронесы Вильвицкой готова!... Въ новый годъ пріѣду съ поздравленіемъ, иные даже подойдутъ къ рукѣ.... скажутъ....

—

VI.

АГАТА и КУЗЬМИНИШНА.

Кузьминишна (*цѣлуя ея руку*). Проздравляю, матушка барышня, проздравляю....

Агата. Фу! какъ ты меня испугала!... Развѣ ты ужъ знаешь?

Кузьминишна. Дверь-то неплотно была притворена, такъ я словечка не проронила, и не смѣла только войти, чтобъ генеральша не подумала, что я подслушивала у дверей. Ну, что, матушка барышня? Какова я угадчица? — каковы карты?... Вотъ вы сумлевались, а все вышло точь-въ-точь, какъ я говорила. Вотъ вамъ и червонная десятка, вотъ и женихъ словно снѣгъ на голову.

Агата. Да только не молодой, какъ ты пророчила.

Кузьминишна. А что-жъ, по картамъ выходилъ бѣлокурый, ну а тутъ, можетъ, съ просѣдью, разница маханькая; за то въ другомъ прочемъ ни словечка не соврала.

Агата. Ну и не генералъ, а просто баронъ.

Кузьминишна. Да это еще лучше.... вѣдь баронъ, я чай, важнѣе анарала.... Проздравляю, ваше превосходительство!

Агата. Спасибо, спасибо, Кузьминишна. Вотъ тебѣ двугривенный пока на кофей, а завтра цѣлковаго не пожалѣю!

Кузьминишна. Дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь!... Какова-же Кузьминишна-то? Вотъ можно сказать не колдунья, а угадчица.

Агата. Одно не хорошо — онъ тринадцатой женихъ, счетъ-то такой непріятной.

Кузьминишна. Э! прійдетъ пора, мать моя, да обочтешься въ расчетѣ, такъ и за пятнадцатаго рада выйти.

Агата. Принеси сюда всѣ мои платья и картоны.

Кузьминишна. Сейчасъ, матушка....

Агата. Постой! постой!... Посмотри-ко издали: какъ-будто у меня пятна на лицѣ.... Пройдетъ-ли это къ завтраму.

Кузьминишна. Ничего, матушка барышня, незамѣтно. И зрѣлое яблочко бываетъ иногда съ пятнышками, али съ изъянчикомъ, да на скусъ хорошо.

Агата. Нѣтъ, надо купить новаго умыванья, старое совсѣмъ испортилось.... А можетъ-быть это просто отъ волненія.... кровь

бросилась въ лицо.... и въ ногахъ такая слабость.... Свари-ко мнѣ покрѣпче кофею, только безъ цикорію....

Кузьминишна. Сейчасъ, ваше превосходительство! — у меня ужъ переварки готовы. (*Уходитъ.*)

—

VII.

АГАТА, одна.

Я думаю въ короткихъ рукавахъ не годится.... розовое платье надо перешить.... тутъ все такія противныя складки.... да и голубое точно мѣшокъ.... Ахъ, какъ это странно право.... ждешь, ждешь замужества, а какъ придетъ къ дѣлу, такъ растеряешься, что не знаешь даже что и надѣть.... Право, все это такъ скоро.... такъ неожиданно.... не успѣешь и приготовиться....

—

VIII.

АГАТА и КУЗЬМИНИШНА.

Кузьминишна (*вполголоса*). Пришелъ! пришелъ! матушка барышня, самъ, самъ пришелъ!!

Агата. Что ты съ ума сошла!

Кузьминишна. Пришелъ! въ передней дожидается.... Такъ темно — таково: въ лицо-то не видала, а спросила — какъ дескать объ васъ доложить, а онъ говоритъ баронъ мылъ Влитскій.... такъ что-ли?...

Агата. Онъ! онъ.... въ-самомъ-дѣлѣ.... что это значитъ.... Какъ мнѣ быть.... Я растерялась, ума не приложу.... Вѣрно онъ не могъ дождаться завтрашняго дня.... торопится. Но я такъ дурно одѣта.... причесана не къ лицу.... всѣ чувства взволнованы.... Здѣсь, кажется, жаренымъ кофеемъ пахнетъ. Поставь сюда курилокъ, убери карты.... ахъ, а Степаниду-то я отпустила со двора.... некому меня одѣть.... Я пойду поправиться, а ты попроси его, какъ можно учтивѣе, здѣсь подождать.... Я сію-минуту выйду. (*Убѣгаетъ*).

Кузьминишна. Ну, ужъ аказія! Вотъ и бубновой король пожаловалъ! (*Отворяя середніе двери.*) Пожалуйте, ваше превосходительство.

—

КУЗЬМИНИШНА и БАРОНЪ ВИЛЬВИЦКІЙ.

Кузьминишна. Барышня сейчасъ изволитъ выйдти, батюшка,

дѣло дѣвичье; пошла маленько приправиться. Садитесь, ваше превосходительство, а я покамѣстъ покурю немножко.... Кофеишко жарили.... не прогнѣвайтесь, ваше превосходительство.

Баронъ. Благодарю, голубушка.... Поди, дѣлай, что тебѣ нужно, я подожду. (*Садится.*)

Кузьминишна. Извините, батюшка; горничную-то барышня сегодня отпустила со двора; каждую недѣлю просится.... Что прикажете дѣлать.... молода, не сидится на мѣстѣ; а вотъ послѣ, какъ отпустятъ, такъ и будетъ безъ мѣста шляться....

Баронъ (*не слушая ее*). Хорошо хорошо.... ступай, ступай!

Кузьминишна (*идетъ и возвращается*). Я, батюшка, ваше превосходительство, такъ обрадовалась, какъ вы изволили къ намъ пожаловать.... Охъ, дѣвичье житье не малина.... она, моя красавица, словно свѣча таетъ! Вотъ, хоша примѣрно сказать, и мое вдовье дѣло.... Я вѣдь ее, сударь мой, вынянчила.... вотъ вѣдь какую взяла на свои руки.... Таперича я у нее гощу, а живу-то я на фатерѣ въ Гавани, знаете, что супротивъ восьмнадцатой линіи....

Баронъ. Довольно, довольно.... Оставь меня пожалуйста.

Кузьминишна. Слушаю, ваше превосходительство (*всторону*). Ну, что-жъ напорядкахъ, право! Такъ маленько посморщился; да вѣдь и моя-то краля не ахти мнѣ, а этотъ, видишь, какой тузъ! козыремъ глядитъ.... поditка, на четвернѣ съ холопомъ ѣздитъ. (*Уходитъ.*)

—

X.

Баронъ, одинъ.

Хорошо, что ее здѣсь нѣтъ.... Я успѣю обдумать планъ моей атаки. Двадцать разъ я перечитывалъ это письмо и не могъ разгадать причины такой непримиримой ненависти.... но Софья Сергѣевна проговорилась и теперь мнѣ все понятно. Благодаря этой счастливой выдумкѣ, ея репутація не пострадаетъ.... Я спасу ее.... А вотъ и она....

—

XI.

Баронъ и **Агата** переодѣтая, потомъ **Кузьминишна**.

Агата. Извините, баронъ, я васъ заставила дожидаться.

Баронъ. Я долженъ извиниться передъ вами, сударыня, въ моей поспѣшности.... Неожиданное мое посѣщеніе, вѣроятно, васъ удивляетъ?

Агата. Я ни какъ не смѣла надѣяться такой чести, баронъ... Пожалуйста простите мое смущеніе.... неловкость.... я.... вы.... покорно прошу садиться.

Баронъ (*беретъ стулъ*). Благодарю васъ.

Агата. Гм! гм! Сегодня такая пасмурная погода; вы конечно въ закрытомъ экипажѣ изволили пріѣхать....

Кузьминишна (*входитъ съ курильницей*). Ну, вотъ теперь... здѣсь будетъ словно въ конфетной лавкѣ....

Агата (*тихо*). Поди прочь!... Поди прочь!...

Кузьминишна. Да вѣдь ты же сама велѣла покурить....

Агата. О! какая несносная!... Поди прочь тебѣ говорятъ!... (*Кузьминишна уходитъ.*)

Агата. Вы застали мой маленькой менажъ не совсѣмъ въ порядкѣ, мнѣ такъ совѣстно....

Баронъ. Не безпокойтесь, пожалуйста.

Агата. Гм! гм! Софья Сергѣвна только что передъ вами уѣхала отъ меня.

Баронъ. Да, я просилъ ее, чтобъ она доставила мнѣ случай имѣть честь познакомиться съ вами покороче; она, можетъ-быть, уже поторопилась передать вамъ о моемъ предложеніи.... но одно неожиданное обстоятельство, которое случилось часомъ позже, послѣ моего посѣщенія къ ней, произвело въ прежнемъ моемъ намѣреніи значительную перемѣну.

Агата. Перемѣну?

Баронъ. Она, конечно, сказала вамъ, что послѣ долгой, внутренней борьбы, я рѣшился наконецъ на важный шагъ въ своей жизни; но, можетъ быть, она скрыла отъ васъ настоящую причину, которая побудила меня къ тому....

Агата. Она слегка намекнула....

Баронъ. О, въ такомъ случаѣ, мнѣ будетъ легче досказать остальное.... Одна молодая женщина, которой, можетъ быть, вы не знаете....

Агата. (*живо*) Знаю, и очень, очень знаю....

Баронъ. А! вы знаете.... Стало быть вамъ извѣстно, что я.... я любилъ ее.... и, ослѣпленный безумной страстію, я поклялся даже никогда не жениться.

Агата. Однакожъ вы перемѣнили намѣреніе?

Баронъ. Да, но вотъ, по какой причинѣ. Я узналъ, что эта молодая женщина, которой я готовъ былъ принесть въ жертву мою будущность была недостойна этой жертвы.... что она, забывъ свои обязанности, отдала свое сердце молодому повѣсѣ....

Агата. Да-съ, и я тоже это слышала.... Есть такія непостоянныя женщины.

Баронъ. Да, но есть и такія, на которыхъ клевещутъ: клевета, какъ червякъ, точитъ только сладкіе и хорошіе плоды, а дурное рѣдко тронетъ.

Агата. Что же вы хотите этимъ сказать, баронъ? не то ли, что эту молодую даму оклеветали.

Баронъ. Да, сударыня, ее оклеветали, безсовѣстно оклеветали.... Письма, которыя, будто бы, она писала къ моему сопернику, никогда не существовали.... это была адская выдумка ея завистниковъ.

Агата. А! такъ вамъ говорили и о письмахъ.

Баронъ. О, чего мнѣ объ ней не говорили. Наконецъ, я сейчасъ узналъ, что все слышанное мною, явная безсмыслица, и клевета.... и что эта женщина чиста, невинна и вполнѣ достойна моего уваженія.

Агата (*съ злобной усмѣшкой*). Гм! невинна! достойна уваженія!...

Баронъ. Теперь мнѣ остается прибѣгнуть къ вашей снисходительности, къ вашему великодушію. Чистосердечно признаюсь вамъ, что съ той минуты, какъ я узналъ о невинности извѣстной вамъ особы, я снова навсегда рѣшился отказаться отъ женитьбы.

Агата. Отказаться! Опять?...

Баронъ. Мнѣ очень прискорбно, что давича я не засталъ Софьи Сергѣвны, не успѣлъ остановить ее, но какъ быть: сдѣланнаго не воротишь. О моемъ опрометчивомъ сватовствѣ, кромѣ насъ троихъ, никто еще не знаетъ,—я умоляю васъ о прощеніи.... О, повѣрьте, Агафья Марковна, еслибъ не клятва моя, еслибъ я былъ свободенъ, я бы точно почелъ за счастіе просить вашей руки.

Агата (*съ кислой улыбкой*). Благодарю васъ покорно.... И такъ вы увѣрены въ добродѣтели этой прекрасной женщины.

Баронъ. Какъ въ собственной чести: она невинна и эта ничтожная клевета даетъ ей только новыя права на мою любовь и уваженіе.

Агата. Это уже слишкомъ!... Я должна вамъ открыть глаза....

Баронъ. Что это значитъ?

Агата. У васъ рыцарская честность, баронъ.... но у меня есть доказательства, что на вашу даму не клевещутъ.

Баронъ. Возможно-ли?

Агата. Что я дѣлаю!... я никогда никого не осуждаю: это

грѣшно; но я не могу, я не должна молчать....

Баронъ. Ахъ, не мучьте меня, объясните....

Агата. Такъ и быть.... Знаете ли вы ея руку?

Баронъ. Знаю.... знаю....

Агата (*вынимаетъ письмо изъ ящика*). Такъ неугодно ли вамъ прочесть эту записку....

Баронъ (*притворно удивленный*). Да... да.... это ея рука! Какъ попалась къ вамъ эта записка?

Агата. Я нашла ее во время вчерашняго бала на полу, случайно.... со всѣмъ не думая.... и какое мнѣ дѣло.... Я, напротивъ, хотѣла возвратить эту записку ей самой.... Я терпѣть не могу злословія, а тѣмъ болѣе клеветать на кого-нибудь.. Скромность мой единственный порокъ.... Но есть женщины такой нравственности, такого непонятнаго поведенія, о которыхъ и говорить-бы никогда не хотѣла!

Баронъ. Вы правы. Не должно говорить о тѣхъ женщинахъ, которыя кажутся достойными порицаній, потому только что въ свѣтѣ нельзя ни чѣмъ оправдать забвенія своихъ обязаностей, хотя бываютъ случаи, гдѣ неопытность молодости уменьшаетъ вину въ глазахъ благородныхъ людей. Но что сказать о тѣхъ вредныхъ женщинахъ, которыхъ цѣль жизни — злословіе и зависть, которыя не слышали отъ мужчинъ ни одного страстнаго слова, не встрѣчали ни одного нѣжнаго взгляда... и оттого ненавидятъ все то что блистаетъ, что можетъ нравиться; которыя подглядываютъ, подслушиваютъ, потому-что на нихъ никто не хочетъ глядѣть, ихъ никто не хочетъ слушать. Вотъ, сударыня, женщины, которыя достойны сожалѣнія: онѣ дѣйствительно жалки, несчастны!

Агата. Что значатъ слова ваши, баронъ?.. объясните.

Баронъ. Кажется это довольно ясно! Если вы мои слова приняли на свой счетъ, я не нахожу нужнымъ васъ разувѣрять.

Агата. Баронъ, это жестоко.... это низко! Вотъ какъ вы платите за мою довѣренность.

Баронъ. Долгъ красенъ платежомъ, сударыня.

Агата. Отдайте мнѣ эту записку....

Баронъ. Вы хотѣли ее возвратить той, у кого она похищена вами.... Я беру на себя эту обязанность. Позвольте-же мнѣ теперь навсегда вамъ откланяться. Записка въ моихъ рукахъ; больше мнѣ ничего отъ васъ не нужно; я за ней только и пришелъ къ вамъ.... Вашъ покорный слуга. (*Уходитъ.*)

—

XII.

АГАТА одна, потомъ КУЗЬМИНИШНА.

Агата. Это ужасно!... это безчеловѣчно! Тринадцатый! мужчины, варвары! чудовища! Я васъ всѣхъ презираю, ненавижу!... Ахъ! дурно.... дурно, какъ никогда не бывало. (*Садится.*)

Кузьминишна. Проздравляю, ваше превосходительство! Ну, матушка барышня каковы мои картишки! Какова я? Вотъ мы и будемъ за анараломъ!... Знай нашихъ! Когда-же свадьба то, матушка?

Агата. Оставь меня, старая колдунья!

Кузьминишна. Какъ такъ? За что, про что?

Агата. Поди вонъ, говорю я тебѣ.... возьми эти проклятыя карты.... Сожги ихъ.... чтобъ я ихъ никогда не видала!

Кузьминишна. Что съ тобой, моя родная, прилучилося? али свадьба то разошлась? да чѣмъ-же ты ему не понравилась? Чего лучше тебя? али годковъ тебѣ много.... али приданаго мало? ахъ, онъ негодный!... Видишь — старъ, старъ, а помоложе хочетъ.... Да еслибъ я знала, я бы его на порогъ не пустила.... даромъ что онъ баронскаго отродія. Видишь, какой мазурикъ выѣхалъ!

Агата. Ступай въ кухню!... ты меня мучишь своей болтовней!

Кузьминишна (*плача*). Ахти! грѣхъ какой! Вотъ ужъ правда: не всякой женится, кто посватается. Вотъ поспѣшили, да людей насмѣшили. Вотъ теперь и утирай кулакомъ слезы. (*Уходитъ.*)

Агата. Зачѣмъ я ему отдала это проклятое письмо! что мнѣ дѣлать... Поѣду къ Софьѣ Сергѣвнѣ.... разскажу ей все, онъ насъ обѣихъ одурачилъ.... Ахъ, я забыла, теперь ее нѣтъ дома.... Не знаю на что рѣшиться.

Кузьминишна (*входитъ*). Матушка барышня.... пришелъ... пришелъ еще кто-то.... Ужъ это не настоящій ли баронъ.... прикажете пустить?

Агата. Я никого не хочу видѣть.... никого! никого!...

—

XIII.

ТѢЖЕ и ЕВГЕНІЙ.

Евгеній. Какъ? даже и меня?... За что такая немилость.

Агата. Ахъ, Евгеній Львовичъ! Это вы!

Евгеній. Къ вашимъ услугамъ. Ну, тетушка.... ты поди отсюда, тебѣ здѣсь нечего дѣлать....

Кузьминишна. Слушаю, батюшка. Ну, ужъ денекъ выдался: отъ жениховъ отбою нѣтъ! (*Уходитъ.*)

Евгеній. Извините, мадемуазель Агатъ, что я обезпокоилъ васъ, но дѣло довольно важное, нельзя откладывать до завтра.

Агата. Что же вамъ угодно?

Евгеній. Маленькаго объясненія.

Агата. Объясненія?

Евгеній. Не любовнаго, не бойтесь.... По этой части вы ужъ давно застрахованы. Давича я два раза пріѣзжалъ къ вамъ, да не заставалъ васъ дома. Теперь надѣюсь быть счастливѣе: мнѣ надо покончить съ вами старые счеты, предложить полюбовную сдѣлку.... и напомнить вамъ кое-что прошедшее. Конечно, съ тѣхъ-поръ много воды утекло, но говорятъ старая любовь не ржавѣетъ.

Агата. Какъ? вы еще помните объ моей глупости! вы дали мнѣ слово — все забыть....

Евгеній. Нѣтъ, я ужасно злопамятенъ.

Агата. Но это было, просто, ребячество.

Евгеній. Да, конечно, пять лѣтъ тому назадъ у васъ были точно дѣтскія мысли.

Агата. Перестаньте пожалуйста... Я теперь совсѣмъ не расположена къ шуткамъ.

Евгеній. А я еще менѣе.

Агата. Такъ что-же вамъ надобно?

Евгеній. Мнѣ нужно посовѣтоваться съ вами... Я хочу участвовать въ одномъ журналѣ....

Агата. Какое же мнѣ до этого дѣло?

Евгеній. Погодите, погодите. Я хочу кое-что напечатать.... но такъ какъ сочинять я не мастеръ, то мнѣ бы хотѣлось чужое сочиненіе выдать за свое; однако-жъ, прежде надо спросить согласія у автора. И вотъ по какому случаю я къ вамъ явился.

Агата. Что вы такое говорите?... Я ничего не понимаю.

Евгеній. Не понимаете? Какъ у дѣвушекъ-то память коротка.... ну, такъ я вамъ скажу короче: у меня еще въ цѣлости двѣ прелестныя записки вашего сочиненія.

Агата. Какъ? возможно-ли?!

Евгеній. Что-жъ тутъ удивительнаго?

Агата. Но вы пять лѣтъ назадъ, по моей просьбѣ, при мнѣ же ихъ сожгли.

Евгеній. Нѣтъ, это былъ фокусъ, Агафья Марковна, у меня

были подготовлены копіи, а оригиналы я хотѣлъ сохранить для потомства: у меня цѣлая коллекція такихъ сочиненій.

Агата. Это ужасно! Это безсовѣстно! Пользоваться минутнымъ заблужденіемъ....

Евгеній. Ну, мудрено написать два письма въ минуту, особенно такія длинныя — посмотрите-ко....

Агата. Ахъ! мнѣ дурно....

Евгеній. Тѣмъ хуже для васъ.... Если вы упадете въ обморокъ, я уйду и завтра-же ваше сочиненіе явится въ печати, даже съ факсимелемъ и съ разными коментаріями.

Агата. Но что я вамъ сдѣлала? за что вы хотите очернить мою репутацію?...

Евгеній. А зачѣмъ-же вы сами вытаскиваете чужія письма изъ *лайковыхъ* перчатокъ?

Агата. Опять эта проклятая записка! цѣлый день меня ею мучатъ и терзаютъ!

Евгеній. А! теперь вы поняли въ чемъ дѣло! Вотъ то-то и дѣло, Агафья Марковна, не надо похищать чужія записки, когда вы еще своихъ не получили обратно. Теперь не угодно-ли вамъ со мною размѣняться. Кажется нельзя быть съ моей стороны великодушнѣе.

Агата. Ахъ, да я!... Я сама хотѣла вамъ отдать эту несчастную записку.

Евгеній. Вотъ это очень благоразумно. Пожалуйте-же мнѣ ее и мы разстанемся друзьями.

Агата. Но у меня ее нѣтъ....

Евгеній. Что-же, вы ее потеряли?

Агата. Нѣтъ.... но.. несчастный случай.... обстоятельство.... у меня взяли ее почти насильно....

Евгеній. Почти! Послушайте, сударыня, человѣкъ только тогда лжетъ, когда увѣренъ, что можетъ этимъ обмануть другаго, но я никто другой.... Меня вы не проведете.... Говорите-же правду, а не то я сію-же минуту отправляюсь въ типографію.

Агата. Клянусь вамъ, что у меня ее вырвали изъ рукъ....

Евгеній. Кто?

Агата. Баронъ Вильвицкій.

Евгеній. Баронъ? возможно-ли?

Агата. Да, онъ пріѣзжалъ сюда за нѣсколько минутъ до вашего прихода.... По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, я должна была показать ему эту записку — и онъ увезъ ее съ собою.

Евгеній. А! Почтенный баронъ!... Это слишкомъ! Онъ надѣется на свои сѣдины, но я съ нимъ раздѣлаюсь!... Сейчасъ же

отправлюсь къ нему.... А вы, сударыня, приготовьтесь: если я не получу обратно этой записки, которая мнѣ всего дороже на свѣтѣ, кончено! ваше сочиненіе разойдется, не только по всему Петербургу, по всей Россіи.... прощайте. (*Быстро уходитъ.*)

—

XIV.

АГАТА, потомъ КУЗЬМИНИШНА.

Агата. Евгеній Львовичъ! Евгеній Львовичъ! — все кончено.... Я погибла!... Ахъ, Боже мой! кто-бы могъ ожидать такой ужасной исторіи изъ этой несчастной записки!... Я задыхаюсь.... отъ стыда и отъ досады! ахъ.... дурно! дурно!...

Кузьминишна (*въ дверяхъ*). Экой сорванецъ какой! Такъ хлопнулъ дверью, что даже замокъ отлетѣлъ! Ну, вѣрно и этотъ съ тобой не поладилъ.... Такъ меня пугнулъ на прощаньи, что я ротъ разинула! Да что это съ тобой, моя касаточка? Что ты это мечешься, словно уксусу напилась....

Агата. Воды! воды!

Кузьминишна. Э! полно, моя красавица.... Выпей-ко съ горя лучше кофеишку.... авось это тебя успокоитъ. Не мучь себя такъ понапрасну. Ужъ будто только и женіховъ въ Питерѣ.... Чѣмъ ушиблась, тѣмъ и лечись.... Не надрывай своей грудушки дѣвичей.... Погоди, мое нещечко, я сама тебѣ посватаю женишка; у меня есть знакомая сваха, которая этимъ товаромъ промышляетъ.

Агата (*вскакиваетъ*). Исчезни съ глазъ моихъ, старая колдунья! Я не хочу видѣть ни одного мужчины, не хочу объ нихъ слышать! Они всѣ изверги! чудовища!! Я ихъ всѣхъ ненавижу! презираю, и тебя съ ними вмѣстѣ. (*Уходитъ*).

Кузьминишна. Вотъ такъ-то! и меня за компанію! Покорно благодарю! Ну, кончено! вѣрно ей, моей красавицѣ, вѣкъ въ дѣвкахъ оставаться!

—

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КРИЗИСЪ.

Театръ представляетъ богатую гостиную въ домѣ Сельскаго.

I.

СЕЛЬСКІЙ и БАРОНЪ.

Сельскій (*кладетъ тетрадь на столъ*). Ну, какъ ты находишь, баронъ, мою статью?

Баронъ. Она хорошо написана, но было бы еще лучше, если-бы твоя теорія оправдалась на практикѣ.

Сельскій. О, непремѣнно.... Нынѣшній годъ я все приведу въ порядокъ; лишь-бы только жена согласилась ѣхать въ деревню; но она никакихъ резоновъ слышать не хочетъ. Вотъ третій годъ мы живемъ въ Петербургѣ безвыѣздно и нынѣшнее лѣто она непремѣнно желаетъ провести или въ Павловскѣ или въ Петергофѣ.... Что будешь дѣлать? Имѣнье наше разстраивается.... Я ужъ смѣнилъ двухъ управляющихъ. Теперь оказывается, что третій еще больше мошенничаетъ, взялъ его по рекомендаціи свѣдущихъ людей,— думалъ что послалъ въ деревню надежнаго человѣка, а выходитъ—что пустилъ козла въ огородъ, одно средство все поправить — ѣхать туда самому и прожить тамъ до глубокой осени.

Баронъ. Какъ? ѣхать одному, безъ жены?

Сельскій. Что-жъ прикажешь дѣлать? Мудрено быть въ одно время сельскимъ хозяиномъ и свѣтскимъ мужемъ.... Лучше разстаться съ женой на полгода, нежели черезъ годъ въ концѣ разориться.

Баронъ. Очень хорошо; я согласенъ.... Тамъ-то ты все устроишь, за то здѣсь въ полгода можетъ случиться то, чего ты не поправишь во всю свою жизнь....

Сельскій. Помилуй, баронъ.... что за идея? Моя жена образцовая женщина; она примѣрно ведетъ себя.

Баронъ. Да, можетъ-быть, потому-что ты до-сихъ-поръ хорошо за ней смотрѣлъ.

Сельскій. Точно, точно; этимъ я могу похвастать.

Баронъ. Не спорю, ты въ своемъ родѣ тоже образцовый мужъ.... но если для хозяйства нуженъ глазъ, то для супружескаго счастія, иногда, и двухъ бываетъ мало. Твоя жена молода, ей нуженъ руководитель, наставникъ, и потому оставлять ее въ столицѣ одну, окруженную свѣтскими обольщеніями, большой рискъ.... По-крайней-мѣрѣ, я бы на твоемъ мѣстѣ никогда на это не рѣшился....

Сельскій. Ты мизантропъ; ты всегда и во всемъ видишь только темную сторону.

Баронъ. А ты, какъ человѣкъ большаго свѣта, ослѣпленъ его мишурнымъ блескомъ. Вѣрь людямъ въ половину, такъ и тутъ будетъ только третья доля правды.

Сельскій. Что-же мнѣ дѣлать? Ѣхать въ деревню она не хочетъ, оставить ее здѣсь опасно, какъ ты говоришь. — На что-

же рѣшиться? — Сегодня утромъ я ее уговаривалъ цѣлыхъ два часа и все понапрасну. Ты знаешь, что я всегда говорю очень убѣдительно, но она ничего не хочетъ слушать.

Баронъ. Это вѣрно потому, что жены не привыкли *слушать* мужей... Позволь-же мнѣ испытать надъ нею свое краснорѣчіе, можетъ-быть, оно будетъ удачнѣе твоего.

Сельскій. Сдѣлай милость! Она тебя очень уважаетъ и авось послушается твоихъ совѣтовъ.

Баронъ. Я постараюсь.

Сельскій. О, если тебѣ удастся, я никогда не забуду твоей услуги. Однако-жъ мнѣ пора; надо отвезти эту статью въ редакцію Хозяйственной Газеты да заѣду въ Справочную Контору, не найду ли по дорогѣ хорошаго управляющаго, а теперь зайду къ женѣ, скажу ей, что ты хочешь съ ней говорить. Постарайся же своимъ логичнымъ краснорѣчіемъ сдѣлать меня счастливѣйшимъ мужемъ и образцовымъ сельскимъ хозяиномъ. До свиданія.... я скоро ворочусь. (*Уходитъ.*)

—

II.

БАРОНЪ, одинъ.

Бѣдный мужъ! жалкій хозяинъ! Онъ зарылся въ своихъ агрономическихъ проэктахъ, хлопочетъ объ земледѣліи и не замѣчаетъ того, что здѣсь угрожаетъ его супружескому счастію.... Но попробуемъ, можетъ-быть, зло не такъ еще глубоко посѣяно въ сердцѣ, можетъ-быть мнѣ удастся: или вырвать его съ корнемъ, или подрѣзать его такъ, чтобъ оно не слишкомъ разрослось. Послѣ всего того, что я узналъ, послѣ этихъ писемъ.... мнѣ здѣсь дѣлать нечего.... Рѣшено, уѣду, уѣду отсюда на всегда.... но соперникъ мой не будетъ торжествовать.

—

III.

БАРОНЪ и ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ольга Александровна. Что это значитъ, баронъ.... Мой мужъ сказалъ мнѣ, что вы хотите говорить со мною....

Баронъ. Если позволите.

Ольга Александровна. Очень рада.... Онъ сейчасъ куда-то уѣхалъ и хотѣлъ скоро воротиться. Хотя вчера мы съ вами раз-

стались не слишкомъ дружно, но я надѣюсь, что до его возвращенія, вы согласитесь на мою просьбу.

Баронъ. Все что прикажете.

Ольга Александровна. Мы сегодня цѣлое утро спорили съ мужемъ; вы знаете, онъ упрямъ, своенравенъ.... онъ помѣшался на землѣ.... воображаетъ себя образцовымъ хозяиномъ, а мнѣ кажется, онъ просто ничего не смыслитъ. Онъ хочетъ ѣхать въ деревню, я хочу остаться въ Петербургѣ.... Надѣюсь, что вы примете мою сторону.

Баронъ. Не знаю....

Ольга Александровна. Неужели? Вы хоть *за что*-то и сердиты на меня, но не такъ-же я виновата, чтобъ отправить меня въ деревню, въ глушь, въ Саратовъ.... Мнѣ кажется даже, что ваша собственная выгода быть — *моимъ* адвокатомъ; и я почти увѣрена, что ваше краснорѣчіе образумитъ моего мужа.

Баронъ. Напротивъ, Ольга Александровна, я бы желалъ лучше испытать надъ *вами* свое краснорѣчіе.

Ольга Александровна. Право?

Баронъ. Вы видите, что я уже нѣсколько подкупленъ противной стороной—и отказываюсь отъ чести быть вашимъ адвокатомъ.

Ольга Александровна. Какъ? вы не хотите защищать слабой стороны?...

Баронъ. О, такъ называемый, слабый полъ бываетъ иногда очень силенъ въ домашнемъ быту и потому я просто беру правую сторону.

Ольга Александровна. Такъ, по вашему, я виновата, а онъ правъ?

Баронъ. Не мое дѣло разбирать домашнія дѣла, но я бы совѣтовалъ вамъ согласиться на желаніе вашего мужа. Въ деревнѣ бы, вы, по-крайней-мѣрѣ, избавились отъ шпіона, который вамъ здѣсь, кажется, очень надоѣлъ.

Ольга Александровна. Шпіона?

Баронъ. Да, сударыня, шпіона.... Хотя настоящіе шпіоны не дѣйствуютъ такъ открыто, какъ я....

Ольга Александровна. Что за мысль?... Я никогда не называла васъ такимъ обиднымъ именемъ....

Баронъ. Никогда? даже и въ письмахъ....

Ольга Александровна. Въ письмахъ?!

Баронъ. Да.... Напримѣръ вотъ въ этомъ. (*Вынимаетъ письмо*).

Ольга Александровна (*Вскрикивая*). Боже мой! Какъ оно къ вамъ попало?

Баронъ (*показываетъ другое письмо*). Оно попало ко мнѣ, въ слѣдствіе другаго вашего письма, которое такъ-же вамъ возвращаю.

Ольга Александровна. Возможно-ли! Что я вижу!

Баронъ. Вы видите, чему вы здѣсь подвергаетесь? Вы видите теперь, достоинъ ли тотъ человѣкъ вашего вниманія, который такъ бережетъ ваши письма?... Ничтожный лоскутокъ бумаги могъ-бы погубить васъ навѣки.... Но шпіонъ дорожитъ вашимъ добрымъ именемъ и спасаетъ васъ отъ погибели.

Ольга Александровна. Ахъ.... я едва держусь на ногахъ....

Баронъ. Сядьте.... сядьте и успокойтесь.... Все исправлено, вамъ нечего бояться.... оба письма въ вашихъ рукахъ и вы спасены.

Ольга Александровна. Ахъ, баронъ, я не смѣю взглянуть на васъ! Какое мнѣніе вы должны имѣть обо мнѣ?... О.... теперь я вижу всю свою вину!...

Баронъ. Скажите лучше свою неосторожность. Какая женщина въ ваши лѣта, въ вашемъ положеніи, неподвержена иногда минутной вѣтренности и увлеченію. Не преувеличивайте же своего проступка, его легко загладить, но не забывайте только никогда опасности, которой вы избавились.... Видите, какъ мало нужно въ свѣтѣ, чтобъ лишить женщину добраго имени....

Ольга Александровна. Ахъ! вы.... вы одни подаете мнѣ добрые, спасительные совѣты....

Баронъ. Послѣдуйте же моимъ совѣтамъ, уѣзжайте отсюда, уѣзжайте, хоть на полгода, — этого срока достаточно, чтобъ уничтожить вашу несчастную склонность. Этотъ молодой человѣкъ не искренно васъ любитъ, я въ этомъ увѣренъ: овладѣть сердцемъ безпорочной женщины — вотъ все тщеславіе свѣтской молодежи ... И чѣмъ же все это кончается?... Придетъ пора, онъ женится, а вы.... вы, съ вашимъ чистымъ сердцемъ, должны будете сносить презрѣніе безпощаднаго общества.

Ольга Александровна (*подаетъ ему руку*). Вы единственный мой другъ!

Баронъ. Да, да, другъ, искренній другъ, который кромѣ вашей дружбы ничего теперь больше не желаетъ.... мое дѣло кончено: я отвелъ васъ отъ пропасти — и награжденъ за это. Но вашъ подвигъ еще не довершенъ, вы должны увѣнчать вполнѣ ваше доброе дѣло.... есть люди, которымъ вы, можетъ быть, не умышленно сдѣлали большое зло....

Ольга Александровна. Что же это такое?

Баронъ. Вы, вѣроятно, не знали, что у Зарницына была невѣста, которая ему очень нравилась, и которую онъ оставилъ съ тѣхъ поръ, какъ ему вздумалось быть вами замѣченнымъ....

Ольга Александровна. Возможно ли?

Баронъ. Да; и эту невѣсту вы знаете очень коротко: она воспитывалась вмѣстѣ съ вами. Эта дѣвица Зенеида Корицкая.

Ольга Александровна. Неужели? О, она была моей искренней подругой, но она уѣзжала отсюда и вотъ причина, почему я давно съ ней не видалась.... она премилая, предобрая и красавица собой; она вполнѣ можетъ осчастливить своего мужа.

Баронъ. Этотъ безпристрастный отзывъ дѣлаетъ честь вашему сердцу; но вы были причиною ихъ размолвки, вамъ же и слѣдуетъ ихъ примирить.... третьяго дня въ театрѣ я нечаянно былъ свидѣтелемъ, какъ страстно она его любитъ.... эта дѣвушка не перенесетъ его измѣны.

Ольга Александровна. О, я сегодня же къ ней поѣду....

Баронъ. Не безпокойтесь.... я такъ былъ увѣренъ въ благородствѣ вашихъ чувствъ, что ѣздилъ къ нимъ нынче по утру и уговорилъ ихъ, чтобъ онѣ первыя сдѣлали вамъ визитъ и она, можетъ быть, сегодня же со своей матушкой будетъ у васъ....

Ольга Александровна. Ахъ, какъ я вамъ благодарна! Я даю вамъ слово употребить все мое стараніе, чтобъ онъ съ нею примирился....

Баронъ. И тогда вы сами вполнѣ примиритесь съ вашею совѣстью.

Ольга Александровна. Вамъ, вамъ, мой благородный другъ, я буду одолжена за это чистое наслажденіе!

Баронъ. Вашъ примѣръ, въ свою очередь, и на меня благотворно дѣйствуетъ.... Съ отъѣздомъ вашимъ, я не останусь здѣсь; я уѣду далеко и мы, вѣроятно, никогда больше съ вами не увидимся.... Будьте же счастливы и если когда-нибудь новый искатель захочетъ возмутить ваше спокойствіе, вспомните бѣднаго старика, который любилъ васъ болѣе всего на свѣтѣ, но задушилъ свою страсть, чтобъ не потерять вашего уваженія!

—

IV.

Тѣже, слуга, потомъ Зарницынъ.

Слуга. Евгеній Львовичъ Зарницынъ!

Ольга Александровна. Боже мой! *(Смотритъ вопросительно на барона.)*

Баронъ. Если вы увѣрены въ своей твердости — примите.

Ольга Александровна *(помолчавъ)*. Проси. *(Слуга отворяетъ двери и уходитъ.)*

Зарницынъ *(входя)*. Извините меня, Ольга Александровна; можетъ быть я слишкомъ не во время обезпокоилъ, но я не посмѣлъ бы явиться къ вамъ такъ рано, еслибъ, проѣзжая мимо, не увидѣлъ у вашего крыльца кареты барона.... это меня заставило думать, что вы уже принимаете.

Ольга Александровна *(очень холодно)*. Очень рада.... И такъ вы говорите, баронъ, что скоро намѣрены уѣхать изъ Петербурга?

Баронъ. Недѣли черезъ двѣ, а можетъ быть и прежде.

Ольга Александровна. Я бы сама желала поторопить мужа! Весна въ деревнѣ наслажденіе! —

Зарницынъ. Какъ?... вы уѣзжаете въ деревню?

Ольга Александровна. Да, сударь.

Зарницынъ. Но вы недавно еще говорили, что хотите провести нынѣшнее лѣто въ Павловскѣ.

Ольга Александровна. Я раздумала.

Зарницынъ *(всторону)*. Что съ нею сдѣлалось? Баронъ улыбается, это его штуки.... Я сейчасъ заѣзжалъ къ вамъ, баронъ; мнѣ нужно было васъ видѣть.

Ольга Александровна. Я не хочу мѣшать вамъ.... вы можете здѣсь переговорить съ барономъ.... До свиданія, баронъ. *(Уходитъ.)*

—

V.

БАРОНЪ и ЗАРНИЦЫНЪ.

Зарницынъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, этотъ допотопный любезникъ перебьетъ у меня дорогу?... нѣтъ, чортъ возьми! я его собью съ пути.

Баронъ. Вы хотѣли мнѣ что-то сообщить, любезный Евгеній Львовичъ?... я буду очень радъ оказать вамъ какую нибудь услугу.

Зарницынъ. Услугу? Вы, кажется, и такъ мнѣ хорошо услужили, совершенно противъ моего желанія. Вы, какъ видно, баронъ, начинаете хозяйничать въ чужомъ домѣ.

Баронъ. Что же васъ такъ удивляетъ? Я, какъ другъ здѣш-

няго дома, подалъ нѣкоторые совѣты, которыхъ отъ меня просили.

Зарницынъ. О, я увѣренъ въ вашей опытности, вы можете быть прекраснымъ совѣтникомъ, только въ такіе годы, не надо брать на себя ролей не по своимъ силамъ.... нельзя въ одно время играть и холодныхъ резонеровъ и страстныхъ любовниковъ.

Баронъ. Согласенъ — но не всегда счастливо и молодымъ людямъ удается играть репутаціей благородной женщины.

Зарницынъ. Да, я вижу, вы легли церберомъ на порогѣ счастливаго супружества, но вы знаете, баронъ, что сдѣлалъ левъ, когда ему загородили дорогу? — перешагнулъ.

Баронъ. Свѣтскіе львы часто спотыкаются.

Зарницынъ. Посмотримъ; подождемъ конца.

Баронъ. До него теперь недалеко; третьяго дня въ театрѣ вы предлагали мнѣ вести съ вами открытую войну, я началъ; а вамъ, чуть-ли не придется окончить наступательныя дѣйствія.

Зарницынъ. Объяснимся лучше, безъ лаконизмовъ. Скажите мнѣ, баронъ, правда-ли, что мамзель Язвина отдала вамъ извѣстное письмо?...

Баронъ. Правда....

Зарницынъ. Очень хорошо. Теперь — неугодно-ли вамъ сказать: куда дѣвалось это письмо, на которое я имѣю неоспоримое право?

Баронъ. Оно возвращено той особѣ, которая имѣетъ на него право, больше нежели вы.

Зарницынъ. А! такъ вотъ объясненіе холоднаго пріема Ольги Александровны, я, вѣроятно, васъ за него долженъ благодарить.. .

Баронъ. Можетъ быть....

Зарницынъ. Позвольте-жъ вамъ, наконецъ, сказать, баронъ, что ваши поступки со мной невыносимы; у меня ужъ терпѣнія не хватаетъ.... Да, милостивый государь, я люблю Ольгу Александровну; надѣюсь, что всякой имѣетъ право любить, даже и вы, не смотря на свои почтеные года, пользуетесь этимъ правомъ.

Баронъ. Точно, въ мои года смѣшно спорить съ вами, и вы напрасно считаете меня своимъ соперникомъ.... Я люблю ее, какъ дочь....

Зарницынъ. Какъ дочь?... ха.... ха... ха! Помилуйте, что вы за опекунъ.... У нее есть мужъ.

Баронъ. Мужъ, котораго самого надобно бы отдать подъ опеку.... онъ не имѣетъ объ ней должнаго попеченія. Но моя друж-

ба къ ней, которая вамъ такъ тягостна, успѣла, кажется, открыть ей глаза.... Они уѣзжаютъ въ деревню.

Зарницынъ. Все равно.... я поѣду къ нимъ туда....

Баронъ. О, такой поступокъ былъ-бы очень безразсуденъ.... — и я увѣренъ, что вы на него не отважитесь.... Будьте разсудительны, молодой человѣкъ.

Зарницынъ. Ха.... ха.... ха! разсудителенъ? это забавно! Вы, баронъ, теперь похожи на доктора, который очень искусно лечитъ чужія болѣзни, а своей не можетъ вылечить.

Баронъ. Послушайте, Евгеній Львовичъ, какъ другъ вашего покойнаго батюшки, я бы желалъ дать вамъ добрый совѣтъ: Вы любили Зенеиду Павловну, она васъ и теперь еще искренно любитъ; матушка ваша душевно желаетъ этого союза, партія эта прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ, зачѣмъ же вы, добровольно, отказываетесь отъ вашего счастія?

Зарницынъ. Понимаю, понимаю; это тоже искреній совѣтъ.... Я вижу, что вы другъ всего свѣта..... Вамъ бы только меня съ шеи долой, но я не прошу вашихъ совѣтовъ.... Здѣсь вы меня ссорите, тамъ хотите помирить, но вамъ не удастся ни того, ни другаго. Пусть Ольга Александровна теперь сердится на меня, пусть уѣзжаетъ отсюда. Это ничего, я выдумаю какой-нибудь предлогъ поѣхать въ туже губернію, гдѣ ихъ деревня.... Чего добраго, можетъ быть, Сельской и самъ пригласитъ меня.... я отъ него вполнѣ ожидаю этой любезности.

Баронъ. Нѣтъ, сударь, этого никогда не будетъ.

Зарницынъ. Посмотримъ, посмотримъ.

—

VI.

ТѢЖЕ и СЕЛЬСКІЙ.

Сельскій. А! здравствуйте, Евгеній Львовичъ.... Ну, баронъ! всѣ въ восхищеніи отъ моей статьи, ее непремѣнно напечатаютъ въ Хозяйственной Газетѣ, только просятъ меня испытать мой проэктъ на дѣлѣ я сказалъ, что поѣду непремѣнно въ деревню и пришлю сюда мои результаты.... Ну, чѣмъ ты меня порадуешь.... Говорилъ-ли съ женой?.... Согласна-ли она?

Баронъ. Согласна, совершенно согласна.

Сельскій. Неужели! брависсимо! да ты золотой человѣкъ....

ты Цицеронъ.... Демосѳенъ! Послѣ этого, кого ты не уговоришь, кого не урезонишь? Неправда ли, Евгеній Львовичъ?

Зарницынъ (*двусмысленно*). Да, точно, баронъ *говоритъ* очень хорошо.

Сельскій. Да вѣдь уговорить женщину, особенно мою жену — это подвигъ — гигантскій подвигъ! Я вотъ, мужъ ея и голова, какъ говорится, а не могу съ ней сговорить, рѣшительно не могу. Ахъ, какъ я тебѣ благодаренъ.... и вообрази, какой для меня нынче счастливый день.... Вѣдь я наконецъ нашелъ чудеснаго управляющаго.

Баронъ. Право?

Сельскій. О, да еще какого? Именно то, что мнѣ нужно. Ты вѣдь знаешь — я физіономистъ.... ну, клянусь тебѣ, что съ перваго взгляду видно, что честный и свѣдущій малый! Человѣкъ холостой, одинокій, говоритъ объ хозяйствѣ такъ дѣльно, логично, спеціально.... чудо, чудо! Мнѣ ужъ надоѣли рекомендаціи и я рѣшился выбрать на свой вкусъ.... И какимъ страннымъ случаемъ: выхожу изъ Справочной Конторы.... вдругъ онъ.... да впрочемъ я тебѣ послѣ все подробно разскажу; онъ пошелъ за своими аттестатами и въ половинѣ перваго пріѣдетъ комнѣ. Я тебѣ похвастаю моей счастливой находкой.... Ну, теперь все у насъ уладится какъ нельзя лучше. Это чудесно.... мы превесело проведемъ нынѣшнее лѣто.... Какъ досадно, что ты собираешься за границу, а то бы.... Ахъ, какая мысль.... Вѣдь вы, Евгеній Львовичъ, за границу не ѣдете.... что еслибы вы были такъ любезны....

Зарницынъ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Баронъ (*всторону*). О, слѣпой сумазбродъ! вѣчно все испортитъ. Вотъ хлопочи объ немъ!

Зарницынъ. Видите, баронъ, какъ добръ Михайло Иванычъ, какъ онъ заботится объ своихъ друзьяхъ.... Ну, кому бы, кромѣ его вошло въ голову быть такъ обязательну....

Баронъ (*всторону*). Чортъ возьми! онъ въ глаза смѣется надо мною.

Сельскій. А сколько у меня дичи! вѣдь вы, кажется, охотникъ?

Зарницынъ. Да, охотникъ....

Сельскій. И прекрасно.... Моя жена охотница до верьховой ѣзды, вы служили въ кавалеріи, будете ея безсмѣннымъ кавалеромъ въ прогулкахъ, а я буду заниматься агрономіей — са-

жать, копать, сушить болота, разводить лѣса. О, я увѣренъ, что всѣ скажутъ: вотъ агрономъ, какихъ мало....

Баронъ. И мужъ, какихъ немного....

Зарницынъ. Точно не много.... Михайло Иванычъ вы можете служить образцомъ — и въ томъ и другомъ.... неправда-ли, баронъ?

Сельскій (*жметъ ему руку*). Ха.... ха.... ха! покорно благодарю, покорно благодарю.... Что жъ ты не смѣешься?

Баронъ. Да не смѣшно....

Зарницынъ. Напрасно, баронъ; вы должны радоваться, какъ старый другъ Михайла Ивановича. Мы вамъ будемъ обязаны за всѣ эти будущія удовольствія.

Сельскій. Да, да.... въ самомъ дѣлѣ.... вѣдь это все по твоей милости. Ты уговорилъ жену.... Спасибо, спасибо, любезный другъ!... И такъ рѣшено.... вы нашъ, нашъ! По рукамъ Евгеній Львовичъ!... Однакожъ, позвольте, объ нашемъ предположеніи надо сказать женѣ.... но она вѣрно согласится.... Я сію-минуту возвращусь съ отвѣтомъ.

—

VII.

БАРОНЪ и ЗАРНИЦЫНЪ.

Зарницынъ. Ха.... ха.... ха! Ну, что скажете, г. Цицеронъ? Дѣла то принимаютъ другой оборотъ. Вы видите теперь, что вамъ со мной воевать не подъ-силу. Видите, какъ вашъ другъ дальновиденъ.... Ужъ если онъ самъ приглашаетъ меня въ деревню, такъ ваши совѣты здѣсь ни къ селу, ни къ городу.

Баронъ. Послушайте, сударь.... Вы не поѣдете!

Зарницынъ. Поѣду.

Баронъ. Не поѣдете, говорю вамъ.

Зарницынъ. Поѣду, хоть на зло вамъ, коли на то пошло.... ничто меня не удержитъ.

Баронъ. Васъ удержитъ сила, если честь и разсудокъ не имѣютъ надъ вами власти.

Зарницынъ. Сила! въ чемъ же сила? ха.... ха.... ха! ужъ не вы ли думаете попробовать надо мною вашу силу?

Баронъ. Да, сударь, я.

Зарницынъ. Вы? ха.... ха.... ха! Какимъ же это образомъ? ужъ не вызовъ ли? Только его не доставало къ вашей Донъ-Кихотской роли. Но будьте покойны.... нашъ дуэль не возможенъ.... *На беззащитные сѣдины не поднимается рука*.... Нѣтъ, баронъ, такіе

выходки вамъ не подъ силу.... и изъ чего вы хлопочете? вѣдъ вы сами не изъ деревни пріѣхали, вы не новичекъ въ свѣтѣ, вы должны понять, что такіе случаи бываютъ сплошь и рядомъ.... Мужъ зароется тамъ по уши въ свою агрономію, а молодой-то женѣ что же дѣлать.... восхищаться природой и вянуть со скуки? Поймите вы меня, наконецъ, что я больше изъ филантропіи долженъ принять это приглашеніе.

Баронъ. Для васъ это шутки, а по поему преступленіе.

Зарницынъ. Что-съ... Хотите драться. Извольте, такъ и быть, я непрочь.

Баронъ. Молодой человѣкъ, еслибъ вы не были сыномъ женщины, которую я уважаю, я бы вамъ показалъ, что разница въ годахъ ничего не значитъ, когда коснется до чести, но у меня есть средство болѣе приличное для васъ.

Зарницынъ. Что же это? шарада или загадка? или просто, такъ, пуфъ.... холостой зарядъ? у всякаго барона своя фантазія.

Баронъ (*вынимаетъ векселя*). Вы своею дерзостью принудили меня къ этому послѣднему средству. — Не удержатъ васъ отъ поѣздки эти бумажки.

Зарницынъ. Что это такое?

Баронъ. Это заемные письма, которые вы дали Крючкову; я купилъ ихъ.... они будутъ завтра-же поданы ко взысканію.

Зарницынъ (*всторону*). Какова штука!

Баронъ. И такъ, если вы не дадите мнѣ честнаго слова, не ѣхать въ деревню, васъ не выпустятъ изъ Петербурга.

Зарницынъ. Признаюсь вотъ средство, котораго я никакъ не ожидалъ отъ васъ. Эта ловушка вовсе не прилична благовоспитанному человѣку.

Баронъ. А какъ же вы прикажете назвать вашъ поступокъ, на который вы рѣшаетесь. Если долгъ благороднаго человѣка васъ не удерживаетъ, такъ ваши долги мнѣ помогутъ.

Зарницынъ (*всторону*). Проклятый Крючковъ! Нашелъ-же онъ кому передать мои векселя!

Баронъ. Что, кажется, дѣло теперь принимаетъ другой оборотъ?... это заставило васъ задуматься.

Зарницынъ. Нисколько! Если только Ольга Александровна согласится на мою поѣздку въ деревню, я найду средство, я достану денегъ, разочтусь по этимъ проклятымъ векселямъ, а потомъ.... потомъ постараюсь расплатиться и съ вами съ процентами, за всѣ ваши каверзы.

—

VIII.

ТЕ ЖЕ и ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ольга Александровна. А вы еще здѣсь, Евгеній Львовичъ?... Баронъ, васъ проситъ мой мужъ въ свой кабинетъ.

Баронъ. Какъ?...

Ольга Александровна. Да, онъ желаетъ о чемъ-то съ вами посовѣтоваться.

Баронъ (*встороиу*). Что если онъ успѣетъ съ ней помириться.

Зарницынъ. Баронъ.... Кажется это вамъ не вкусно? васъ учтиво выпроваживаютъ.... дѣло принимаетъ другой оборотъ. Вы видите, поле сраженія остается за мной.

Ольга Александровна. Что-жъ вы нейдете, баронъ, онъ васъ дожидается.

Баронъ. Иду, сейчасъ иду.... (*Уходитъ.*)

—

IX

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА и ЗАРНИЦЫНЪ.

Зарницынъ. Ахъ, какъ я счастливъ, Ольга Александровна, что вы наконецъ позволили мнѣ остаться съ вами наединѣ.... Вы удалили этого несноснаго человѣка, который созданъ, кажется, на то, чтобъ вредить намъ на каждомъ шагу. Выслушайте-же меня.... все дѣло объяснится въ двухъ словахъ.

Ольга Александровна. Постойте, сударь, не торопитесь радоваться. При нашемъ объясненіи, баронъ не могъ-бы быть лишнимъ, потому что ему все извѣстно, но я.... я щажу васъ, вы-бы при немъ должны были играть слишкомъ жалкую роль.

Зарницынъ. Что-же это значитъ? Я васъ не понимаю.... Позвольте мнѣ оправдаться передъ вами.... Вы увидите, что я нисколько не виноватъ.

Ольга Александровна. О, я въ этомъ не сомнѣваюсь.... я не требую отъ васъ никакого оправданія; оно ни къ чему не послужитъ. Вы должны теперь понять, что между нами все кончено.

Зарницынъ. Какъ? возможно-ли? Что за причина такой ужасной перемѣны.

Ольга Александровна. Я изъ той комнаты слышала весь вашъ разговоръ съ барономъ.

Зарницынъ. Неужели? О.... клянусь вамъ, Ольга Алексан-

дровна, что я все это говорилъ для того только, чтобы взбѣсить этого несноснаго барона.

Ольга Александровна. Можетъ быть, но обидная увѣренность, съ какою вы говорили обо мнѣ заочно, открыла мнѣ наконецъ глаза.... Я не обвиняю васъ: я одна во всемъ виновата. Моя необдуманная опрометчивость дала вамъ поводъ считать меня легкомысленною, вы до того въ себѣ увѣрены, что даже не затруднились принять приглашеніе моего мужа ѣхать къ намъ въ деревню, но вы ошиблись въ своемъ расчетѣ. Женщина можетъ быть иногда увлечена минутнымъ заблужденіемъ, но разсудокъ и обязанность, рано или поздно должны вступить въ свои права.... Вы, какъ благородный человѣкъ, обязаны уважать во мнѣ этотъ переходъ и не преслѣдовать меня своею любовью...

Зарницынъ. Ольга Александровна, придите въ себя, вспомните....

Ольга Александровна. Отъ того-то такъ и говорю, что наконецъ пришла въ себя и вспомнила свою обязанность.... Да, я была легкомысленна. Свѣтъ вскрутилъ мнѣ голову, началъ сбивать меня съ пути, но, благодаря благоразумнымъ совѣтамъ, я успѣла во время остановиться. Нейдите-же и вы далѣе....

Зарницынъ. Я понимаю объ какихъ совѣтахъ вы говорите; я бы не сдѣлалъ никакихъ возраженій, еслибъ совѣты этого друга были безкорыстны, но онъ самъ васъ любитъ....

Ольга Александровна. Его любовь не опасна для меня, а дружба, какъ видите, принесла мнѣ пользу.

Зарницынъ. Еслибъ я не боялся васъ скомпрометировать, я-бы потребовалъ у него отчета въ той адской хитрости, по которой ваши письма попали къ нему....

Ольга Александровна. Я получила ихъ изъ третьихъ рукъ, одного этого довольно, чтобъ все прошедшее было забыто....

Зарницынъ. И такъ мнѣ не остается никакой надежды?

Ольга Александровна. Я удивляюсь, что вы еще спрашиваете послѣ всего того, что я вамъ сказала. Еще одно слово, Евгеній Львовичъ,.... вы.... вы любили одну дѣвицу.... даже хотѣли на ней жениться.... Не удивляйтесь этому вопросу; я его дѣлаю вамъ не изъ ревности, напротивъ; эта дѣвица вполнѣ достойна вашего выбора, она любитъ васъ первою любовью и вѣрно составила бы ваше счастіе, еслибъ вы умѣли оцѣнить ея чистую привязанность.

Зарницынъ. Какъ? вы ее знаете?

Ольга Александровна. Да, сударь.... Зенеида была моей лучшей подругой....

Зарницынъ. Возможно-ли?

Ольга Александровна. Будьте-же откровенны — вы ее любили?

Зарницынъ. Да, любилъ, прежде, нежели встрѣтился съ вами....

Ольга Александровна. Такъ, стало быть, я причиною этого несчастнаго разрыва?... Душевно жалѣю, что я не знала объ этомъ ранѣе, но, можетъ-быть, и теперь еще не поздно.... если вы послѣдуете моему примѣру.... Возвратите ей вашу любовь.... иначе совѣсть будетъ упрекать меня во всю мою жизнь.... Вы молчите.... вы согласны. О, благодарю, благодарю васъ.

—

X.

тѣ же, сельскій и баронъ.

Сельскій. Ну, ну.... что-же?... все-ли у васъ кончено?

Ольга Александровна. Все кончено.

Сельскій. Вотъ это прекрасно.... Такъ, можетъ-быть, недѣли черезъ двѣ мы отправимся въ деревню?

Ольга Александровна. Нѣтъ, мой другъ?

Сельскій. Какъ, нѣтъ?

Ольга Александровна. Не черезъ двѣ недѣли, а нельзя-ли черезъ нѣсколько дней....

Сельскій. Не ужели? О, съ большимъ удовольствіемъ. Для меня, разумѣется, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.... Вотъ это мило, очень мило! Позволь за это поцѣловать твою ручку.... Ну, а вы, Евгеній Львовичъ.... скоро-ли къ намъ пріѣдете?

Ольга Александровна. Евгеній Львовичъ остается въ Петербургѣ.

Сельскій. Какъ, онъ не ѣдетъ?

Ольга Александровна. Важныя причины его здѣсь удерживаютъ — онъ секретничалъ съ нами. Ты не знаешь, мой другъ, можетъ быть скоро будетъ его свадьба....

Сельскій. Э? вотъ не ожидалъ отъ васъ этой штуки!

Ольга Александровна. Но покуда онъ проситъ насъ не разглашать еще объ этомъ.

Зарницынъ (*всторону*). Что она такое говоритъ!...

Сельскій. Прекрасно.... Поздравляю васъ, поздравляю! одно

только не хорошо.... наше пріятное общество разстроится.... Баронъ уѣзжаетъ за границу, даже собирается въ Америку, вы женитесь.... плохо очень плохо; всѣ наши друзья будутъ въ разбродѣ....

Баронъ (*тихо ему.*) Мой другъ, безъ друзей, можетъ быть, тебѣ будетъ гораздо покойнѣе...

Сельскій. Ну, вотъ забавно.... Что вамъ со мной церемониться....Однакожъ я и не спросилъ: — на кого же это палъ вашъ разборчивый выборъ? Кто эта счастливица?... скажите пожалуста?

Слуга (*входитъ.*) Анна Петровна Корицкая съ дочерью....

Зарницынъ. Боже мой!

Сельскій. А! Корицкая! онѣ давно у насъ не были.

Ольга Александровна. Проси.... (*Слуга уходитъ.*) Евгеній Львовичъ.... Куда же вы? останьтесь.

Зарницынъ. Но я....

Ольга Александровна. Я васъ прошу.... Вы меня очень обяжете....

Зарницынъ (*всторону.*) Что она со мной дѣлаетъ?

Ольга Александровна (*тихо.*) Ну, баронъ, довольны ли вы мною?

Баронъ. О, вы рѣдкая женщина....

Ольга Александровна. Нѣтъ, я только женщина, которая опомнилась и почувствовала свое достоинство....

—

II.

ТѢЖЕ, КОРИЦКАЯ и ЗЕНЕИДА.

Сельскій (*встрѣчая ихъ.*) Анна Петровна! мое почтеніе.

Ольга Александровна. Зенеида! другъ мой, какъ я рада тебя видѣть.... Какъ я виновата передъ тобою. Прости, прости меня.

Зенеида. Ты виновата? въ чемъ?...

Ольга Александровна. О, во многомъ, во многомъ!... Во-первыхъ не была у тебя цѣлый вѣкъ, а ты, такъ добра и незлопамятна что первая пріѣхала ко мнѣ... Ахъ, какъ я вамъ благодарна, Анна Петровна.

Корицкая. Мы бы раньше къ вамъ собрались, да она у меня такая, слабая, все біеніе сердца.... (*увидя Зарницына.*) Ахъ, Евгеній, Львовичъ!

Зенеида (*почти вскрикивая.*) Евгеній Львовичъ.... онъ здѣсь....

Корицкая (*тихо.*) Ахъ, ma chère, ты нигдѣ не можешь себя удержать. Сдѣлай видъ, что будто тебѣ все равно!!...

Зарницынъ (*подходя къ нимъ*). Мое почтеніе, Анна Петровна.... Зенеида Павловна (*кланяется ей*).

Корицкая. Здравствуйте, Евгеній Львовичъ. Какъ мы всегда неожиданно васъ встрѣчаемъ....

Зарницынъ. Я еще не имѣлъ времени извиниться передъ вами въ моей невольной неучтивости. Мнѣ такъ совѣстно.

Корицкая. Да, да, что такое съ вами третьяго дня въ театрѣ случилось.

Зарницынъ. О, пустяки, совершенные пустяки, но мнѣ только досадно, что они были причиною....

Баронъ. Да, Анна Петровна, я свидѣтель что Евгеній Львовичъ нисколько невиноватъ.... Съ нимъ въ театрѣ сыграли ловкую шутку....

Ольга Александровна. Ахъ, разскажите пожалуйста.... это что то любопытно.

Сельскій. Да, да, пожалуйста; я люблю анекдоты.

Слуга (*входитъ*). Какой-то человѣкъ, которому сами вы приказали явиться, проситъ позволенія васъ видѣть.

Сельскій. А! это вѣрно мой управляющій.... Зови, зови его сюда.

Ольга Александровна. Мы вамъ не будемъ мѣшать. Я поведу моихъ дорогихъ гостей въ свою гостиную.... Вы у меня такъ давно не были, что и не видали новаго моего дома... Пойдемте, милая Анна Петровна. (*Беретъ ее подъ руку*). Евгеній Львовичъ.... Дайте руку Зенеидѣ.... Баронъ, милости просимъ.... (*Зарницынъ идетъ съ Зенеидой. Уходятъ.*)

Баронъ (*хочетъ идти.*) Покорно васъ благодарю....

Сельскій (*вслѣдъ за нимъ.*) Мы сейчасъ придемъ.... Останься на минутку, любезный баронъ.... Полюбуйся на моего новаго управляющаго.... Ты мнѣ поможешь его проэкзаменовать.... Да, впрочемъ, и смотрѣть нечего.... По лицу видно, что ловкій и расторопный малый. Я вѣдь физіономистъ, никогда не ошибусь.... Ты увидишь, что мнѣ судьба послала просто сокровище нещетно.... Вотъ онъ самъ на лицо.

—

XII.

ТѢЖЕ и НѢКТО.

Сельскій. Здравствуйте, здравствуйте, мой милый....

Нѣкто. Мое почтеніе-съ.... же ву салюсъ....

Баронъ. Что я вижу!

Сельскій (*вынимая часы.*) Какъ вы исправны: сказали половина перваго.... и какъ тутъ....

Нѣкто (*тоже.*) Да-съ, я человѣкъ аккуратный.... ровно, ровно половина-съ.... (*увидя Барона*). Ай! вотъ бѣда! Мое почтеніе-съ.

Баронъ. Здравствуйте, здравствуйте.

Сельскій. Какъ? Ты его знаешь?

Баронъ. Какъ же? очень, очень хорошо.

Сельскій. Ну, что же; не правдали? человѣкъ надежный, ловкій, оборотливый, расторопный!

Баронъ. Да, очень, очень ловокъ.

Сельскій. И хозяйство знаетъ?

Баронъ. О, чужое знаетъ, какъ свою собственность.

Сельскій. Прекрасно. Лучшаго аттестата ему и ненужно.... Пойдемте же въ мой кабинетъ.... я вамъ покажу мои послѣднія деревенскія вѣдомости и мы вмѣстѣ потолкуемъ. (*Уходитъ въ кабинетъ.*)

Баронъ. Ступай, ступай, мы сію-минуту придемъ.... Послушай, любезный.... Третьяго дня ты спрашивалъ у меня, который часъ.... Покажи-ко мнѣ теперь свои часы?...

Нѣкто (*который держалъ еще часы въ рукахъ*). Пардоне муа, жеву занъ при.

Баронъ. Дай-же ихъ сюда.... Ты вѣрно по ошибкѣ ихъ захватилъ?

Нѣкто. Въ разсѣянности, жеву засюръ, въ разсѣянности.

Баронъ. Да васъ много такихъ разсѣянныхъ.... Посмотри-ко вонъ — туда, знакомъ тебѣ этотъ господинъ?

Нѣкто. Ай! ай! Кель малеръ! Пожалуйста не компрометируйте меня.

Баронъ (*беретъ отъ него часы*). Тото-же, любезный, ты попалъ сюда не въ добрый часъ. Смотрите-же: если ты мнѣ встрѣтишься еще въ другомъ мѣстѣ, не прогнѣвайся....

Нѣкто. Мое почтеніе-съ. Никогда съ вами не сойдусь, никогда съ. (*Идетъ и возвращается.*) Такъ ужъ въ управляющіе-то мнѣ нельзя-съ?

Баронъ. Ступай вонъ! а не то, я съ тобой иначе управлюсь!...

Нѣкто (*съ глубокимъ вздохомъ*). Но гдѣ же теперь я найду себѣ мѣсто!

Баронъ. Не хочешь-ли я тебѣ мѣсто найду, поѣдемъ со мной.

Нѣкто *(быстро)*. Нѣтъ съ, не извольте безпокоиться. Же вусалю.... Мое почтеніе. *(Убѣгаетъ.)*

Баронъ *(въ двери)*. Эй! есть-ли тамъ кто-нибудь въ передней?... проводите его....

Сельскій *(изъ кабинета)*. Ну, что-же вы?... Я васъ жду.... Гдѣ-же мой управляющій?

Баронъ. Онъ такъ торопился, что забылъ свои аттестаты....

Сельскій. Э! напрасно, напрасно.... Его аттестатъ на лицѣ написанъ.

Баронъ. Мастеръ-же ты читать!

Сельскій. Еще-бы! я никогда не ошибусь въ своемъ выборѣ.

Баронъ. Точно, точно, ты мастерски выбираешь и друзей и управляющихъ....

Сельскій *(самодовольно)*. Физіономистъ, братецъ, физіономистъ!

Баронъ. Боже мой, Боже мой! Что-то будетъ съ нимъ, какъ я уѣду отъ сюда! Хорошо еще, что я успѣлъ устроить его семейное счастіе!

—

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЦѢЛКОВЫЙ.

ПОВѢСТЬ

И. С. ЮРЬЕВОЙ.

У воротъ каменнаго трехъ-этажнаго дома, въ одной изъ многолюдныхъ улицъ Петербурга, дородный дворникъ усердно чистилъ улицу и старался отмести воду, скопившуюся въ большую лужу въ самой подворотнѣ. Но, на этотъ разъ, казалось, трудъ его былъ напрасенъ, потому что, едва вода отъ взмаха метлы брызгами разлеталась по улицѣ, какъ новый потокъ съ тротуаровъ пополнялъ ущербъ въ проторенной впадинѣ подъ воротами. Возвратясь уже, можетъ быть, въ сотый разъ къ своей работѣ, дворникъ наконецъ смекнулъ, что сколько ни мети, а лужи не убудетъ. — Онъ лаконически плюнулъ и сказалъ: Провались ты сквозь землю, проклятая! Часъ цѣлый бьюсь, а дѣло все дрянь выходитъ. А вонъ, опосля все на мою шею взвалитъ: ты, молъ, лѣнтяй, Ѳомка, что не отметаешь воду? а кто ее отмететъ, коли такая размокропогодица! Нѣтъ, ужъ видно на этотъ случай прощенья просимъ, опять придется доску положить, а то хоть въ лодку садись! — И въ тотъ-же мигъ, какъ бы для оправданія словъ дворника, у воротъ послышались слова «Ѳома! нельзя-ли какъ нибудь перейти?»

— Сей-часъ, матушка, отвѣчалъ дворникъ, храбро ступая по водѣ, и перекидывая длинную, тонкую доску въ видѣ мостика. —

— Ну, вотъ и готово, теперь не замочитесь, говорилъ онъ молоденькой дѣвушкѣ, для которой устроилъ свой подвижной аквадукъ.

— Что это у васъ за ноша, Наталья Петровна? спросилъ Ѳома, помогая дѣвушкѣ перебраться и видя у нея въ рукахъ какую-то доску, въ аршинъ величиною, тщательно завернутую въ старенькую скатерть.

— Это картина, Ѳома, отвѣчала дѣвушка.

— Такъ-съ, — да какъ же это вы этакъ, безъ всякой осторожности, Наталья Петровна, такъ-таки и несете? — А ну, увидитъ хозяинъ-то, вѣдь мнѣ достанется; онъ ничего не велѣлъ выпускать изъ вашей фатеры.

— Я несу свое, сказала, покраснѣвъ, молодая дѣвушка; и кто-же мнѣ можетъ запретить?

— Вѣстимо свое, да вотъ ты пойди съ нимъ — онъ тоже свое несетъ. Ну, да ужъ ступайте поскорѣе, пока не провѣдалъ. Вишь ты — не давай выносить ничего изъ фатеры! разсуждалъ вслухъ Ѳома, глядя вслѣдъ дѣвушкѣ, — да было-бы что и вынесть-то, развѣ какой ни-на-есть хламъ, да и того на хлѣбъ не хватитъ. Эхъ-ма! —

Пока такъ философствовалъ дворникъ, молодая дѣвушка была уже далеко. Она шла такъ быстро, какъ только было можно по мокрой мостовой, съ ношею, которая, хотя и не могла быть слишкомъ тяжела, но все-таки затрудняла ее. Почти черезъ часъ скорой ходьбы, она пришла къ другому большому каменному дому, къ одному изъ тѣхъ домовъ, на окнахъ которыхъ вы не увидите никогда, не только штофныхъ, но даже чистыхъ кисейныхъ занавѣсей, но чаще всего встрѣтите бумажные ерлыки объ отдачѣ внаймы; въ которыхъ ни одинъ изъ четырехъ этажей не пользуется аристократическимъ именемъ бель-этажа. Всѣ этажи ихъ равны, потому что одинаково раздѣлены на мелкія квартиры, въ которыя ведутъ тѣже *черныя* лѣстницы, грязныя днемъ и темныя ночью. Если путешествующій по нимъ плохо знакомъ съ мѣстностію, онъ рискуетъ не разъ упасть на дрова, бережно складенныя въ разныхъ углахъ, или наткнуться на кадки съ водою, которыя выставляются наружу въ силу тѣснаго помѣщенія внутри квартиръ. — Но за то наружность этихъ домовъ самая изукрашенная: стѣны обыкновенно всѣ испещрены многимъ

множествомъ вывѣсокъ, на разныхъ діалектахъ, въ самыхъ краснорѣчивѣйшихъ формахъ изображающихъ мѣстную промышленность. То вы видите обширную лохань, въ которой Нимфы стираютъ мужскую манишку, а Амуръ надъ нею съ утюгомъ въ рукахъ летитъ гладить дамской воротничекъ; — рядомъ огромный вызолоченый ключъ представляетъ безмолвную эмблему слесаря, и какъ бы приглашаетъ отыскать ключъ къ загадкѣ: почему нимфы поставлены въ такое казусное положеніе? — Далѣе слѣдуютъ обойщикъ, пирожникъ, повивальная бабка, гробовой мастеръ — и такъ далѣе.

Домъ такого разбора, приносившій хозяину огромный доходъ, по случаю отсутствія всякаго ремонта, находился въ самой многолюдной части города и у него-то остановилась молодая дѣвушка, чтобы перевести духъ, послѣ скорой и утомительной ходьбы. Готовясь вступить на мрачный, закоптѣлый дворъ, она вздохнула нѣсколько разъ изъ глубины груди, какъ-бы вбирая въ себя всѣми легкими запасъ чистаго воздуха.

— Кого вамъ? окликнулъ ее голосъ подъ воротами.

— Елизавету Ивановну —

— А! Кулачиху; — перебилъ ее дворникъ, отъ нечего дѣлать окликавшій прохожихъ; вонъ туда ступайте, на второмъ дворѣ, на третью лѣстницу, въ четвертый этажъ. —

Но молодая дѣвушка, видимо, не имѣла нужды въ указаніи пути; она быстро перешла грязный дворъ и какъ только можно было скоро начала взбираться по крутой и скользкой лѣстницѣ въ четвертый этажъ. По временамъ она хваталась за сырую стѣну, чтобы удержаться на этомъ скользкомъ пути, залитомъ водоносами, и послѣ нѣсколькихъ минутъ дѣйствительнаго труда, наконецъ достигла послѣдней ступеньки Тутъ она остановилась, приложила бѣленькую, почти дѣтскую, ручьку къ груди, которая волновалась отъ неровнаго дыханія, и, какъ-бы обезсилѣвъ, прислонилась къ влажной и запачканной стѣнѣ.

Нѣсколько времени молодая дѣвушка стояла въ такомъ положеніи, и свѣтъ, падая на нее широкою полосою, сквозь забитое до половины доскою, окно, освѣщалъ ея чудную красоту. Въ-самомъ-дѣлѣ, это прелестное созданіе могло-бы выдержать строгій критическій разборъ самаго утонченнаго и взыскательнаго вкуса и выдти побѣдительницею. Открытый, гладкой лобъ походилъ на изваяніе изъ

слоновой кости; подъ нимъ кокетливо раскинулись каштановыя бровки, окаймляя пару чудныхъ темноголубыхъ глазъ, осѣненныхъ дивнымъ соболемъ рѣсницъ; маленькій, правильный носикъ, и ротъ похожій на распуколку розы, такъ и манилъ къ поцѣлую. Правильный овалъ и чрезвычайно нѣжный цвѣтъ лица довершалъ красоту этой чудесной головки. Природа, а можетъ-быть и усталость покрывали щеки молодой дѣвушки яркимъ румянцемъ. Повидимому ей было не болѣе семнадцати или восемнадцати лѣтъ. Но румянецъ ея смѣнила матовая блѣдность въ ту минуту, какъ дѣвушка взглянула на противуположную дверь, обитую черною, изорванною клеенкою, изъ подъ которой въ разныхъ мѣстахъ, какъ мохъ въ разсѣлинахъ, выглядывали клоки войлока. Мѣдная ручка у этой двери, почернѣвшая отъ времени и отъ нерадѣнія хозяевъ, казалось, особенно пострадала отъ нетерпѣнія приходившихъ: она была изогнута и едва держалась на ржавомъ винтѣ. Взглядъ на эту дверь, кромѣ блѣдности, вызвалъ на лицо молодой дѣвушки столько горя и страданія, что съ перваго взгляда можно было убѣдиться, что она пришла сюда не въ гости и не для разсѣянія. Съ какимъ-то внутреннимъ содроганіемъ подошла она къ этой таинственной двери и постучала ручкою замка: колокольчика не было. Вслѣдъ за тѣмъ за дверью раздался лай нѣсколькихъ собакъ, загремѣлъ внутри тяжелый крюкъ, и на порогѣ явилась женщина, довольно неопрятно одѣтая, съ всклоченными волосами и съ вопросомъ «Кого вамъ надобно?»

— Елисавета Ивановна дома? робко спросила дѣвушка

— Дома. Да вы отъ кого?

— Мнѣ нужно ее видѣть.

— Нужно, сказала старуха съ полузлобной, полуязвительной усмѣшкой, окинувъ пришедшую съ ногъ до головы, — ну, такъ войдите. Но лишь только дѣвушка сдѣлала шагъ въ комнату, какъ цѣлая стая собакъ всѣхъ породъ и возрастовъ съ визгомъ кинулись на нее. — Цицъ, цицъ, негодныя! кричала на нихъ женщина, отворившая дверь, но собаки не переставали лаять и кидаться на пришедшую, пока наконецъ въ сосѣднюю комнату не отворилась дверь и женщина лѣтъ подъ сорокъ не присоединила своего повелительнаго голоса къ убѣжденію старухи. Собаки съ глухимъ ворчаніемъ поджали хвосты и разбѣжались по угламъ.

— А, это вы? Здоровы-ли? сказала хозяйка молодой дѣвушкѣ. Θекла, убери собакъ — а вы, войдите сюда.

Молодая дѣвушка послѣдовала за нею въ другую комнату; но въ тотъ-же мигъ раздался пронзительный визгъ маленькой собаченки, которую гостья нечаянно толкнула ногою.

— Ахъ, какая гадкая, сказала сконфузясь молодая дѣвушка, такъ и вертится подъ ногами, чуть меня не уронила.

— На то вамъ даны глаза, матушка, чтобы смотрѣть подъ ноги, говорила хозяйка, взявъ собаченку на руки, — ее-же раздавили, да ее-же браните.

— Я ее только невзначай толкнула.

— Тамъ невзначай, или нѣтъ, а все-таки ей бѣдной больно. — Ну, да ужъ такъ и быть, войдите сюда.

Передняя комната, въ которой остановила молодую дѣвушку стая собаченокъ, была ни что другое, какъ большой и теплый коридоръ, почти весь заставленный разноцвѣтными и разнокалиберными шкафами, на которыхъ высились картоны всѣхъ возможныхъ размѣровъ, вторая-же комната, куда ввела ее хозяйка, служила залою и съ перваго раза поражала странностію обмеблировки и отсутствіемъ всякаго вкуса Вокругъ закоптѣлыхъ, неопредѣленнаго цвѣта стѣнъ, размѣщалась, частію, очень богатая мебель. Первое мѣсто занималъ диванъ, покрытый дорогимъ, желтымъ штофомъ, рядомъ съ нимъ стояли два кресла, одно волтеровское, обитое зеленымъ потертымъ сафьяномъ, другое золоченое, въ готическомъ вкусѣ. Изъ множества мебели, украшавшей комнату, нельзя было найти двухъ вещей одинакихъ: — тутъ были стулья, кресла, стульчики и козетки, но все разныя, и по формѣ и по цвѣту своей одежды. Въ простѣнкахъ трехъ оконъ, съ почернѣлыми занавѣсами, было два зеркала, одно огромное, въ золотой рамѣ, другое гораздо меньше, въ старинной оправѣ изъ карельской березы. Полъ этой комнаты также былъ изукрашенъ разноцвѣтными половиками, протянутыми по всѣмъ направленіямъ. Удивительная смѣсь роскоши и нищеты, обилія и пестроты, вычурности и безвкусія, античности и моды — характеризовала этотъ странный салонъ неопредѣлимаго вѣка и неугадываемаго вкуса. Впрочемъ, молодая посѣтительница, казалось, не обращала вниманія на все окружающее ее, и печально слѣдовала за хозяйкою въ третью или такъ называемую домашнюю комнату. Эта была и спальня, и кабинетъ хозяй-

ки. Ситцовый пологъ, въ видѣ балдахина съ фантастическими цвѣтами и птицами, осѣнялъ высокое пуховое ложе, съ десяткомъ подушекъ, положенныхъ для виду. Вторая половина комнаты, служившая рабочею или кабинетомъ, отдѣлялась отъ кровати ширмами, состоящими изъ четырехъ половинокъ, которыя были помѣщены тутъ, повидимому, затѣмъ, чтобы сторонній глазъ не проникалъ въ завѣтный уголъ, украшенный величайшимъ порядкомъ. Рабочая половина находилась въ приличномъ, хотя тоже не менѣе первой комнаты, странномъ состояніи.

Дорогое фарфоровое дежене занимало позеленѣлое отъ сырости окно съ выгорѣвшими и немытыми стеклами, и было прикрыто кускомъ старой кисеи. По сторонамъ окна стояли двѣ горки, загроможденныя разнаго рода бронзой, фарфоромъ, хрусталемъ и серебромъ, и точно также прикрывались кусками разной кисеи. Предъ пожелтѣло-голубымъ барковымъ диваномъ стоялъ столъ, обдѣланный въ бронзу, съ дорогою мозаикою, онъ красовался на прекрасномъ вышитомъ шерстью и шелкомъ коврикѣ, на который, со стороны дивана, постлано было довольно толстое, хотя и чистое, кухонное полотенцо. На кускѣ клеенки, гораздо меньше стола, стояла чернилица и лежали щеты. Комната эта, при множествѣ прекрасныхъ и богатыхъ вещей, имѣла видъ печальный и наводила какое-то уныніе на душу, какъ кладбище съ прекрасными памятниками.

Войдя въ послѣднюю комнату, Елисавета Ивановна Кулакъ (такъ называлась *хозяйка*) помѣстилась осторожно на диванѣ и рядомъ пригласила присѣсть свою гостью.

Это была женщина не молодая, средняго роста, довольно полная, съ лицомъ плоскимъ и до того не оживленнымъ никакимъ чувствомъ, что даже въ хорошемъ восковомъ кабинетѣ, она могла-бы показаться дурнымъ слѣпкомъ съ человѣка. Въ ней не видно было ни той женской кокетливости, которая не оставляетъ порядочную женщину даже въ глубокой старости, ни той пріятной важности, которая внушаетъ къ пожилой женщинѣ какое-то невольное участіе. Капотъ, очень старинной моды, сидѣлъ на ней какъ-то мѣшковато, она-ли похудѣла со времени его происхожденія на свѣтъ, или онъ былъ не для нея сшитъ, — рѣшить было трудно. Кружевной воротничекъ, только одною половинкою выглядывалъ изъ-подъ очень поношеной черной бархатной мантильи, а чепчикъ съ лентами неизобрѣтеннаго

цвѣта, плотно припавъ, нѣкогда легкимъ и пышнымъ рюшемъ, къ ея головѣ, ясно показывалъ, что онъ давно уже испытываетъ силу тяготѣнія и служитъ ей подшляпнымъ убором. Елисавета Ивановна пользовалась большою извѣстностію; не было нужды наводить справокъ объ ея адресѣ: стоило только узнать часть города, въ которой она обитала, и тогда первый лавочникъ на вопросъ: гдѣ живетъ Елисавета Ивановна Кулакъ? тотчасъ указалъ-бы ея квартиру, съ точностію справочнаго мѣста. Странное прозвище Кулакъ, подъ которымъ она была всюду извѣстна, наводило нѣкоторое сомнѣніе на счетъ дѣйствительнаго существованія такой фамиліи, однако иначе ее не называли, и Елисавета Ивановна не мало гордилась такимъ неблагозвучнымъ названіемъ. Иногда, въ важныхъ случаяхъ, она торжественно говорила: «Вы вѣрно забыли, что я никто-нибудь, — а Кулакъ!»

— Ну что, моя душечка? сказала Елисавета Иваповна, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ; а ужъ я было думала покончить съ вами; думала, что вы ужъ не придете. Въ оборотъ хотѣла пустить....

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! почти вскрикнула молодая дѣвушка; ради Бога, не продавайте, я непремѣнно возьму назадъ.

— Гм! возьмете, а когда? Положили на мѣсяцъ, а теперь ужъ три прошло, да и пара-то платья не важная, такъ, что, пожалуй, теперь и своихъ не выручишь.

— Елисавета Ивановна, сдѣлайте милость, подержите платье еще мѣсяцъ. Батюшка, Богъ дастъ, поправится, и тогда я вамъ все заплачу. Вѣдь это его послѣднее платье, ему и выдти будетъ не въ чемъ. Голосъ молодой дѣвушки дрожалъ и слезы готовы были брызнуть изъ глазъ.

— Душечка вы моя, да вѣдь этакъ мнѣ самой придется послѣдній капотъ скинуть и съ кошелемъ идти, коли я все буду дѣлать себѣ въ убытокъ, сказала госпожа Кулакъ.

— Но вы не будете въ убыткѣ. Платье стоитъ въ двадцать разъ болѣе, чѣмъ вы мнѣ дали! проговорила дѣвушка.

— Въ двадцать разъ, вскрикнула Кулакъ. Э! да вы славно цѣните ваши вещи, — а пойдите-ка, суньтесь къ другимъ, такъ вамъ-бы никто не далъ и двухъ цѣлковыхъ. Хоть я тамъ и Кулакъ — а цѣну всегда даю хорошую

— Но два рубли небольшія деньги, и я вамъ ихъ заплачу, тихо проговорила дѣвушка.

— А три-то мѣсяца вы забыли! — Эхъ, душечка, память-то у васъ коротка, вотъ послѣ этого и одолжай. — Такъ же было вотъ и съ этимъ, продолжала Елизавета Ивановна, показывая на коврикъ подъ ногами; все потерпите да подождите, а вышло-то и того.... принуждена была оставить за собою. — Ну, вотъ, она же и плачетъ — экой бѣдовой народъ! — Что дѣлать, я иной разъ и сама заплачу отъ досады, да что проку-то отъ этого? Ну, ну, ужъ не плачьте, я не сержусь на васъ и хоть себя обижу, а мѣсяцъ — куда ни шелъ — потерплю.

— Этотъ коверъ вышивала моя матушка для папинькинаго стола, говорила, въ слезахъ, какъ бы сама съ собою, бѣдная дѣвушка.

— Да вотъ! — а на сколько тутъ пошло матеріялу, не считая уже работу! перебила ее Елизавета Ивановна. Лучше бы спрятать эти денежки на черный день — оно поумнѣе было-бы.

Но дѣвушка, казалось, не слышала этого умнаго изрѣченія, она пристально глядѣла на прекрасный коврикъ, какъ на дорогой залогъ, попираемый недостойною ногою. Въ этомъ взглядѣ было столько горя и благовѣйнаго воспоминанія, что всякой ясно прочелъ бы на лицѣ молодой дѣвушки всю грустную повѣсть ея душевныхъ страданій, но г-жа Кулакъ не училась этой грамотѣ и потому, довольно грубо, потрепавъ дѣвушку по плечу, сказала:

— Э! эхъ! — полно вамъ думать-то; что толку, лучше вѣдь не будетъ, какъ ни ломайте голову. Что это у васъ, продолжала она, показывая на принесенную вещь, — вѣрно опять ко мнѣ!

— Да-съ, вздрогнувъ отвѣчала дѣвушка, къ вамъ ... Я принесла вотъ это.... и она осторожно сняла скатерть съ своей ноши и показала картину.

Это былъ прекрасный пейзажъ, писанный акварелью. Видно было, что рука художника перенесла живую природу на кусокъ полотна. Вдали поля, покрытыя золотомъ поспѣлаго хлѣба, надъ ними привольно порхала птичка; на переднемъ планѣ дѣвочка, лѣтъ шести, съ букетомъ васильковъ въ рукахъ, казалось, готова была сама упорхнуть за пернатымъ шалуномъ, если бы рука молодой, красивой женщины не сдерживала ее; а тутъ, правѣе, сквозь кущу деревъ, бѣлѣлся сельскій храмъ, крестъ ярко горѣлъ отъ послѣднихъ лучей

заходящаго солнца, а бѣлые камни и кресты, разбросанные у подножія храма, тихо навѣвали мысль о вѣчномъ покоѣ. Лѣвѣе, свѣженькая крестьянка полоскала ноги въ волнахъ прозрачной рѣчки, отъ которой такъ и вѣяло прохладою. Вообще, каждый предметъ, на который падали глаза въ этой картинѣ, оживалъ и принималъ формы одушевленія, счастія и поэтической мечтательности.

Горестно подняла дѣвушка картину на столъ, и сказала: «Вотъ эту картину принесла я вамъ....

Поднявъ губы кверху и пожимая плечами, смотрѣла Елизавета Ивановна на молодую дѣвушку, и наконецъ, послѣ минутнаго молчанія, сказала:

— Утѣшили, нечего сказать! — Не хотите ли, за цѣлковый я вамъ сама дамъ съ дюжину картинокъ? и она показала рукою на стѣну, на которой красовалось нѣсколько запыленыхъ, лубочныхъ гравюръ, изображавшихъ сцены изъ «Павла и Виргиніи», «Аталы и Шактаса» и между ними въ золоченыхъ рамахъ повѣшены были размалеванныя красками картины, представляющія Геркулеса въ борьбѣ со львомъ, и Бобелину во станѣ турокъ.

— Это гравюры, Елизавета Ивановна, а у меня оригиналъ! сказала дѣвушка.

— Ну, такъ что же? тѣмъ хуже для васъ, значитъ въ вашей картинкѣ все нарисовано не такъ, какъ слѣдуетъ.

Дѣвушка, не понимая г-жи Кулакъ, вопросительно посмотрѣла на нее.

— Ну, что смотрите, извѣстно, что не все въ порядкѣ! когда про кого говорятъ, что онъ оригиналъ; такъ это значитъ, что онъ, дескать не такой манеры, какъ всѣ другіе, то есть, что онъ смѣшной или странной! Что я, развѣ дура какая? Нѣтъ, ужъ извините, очень понимаю, что такое оргиналъ! продолжала Елизавета Ивановна. Возьми его! — Когда я вотъ эту большую на силу взяла.

Молодая дѣвушка взглянула на Бобелину и невольно улыбнулась.

— Что, матушка, смѣетесь? видно не больно вамъ скучно! Что же, по вашему, моя картина хуже вашего оригинала?

Невѣжество, дерзкій тонъ Елизаветы Ивановны взволновали бѣдную дѣвушку и на минуту вызвали яркій румянецъ на ея блѣдное, страдальческое лицо. Она невольно приняла гордую осанку и съ горькой усмѣшкой сказала: «хуже!»

— Хуже? — моя большая картина хуже! вскрикнула Кулакъ —

Ну, такъ, матушка, ступайте съ своимъ оригиналомъ, куда знаете, а мнѣ онъ и за грошъ не нуженъ.

Дѣвушка снова побѣднѣла, но подавя чувство негодованія въ душѣ, съ трепетомъ сказала:

— Виновата, Елизавета Ивановна, я не знаю въ этомъ толку; но, ради Бога, не приводите меня въ отчаяніе, возьмите эту картину. Батюшка говорилъ, что онъ ее не отдастъ ни за что, стало быть, она дорога, онъ знаетъ это лучше насъ: онъ самъ художникъ.

— Художникъ! — то-то и худо — сказала Елизавета Ивановна. Кабы поменьше *художествомъ*-то занимались и всякою *маралью*, продолжала она, давая этимъ словамъ свой превратный смыслъ, — такъ меньше и нуждались-бы. Нѣтъ-съ, душечка, этотъ оригиналъ дорого стоитъ, можетъ статься, для васъ, а не для меня — просто пфу! У всякаго свой взглядъ. Я вотъ свою Жюльку и за сто рублей не отдала бы, а вы же ее назвали гадкой.

— Елизавета Ивановна, говорила молодая дѣвушка, готовая броситься на колѣна, я не много прошу подъ эту картину: всего два цѣлковыхъ.

— Да вы ни-какъ съ ума сошли, Наталья Петровна! Экъ у васъ два-то цѣлковыхъ дешевы! — Дай два цѣлковыхъ, за то, что и гривенника не стоитъ.

— Но я ее не оставлю у васъ, я выкуплю, говорила бѣдная дѣвушка, ломая руки.

— А чѣмъ? А когда? холодно спросила Кулакъ. И коверъ тоже, небось, выкупили? — Прежде выкупите платье, тогда ужъ и толкуйте: выкуплю.

Не горе, но отчаяніе отразилось въ прекрасныхъ чертахъ дѣвушка, губы ея дрожали, глаза заплыли слезами, она съ трудомъ едва могла проговорить: Въ васъ нѣтъ состраданія къ ближнимъ!

— Вотъ на! съ чѣмъ подъѣхала! Да что вы мнѣ сестра, что-ли, или невѣстка, или свекровь? Я милостыню подаю, только не по два цѣлковыхъ; я, матушка, сама человѣкъ бѣдный, этакъ, пожалуй, того и гляди, самой придется также конючить у другихъ, какъ вы вотъ теперь.

Оскорбленіе и крайность положенія наконецъ побороли волю молодой дѣвушки. Съ геройскимъ самоотверженіемъ рѣшилась она пе-

ренести все, чтобы достать желаемую сумму денегъ. Гордо поднявъ голову, она съ негодованіемъ взглянула на ростовщицу и сказала:

— Я не прошу милостыни, и никогда бы не унизилась до того, чтобы даже попросить васъ объ одолженіи, еслибъ не болѣзнь моего отца. — Я вамъ предлагаю вещь въ двадцать разъ дороже того, что прошу у васъ: стало быть это не милостыня.

— О! О! матушка, какъ прытко поговаривать изволите. За чѣмъ-же къ намъ, бѣднымъ людямъ, носить такія дорогія вещи, мы въ сорокъ цѣлковыхъ картинъ не беремъ; куда намъ до высокихъ хоромъ! говорила насмѣшливо Елизавета Ивановна; а отъ милостыни не отпирайтесь, придетъ круто, такъ и поклонишься, и гривенничкомъ не побрезгаешь.... Такъ-то, прелесть моя! А ужъ картиночку-то, дорогую-то, оригиналъ-то вы у себя на стѣнку повѣсьте.

—

Солнышко уже почти село, когда дѣвушка вышла отъ ростовщицы. Она не чувствовала теплаго весенняго воздуха, отрадно пахнувшаго ей въ лицо, не слышала тихо журчавшей воды отъ таявшаго льда, не видѣла чудной разноцвѣтной драпировки облаковъ, какъ бы освѣщенныхъ бенгальскими огнями.

Въ то время когда молодая дѣвушка, съ поникшею головою, возвращалась домой, въ ея квартирѣ послѣдній лучъ солнца, проникнувъ сквозь прорѣху бѣленькой кисейной гардины, упалъ на бѣдное ложе и освѣтилъ сѣдую голову почти умирающаго старика.

На полу, у самой кровати, на деревянной скамеечкѣ сидѣла дѣвочка, лѣтъ пятнадцати. Самое нѣжное состраданіе, смѣшанное со страхомъ, видно было на ея свѣжемъ, но простенькомъ личикѣ. — Она то поправляла старое ситцевое одѣяло на ногахъ старика, то брала его за свѣсившуюся руку, но видя, что больной лежитъ безъ движенія, она наконецъ не вытерпѣла и заплакала.

— Что же это, оставили меня одну съ нимъ, ни батюшка не ведетъ доктора, ни Наталья Петровна нейдетъ! — Сказала: скоро буду, а вотъ теперь сколько времени прошло, а ее все нѣтъ! — Ну, какъ онъ безъ нея умретъ, что я тогда буду дѣлать? — а онато, бѣдная! Тутъ дѣвочка поспѣшно утерла глаза рукавомъ своего ситцоваго платья и видимо пріосамилась: Вотъ я дура, право! чего боюсь? кругомъ живые люди.... И привставъ съ скамейки, она наклонила свою бѣлокурую головку къ лицу умирающаго. — Дышетъ еще?

шептала дѣвочка, но какъ тяжело ему видно дышать-то. Бѣдный ты мой, Петръ Иванычъ, какой ты доброй былъ, ласковый.... Вскорѣ однакожъ, дѣвочка съ трудомъ могла различать черты страдальца, прошло еще нѣсколько минутъ и наступилъ совершенный мракъ въ комнатѣ.

Все приняло видъ таинственный водворилась тишина могилы. Изрѣдка слышалось только тяжкое дыханіе старика; и развѣ одинъ привычный глазъ могъ еще различить бѣлую подушку подъ больною головою. Дѣвочка же, собесѣдница страдальца, сидя на прежнемъ мѣстѣ, совершенно потонула во мракѣ. Въ это мгновеніе въ сосѣднюю комнату громко отворилась дверь и вслѣдъ за тѣмъ послышалась довольно тяжелая походка человѣка, который, вѣроятно, предшествовалъ кому-нибудь, потому-что онъ говорилъ: «Сюда, сюда, пожалуйте! осторожнѣе, не оступитесь.... тутъ три ступени.... вишь ты какая тьма. Эй, кто-тутъ, продолжалъ тотъ же голосъ; Наталья Петровна, пожалуйте скорѣе огня, я привелъ доктора!

При этихъ словахъ, дѣвочка, сидѣвшая у постели больнаго, проворно вскочила, и протянувъ руку впередъ, чтобы не ушибиться въ потьмахъ, кинулась въ сосѣднюю комнату со словами «Слава тебѣ Господи! наконецъ-то.»

Въ сосѣдней комнатѣ, она, уже привыкшая къ темнотѣ, могла, хотя съ трудомъ, различить двѣ человѣческія фигуры.

— Тише, батюшка, пожалуста, не говори такъ громко: старику-то, кажется, очень худо. Я ужъ не знала, что и дѣлать, страхъ такой обуялъ меня одну съ больнымъ.

— А Наталья-то Петровна? спросилъ довольно грубый голосъ.

— Ее нѣтъ дома, еще не приходила.

— Не приходила? Что за оказія, ужъ не случилось-ли съ нею чего?

— Но гдѣ-же больной, прервалъ ихъ третій голосъ, покажите мнѣ его скорѣе, если ему такъ худо.

— Пожалуйте, вотъ сюда, за мною, сказала дѣвочка, ощупью идя впередъ.

— Вотъ полуумная! сказалъ тотъ, котораго дѣвочка назвала отцомъ, куда-жъ идти въ потьмахъ, подай скорѣе свѣчку.

— Да свѣчки нѣтъ. Наталья Петровна хотѣла купить, да вотъ еще не приходила.

— Фу, ты какая напасть! ну, бѣги-же, Катя, проворнѣе въ мастерскую, да принеси какой ни на есть огарокъ.

Дѣвочка вышла и чрезъ нѣсколько минутъ комната озарилась тусклымъ свѣтомъ сальной свѣчи, которую дѣвочка прикрывала своей прозрачной рукою, чтобы въ быстромъ движеніи не погасить. Всѣ трое вошли въ комнату больнаго.

Старикъ лежалъ въ томъ-же положеніи, только дыханіе его было еще тяжелѣе. Нѣсколько времени докторъ, молча, осматривалъ его, щупалъ пульсъ, прислушивался къ отрывистымъ вздохамъ и наконецъ сказалъ: — Надо сейчасъ-же пустить кровь, близко ли здѣсь цирюльникъ?

— Ну, не такъ что-бы близко, съ часъ времени пройдетъ, сказалъ отецъ дѣвочки.

— Такъ дайте мнѣ поскорѣе тарелку и полотенцо, я самъ открою жилу, ждать нельзя.

Спустя минуту — черная, густая кровь тяжелыми каплями, стала падать на тарелку, но вскорѣ, уступая усиліямъ врача, брызнула фонтаномъ и облегчила страдальца. Грудь больнаго высоко поднялась, какъ-бы освобожденная отъ ужасной тяжести и съ окончаніемъ перевязки, дыханіе его сдѣлалось ровнѣе и правильнѣе.

— Теперь, сказалъ врачъ, обращаясь къ своему проводнику, я пропишу лекарство, которое нужно сейчасъ-же ему давать, чтобы не послѣдовалъ вторичный приливъ крови. Поспѣшите поскорѣе послать въ аптеку.

Прописавъ наскоро средство, отъ котораго зависѣла, можетъ-быть, жизнь человѣка, докторъ всталъ и схватился за шляпу. — Теперь я спѣшу къ больному, сказалъ онъ, а завтра рано утромъ навѣщу васъ. Прощайте! и онъ сдѣлалъ шагъ къ двери, которая въ тотъ-же мигъ отворилась и на порогѣ показалась извѣстная намъ молодая дѣвушка, съ картиною въ рукахъ. При первомъ взглядѣ на незнакомаго ей человѣка, почти столкнувшагося съ нею, какой-то страхъ выразился на ея лицѣ и она невольно воскликнула: «Боже мой, что здѣсь случилось?»

— Это-съ дохтуръ, Наталья Петровна, который, — дай имъ Богъ здоровья — не погнушались придти къ вамъ. — А это-съ ихъ дочка, то есть больнаго-то, сказалъ отецъ дѣвочки, обращаясь къ доктору.

— Но развѣ батюшкѣ стало хуже? съ ужасомъ вскрикнула молодая дѣвушка, почти кидая картину на полъ. Онъ не былъ такъ опасенъ, когда я ушла, — не правда ли, Катя? прибавила она, обращаясь къ дѣвочкѣ.

— Да развѣ долго, матушка, Наталья Петровна, не то, что захворать, да и умереть?... перебилъ её Катинъ отецъ. Да вотъ, хоть примѣромъ сказать, не будь меня, старика Антона, такъ его-бы и того ... кто знаетъ. — Благо вотъ господинъ дохтуръ помогъ ему, а ужъ теперь никто, какъ Богъ.

— Да, сказалъ въ свою очередь докторъ, котораго задерживалъ этотъ разговоръ; — только надо сейчасъ-же ему давать лекарство; не мѣшкая ни минуты пошлите въ аптеку, а завтра я увижу, что дѣлать. И онъ вышелъ.

— Вотъ дохтурова-то прописка, матушка, Наталья Петровна, сказалъ Антонъ, по уходѣ доктора, подавая ей рецептъ, пошлите хоть Катю, а мнѣ не время, работа спѣшная, къ четвергу всю мебель надо поставить барону Ухтомскому.... у него въ пятницу балъ будетъ. .. а безъ меня, сами знаете, дѣло не двигается, рады ротозѣи, что дома хозяина нѣтъ! Такъ прощенья просимъ!—

Онъ вышелъ. Объ дѣвушки остались однѣ. Минуты двѣ Наташа безсмысленно смотрѣла на сложенную бумажку, лицо ея приняло синеватый цвѣтъ умирающаго, всѣ члены какъ-бы окостенѣли: но слабый стонъ въ сосѣдней комнатѣ заставилъ ее вздрогнуть, какъ-бы отъ удара Лейденской банки, и она опрометью кинулась къ больному отцу.

Полуоткрытый, мутный взоръ старика встрѣтилъ ее у постели, запекшіяся губы больнаго шевелились, какъ-бы силясь произнесть что-то.

Затая слезы и рыданія, бѣдная дѣвушка нагнулась къ умирающему, и голосомъ, которому она хотѣла придать всю твердость и нѣжность, произнесла: Что съ вами, папенька, что у васъ болитъ?

— Тутъ, тутъ — едва внятно пробормоталъ больной, положа руку на грудь — тутъ.... горитъ — и глаза его снова закрылись, уста замолкли.

Если-бы кто взглянулъ въ это время въ лицо молодой дѣвушки, то вѣрно-бы не могъ рѣшить, кто изъ этихъ двухъ существъ былъ болѣе достоинъ сожалѣнія: старикъ, изнемогавшій отъ страданія тѣла,

или дѣвушка, подавленная отчаяніемъ у смертнаго изголовья отца. Глаза ея какъ-то дико сверкали, прекрасныя черты судорожно искривились, она съ ужасомъ закрыла лицо холодными, влажными руками. Вторичный стонъ опять потрясъ ее до мозга костей и бѣдная дѣвушка, схватя руку отца, прильнула къ ней губами. Потомъ вскочивъ, какъ безумная, она воскликнула: «Или я принесу тебѣ облегченіе, или не возвращусь!» и быстро кинулась изъ комнаты.

Не много спустя, въ маленькое окошечко дворницкой кто-то громко постучалъ. — Кто тамъ? сказалъ дворникъ, высовывая голову изъ за двери. — Отопри поскорѣе, Ѳома, вороты, нужно въ аптеку, батюшкѣ очень дурно. — Сейчасъ, матушка, сейчасъ, экое горе! говорилъ Ѳома, медленно отодвигая засовъ у воротъ. Но едва калитка отворилась, дѣвушка въ нее мелькнула и мгновенно исчезла въ темнотѣ.

—

Экипажи, хотя не съ такою суетнею, какъ днемъ, но все еще довольно часто стучали по мостовой и фонари ихъ, какъ блуждающіе огоньки, бѣгали по всѣмъ направленіямъ улицъ, то освѣщая предметы быстрымъ, мимолѣтнымъ свѣтомъ, то исчезая вдали, блѣдною точкою. На тротуарахъ еще толпились пѣшеходы, но въ движеніяхъ ихъ не замѣтно уже было ни той торопливости, ни той маетности, съ которою снуютъ они взадъ и впередъ во время дня. Магазины блистали ими и заморскими диковинами; разряженныя и перетянутыя модистки, поджидая какого-нибудь запоздалаго покупателя, все еще кокетливо порхали между шляпокъ, чепцовъ, кружевъ и поддѣльныхъ цвѣтовъ, и любопытные взгляды зѣвакъ находили себѣ развлеченіе передъ каждымъ окномъ, пестро разубраннымъ и ярко освѣщеннымъ. Только три окна, рядомъ со всѣми этими пышными капищами моды и вкуса, оставались въ полумракѣ, фантастически озаренномъ разноцвѣтными стеклянными пузырями, и не привлекали ни одного любопытнаго взора. Это была аптека. Никому изъ счастливыхъ зѣвакъ не приходило въ голову заглянуть, что дѣлается за этими синими, красными и зелеными колбами, такъ заманчиво разбрасывающими пестрые лучи по улицѣ; а между тѣмъ, въ минуту нашего разсказа, тамъ происходила довольно интереснаясцена. Молодая дѣвушка въ лихорадочномъ ожиданіи, то нетерпѣливо ходила по аптекѣ, то садилась на скамью, поставленную для приходящихъ

за лекарствами, и поминутно мѣняла положеніе, какъ больной, который не въ силахъ перенесть внутренняго волненія и нетерпѣливо мечется во всѣ стороны. Рука ея то падала на грудь, какъ-бы сокращая біеніе сердца, то на голову, не покрытую ничѣмъ, кромѣ прекрасныхъ каштановыхъ волосъ, разметавшихся около ея шейки въ живописномъ безпорядкѣ. Наконецъ монотонный голосъ провизора произнесъ : Вотъ ваша стклянка : готово ! — Дѣвушка поспѣшно подошла къ прилавку и едва слышно спросила : «Сколько слѣдуетъ ?

— Ужъ я сказалъ вамъ, цѣлковый.

— Послушайте, сказала дѣвушка, — но голосъ ея такъ дрожалъ, что она принуждена была остановиться : — вотъ видите-ли, со мною теперь нѣтъ денегъ... Не можете-ли вы отпустить мнѣ лекарство въ долгъ.... только до завтра, утромъ я принесу вамъ непремѣнно....

— Провизоръ отодвинулъ лекарство всторону и холодно сказалъ : Мы въ долгъ не отпускаемъ.

— Но я вамъ завтра непремѣнно принесу деньги....

Нѣмецъ, не отвѣчая ей, проницательно взглянулъ на нее и сказалъ :

— Доставьте свидѣтельство отъ доктора, что вы бѣдны, и мы вамъ отпустимъ лекарство безъ денегъ ; а безъ этого нельзя. Затѣмъ онъ взялъ другой рецептъ и готовился отправиться въ лабораторію. Бѣдняжка на минуту прикрыла глаза рукою, какъ-бы вызывая изъ нихъ слезы, но на этотъ разъ и онѣ не явились для ея облегченія. Вдругъ горькая улыбка искривила ея хорошенькій ротикъ, и она, сказавъ голосомъ, полнымъ отчаянной рѣшимости : — Я вамъ сейчасъ принесу деньги ! — поспѣшно сбѣжала съ лѣстницы, торопливо отворила дверь и вышла на тротуаръ. Легкой вѣтерокъ прохладно дунулъ въ лицо молодой дѣвушкѣ и заигралъ ея кудрями, но она ничего не чувствовала. Она безпокойно оглянулась во всѣ стороны, и быстро, какъ-бы боясь за свою рѣшимость, кинулась впередъ и заслонила первому, проходившему мило ея, дорогу.

— Ради Бога, сударь, одолжите мнѣ цѣлковый.... Я вамъ его возвращу, потрудитесь только прислать завтра вашъ адресъ вотъ въ эту аптеку.

Проговоря это, она смолкла и потупила взоръ, какъ-бы лишась совершенно возможности говорить и чувствовать. Свѣтъ отъ фонаря надъ дверью аптеки освѣщалъ ея пылающее лицо, вѣтеръ игралъ волосами, грудь сильно колыхалась отъ внутренняго волненія. Вся

фигура ея, озаренная свѣтомъ среди ночной темноты, казалась какимъ-то необыкновеннымъ, волшебнымъ явленіемъ. Тотъ, къ кому относились ея слова, взглянувъ на дѣвушку, невольно отшатнулся. Онъ проворно досталъ прекрасный портмоне и, подавая ей цѣлковый, съ улыбкою, сказалъ: Помилуйте, я счастливъ, что буду имѣть такую прекрасную должницу.

— Благодарю васъ, отвѣчала дѣвушка и какъ призракъ скрылась за дверью аптеки. Вскорѣ она вышла оттуда съ лекарствомъ въ рукахъ и почти бѣгомъ пустилась домой, не примѣчая, что въ разстояніи на двѣ сажени слѣдовалъ за нею, какъ тѣнь, незнакомый ей человѣкъ.

Въ нѣсколько минутъ Наташа достигла дома, въ которомъ жила. Калитка была не заперта, и дворникъ Ѳома стоялъ на часахъ у воротъ: — Съ Богомъ, матушка, съ Богомъ! говорилъ онъ пропуская дѣвушку въ калитку: на здоровье нашему старичку! — Ну, вотъ теперь, васъ голубчики на запоръ, до завтра, продолжалъ онъ, запирая ворота, наши, кажется, всѣ на нашести, стало и Ѳомѣ можно на боковую!

Но не успѣлъ Ѳома еще сдѣлать и двухъ шаговъ отъ воротъ, какъ колокольчикъ снова звякнулъ, и онъ въ недоумѣніи остановился. — Это еще кого нелегкая принесла? сказалъ онъ съ недовольнымъ видомъ. Звонокъ повторился. — Погоди, не звони, экъ загорѣлось! ворчалъ онъ, принимаясь опять за запоръ; не потопъ, кажись, за тобою! — Кого надо-ть? спросилъ Ѳома у довольно высокаго мужчины, такъ нетерпѣливо звонившаго.

— Сюда, любезный другъ, кажется, вошла сейчасъ дѣвушка изъ аптеки?

— Вошла. А вы-то кто такой? не докторъ-ли.

— Да, мой другъ, отвѣчалъ, нѣсколько заминаясь, пришедшій, — я докторъ.

— Такъ вѣрно вамъ, батюшка, надо къ нимъ? сказалъ словохотный Ѳома, пожалуйте, я проведу васъ.

— Да, хорошо, отвѣчалъ незнакомецъ, но только мнѣ надо прежде знать, кто они?

— Преотмѣнные, сударь, люди. Помогите, батюшка, старичку-то, то-есть, наипрекраснѣйшій баринъ.

— Но кто-же они?

— Господа, батюшка, то-есть, онъ, говорятъ, былъ съ достаткомъ прежде.... ну, да тамъ, вишь-ли, оказія такая приключилась; разорился сердечный; и ужъ давно, годовъ съ десятокъ побольше, говорятъ, перешолъ въ учителя. — Оно бы и ничего, такъ-себѣ, жилъ на порядкахъ, дочку-то, — вотъ, что прошла, — обучалъ всѣмъ наукамъ, въ пансіонѣ тамъ что-ли какомъ.... и славная, добрая такая барышня вышла, вотъ, что твоя ласточка, да вышла-то не на радость. Ужъ коли кому такая жизнь на роду написана, такъ ужъ тутъ баста! Она домой, а старикъ въ постель, да вотъ съ годъ почитай ни живота, ни смерти. Такая притча! Что было, пораспродали да пролечили, и теперича такъ круто пришло, что хоть.... и Ѳома выразительно махнулъ рукою. Горе-горюшко, безталанье. — А тутъ еще завтра утромъ хозяинъ велѣлъ альбо деньги взять, али выслать съ фатиры. Вотъ она притча-то, прибавилъ онъ.

— Они только вдвоемъ живутъ?

— Вдвоемъ только, батюшка, и куфаркѣ-то Наталья Петровна отказала, ужъ давненько. Добрая душа, честно поступила! Платить молъ не могу тебѣ, Ѳекла, не хочу, дескать, чтобы ты мнѣ даромъ служила, и отдала пашпортъ, право! —

— Но кто же имъ служитъ? съ участіемъ спросилъ незнакомецъ.

— Да кто! — дровецъ-то ужъ я наколю, да принесу — такъ, ради добраго слова, сказалъ самодовольно Ѳома; ну, а приглядѣть то ей за больнымъ помогаетъ Катя, дочь столяра, что живетъ подъ ними, а Наталья Петровна за то учитъ ее рукодѣлью, да грамотѣ.

— А какъ ихъ фамилія?

— Авсовы, батюшка.

— Спасибо, любезный! сказалъ незнакомецъ, уходя. Теперь мнѣ некогда, я послѣ какъ-нибудь зайду провѣдать.

— Эхъ ты! сказалъ Ѳома, запирая ворота, послѣ зайду? — да, жди тебя, какъ-же! — И я-то дуракъ! вздумалъ разсказывать объ ихъ нуждахъ.... Нѣтъ, братъ, это не ихъ приманка! Онъ, я чаю, меня и распросилъ-то нарочно, чтобы узнать, можно-ли что взять съ нихъ. Эхъ-ма! вотъ она притча-то — Нѣтъ, мусье, тутъ дѣло на чистоту выходитъ, я чаю, сами-бы взяли, кабы кто далъ.... И онъ побрелъ, ворча, въ дворницкую, и довольно долго еще слышались въ его коморкѣ отрывистыя слова и

расужденія. Наконецъ онъ замолкъ и кругомъ водворилась тишина. Всѣ въ домѣ спали, только въ третьемъ этажѣ надворнаго флигеля, въ маленькомъ окнѣ, во всю ночь мелькалъ огонекъ.

Одинокій огонекъ, мелькавшій во всю ночь, освѣщалъ бѣдную комнату, въ квартирѣ Овсовыхъ, и былъ свидѣтелемъ многихъ душевныхъ страданій, скрытыхъ отъ людей, но извѣстныхъ Тому Сердцевидцу, Который въ самыя тяжкія минуты жизни даетъ человѣку силу переживать ихъ и ниспосылаетъ утѣшеніе. Это утѣшеніе ниспослано было свыше и бѣдной Наташѣ въ эту ночь, въ горькихъ слезахъ, которыя, расплавя отчаяніе и нѣмую тоску, хлынули горячими струями и облегчили страданія ея сердца.

Возвратясь изъ аптеки, Наташа кинулась прямо къ больному отцу. Въ продолженіе многихъ часовъ она ни на минуту не отходила отъ его постели. Всѣ ея мысли и попеченія сосредоточились на одномъ: какъ-бы помочь ему, спасти его. Одно только чувство дочерней любви, при видѣ умирающаго отца, единственнаго существа, которое любило ее, радовалось и заботилось объ ней въ продолженіе всей ея юной жизни, занимало ея душу. Наташа терла холодныя руки и ноги больнаго, отогрѣвала ихъ своимъ теплымъ дыханіемъ; наконецъ, послѣ всѣхъ ея попеченій и заботъ, лекарство, стоившее ей такъ дорого, оказало свое благодѣтельное дѣйствіе. Больной съ тихимъ вздохомъ открылъ глаза, съ улыбкою посмотрѣлъ на нее и, слабою рукою погладя ее по головѣ, сказалъ: Спасибо, мнѣ лучше! — Черезъ минуту онъ снова заснулъ Наташа, тихо, не смѣя дотронуться до спящаго старичка, медленно, почти не-слышными шагами отошла отъ постели, сотворила надъ больнымъ крестное знаменіе и вышла въ другую комнату. — Тутъ она была одна, одна съ тяжкимъ воспоминаніемъ прошедшаго и въ нѣмой тоскѣ, закрывъ лицо руками, почти упала на одинъ изъ четырехъ стульевъ, бывшихъ въ комнатѣ. Рыданія душили бѣдную, въ эту минуту она вполнѣ постигла свое горькое положеніе; ужасное прошедшее и грозное будущее, попеременно, какъ страшные призраки, вставали передъ нею и терзали ее. Первое кончилось для нея ужасною минутою, объ которой бѣдная дѣвушка не могла теперь вспомнить безъ содроганія — она проклинала подаянія! — Наташа была еще такъ молода, что не могла понять, что эта минута была торжествомъ ея дочерней любви. — А завтра! что ждало ее завтра? Отецъ проснется, ему потребуется новое пособіе, — ему бу-

детъ нужна пища, для подкрѣпленія силъ, а гдѣ все это возьметъ она? У нея нѣтъ болѣе средствъ! И потребность въ пищѣ больнаго отца, вѣрный признакъ возврата его къ жизни, вмѣсто радости, разорветъ ея сердце на части. Даже этотъ слабый огонекъ, такъ скудно освѣщавшій ложе страдальца въ эту ночь, былъ даръ Кати; безъ доброй дочери столяра и огня не было-бы въ бѣдномъ жилищѣ.

Долго плакала Наташа, пока наконецъ благодѣтельная природа не взяла перевѣса надъ душевнымъ волненіемъ. Склонясь къ простому деревянному столу отяжелѣлой головкой, она наконецъ задремала.

Солнышко уже поднялось довольно высоко, заботливая дѣятельность столицы закипѣла на дворѣ и на улицѣ, когда, сквозь заслоненное сосѣднимъ строеніемъ окошко, прокралась яркая полоска свѣта и упала на дѣтское, беззаботное лицо Кати, спокойно спавшей въ углу комнаты. Она открыла глаза, — торопливо приподнялась на постели, и съ удивленіемъ глядѣла на уснувшую Наташу.

— Она спитъ, ну, слава Богу! видно Петру Александрычу лучше, сказала она, творя молитву. Бѣдняжка! видно всю ночь просидѣла съ больнымъ, а я-то, дура, ничего и не слышала; а то бы хоть смѣнила ее. — Пойду поскорѣе, принесу кипятку, можетъ ей понадобится. Пройдя тихо мимо спавшей дѣвушки, Катя вышла въ переднюю. Легкой стукъ въ дверь заставилъ ее кинуться впередъ. Она осторожно отперла ее: передъ нею стоялъ Ѳома.

— Что тебѣ, Ѳома, зачѣмъ такъ рано? спросила Катя.

— Что за рано, Катюша, скоро, я чай, часовъ десять будетъ.

— Ну, такъ чтожъ?

— А то, что пора вставать, отвѣчалъ Ѳома, домо́вый-то ужъ давно всталъ.

— А намъ какое дѣло до твоего домо́ваго.

— Вамъ-то, можетъ быть, до него дѣла и нѣту, да ему-то до васъ есть.

— Какое же?

— Хочетъ видѣть Наталью Петровну.

— Послушай, Ѳома, голубчикъ, будь другъ: не пускай сюда хозяина, хоть сегодня, сказала Катя съ безпокойствомъ. Дай ты ей хоть на одинъ день поуспокоиться! Вѣдь она сказала вчера, что теперь у нее нѣтъ ничего, чтожъ она въ эту ночь кладъ что-ли наш-

ла? Этакой вѣдь онъ, словно ему не умирать никогда; ну, что онъ ее пилитъ, не сбѣгутъ съ его квартиры.

— Да онъ говоритъ: лучше бы, молъ, сбѣжали, чѣмъ не платя, покои запимаютъ да дрова жгутъ. Вотъ ты тутъ и толкуй съ нимъ.

— Ужъ я бы столковала съ этою бородою, еслибъ не батюшка! — сказала Катя

— Да, вотъ она притча-то, у тебя батюшка, а у меня нужда, такъ и знай, молчи помалчивай, да слушай, что велятъ, отвѣчалъ Ѳома

— Наталья Петровна спитъ еще, Ѳомушка, сказала Катя; она всю ночь хлопотала около старика, вотъ самъ посмотри. Она приотворила нѣсколько дверь, противъ которой прямо, въ сосѣдней комнатѣ, спала Наташа, сидя на стулѣ. На лицѣ дворника мелькнуло состраданіе.

— Эхъ ты, горемычная моя!... сказалъ онъ, покачавъ головою и опять притворяя дверь. Скажу, что молъ больна, вотъ-те и казусъ будетъ, а ты, Катюша, возьми-ка вотъ ведерку водицы, да убери дрова, пока не увидали; согрѣшилъ, принесъ, хоть хозяинъ и строго-настрого заказалъ.... Да что, думаю, не тараканы-же они какіе-нибудь, что ихъ вымораживать будемъ.

Катя начала переносить дрова въ переднюю, но поспѣшность, съ которою она старалась скрыть слѣды хитрости добряка Ѳомы, заставила ее забыть объ осторожности: нѣсколько полѣнъ, зацѣпясь за дверь, съ грохотомъ посыпались на полъ.

Катя вздрогнула и взглянула на Наташу, глаза молодыхъ дѣвушекъ встрѣтились, стукъ разбудилъ Наташу, она тревожно взглянула въ комнату больнаго отца, думая, что и онъ тоже проснулся, но больной, измученный страданіемъ тѣла, такъ же, какъ она страданіями души, еще спалъ безмятежно. Успокоенная дѣвушка подошла къ сконфуженной Катѣ, которая шептала: » Ахъ, я безрукая дура, и дровъ-то ужъ снести не смыслю. »

— Успокойся, душенька Катя, онъ не слыхалъ стука, онъ спитъ; сказала ласково Наташа.

— Ахъ, Наталья Петровна, проговорила Катя, съ чувствомъ взглянувъ на бѣдную дѣвушку: какія вы блѣдныя, словно больныя, а глаза-то у васъ, Господи, какъ распухли! Не грустите, голубушка, Богъ не безъ милости! Что такъ убивать себя — вотъ у насъ, погодите,

все явится, все придетъ въ порядокъ.... Не прикажите-ли чайку, вамъ будетъ полегче....

— Спасибо, душенька, отвѣчала Наташа печально, я не хочу чаю.

— Вы можетъ думаете, что у насъ нѣтъ чаю? Анъ есть, говорила весело Катя, подбѣгая къ маленькому шкафу, и показывая Наташѣ фунтъ сахару и восьмушку чаю, да еще вотъ что есть! почти прыгая, продолжала Катя, вынимая изъ шкафа бѣлую булку, масло и десятокъ яицъ.

— Гдѣ ты это взяла, Катя? съ безпокойствомъ спросила Наташа.

— Я выпросила у тетушки, что пріѣхала изъ Москвы, цѣлковый; сказала, что мнѣ очень нужно. Ну, она дала, а я взяла да и купила. И Катя, добродушно смѣясь, принялась разставлять свой маленькій запасъ.

— Катя, Катя, говорила взволнованная Наташа, ты доброе, прекрасное созданіе! спасибо тебѣ.... Но, прибавила она, какъ-же мнѣ быть съ тобою, теперь я не могу отдать тебѣ денегъ, истраченныхъ на покупку.

— Послѣ, послѣ, Наталья Петровна, перебила ее дѣвочка. На что мнѣ теперь деньги? Когда понадобятся, я попрошу у васъ, а до-тѣхъ-поръ не отдавайте. Вѣдь я ихъ, знаете — сразу протранжирю; право; такъ, ни за что уйдутъ, а у васъ онѣ будутъ сохраннѣе. Я такъ рада, что могла угодить вамъ.... Вотъ — иной разъ я бы очень хотѣла поподчивать васъ нашимъ простымъ кушаньемъ, хотьбы пирожкомъ воскреснымъ... вы ко мнѣ такъ милостивы, я васъ такъ люблю, Наталья Петровна.... да не смѣю, совѣстно.... А ужъ какъ-бы вы меня обрадовали и самой бы мнѣ все показалось вкуснѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ! быстро прервала ее Наташа, не дѣлай этого, Катя, если ты меня любишь! — Чувство ложнаго стыда заставляло бѣдную дѣвушку лучше голодать, чѣмъ показать другимъ крайнюю свою нужду. Катя тихо вздохнула и стала ставить самоваръ. Въ это самое время, кто-то очень сильно застучалъ въ дверь. Обѣ дѣвушки вздрогнули, одна отъ страха, чтобы не разбудили больнаго отца, другая, оттого, что предугадывала посѣтителя.

— Уйдите, сказала Катя тихо Наташѣ, я скажу, что вы почиваете.

— Но кто тамъ? спросила Наташа. Вторичной стукъ прервалъ разговоръ и Катя кинулась отпирать дверь. Въ комнату вошелъ мужчина, или правильнѣе мальчикъ, лѣтъ семнадцати Долгополый сюр-

тукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, красная косынка, плотно обвитая вокругъ шеи, и голова подстриженная въ скобку, ясно изобличали, къ какому сословію принадлежалъ посѣтитель. Въ манерѣ, съ которою пришедшій поклонился хозяйкѣ, было такъ много надмѣннаго, такъ много тривіяльной наглости, что почти трудно было признать въ немъ настоящее его званіе. Но Ѳедотушка, такъ звали пришедшаго, былъ уже не мальчикъ, а носилъ пышное названіе *молодца*, что въ купеческомъ нарѣчіи означаетъ средину между *мальчикомъ*, существомъ робкимъ и безотвѣтнымъ, и *приказчикомъ*, дерзкимъ и наглымъ со всякимъ, съ кѣмъ только можно.

— Я пришелъ къ вамъ, началъ Ѳедотушка, замѣсто тятеньки, ему не слободно нонече.... вы вонъ изволите опочивать до десятаго часу, а у насъ въ суботній день тятенька счеты свѣряетъ да по получкамъ ходитъ, такъ онъ мнѣ и приказалъ спросить у васъ деньги — за кватеру.

При самомъ появленіи этого лица Наташа, и безъ того уже блѣдная, поблѣднѣла еще болѣе, но послѣ ловкаго вступленія молодца, она только окинула его презрительнымъ взоромъ и улыбнувшись, отвѣчала: Я еще вчера сказала вашему батюшкѣ, что теперь у меня денегъ нѣтъ. Первыя деньги, которыя будутъ, я пришлю ему.

— А можно узнать, когда эвто онѣ будутъ у васъ? прищуря глазъ, спросилъ Ѳедотушка.

— Я не могу вамъ назначить срока; но будьте покойны, ваши деньги не пропадутъ.

— Что-съ? — перебилъ Ѳедотъ, нѣтъ, ужъ за чѣмъ же-съ, не трудитесь, отъ пожданья-то ноги намозолишь.... эвтотъ товаръ намъ не съ руки-съ. Намъ али наличность, аль очищайте кватеру. Вотъ что-съ.

— Но помилуйте, сказала дрожащая, какъ въ лихорадкѣ, Наташа, батюшка болѣнъ, какъ можно его перевозить! онъ у васъ жилъ три года и всегда платилъ аккуратно.

— Да то было-съ, да сплыло-съ. Когда платилъ, такъ и мы къ вамъ съ нашимъ наиглубочайшимъ, а таперича, эвто другой сортъ, тятенька четыре мѣсяца ждали, а больше не хотятъ, расчету не выходитъ. Давайте деньги, а не то съѣзжайте.

— Но я вамъ говорю, что отецъ мой очень болѣнъ.

— Болѣнъ-съ? Ну, на эвтотъ случай есть больничное заведеніе, а здѣсь нечего проѣдаться. Мы тожъ мостовыя чинимъ, дворника со-

держимъ, ерлыки на страхъ беремъ.... тутъ не скажешься больнымъ, а вынимай кошелекъ да отваливай звонкою монетою....

— Что вы орете, вмѣшалась въ разговоръ раздосадованная Катя; развѣ оглохли? вамъ говорятъ, что здѣсь больной.

— Чего-съ?

— Да что вы, Наталья Петровна, въ самомъ дѣлѣ, смотрите этому неучу въ зубы, выгоните вонъ, и все тутъ, вы хозяйка.

— Чего-съ, сказалъ подбоченясь Ѳедотъ: хозяйка? Въ чужомъ-то домѣ? а вотъ я же покажу вамъ, кто здѣсь хозяинъ! Вишь-ты, какія выискались: живутъ даромъ, топливо чужое жгутъ, да еще они же и фордыбачатся.... хозяйки тоже! А вотъ я вамъ похозяйничаю, спѣсито поспущу маленечко! дровъ у васъ нѣтъ, стало не нужны и вьюшки.... И онъ дерзко пошелъ въ комнату больнаго, гдѣ была печь.

Убитая, уничтоженная до-сихъ-поръ Наташа, при послѣдней дерзости купчика, кинулась впередъ. Лицо ея запылало заревомъ, страхъ за отца, негодованіе за неуваженіе къ больному, въ его квартирѣ, возмутили ея душу и вызвали наружу всю энергію. Она заслонила собою входъ въ комнату, и, взглянувъ гордо и презрительно на мальчишку, голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, сказала: Вонъ сію минуту! я здѣсь хозяйка! И пока мой отецъ болѣнъ, а я жива, никто не осмѣлится нарушить его покоя и онъ останется здѣсь! Далѣе она не могла говорить и съ горькими рыданіями, прислонилась къ двери. Озадаченный въ первую минуту Ѳедотушка, остановился, какъ вкопанный, посрединѣ комнаты, но когда увидѣлъ, что жертва его плачетъ, онъ приосанился.

— Что-съ? никто не посмѣетъ, увидимъ!... и онъ опять было двинулся къ двери; но сильная рука, быстро и неожиданно отбросила его въ уголъ комнаты, и повелительный, хотя и тихій голосъ незнакомаго мужчины, уже нѣсколько минутъ слушавшаго этотъ разговоръ, произнесъ: «Ни съ мѣста, негодяй?» Минута тихаго молчанія смѣнила шумъ, бывшій за нѣсколько секундъ. Всѣ были изумлены въ высшей степени появленіемъ незнакомца, приходъ котораго никто не замѣтилъ въ общемъ смятеніи. Сконфуженная и растерявшаяся Наташа стояла, опустя голову, не находя, что сказать незнакомцу, который былъ свидѣтелемъ сцены очень для нее тягостной. Но это молчаніе не долго длилось, оно было прервано Ѳедотушкой, который скорѣе всѣхъ пришелъ въ себя.

— Что вы толкаетесь, заговорилъ онъ, пятясь къ стѣнѣ, я велю позвать молодцовъ, караулъ закричу, вотъ что-съ! что эвто вы воюете въ чужомъ дому, я здѣсь хозяинъ съ позволенія сказать, а вы что такое? Озарничать никому не позволимъ! Я пришелъ съ резономъ. Пусть отдадутъ деньги, я и пойду, а то еще дерутся.

— Но развѣ ты смѣешь безпокоить больнаго? И кто тебѣ далъ право говорить дерзости въ чужой квартирѣ? прервалъ его незнакомецъ.

— Кватера-то моего тятеньки — сказалъ пріосанясь мальчикъ, а что-же такое больной — извѣстно дѣло, всякъ человѣкъ бываетъ болѣнъ, такъ по эвтому резону и своихъ денегъ не требуй? Эка невидаль!

— Никто не властенъ буянить, и если ты еще скажешь одно слово, то берегись! произнесъ пришедшій, и потомъ, обратясь къ Наташѣ, вѣжливо прибавилъ: Извините меня, сударыня, что я былъ такъ неакуратенъ, и давно не исполнилъ порученія, на меня возложеннаго, изъ принадлежащихъ вашему батюшкѣ денегъ отдать за квартиру вотъ этому болвану. Я все былъ занятъ и не думалъ, чтобы моя медленность могла причинить вамъ такую непріятность. И за тѣмъ, обратясь къ Ѳедотушкѣ, незнакомецъ спросилъ. Сколько тебѣ слѣдуетъ?

— Да мнѣ-съ, отвѣчалъ присмирѣвшій Ѳедотъ, мнѣ за четыре мѣсяца приходится.

— Сколько всего надо? нетерпѣливо спросилъ незнакомецъ.

— Сто шестьдесятъ рублей ассигнаціями, отвѣчалъ Ѳедотъ.

Незнакомецъ вынулъ бумажникъ, досталъ изъ него деньги, и отсчитавъ требуемую сумму, подалъ ее обрадованному Ѳедоту.

— Вотъ, сказалъ онъ, твои деньги, и за два мѣсяца впередъ; распишись, что получилъ.

На поданномъ услужливою Катею листкѣ бумаги, Ѳедотъ вывелъ безграмотныя каракули въ полученіи.

— Теперь убирайся отсюда, негодяй, и знай, что только изъ уваженія къ покою больнаго, тебѣ такъ дешево сходитъ съ рукъ твое буйство. Вслѣдъ затѣмъ повелительный жестъ вмигъ подвинулъ Ѳедотушку къ двери, въ которую пятясь задомъ, онъ бормоталъ: Прощенья просимъ-съ, не извольте тревожиться, тепереча мы въ акуратѣ! И проворно шагнулъ за дверь.

Послѣдовало вторичное молчаніе, болѣе продолжительное, потому что Наташа, изумленная въ высшей степени поступкомъ и словами незнакомца, не знала, съ чего начать разговоръ, а онъ, очень почтительно и вѣжливо стоя противъ нея, не произносилъ ни одного слова, а только въ нѣмомъ восторгѣ любовался чудною красотою и замѣшательствомъ молодой дѣвушки. «Какъ она хороша, думалъ онъ, Боже мой! какъ она хороша.» Наконецъ женскій инстинктъ заставилъ Наташу побороть свое замѣшательство и прекратить это нѣмое созерцаніе. Она тихо и застѣнчиво подошла къ незнакомцу.

— Извините, но я право не знаю....

— Кто я? прервалъ ее весело незнакомецъ, и какъ осмѣлился, не испрося вашего позволенія, распорядиться въ вашемъ домѣ? Очень вѣрю, сударыня, что это васъ удивляетъ, потому что я еще въ первый разъ имѣю счастіе представиться вамъ. Но это мнѣ не мѣшаетъ знать вашего батюшку и уважать его отъ всей души; хотя я очень виноватъ предъ нимъ. Дѣло, по которому я осмѣлился явиться къ вамъ, благодаря Бога, такъ кстати, если вы позволите, я объясню вамъ въ двухъ словахъ.

Наташа пригласила своего гостя сѣсть и онъ началъ.

— Вашъ батюшка, какъ истинный художникъ, не желая пользоваться одинъ своимъ прекраснымъ талантомъ, старался многимъ передать свое искусство, хотя это довольно трудно. По-крайней-мѣрѣ, онъ многимъ доставилъ честь называться его учениками. Одинъ изъ учениковъ его, мой родственникъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, остался долженъ вашему батюшкѣ восемь сотъ рублей, или лучше сказать не онъ, а человѣкъ, отъ котораго онъ тогда зависѣлъ. Впослѣдствіи, когда онъ вышелъ изъ подъ опеки, различныя дѣла удерживали его далеко отсюда и онъ не зналъ адреса вашего батюшки. Но долгъ этотъ лежалъ у него на душѣ, и онъ, переславъ мнѣ деньги, просилъ отыскать его наставника, и отдать ему слѣдующую сумму. Къ несчастію, я только вчера утромъ случайно узналъ вашъ адресъ, и жестоко наказанъ за то, что сейчасъ-же не явился къ вамъ, и на цѣлый день лишилъ себя счастія вашего знакомства.

Открытое и прекрасное лицо незнакомца, пріятный органъ голоса и простой, откровенный разговоръ, вывели Наташу изъ замѣшательства, а послѣднія слова вызвали даже кокетливую улыбку.

— Какъ ни велико ваше несчастіе, но вы мнѣ позволите, вмѣсто

сожалѣнія, только поблагодарить васъ за лестный комплиментъ. Но, прибавила она серьозно, странно, что батюшка ни разу не говорилъ мнѣ объ этомъ долгѣ?

— Можетъ быть, прервалъ ее гость; это оттого, что съ этимъ долгомъ воскресло-бы въ немъ воспоминаніе о человѣкѣ, который поступилъ съ нимъ дурно, неблагодарно. Въ то время, пишетъ мнѣ мой родственникъ, вашъ батюшка даже отказался отъ денегъ. Но это не даетъ ему права отказаться отъ нихъ и теперь, когда человѣкъ, оскорбившій его не существуетъ, а невинный вполнѣ сознаетъ его несправедливость. Вашъ батюшка болѣнъ, а потому вы вѣрно не откажетесь принять сумму вмѣсто его. И онъ вынулъ изъ бумажника деньги и, подавая ихъ Наташѣ, продолжалъ. Вы берете вашу собственность.

Наташа находилась въ эту минуту въ весьма затруднительномъ положеніи; она не знала, на что рѣшиться. Какое-то внутреннее чувство говорило ей, что она была не въ правѣ принять деньги, отъ которыхъ когда-то, по словамъ незнакомаго молодаго человѣка, отказался ея отецъ. Не принять-же ихъ, въ теперешнемъ положеніи, грѣшно, думала она; если я это сдѣлаю, то должна возвратить сію-же минуту и ту сумму, которая отдана за квартиру. При видѣ средствъ къ дальнѣйшему существованію, настоящее ея положеніе казалось ей еще ужаснѣе, хотя болѣе горестнымъ оно едва-ли могло быть. Страданія отца, недостатки и лишенія, которыя онъ неминуемо долженъ будетъ испытывать, приводили ее въ трепетъ. Неужели она снова должна будетъ протянуть руку для подаянія? и достанетъ-ли у нея на столько силъ, хотя въ сущности она еще не знала, что такое просить милостыню, что такое прибѣгнуть къ людскому состраданію. «Вчера, думала она, я просила съ обѣщаніемъ отдать; и я обманула того, кто мнѣ повѣрилъ; я поступила хуже, чѣмъ нищая, та проситъ, а я заняла и мнѣ нечѣмъ ему уплатить сегодня. Онъ вѣрно принесъ уже свой адресъ и придетъ справиться? — А можетъ быть, это былъ небогатый человѣкъ, который самъ нуждается и я обманула его. При этой мысли Наташа забыла, что въ комнатѣ были свидѣтели и почти со стономъ закрыла руками отъ страшной мысли свое пылающее лицо.

Незнакомый господинъ смотрѣлъ на нее глазами, полными участія и состраданія. Онъ молчалъ, потому что не умѣлъ и не смѣлъ успокоить ее. Невольный вздохъ ея собесѣдника вывелъ Наташу изъ само-

забвенія, она отняла руки отъ лица, и невольно взглянула на своего гостя. Во взорѣ его, устремленномъ на нее, она прочла то чувство, котораго ни въ комъ, съ самаго начала своихъ несчастій, она еще не встрѣчала. Грустный, полный живѣйшаго участія взглядъ незнакомца, какъ цѣлебный бальзамъ подѣйствовалъ на ея душу, и по неопытности и незнанію холодныхъ условій свѣта, она не въ силахъ была владѣть собою, чувство взяло верхъ надъ разсудкомъ, грудь ея поднялась высоко, по прекрасному личику пробѣжалъ какой-то легкой судорожный трепетъ, рѣсницы задрожали и невольныя слезы брызнули изъ глазъ. Припадокъ былъ такъ силенъ, что нѣсколько времени всѣ нервы бѣдной дѣвушки трепетали отъ внутренняго движенія, рыданія душили ее, и незнакомецъ, свидѣтель этихъ слезъ, въ испугѣ кинулся къ ней. «Успокойтесь, говорилъ онъ, ради Бога, успокойтесь!» Но видя, что старанія его тщетны, онъ кликнулъ Катю, бывшую въ передней.

Въ минуту Катя явилась съ водою, и успокоивая Наташу, говорила:

— Голубушка, Наталья Петровна, не плачьте! Ну, что это такое! каждый день вы себя мучаете; вотъ батюшка выздоровѣетъ, тогда все пойдетъ по старому. Вы такія добрыя, васъ Богъ не оставитъ, когда вы и баринъ никому, окромя добра, ничего не сдѣлали. Но Наташа не прежде успокоилась, пока природа не сдѣлала своего дѣла и слезы не облегчили ея сжатой груди. Когда нервный припадокъ прошелъ и она была уже въ силахъ владѣть собою, Наташа не знала, что дѣлать отъ стыда.

— Ради Бога, говорила она незнакомому господину, простите меня! я сама не знаю, что это съ мною сдѣлалось, мнѣ такъ совѣстно, но все это было такъ непроизвольно...

— Что вполнѣ оправдываетъ васъ, — прервалъ ее незнакомецъ, почтительно взявъ ее за руку, вы обнаружили прекрасное сердце, показали, что вы рѣдкая дочь, этихъ чувствъ стыдиться нечего .. и еслибъ только я могъ....

— Вы давича, кажется, говорили, прервала его Наташа, желая перемѣнить разговоръ, что знаете батюшку?

— Нѣтъ—то-есть, да! отвѣчалъ незнакомецъ: я видалъ его у моего родственника, когда онъ тамъ давалъ уроки. Потому-то, родственникъ мой и поручилъ мнѣ отдать вашему батюшкѣ эти деньги, которыя, за его болѣзнію, я долженъ вручить вамъ.

— Мнѣ? отвѣчала Наташа печально, но видите-ли, сударь, я не смѣю взять ихъ безъ позволенія батюшки, если онъ отказался....

— Онъ отказался, когда былъ здоровъ и могъ трудиться, а теперь онъ болѣнъ и ваша обязанность, какъ дочери, принять эти деньги. Клянусь вамъ честію, что за это никто и никогда не упрекнетъ васъ.

Наташа приняла деньги.

— Я даже совѣтовалъ-бы вамъ, пока вашъ батюшка болѣнъ, не говорить ему ни обо мнѣ, ни объ деньгахъ. Воспоминаніе прошедшаго можетъ взволновать его : больные очень раздражительны, и досада и удовольствіе на нихъ сильно дѣйствуютъ; а ему нуженъ покой. Дайте мнѣ слово, что вы ему теперь ничего не скажете, я такъ уважаю вашего батюшку, такъ желаю ему добра, что.... Въ эту минуту въ комнату вошелъ докторъ, подававшій наканунѣ больному помощь.

— Что вашъ больной? спросилъ врачъ, и узнавъ, что онъ еще до-сихъ-поръ спитъ, попросилъ, чтобы его къ нему проводили.

— Онъ всю ночь такъ спалъ? спросилъ докторъ Наташу.

— Часу до шестаго онъ не спалъ совершенно , но потомъ уснулъ, нѣсколько разъ, впрочемъ, прибавила Наташа, его безпокоилъ кашель, но повидимому не прерывалъ сна, онъ не стоналъ и не звалъ меня.

Докторъ нагнулся къ больному, прислушался къ дыханію и тихо дотронулся до руки, чтобы попробовать пульсъ. Отъ прикосновенія, хотя очень легкаго, больной въ туже минуту открылъ глаза.

— Какъ вы себя чувствуете, спросилъ медикъ.

Больной не отвѣчалъ.

— Что вы чувствуете, папенька, лучше ли вамъ? сказала Наташа. Старичекъ посмотрѣлъ на дочь и съ усиліемъ сказалъ, едва слышно : Что, мой другъ, я не слышу.

Наташа гораздо громче повторила свой вопросъ.

— Не слышу ! отвѣчалъ больной. Встревоженная Наташа взглянула на доктора, который молча наблюдалъ за больнымъ. — Что это значитъ г. докторъ? спросила она

— Гм ! въ эту ночь, отвѣчалъ ей врачъ, болѣзнь, кажется, приняла другое направленіе и поразила головные органы : онъ потерялъ слухъ.

— Потерялъ слухъ ! почти вскрикнула бѣдная Наташа, сплеснувъ руками.

— Не пугайтесь, сказалъ врачъ, это можетъ пройти. Благодарите Бога, что онъ сохранилъ умственныя способности и зрѣніе вашему батюшкѣ. Посмотрите, какъ онъ наблюдательно слѣдитъ нашъ разговоръ, значитъ, мозговая система у него въ порядкѣ.

И точно, больной старикъ протянулъ свою бѣлую, исхудавшую руку къ дочери, и когда та, не выдержавъ, со слезами наклонилась къ ней, онъ сдѣлалъ усиліе улыбнуться и тихо проговорилъ: «Ну, ну, что за бѣда! — я вѣрно оглохъ, ничего не слышу, все думалъ, что ты спишь—не хотѣлъ тебя будить. Не плачъ. Богъ дастъ, это пройдетъ.

— Онъ не страдалъ головною болью? спросилъ докторъ.

— Нѣтъ; но съ годъ уже сталъ плохо видѣть, сказала Наташа.

— Гмъ!—ну, такъ продолжайте лекарство, давайте его больному, какъ сказано, а главное, чтобы онъ былъ совершенно покоенъ.... малѣйшее огорченіе или безпокойство могутъ быть для него убійственны. Не говорите съ нимъ, чтобы онъ не утружалъ себя догадками. Пища его должна быть самая легкая и свѣжая: уха изъ живой рыбы, супъ изъ цыпленка и больше ничего. А тамъ, я какъ-нибудь заѣду къ вамъ, и мы увидимъ!

Докторъ поклонился и ушелъ.

Взволнованная дѣвушка подошла къ незнакомцу, который оставался въ комнатѣ, смѣжной съ спальнею больнаго. —

— Вы слышали, что съ нимъ случилось? Теперь я вамъ скажу, что вѣрно самъ Господь послалъ васъ для его спасенія, и я съ благодарностію принимаю деньги, которыя, какъ вы говорите, заработалъ мой бѣдный отецъ. Я увѣрена, продолжала она съ чувствомъ, вперивъ въ незнакомца испытующій взоръ, что вы говорите, правду и что принявъ эти деньги, я не сдѣлаю безчестія имени моего отца. Послѣ всего, что вы здѣсь видѣли, грѣшно было бы вамъ прибавлять еще лишнее горе къ нашимъ несчастіямъ.

— Клянусь вамъ! отвѣчалъ онъ, съ восторгомъ смотря на дѣвушку, которой чистая душа свѣтилась въ каждомъ ея звукѣ, въ каждомъ взглядѣ; клянусь, что я въ отношеніи къ вамъ исполняю только долгъ честнаго человѣка. Но помните: не говорите ему ни обо мнѣ, ни объ деньгахъ, это можетъ взволновать его и причинить ему вредъ.

— Я не могу ему ничего сказать про васъ, сказала Наташа, потому что и сама не знаю, съ кѣмъ имѣю честь говорить.

— Меня зовутъ Алексѣй Александровичъ Пыжовъ, откланиваясь, говорилъ незнакомецъ, и потомъ, какъ бы возвращаясь, прибавилъ: На счетъ доктора я прошу васъ не безпокоиться; я пришлю вамъ очень добраго и свѣдущаго врача.

Наташа молча поклонилась ему, говорить она была не въ состояніи. Проводивъ гостя до дверей, она быстро кинулась къ образу: колѣна ея невольно склонились, руки скрестились на груди, заплывшій взоръ и трепещущія губы выразили молитву, которую, можетъ быть, не въ состояніи было бы высказать никакое человѣческое краснорѣчіе.

День этотъ, такъ грустно начатый Наташею, прошелъ очень тихо и безъ новыхъ приключеній. Въ полдень обѣщанный докторъ дѣйствительно явился. Осмотря больнаго, онъ успокоилъ Наташу, говоря, что съ помощію Бога, отвѣчаетъ не только за жизнь его, но даже за скорое выздоровленіе. Бѣдная дѣвушка воскресла душою. Давно ли я, думала Наташа, когда осталась одна, не знала, что дѣлать, къ кому обратиться, чтобы вымолить хотя малѣйшую помощь, или состраданіе, и не находила ни того, ни другаго; насъ безжалостно гнали вонъ, я не знала гдѣ мы даже приклонимъ головы, и вдругъ — о, Боже мой! какъ мнѣ благодарить тебя, за великую милость, ниспосланную скорбящимъ въ самую тяжкую минуту ихъ жизни! И прекрасные глаза молодой дѣвушки, полные вдохновеннаго благоговѣнія, поднялись къ небу, столь-же чистому и лазурному, какъ и они.

День угасалъ, еще полчаса и онъ угасъ совершенно. Наташа съ спокойнымъ сердцемъ предалась покою у ногъ больнаго отца, послѣ всѣхъ тяжкихъ треволненій прошедшаго дня.

Много недѣль прошло для Наташи, въ томъ-же спокойствіи; были минуты даже отрадныя. Здоровье старика Овсова видимо поправлялось. Онъ могъ уже различать нѣкоторыя слова, натурально — очень громко произнесенныя. Нельзя описать радости старика, когда первый звукъ дочерняго голоса коснулся его слуха. «Скажи еще, скажи еще, мой другъ, мое милое дитя!» И когда Наташа такъ же громко сказала «Милый папенька!» то старикъ не выдержалъ и съ крикомъ. «Слышу, опять слышу!» заплакалъ, какъ ребенокъ. Впрочемъ, обыкновенно съ нимъ объяснялись письменно; крупно и четко написанное, онъ могъ читать безъ усилій, не смотря на всю свою слабость.

Новый знакомый Наташи, Алексѣй Александровичъ, такъ же довольно часто заходилъ, чтобы справиться о здоровьи больнаго. Сначала визиты его ограничивались нѣсколькими минутами; потомъ они сдѣлались продолжительнѣе и наконецъ стали длиться по цѣлымъ часамъ. Все это было очень естественно. Сначала, тревожное состояніе души бѣдной Наташи, при видѣ страданій отца, которыя отъ времени до времени возобновлялись, и еще слишкомъ недавнее знакомство заставляли молодыхъ людей мѣняться одними общепринятыми фразами, и тотчасъ-же расходиться; но когда Наташа сдѣлалась поспокойнѣе, она уже съ удовольствіемъ удѣляла своему гостю четверть часа, пол-часа, а иногда и болѣе. Разговоръ ихъ теперь не ограничивался одними вопросами и отвѣтами, но съ каждымъ разомъ становился живѣе и занимательнѣе. Оставаясь всегда одна съ больнымъ отцомъ, съ которымъ не могла сказать слова, вслѣдствіе докторскаго запрета, или вдвоемъ съ Катею, которая, по наивности ума и по лѣтамъ была еще почти что ребенокъ, бѣдная дѣвушка очень радовалась посѣщеніямъ Алексѣя Александровича. По незнанію свѣта и по чистотѣ своихъ помысловъ, она смотрѣла на него, какъ на друга, какъ на брата, ниспосланнаго въ домъ ихъ самимъ Провидѣніемъ. Поговорить съ нимъ, излить ему всѣ чувства, которыя тѣснили грудь ея, повѣрить свои опасенія и надежды — было для нея истиннымъ наслажденіемъ. Онъ выслушивалъ ее всегда съ самымъ живымъ и теплымъ участіемъ; всегда скромный и почтительный, онъ какъ будто боялся малѣйшимъ взглядомъ или холоднымъ словомъ нарушить покой души молодой дѣвушки, которая такъ довѣрчиво и радостно повѣряла ему свои завѣтныя чувства и мысли. Почти съ дѣтскою откровенностію разсказывала Наташа про свое дѣтство, про первыя впечатлѣнія своей юности, и тутъ Пыжовъ узналъ отъ нее всѣ подробности жизни старика Овсова; узналъ, что у нея есть довольно богатый дядя, къ которому отецъ ея во время болѣзни писалъ, но не получилъ никакого отвѣта. Но Наташа была еще такъ молода и такъ недавно вышла изъ сферы учебныхъ занятій, которыя поглотили всѣ ея юношескіе годы, что не могла знать всѣхъ подробностей біографіи своего отца и обсудить его фамильныя отношенія. Чтобы покороче познакомить читателя съ Петромъ Иванычемъ Овсовымъ, мы должны сами приняться за его жизнеописаніе и для этого перенестись лѣтъ за сорокъ назадъ.

—

Въ одной изъ юго-западныхъ губерній, на небольшóмъ скатѣ горы, красовалась хорошенькая, чистенькая деревенька, состоявшая душъ изъ двухъ сотъ. Каждое лѣто, сельскія избы, однообразно и опрятно построенныя, тонули, какъ въ саду, между старыми вязами и клепами, прикрывавшими ихъ соломенныя кровли. Пестрыми, широкими лентами сбѣгали съ горы засѣвы, къ небольшой, но быстрой рѣчкѣ, за которою золотыми волнами перегибались колосья созрѣлаго хлѣба, на тщательно обработанныхъ поляхъ. Во всемъ, что встрѣчалось въ этой деревенькѣ, не видно было ни барственной роскоши, ни вычурныхъ затѣй заморской агрономіи; повсюду проглядывало довольство и спокойствіе. Попадавшіяся деревенскія дѣвушки цвѣли здоровьемъ; крестьяне отличались дородностію и силою; лошади ихъ были не изнурены, стада тучны, пастбища злачны. Господской домъ, построенный среди рощицы, на пригоркѣ, не отличался особенною архитектурою, ни пышными террасами и колонадами. Это былъ простой, скромный домикъ, обшитый тесомъ и окрашенный охрою. Въ огромномъ фруктовомъ саду, не было ни китайскихъ бесѣдокъ, ни восточныхъ кіоскокъ и того менѣе подбритаго терну и подстриженныхъ деревьевъ. Надъ домомъ возвышался маленькій мезонинъ, надъ флигелемъ узорчатая голубятня. Домъ, по себѣ уже не слишкомъ высокій, казался еще ниже отъ огромныхъ деревъ, между которыми онъ пріютился и которыхъ вѣтви служили ему какъ бы щитомъ отъ вьюгъ и непогодъ холодной зимы и отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца. Въ вѣтьяхъ этихъ деревъ безъ страха, довѣрчиво вили гнѣзды, надъ самымъ домомъ, аисты, и мелкіе птахи, какъ будто инстинктомъ предчувствуя, что покой ихъ не будетъ нарушенъ и что птенцы ихъ, окрѣпнувъ въ родномъ гнѣздышкѣ, всегда найдутъ въ немъ безмятежный притонъ. За то мирный обитатель небольшаго сельскаго домика, добрый помѣщикъ хорошенькой деревеньки, каждый день пилъ чай, обѣдалъ и ужиналъ подъ звуки чудеснаго воздушнаго концерта, и дышалъ благотворною прохладою подъ своими старыми деревьями. Всегда довольный и веселый, Иванъ Иванычъ Овсовъ, любившій всѣхъ и любимый всѣми, былъ истинно счастливъ. Лѣтомъ, окончa подъ вечеръ всѣ дѣла по хозяйству, онъ обыкновенно садился съ трубкою у открытаго окна, радушно кланялся проходившимъ крестьянамъ и съ улыбкою прислушивался къ тихому пѣнію птицъ, по временамъ вос-

клицая: «Эка канашка, какъ вытянула, что твоя флейта. Петя, Николаша, послушайте-ка. Кажется, это новая гостья явилась, право вчера этого голоса, не слышно было.» Эти слова относились къ двумъ мальчикамъ, часто игравшимъ на дворѣ передъ окнами барскаго дома.

Николаша и Петя были дѣти Ивана Иваныча Овсова, но при взглядѣ на нихъ трудно было повѣрить ихъ тѣсному родству, такъ велика была разница между ними. Старшій, Николинька, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, широкоплечій, мускулистый, съ угловатымъ и почти всегда серьезнымъ лицомъ, сѣрыми, узкими глазами и съ бѣлокурыми, почти изъ-красна, волосами, могъ служить совершенно противоположностію своему меньшому брату, мальчику лѣтъ десяти, прямому, стройному, съ мягкими каштановыми кудряшками, съ прекрасною, открытою физіономіею, которой его большіе черные глаза, сверкавшіе искрами ума и чувства, придавали постоянно жизнь и энергію.

Характеры двухъ братьевъ были такъ же различны, какъ и ихъ наружность. Медленный, положительный и расчетливый Николинька не давалъ почти никогда и ни въ чемъ промаховъ, даже въ самыхъ играхъ никогда не отказывался отъ выгодъ своей побѣды, не останавливался на пол-дорогѣ къ цѣли, потому что умѣлъ уже соразмѣрять свои дѣтскія средства и не брался за то, что было свыше силъ его. Николинька никогда не присвоивалъ себѣ ничего чужаго, но и не позволялъ дотронуться до своей собственности. Довольно тупой къ наукамъ, онъ изучалъ предметы съ трудомъ; но за то, если что выучивалъ, то зналъ хорошо и никогда не забывалъ. Напротивъ, пылкій, довѣрчивый, энергическій характеръ Петруши заставлялъ его очень часто дѣйствовать опрометчиво: онъ готовъ былъ взяться за все, и если видѣлъ, что это ему не по силамъ, то откровенно признавался, что ошибся; если же въ какой-нибудь изъ дѣтскихъ игръ, онъ оставался побѣдителемъ, то охотно уступалъ первенство побѣжденному и даже прибавлялъ къ тому свою долю лакомства; всѣ игрушки, фрукты и другія дѣтскія вещи, которыя приходились на его часть, обыкновенно были общимъ достояніемъ; почему все, что ему принадлежало, всегда бывало скорѣе сломано, съѣдено и изношено, чѣмъ у другихъ. Снисходительный къ просьбѣ, щедрый въ милосердіи, заступникъ за каждаго,

кто имѣлъ въ томъ нужду, этотъ ребенокъ, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, былъ еще отъ природы надѣленъ свѣтлымъ умомъ и самыми блестящими способностями. Мудрено-ли, что онъ былъ любимцемъ всѣхъ его окружающихъ.

Отецъ маленькихъ Овсовыхъ много лѣтъ не выѣзжалъ изъ своей деревни, ему казалось, что въ другомъ мѣстѣ онъ рѣшительно не могъ бы существовать: въ этой деревнѣ онъ выросъ, женился, тутъ родились его дѣти. Изъ окна, возлѣ котораго онъ обыкновенно сиживалъ, виднѣлась глава той церкви, въ сосѣднемъ селѣ, гдѣ онъ вѣнчался, и гдѣ теперь покоилась его подруга, смерть которой въ первый разъ въ жизни познакомила его съ горемъ. Въ ту сторону привыкъ онъ каждый день, проснувшись, помолиться; туда направлялъ онъ, по праздникамъ, свои прогулки..... Ну, какъ все это оставить? Рѣшительно нельзя!

Однако пришло время, когда это нельзя сдѣлалось возможнымъ и даже необходимымъ: Ивану Иванычу надо было везти дѣтей въ корпусъ. Усадя своихъ мальчугановъ въ тарантасъ, старикъ грустно взглянулъ на домъ; потомъ въ ту сторону, гдѣ почивала мать его дѣтей, тяжело вздохнулъ, пробормоталъ что-то чуть внятно, перекрестился, сѣлъ рядомъ съ сыновьями и, напутствуемый общимъ благословеніемъ собравшихся на проводы крестьянъ, сказалъ кучеру: «Ну, Сидорушка, трогай легонько, съ Богомъ!» и медленной рысью выѣхалъ изъ свой усадьбы.

Прошло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ. Постарѣвшій Иванъ Иванычъ жилъ по прежнему въ своемъ низенькомъ домѣ, по прежнему сиживалъ у завѣтнаго окна, только глаза его приняли другое направленіе. Взоръ старика, теперь часто, по цѣлымъ часамъ, устремленъ былъ на большую дорогу, убѣгавшую вдаль широкою лентою. Пронесется-ли по ней тройка, зальется-ли колокольчикъ, старикъ пріободрится и шепчетъ: «Вотъ, когда-нибудь и они такъ пріѣдутъ!» — Проскачетъ-ли верьховой, а онъ опять: «Ужъ не ко мнѣ ли съ письмомъ отъ нихъ?» И когда дѣйствительно добрый пріятель его, почтмейстеръ ближняго городка, съ нарочнымъ пришлетъ ему бывало такъ нетерпѣливо ожидаемыя письма, Иванъ Иванычъ не можетъ ихъ начитаться. — Да и правду сказать, было что почитать: сколько любви и почтенія въ этихъ письмахъ сыновей къ одинокому отцу; сколько похвалъ и утѣшенія въ письмахъ объ

нихъ воспитателей и начальниковъ! И добрый старичекъ, отъ избытка душевнаго счастія, взглянетъ, бывало, сквозь слезы, въ ту сторону, гдѣ виднѣется церковная глава въ усадьбѣ сосѣда, да и скажетъ: «А! матушка, каково? вѣдь это наши дѣтки!» Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и слово *дѣти* осталось только въ устахъ старика, у другихъ оно замѣнилось словомъ *молодые люди*. Коля и Петя блестящимъ образомъ кончили свое воспитаніе и поступили на государственную службу. Старикъ Овсовъ былъ въ восторгѣ, но писалъ сыновьямъ: «Послужите сперва годокъ-другой, а тамъ можете и попроситься въ отпускъ, повидаться съ старикомъ отцомъ, который молится за васъ и благословляетъ васъ съ могилы доброй вашей матери!»

Но каковъ былъ восторгъ старика, когда одинъ разъ по утру ему привезли изъ города посылку, тщательно закупоренную въ ящикъ и зашитую въ клеенку. Вскрывъ ее, онъ вынулъ оттуда два портрета, писанные акварелью: «Дѣти мои, дѣти! вскричалъ Иванъ Иванычъ, и принялся цѣловать картины. Сердце отца узнало ихъ, и весь день онъ не выпускалъ изъ рукъ дорогихъ изображеній, ставилъ ихъ передъ собою, разговаривалъ съ ними, какъ дитя съ своими куклами, и вся дворня должна была приходить смотрѣть на нихъ. — «Вотъ, вотъ, взгляни-ка, это наши молодые господа, Коля и Петруша! А? — что? — Каковы молодцы!» говорилъ старикъ съ восторгомъ каждому, кто входилъ. «Ну, что скажешь? Вѣдь молодцы? молодцы! Не правда ли?» И рюмка водки и гривенникъ денегъ были наградою за каждый удовлетворительный отвѣтъ. Много водки и денегъ вышло въ этотъ день у Ивана Иваныча. Только къ вечеру старикъ немного успокоился и повѣсилъ портреты на стѣнку, въ своей любимой комнатѣ. Съ этихъ поръ глаза Ивана Иваныча приняли третье направленіе.

Сюрпризъ отцу присылкою портретовъ сдѣлалъ Петя, который еще въ дѣтствѣ показывалъ удивительную способность къ живописи, съ лѣтами эта способность развилась въ немъ до страсти. Все время своего досуга онъ посвящалъ на изученіе своего любимаго искусства, и въ нѣсколько лѣтъ постояннаго труда, Петя сдѣлался замѣчательнымъ художникомъ.

Прошло около двухъ лѣтъ съ небольшимъ съ присылки портретовъ. Иванъ Иванычъ не сидѣлъ, уже по прежнему, у своего окна,

а лежалъ въ маленькой спальнѣ, окутанный мѣховымъ одѣяломъ; портреты висѣли противъ него, и часто тусклый, угасающій взоръ старика обращался къ нимъ.

— Не ѣдутъ! что они не ѣдутъ? шепталъ больной.

— Что батюшка? спрашивала Ѳоминишна ключница, а теперь сидѣлка при больномъ баринѣ.

— Что они не ѣдутъ? съ усиліемъ произнесъ Овсовъ.

— Пріѣдутъ, батюшка! отвѣчала старушка, по привычкѣ поправляя одѣяло на больномъ. Пріѣдутъ, родной; не извольте безпокоиться.

— Не дождусь.... шепталъ старикъ.

— Что, батюшка? спросила старушка

Иванъ Иванычъ махнулъ рукою и закрылъ глаза.

— Уснуть видно хочетъ. Усни, батюшка, Богъ съ тобою! бормотала старушка, крестя его и тихо выходя изъ комнаты.

Вѣтеръ грустно шумѣлъ въ листьяхъ и колыхалъ вершины деревъ надъ домомъ умирающаго. Длинныя вѣтви ихъ, какъ руки, въ отчаяніи, то поднимались, то опускались долу, и желтые листья, точно слезы, обильно сыпались на землю. — Вся природа вѣяла какою-то грустію. Вокругъ дома больнаго помѣщика все было тихо, даже собаки не лаяли, какъ бы предчувствуя невзгоду. — Вдругъ далекой звонъ колокольчика прорѣзалъ воздухъ, еще минута и онъ сталъ слышнѣе, слышнѣе, то смолкалъ, то заливался въ несвязный гулъ.... Все въ домѣ встрепенулось, глаза всѣхъ обратились на большую дорогу: «Они, они! шептала дворня, вотъ повернули, ѣдутъ къ барскому дому.» — поднялась суетня, все пришло въ движеніе.

— Надо легонько доложить барину, сказала Ѳоминишна, когда почтовая тройка остановилась у крыльца. Но напрасенъ былъ трудъ старушки.

Съ первымъ звукомъ колокольчика, Иванъ Иванычъ открылъ глаза. Исхудалыя руки припали на грудь и онъ весь перешелъ въ слухъ. Каждый новый, сильнѣйшій звукъ, постепенно оживлялъ старичка. За часъ до того лишенный всѣхъ силъ, Иванъ Иванычъ въ эту минуту приподнялся самъ и сѣлъ на постели — и когда послышалась, хотя очень легкая бѣготня въ домѣ и колокольчикъ замолкъ у крыльца, больной, какъ бы по движенію сверхъестественной силы, быстро спустился съ постели и съ словами: «Увижу, увижу, благо-

дарю тебя Боже!» — упалъ на колѣна. Дверь отворилась и на порогѣ явилась оторопѣвшая Ѳоминишна, а въ слѣдъ за нею стройный, высокій молодой человѣкъ.

— Петя, сынъ мой! сказалъ старикъ, простирая руки къ только что вошедшему сыну, который дѣйствительно былъ Петя.

— Батюшка, батюшка! говорилъ Петя, кидаясь къ отцу и поднимая его въ своихъ объятіяхъ.

— Петя, другъ мой! шепталъ съ трудомъ за минуту сильный старикъ; Петя, дитя мое! да благословитъ васъ Богъ, скажи это брату, его нѣтъ съ тобою, такъ ты ему передай мое благословеніе.... Какъ ты хорошъ, Петя.... обними меня.... вотъ такъ, по крѣпче.... Ахъ, какъ сладко, какъ хорошо! Благодарю тебя, Создатель!... И слова замѣнились тихими рыданіями. Чрезъ минуту руки старика перестали прижимать взволнованнаго сына, и ослабѣвъ упали на постель. Петя тихо приподнялся. Глаза отца смотрѣли на него пристально, неподвижно, полуоткрытыя уста радостно улюбались; но счастливая душа уже парила въ лучшій міръ.

Ровно черезъ недѣлю въ усадьбу отца пріѣхалъ Николаша, разумѣется, когда все уже было кончено, и когда бренные остатки Ивана Иваныча покоились рядомъ съ его женою, у той-же церкви сосѣдней усадьбы, подъ тѣмъ-же скромнымъ крестомъ. Поплакали братья при свиданіи, но горесть Николаши, человѣка съ положительнымъ характеромъ, не была такъ глубока, какъ горесть Пети, человѣка съ душою пылкою и воспріимчивою. Въ одну недѣлю Петя такъ измѣнился, что даже поразилъ брата. Большую часть дня онъ проводилъ на могилѣ отца, и плакалъ надъ нею, какъ ребенокъ, горько, безутѣшно. Онъ съ мучительною радостію припоминалъ каждую ласку покойнаго, въ его дѣтствѣ, дружескія; нѣжныя письма въ его юности; послѣдній горячій поцѣлуй, который еще горѣлъ на его высокомъ, чистомъ челѣ,—и благословляющая рука отца все еще, казалось, лежала на головѣ страдающаго сына. Однимъ словомъ, утрата отца такъ глубоко поразила его, что здоровье Пети совершенно разстроилось и онъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, принужденъ былъ, раздѣлясь съ братомъ и уступя ему почти половину изъ приходившагося на его долю имѣнія за наличныя деньги, которыя старикъ припасалъ «на черный день милымъ дѣтушкамъ», какъ онъ, бывало, выражался, вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу, для поправленія здоровья.

Петя прямо отправился въ Италію, въ страну, куда давно стремилось его молодое воображеніе, тамъ онъ провелъ болѣе двухъ лѣтъ. Посѣщая чудные памятники, наполненные дивными твореніями величайшихъ геніевъ, Петя проводилъ по нѣскольку часовъ предъ картинами великихъ художниковъ, страсть къ живописи проснулась въ немъ со всею силою истиннаго призванія. Петя принялся за кисть, трудился, учился, изучалъ — и два года мелькнули предъ нимъ незамѣтно. Въ эти два года здоровье его поправилось, душа окрѣпла, талантъ развился. Запросила душа роднаго воздуха. Петя взглянулъ въ послѣдній разъ на своихъ любимцевъ, сказалъ имъ прости, и поспѣшилъ въ отечество. По возвращеніи изъ за границы, онъ захотѣлъ взглянутъ на свое имѣніе, поклониться могилѣ отца и матери, и отправился въ деревню. Маленькое свое достояніе онъ нашелъ въ совершенномъ порядкѣ, благодаря старику старостѣ, отъ души преданнаго дѣтямъ своего покойнаго кормильца-барина. Домъ, доставшійся на долю Пети, былъ чистъ и исправенъ, садъ въ порядкѣ, гнѣзда аистовъ не тронуты, однимъ словомъ, все обстояло благополучно. Молодому человѣку нечего было долго дѣлать въ деревнѣ, поэтому недѣли черезъ двѣ онъ отправился въ Москву, съ твердымъ намѣреніемъ посвятить себя совершенно службѣ. Крестьяне проводили его съ хлѣбомъ - солью и со слезами, прося милость его опять поскорѣе заглянуть въ родную усадьбу. Однакоже лѣтъ семь они напрасно ждали ласковаго помѣщика. На восьмой годъ пришло письмо, что онъ на лѣто будетъ въ деревню. И дѣйствительно, съ первыми жаворонками явился и Петръ Иванычъ, и на этотъ разъ уже не одинъ, а съ молоденькою и хорошенькою женою. Поселясь въ деревнѣ, Петръ Иванычъ зажилъ на славу. Душевное спокойствіе, домашнее счастіе и благословеніе окружающихъ, были его удѣломъ. Рожденіе дочери, похожей какъ двѣ капли воды на мать, увѣнчало окончательно его блаженство. Она сдѣлалась цѣлію постоянныхъ его попеченій, всѣхъ его мыслей и мечтаній; трудно было повѣрить, чтобы молодой человѣкъ его лѣтъ могъ такъ горячо привязаться къ ребенку.

Невидимо текли годы для счастливаго семейства, какъ вдругъ въ 1812 г. семейный миръ ихъ былъ нарушенъ страшною вѣстью.... Непріятель идетъ на Россію, непріятель переступилъ уже границы. Вѣсть эта, какъ ужасная лавина, прокатилась по всей Россіи, возрастая еже-

часно; все вздрогнуло и затрепетало отъ негодованія; въ одинъ мигъ у всѣхъ родилась одна и таже мысль: или отстоимъ отечество, или тѣлами заградимъ врагу путь къ сердцу Россіи, къ престолу царей ея! Семейные люди оставляли женъ и дѣтей, чтобы стать вряды прямыхъ сыновъ отечества; все вооружалось и страшная народная война запылала.

Могла-ли въ этомъ случаѣ оставаться холодною пылкая душа Овсова?

Отправя жену и дочь въ Москву, онъ вооружилъ крестьянъ; примѣромъ одушевилъ сосѣдей помѣщиковъ, и они составили порядочный отрядъ партизановъ, бились всюду съ врагами отечества, и наносили имъ жестокій вредъ. Французы, ожесточенные такимъ страшнымъ и нежданнымъ сопротивленіемъ, въ свою очередь, не щадили ничего, грабили и жгли все, что встрѣчалось имъ на дорогѣ, не понимая, что этимъ они еще болѣе воспламеняли противъ себя народное негодованіе и накликали вѣчныя проклятія на свои головы.

Одинъ разъ, когда Овсовъ съ своимъ отрядомъ кинулся на помогу товарищу, который извѣстилъ его, что въ ихъ сторонѣ показалась сильная партія фуражировъ, съ которыми онъ не надѣялся одинъ совладать; другой отрядъ польскихъ уланъ нагрянулъ на усадьбу Петра Иваныча, разграбилъ и выжегъ все до тла. Возвращаясь домой, Петръ Иванычъ еще издали увидѣлъ зарево. «Впередъ, ребята, крикнулъ онъ: у насъ незваные гости, это въ нашей сторонѣ горитъ!» Но онъ ошибся, у нихъ ужъ не горѣло, а только догорало: на мѣстѣ селенія онъ нашелъ пустырь, вмѣсто отцовскаго дома — одно пепелище.

Наконецъ, Овсовъ принужденъ былъ оставить свое славное поприще, непріятель двинулся къ Москвѣ и Петръ Иванычъ поспѣшилъ спасать жену и дочь. Ужасъ, который предшествовалъ вторженію французовъ въ столицу, такъ разрушительно подѣйствовалъ на молодую женщину, что мужъ нашелъ ее опасно больною. Какъ только было возможно покойнѣе, уложилъ Петръ Иванычъ жену и дочь въ повозку, и отправился изъ Москвы въ деревню одного короткаго пріятеля. Неудобство пути, ежеминутный страхъ, недостатокъ пособій развили еще болѣе болѣзнь молодой женщины. Овсовъ принужденъ былъ остановиться, среди дороги, въ дрянномъ постояломъ дворѣ. Кое-какъ уложивъ больную, онъ поскакалъ въ ближайшій городъ за докторомъ,

но возвратился уже поздно. Жена его умерла, оставя на рукахъ его малютку дочь.

Когда, по волѣ Всевышняго, враги были изгнаны изъ предѣловъ Россіи и наше славное отечество съ гордостію воспрянуло и возродилось вновь, какъ фениксъ изъ пепла, каждый спѣшилъ возвратиться домой. Овсову не куда было ѣхать.... онъ возвратился въ Москву и предложилъ брату купить его имѣніе, которое было совершенно разорено и которое онъ, хотя и хотѣлъ бы, не могъ поправить. Братъ принялъ въ соображеніе настоящее положеніе крестьянъ, мялся, затруднялся, не хотѣлъ — и наконецъ предложилъ самую ничтожную цѣну, которую Петръ Иванычъ долженъ былъ принять, зная, что въ это тяжкое время не найдетъ другаго покупщика. Онъ рѣшился поселиться въ Петербургѣ, куда его въ особенности привлекала Академія Художествъ и возможность усовершенствоваться въ любимомъ искусствѣ. Тамъ хотѣлъ онъ трудиться и посвятить себя воспитанію Наташи. Этихъ денегъ, думалъ онъ, достаточно будетъ для ея образованія, а тамъ я стану работать, и по немногу будемъ жить.

На радость отца, Наташа хорошѣла съ каждымъ днемъ: всѣ надежды, вся жизнь Петра Иваныча сосредоточились на этомъ ребенкѣ. — Когда наступило время учить ее, Петръ Иванычъ выбралъ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ. Съ прекрасною наружностію, дѣвочка соединяла чудныя свойства души и отличныя способности. Каждый разъ, когда отецъ навѣщалъ ее, а это случалось почти каждый день, содержательница пансіона съ восторгомъ отзывалась объ своей милой питомицѣ. Отцовское сердце прыгало отъ радости. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Петръ Иванычъ ничего не щадилъ для Наташи, онъ одѣвалъ ее лучше другихъ, тѣшилъ и лелѣялъ, какъ единственную свою радость. Кромѣ пансіонскаго воспитанія онъ нанималъ для нея лучшихъ учителей, онъ хотѣлъ, чтобы она выдержала публичное испытаніе и получила дипломъ. Рисовала Наташа прекрасно; въ этомъ дѣлѣ онъ самъ былъ ея наставникомъ. До-сихъ-поръ дѣло шло очень хорошо — но вдругъ случилось вотъ какое обстоятельство. Все состояніе Петра Иваныча ограничивалось пятнадцатью тысячами, которыя уцѣлѣли отъ воспитанія Наташи. Онъ жилъ самъ и одѣвалъ дочь на свои трудовыя деньги, давая уроки рисованія. Хотя доходъ его былъ не слишкомъ обиленъ, однако они могли существовать прилично и безбѣдно. Основный капиталъ Петръ Иванычъ бе-

регъ на будущее время, въ приданое Наташѣ, но непредвидѣнный случай разрушилъ всѣ его предположенія.

Одинъ разъ зашелъ къ нему одинъ хорошій знакомый и предложилъ вступить въ спекуляцію, которая обѣщала въ одинъ годъ удвоить его капиталъ. Увеличить приданое милой Наташи такимъ легкимъ средствомъ — соблазнъ былъ великъ! Однако Петръ Иванычъ все еще колебался нѣсколько дней, и тогда только рѣшился, когда узналъ, что многіе, свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ люди, даютъ тоже деньги. Сумма была внесена. Но каково же было его горе, когда черезъ годъ оказалось, что вмѣсто барыша, былъ страшный убытокъ. Операція не удалась и компанія рушилась. — Конечно, всѣ наровнѣ съ нимъ пострадали; но у него деньги эти были послѣднія, это было единственное достояніе и вся надежда на обезпеченіе милой Наташи. Петръ Иванычъ въ одинъ день постарѣлъ десятью годами. — Около этого времени Наташа возвратилась въ домъ отца, окончa свое воспитаніе. Ни ласки дочери, ни ея нѣжная привязанность, ничто не могло успокоить старика; упрекъ самому себѣ грызъ его сердце. Неожиданное горе и усиленныя занятія, къ которымъ онъ прибѣгнулъ, чтобы исправить дѣло, ослабили его зрѣніе; онъ не могъ болѣе заниматься, сколько бы хотѣлъ; это его постоянно мучило, и здоровье Петра Иваныча начало видимо разрушаться. Онъ долженъ былъ бросить уроки, продать нѣкоторыя картины — а вслѣдъ за тѣмъ стукнулась къ нимъ въ дверь незванная гостья — нужда. Овсовъ задрожалъ за дочь. — Теперь, онъ охотно помѣстилъ бы ее куда-нибудь въ хорошій домъ — гувернанткою; но гдѣ въ скорости отыскать мѣсто? и какъ ввѣрить ее, неопытнаго ребенка, чужимъ людямъ. Къ тому же и Наташа, почти на колѣнахъ, просила отца, оставить ее при себѣ, пока онъ болѣнъ.

— Я буду при васъ, папенька, говорила она, обвивъ его шею своими пухленькими ручками, позвольте мнѣ ходить за вами, а когда вы выздоровѣете, я пойду, куда вамъ будетъ угодно; для васъ я готова на всякій трудъ! Папа, голубчикъ, не гоните меня.... я истерзаюсь, не видя васъ и зная, что вы страдаете!... И бѣдное дитя плакало — горько, неутѣшно. Старикъ не могъ устоять противъ этого нѣжнаго чувства.... Но вотъ онъ слегъ совершенно. Наташа не знала, что дѣлать, какъ помочь.... но крайность изобрѣтательна: съ каждымъ днемъ вещи въ квартирѣ Овсовыхъ начали убывать

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и все исчезло; прислуга ушла, и еслибы судьба не послала Наташѣ помощницу въ Катѣ, дочери столяра, жившаго подъ ними, которую онъ отдалъ къ Наташѣ, какъ онъ выражался, *на выучку грамотному дѣлу*.

— Дѣвчура здѣсь мыкается по пустому между парнями, говорилъ онъ, да только бьетъ баклуши, а тамъ хоша на даровщинку послужитъ, да за то разнымъ рукодѣльямъ и письменному разумѣнію обучится. А вѣдь за этотъ предметъ, коли отдать въ ученье, рублей, поditка, сотни двѣ слупятъ. Такъ разсуждалъ столяръ.

Катя любила Наташу искренно; доброе это созданіе душою привязалось къ своей наставницѣ, которая, по немногу очищая ея предразсудки, открывала ей совершенно новый міръ. Читать и писать дѣвочка выучилась въ два мѣсяца. Наташа учила ее закону Божію, иногда отъ скуки объясняла ей географію, расказывала, какіе на свѣтѣ есть народы, поясняла нѣкоторыя историческія событія. Катя съ восторгомъ, не переводя духа, слушала Наташу, и послѣ, цѣлуя ея руки, почти со слезами говорила:

— Какъ я васъ люблю, Наталья Петровна! пошлите хоть въ огонь, я и туда пойду за васъ.

Въ это горькое время Наташа узнала много людей, и нѣкоторые изъ нихъ наводили на нее ужасъ. Хотя въ борьбѣ съ горемъ за спасеніе отца, характеръ ея нѣсколько окрѣпъ, но ей было только семнадцать лѣтъ: она привыкла почитать людей совершенствомъ, судила объ нихъ по себѣ Мы видѣли, до чего Наташу довели, наконецъ, нужда и отчаяніе. Но пути Господни неисповѣдимы! намъ ли знать, для чего онъ иногда испытываетъ насъ, и какой конецъ готовитъ этому испытанію? — Но обратимся къ нашему разсказу.

Наташа проводила у постели отца почти все время, сидѣла молча и мечтала. Объ чемъ были эти мечты, знала только она сама. По-крайней-мѣрѣ, можно было сказать, что онѣ были не совсѣмъ пасмурны. Погруженная въ свою думу, она иногда улыбалась и рука ея невольно падала на сердце, какъ будто боясь, чтобы оно не проговорилось; но чрезъ минуту, радостное лицо молодой дѣвушки начинало туманиться; веселая улыбка слетала съ алыхъ губокъ, и головка тихо опускалась на грудь, изъ которой трепетно скользилъ вздохъ. Изъ этого положенія выводили ее обыкновенно или поворотъ или тяжелое дыханіе больнаго отца. Тогда она кидалась къ нему и

всевозможныя ласки и забота вознаграждали его за минутное, невольное невниманіе. Только одни визиты Алексѣя Александровича, который приходилъ узнавать объ здоровьи больнаго, заставляли Наташу покидать на время отца, но и тутъ она оставляла дверь полуотворенную, чтобы слышать малѣйшее движеніе больнаго.

Но не смотря на всѣ попеченія дочери, здоровье Петра Ивановича поправлялось плохо и медленно. По мѣрѣ уменьшенія тѣлесныхъ болей казалось увеличивалось въ немъ какое-то внутреннее страданіе и это-то тревожное состояніе души мѣшало скорому и полному возстановленію его физическихъ силъ.

Одинъ разъ, когда больной, по обыкновенію, лежалъ, закрывъ глаза, какъ будто въ забытьи, что онъ обыкновенно дѣлалъ, чтобы дать свободу дочери, которая безъ того не рѣшалась оставлять его; Наташа, сидя у подножія постели, съ грустью смотрѣла на блѣдное, исхудалое лицо отца, подернутое тихою грустію, на его губы, по временамъ лепетавшія невнятныя слова. — Вдругъ Петръ Ивановичъ тяжело вздохнулъ и, какъ бы противу воли, довольно громко произнесъ: «Ахъ, братъ, братъ!» При этихъ словахъ Наташа вздрогнула и тихо приподнялась, чтобы подойти къ отцу, какъ это она всегда дѣлала въ минуты его страданія. Но при первомъ ея движеніи — больной открылъ глаза.

— Я спалъ, мой дружокъ, за чѣмъ ты остаешься въ этой комнатѣ? — здѣсь тебѣ душно, да и вредно дышать нездоровымъ воздухомъ.

Вмѣсто отвѣта, Наташа припала своимъ свѣжимъ личикомъ къ блѣдному лицу старика. Рука больнаго тихо опустилась на ея шейку и Наташа чувствовала, что она была горяча и трепетала. Наконецъ больной сказалъ.

— Наташа!

Дѣвушка приподняла голову и глаза ихъ встрѣтились. Во взорѣ старика выражался какой-то стыдъ, смѣшанный съ глубокой, душевной печалью.

— Наташа, повторилъ онъ, какъ бы боясь высказать мысль, которая рвалась у него съ языка: скажи мнѣ, мой другъ, есть-ли у насъ еще что-нибудь, что можно продать? или уже все продано? И онъ опять закрылъ глаза, чтобъ не видѣть выраженія лица дочери при этомъ вопросѣ.

Наташа встрепенулась. Она поняла теперь душевную тревогу отца. Быстро взявъ грифель, она написала крупно на доскѣ: «Мы болѣе не имѣемъ нужды продавать,» и подала ее старику. Петръ Ивановичъ прочиталъ и быстро спросилъ: «Развѣ братъ прислалъ что-нибудь?»

Лицо Наташи покрылось яркимъ румянцемъ; она только утвердительно наклонила голову.

— Сколько? снова спросилъ отецъ. Наташа написала цыфру на доскѣ.

— Восемъ сотъ! почти вскрикнулъ Петръ Ивановичъ, восемь сотъ! тихо повторилъ онъ, и потомъ прибавилъ едва внятно: Виноватъ, Николай! виноватъ передъ тобою! Каюсь. Награди Господь помогшаго намъ!—И взявъ дочь за руку, онъ тихо наклонилъ къ груди своей ея голову и шепталъ: Моя милая, моя добрая Наташечка! Такъ ты не нуждаешься! Ахъ, какъ мнѣ теперь легко, теперь я скоро выздоровѣю — вотъ, знаю, теперь я и усну покрѣпче.... И больной, спокойно улыбаясь, закрылъ глаза.

«Я обманула его, думала Наташа, грустно смотря на засыпающаго отца, обманула! въ первый разъ въ жизни. Но, Боже мой! что же мнѣ было дѣлать? его жизнь зависитъ отъ душевнаго покоя. — Когда онъ поправится, я ему все открою, тогда онъ узнаетъ и того, кто принесъ намъ помощь.... На послѣдней мысли молодая дѣвушка остановилась съ какимъ-то безотчетнымъ волненіемъ, которое пахнуло огнемъ на ея щечки.

Черезъ три дня послѣ этого разговора, когда Петръ Ивановичъ уснулъ, послѣ обѣда, Наташа надѣла салопъ и свою довольно поношенную шляпку съ вуалью, и отправилась со двора, приказавъ Катѣ, въ случаѣ, если больной ее спроситъ, сказать, что она скоро будетъ.

— А вы вѣрно къ этой....

— Да, перебила ее Наташа, быстро выпорхнувъ изъ комнаты. Наташа направилась по той-же улицѣ и къ тому-же дому, въ которомъ мы ее уже видѣливъ началѣ разсказа. Съ такимъ же трудомъ, хотя съ меньшимъ волненіемъ, взобралась по крутой и грязной лѣстницѣ, и за оборванной дверью была встрѣчена такимъ же неистовымъ лаемъ мосекъ и шпицовъ.

Черезъ два часа она возвратилась домой. При входѣ въ комнату,

она съ дѣтской радостію показала Катѣ небольшой узелъ, въ которомъ было что-то завязано.

— Ну, славу Богу! вскричала Катя, снимая съ нее салопъ и кладя на столъ узелокъ. А у насъ былъ Алексѣй Александровичъ.

— И скоро ушелъ? быстро спросила Наташа.

— Ну, нѣтъ-съ, онъ былъ здѣсь около часу.

— Что же онъ дѣлалъ тутъ — одинъ? съ улыбкою спросила Наташа.

— Какъ одинъ? — Я съ нимъ была. Мы все разговаривали, отвѣчала наивно Катя. Ахъ, Наталья Петровна, какой онъ добрый, какъ онъ васъ любитъ! Когда я ему сказала, что вы пошли къ этой гадкой Кулачихѣ, за заложеннымъ бариновымъ платьемъ, такъ онъ такъ и вскочилъ.

— А ты сказала, гдѣ я была? спросила вспыхнувшая Наташа. Ахъ, Катя, какая ты странная! ну можно-ли постороннему говорить всякой вздоръ.

— Да вѣдь они ничего, Наталья Петровна, право ничего; а такъ только вздрогнули, вскочили со стула, да и говорятъ мнѣ, что я должна бы идти къ Кулачихѣ, а что вамъ самимъ не слѣдовало.

— Ну, а еще что ты говорила, Катя? спросила почти въ отчаяніи Наташа.

— Простите меня, Наталья Петровна, я вѣдь не знала, что худо дѣлаю.... ахъ, какая я дурища — впередъ ужъ никогда....

— Да еще что говорила ты съ нимъ?

— Они спрашивали, гдѣ живетъ эта Кулачиха. Ну, я и сказала, да ужъ тутъ и расписала эту вѣдьму.... У нея, говорю, мало-ли нашего добра пропало ...

— Ахъ, Боже мой! что ты надѣлала, Катя! Что онъ теперь подумаетъ обо мнѣ! почти со слезами говорила Наташа, ломая свои пальчики.

Катя совсѣмъ растерялась.

— Наталья Петровна! душечка, простите меня, я ненарокомъ, право ненарокомъ....

— Ну, что дѣлать, Катя, не плачь, я не сержусь, теперь дѣла не поправишь, говорила, улыбаясь, сквозь слезы, Наташа, успокоивая добрую дѣвочку.

Тихіе шаги прервали эту сцену, въ комнату вошелъ Алексѣй

Александровичъ. При видѣ его, молодыя дѣвушки страшно перекон-фузились. Съ грустною улыбкою взглянулъ гость на Наташу.

— Простите меня Наталья Петровна, я давича былъ у васъ и осмѣлился распросить Катю о томъ, куда вы пошли. Я вижу, она раскаявается въ своей откровенности, но вините не ее, а мое нескромное любопытство. Потомъ, обратясь къ Катѣ, онъ прибавилъ: Поди, душенька, успокойся, я выпрошу тебѣ прощеніе у барышни.

Оставшись одна съ Алексѣемъ Александровичемъ, растерявшаяся Наташа не смѣла взглянуть на своего гостя, какъ будто ее изобличили въ какомъ-нибудь преступленіи. Между тѣмъ, благородное лицо молодаго человѣка дышало какимъ-то восторженнымъ одушевленіемъ. Помолчавъ съ минуту, онъ нѣжнымъ, тихимъ голосомъ сказалъ:

— Наталья Петровна! я благоговѣю передъ вами! все, что вы дѣлали для вашего батюшки, заставляетъ удивляться тому высокому чувству, которое Богъ вложилъ въ вашу душу.... Но я хочу просить васъ, какъ другъ, какъ братъ.... Не ходите больше никогда туда, гдѣ вы сейчасъ были.... Я люблю, уважаю вашего отца: позвольте же мнѣ, во время его болѣзни, быть вашимъ хранителемъ и защитникомъ отъ всего, что можетъ нанесть вамъ вредъ или хотя тѣнь непріятности. Если-бы снова явилась нужда — кликните: я тотчасъ явлюсь, какъ вашъ преданный другъ, и найду средства скоро и вѣрно пособить горю. Конечно, самъ я далеко не богатъ; но у меня много знакомыхъ, богачей, художниковъ; я всегда могу легко и выгодно продать которую-нибудь изъ картинъ вашего батюшки.... Обѣщаете ли вы мнѣ исполнить эту просьбу?

Наташа, вмѣсто отвѣта, навела на него свой нѣжный взоръ, полный благодарности и съ довѣренностію протянула къ нему обѣ руки.

— О, да! сказала она послѣ краткаго молчанія, вы нашъ истинный другъ, я привыкла смотрѣть на васъ, какъ на роднаго.... Вы спасли моего отца, въ самую рѣшительную минуту его жизни, и не можете быть чужды моему сердцу.... Даю вамъ слово: отнынѣ я не скрою отъ васъ ни одной мысли, ни одного чувства.... Въ первый разъ еще Наташа такъ говорила съ Алексѣемъ Александровичемъ, въ первый разъ онъ коснулся ея руки. Онъ молча держалъ обѣ руки молодой дѣвушки въ своихъ рукахъ, и наконецъ пожавъ ихъ тихо, дружески сказалъ:

— Я не употреблю во зло вашей довѣренности, вѣрьте въ этомъ

честному человѣку, который считаетъ себя счастливымъ, что можетъ назваться вашимъ другомъ, который....

— Наталья Петровна! вскричала входящая Катя, вонъ, на дворѣ мужикъ опять принесъ птицъ; не прикажете-ли приторговать у него канареечку?... Бѣдная дѣвушка слышала, какъ Наташа разъ сожалѣла, что не имѣетъ птички, чтобы за ней ухаживать, и теперь, желая чѣмъ-нибудь загладить свою вину, она прибѣжала предложить ей свою услугу.

— А развѣ вы любите птицъ, спросилъ Наташу Алексѣй Александровичъ.

— Да! отвѣчала Наташа съ улыбкою, у нихъ можно научиться беззаботности и пѣснямъ — даже въ горѣ и отчужденіи.

— Такъ не покупайте птичекъ у разнощиковъ, говорилъ, тоже смѣясь Алексѣй Александровичъ; онѣ знаютъ дѣйствительное горе и едва-ли запоютъ. Но я пришлю вамъ канарейку, за голосъ и счастіе которой ручаюсь.... Вы позволите?

Наташа граціозно кивнула головою.

На другой день на окнѣ Наташиной комнаты стояла прекрасная, краснаго дерева клѣтка, съ веселой затворницей-канарейкою.

Спокойствіе духа—первый врачъ отъ недуга тѣлеснаго. Не можетъ окрѣпнуть внѣшняя часть человѣка, его тѣло, когда внутренняя зиждительная сила, духъ его, подъ гнетомъ уныніи и скорби. Болѣзненно возмущаясь, онъ преизбыткомъ огня своего пепелитъ и разрушаетъ свои внѣшнія формы. Тутъ безполезны и цѣлебный сокъ растеній, и усердныя усилія науки.

Такъ было и съ Петромъ Иванычемъ. Горе и страшная безнадежность на улучшеніе своего состоянія, лежали разрушительной тяжестью на его страдающей груди. Но лишь только сердце его дрогнуло первою радостію, окрылилось надеждою, и ангелъ покоя и упованія повѣялъ надъ нимъ благодатнымъ крыломъ, — тѣлесныя силы воспрянули и жизнь разлилась въ исхудавшемъ тѣлѣ. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ ему становилось лучше, и то, чего лекарства не могли сдѣлать въ нѣсколько недѣль, природа совершила въ немного дней. Звукъ сталъ доступенъ — слуху, зрѣніе — глазу и сознательная мысль — головѣ. Петръ Ивановичъ за свое возвращеніе къ жизни благословлялъ брата, хотя не отъ его руки снизошла помощь.

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, Петръ Ивановичъ самъ былъ нѣсколь-

ко виноватъ. Необыкновенная доброта и деликатность души всегда заставляли его прежде думать о положеніи своего ближняго, и не заслонять ничего собою. Никогда-бы онъ не рѣшился своимъ положеніемъ стѣснить кого-бы то ни было и поставить его въ положеніе затруднительное, и нерѣдко вредное. Много разъ представлялись ему случаи занять выгодное мѣсто, которое могло вполнѣ его обезпечить, но онъ не былъ знакомъ съ дѣломъ, которое возлагала на него новая обязанность. Честная, благородная душа его возмущалась при одной мысли, что отъ этого незнанія можетъ произойти неисчерпаемый вредъ для другихъ — и онъ отказывался отъ личныхъ выгодъ, чтобъ не быть разрушителемъ чужаго покоя и счастія. Онъ всегда ставилъ себя на мѣсто другаго, и скорѣе хотѣлъ быть самъ страдальцемъ, чѣмъ причинять страданія. Такъ и въ письмѣ къ брату онъ только слегка намекалъ ему на свою болѣзнь и это онъ сдѣлалъ для того, чтобы не поставить брата въ обязанность непремѣнно помочь ему, если-бы даже обстоятельства и не позволяли этого сдѣлать. Таковы были его правила. На счетъ другаго,—онъ не хотѣлъ и не могъ пользоваться жизнію! — «Если у брата есть средства, то онъ вышлетъ мнѣ, что сможетъ; а если нѣтъ, то не будетъ страдать за меня, или растроивать свои собственныя дѣла, чтобы поправить мои.»

Такъ и случилось. Наканунѣ дня, въ который старикъ Овсовъ съ такимъ страхомъ спросилъ у дочери, есть-ли у нихъ еще какія-нибудь средства къ жизни, Наташа получила письмо отъ дяди. Онъ просилъ брата не сердиться на него и подождать нѣсколько, говоря, что въ настоящую минуту дѣла его довольно плохи и что онъ самъ ищетъ занять у кого-нибудь. Между тѣмъ, Петръ Иванычъ, увѣренный въ братской помощи, успокоился и черезъ двѣ недѣли уже могъ сидѣть на постелѣ. Прошло еще нѣсколько дней и счастливая дочь, поддерживая отца, водила его по маленькой его комнатѣ. Съ какою радостію ждала Наташа той минуты, когда отецъ ея совершенно поправится, и она скажетъ ему объ деньгахъ, полученныхъ ею, и представитъ ему того, который, какъ посланникъ Провидѣнія, такъ неожиданно явился къ нимъ въ минуту крайней нужды и спасъ ихъ отъ отчаянія.— «Батюшка полюбитъ его, думала радостно Наташа, онъ такъ добръ, такъ благороденъ, съ нимъ-бы батюшка никогда не могъ имѣть непріятностей; и если опекунъ его ученика былъ такъ золъ,

что огорчилъ его, то вѣдь Алексѣй Александровичъ тутъ не виноватъ и батюшка вѣрно не будетъ на него сердиться. »

Одно только огорчало Наташу, именно, что Пыжовъ бывалъ у нихъ не такъ часто, какъ прежде, и тогда только, когда старикъ Овсовъ отдыхалъ послѣ обѣда, по предписанію врача, поставившаго ему послѣобѣденный сонъ въ непремѣнную обязанность. Каждый день, въ то время, когда Петръ Иванычъ ложился отдохнуть, Наташа оставалась одна, и тогда прекрасные глазки ея поминутно обращались на дверь. При малѣйшемъ шорохѣ въ передней, яркій румянецъ вспыхивалъ у нея на щекахъ, а сердце билось сильнѣе. Проходило нѣсколько минутъ ; но дверь не отворялась ; Наташа тихо подходила къ ней, съ волненіемъ заглядывала въ переднюю и видѣла, что шорохъ, заставившій такъ сильно биться ея сердце, производила Катя. Тогда Наташа, съ невольнымъ вздохомъ, возвращалась на свое мѣсто или задумчиво подходила къ окну, на которомъ, заливаясь и щебеча, въ клѣткѣ, прыгала съ жерди на жердь ея канарейка. Наташа садилась возлѣ нее и долго ласкала и говорила съ своей любимицей. Въ самомъ дѣлѣ, привязанность молодой дѣвушки къ канарейкѣ доходила даже до смѣшнаго. Катя никогда не смѣла дотронуться до ея клѣтки, Наташа сама чистила красивую темницу, сама кормила и лакомила своего пернатаго баловня, и канарейка до того привыкла къ Наташѣ, что охотно садилась на ее бѣленькій, какъ слоновая кость, пальчикъ и клевала сахаръ изъ хорошенькаго ротика своей хозяйки. Часто около часу Наташа разговаривала съ канарейкою. «Что, моя душечка Мими ! тебѣ у меня скучно ? тамъ, гдѣ ты была прежде, тебѣ было веселѣе ? Да, у тебя тамъ, можетъ-быть, были товарищи ? Тебѣ жаль, Мими, твоего прежняго хозяина ? О ! не жалѣй его, моя Мими, онъ не добрый человѣкъ : онъ не навѣщаетъ тебя ! Разсердись на него.

Мимиша... и дѣвушка ласкала и цѣловала свою птичку. Одинъ разъ бесѣда ея была прервана Катею, которая ходила къ своей крестной матери и съ радостнымъ лицомъ, тихо вбѣжавъ въ комнату, сказала : Знаете-ли, Наталья Петровна, кого я видѣла ?

— Кого ? спросила Наташа.

— Алексѣя Александровича.

— Гдѣ ? гдѣ ? быстро спросила Наташа ; что онъ, будетъ къ намъ сегодня ?

— Я съ нимъ не говорила, а только видѣла его. Иду, знаете, отъ крестной и только вышла изъ воротъ, какъ мимо меня коляска парою, а въ ней сидитъ Алексѣй Александрычъ. Куда это онъ ѣдетъ, подумала я.... глядь, а коляска-то, чрезъ два дома и остановилась, я туда. Кучеръ такой молодецъ.... спустя барина, хотѣлъ было ужъ ѣхать прочь отъ подъѣзда, а я и говорю: «Послушай, дядюшка, вѣдь это пріѣхалъ Алексѣй Александровичъ»? — Ну, да, говоритъ; а что тебѣ? — Такъ, дядюшка, сказала я, нешто онъ здѣсь живетъ? — Вѣстимо, здѣсь, сказалъ кучеръ.

— А гдѣ: вверху или внизу? спросила я.

Разумѣется, вверху, въ бель-этажѣ.... отвѣчалъ кучеръ.

— Стало онъ живетъ не далеко отъ насъ? сказала Наташа.

— Вовсе не далеко; просто, рукой подать. .. да вѣдь вы были у крестной, какъ она вамъ шила платье, помните.... такъ тутъ, почитай, что подлѣ нихъ, есть домъ въ два этажа, еще такія большія зеркальныя стекла.... тутъ онъ и живетъ, на улицу только и есть одинъ ихъ подъѣздъ.

— Такъ близко, говорила задумчиво Наташа, когда ушла Катя, такъ близко и не придетъ провѣдать батюшку! Какъ это нехорошо, не правда-ли, Мими, это дурно?

Здоровье Петра Ивановича, въ скоромъ времени, до того поправилось, что онъ уже могъ самъ ходить, безъ сторонней помощи. Грустно стало бѣдному старику, когда онъ въ первый разъ, послѣ болѣзни, вышелъ изъ своей комнаты и взглянулъ на свою квартиру. Кромѣ его волтеровскаго кресла, двухъ или трехъ картинъ, да еще кое-какой старенькой мебели, уцѣлѣвшихъ во время крайняго недостатка, Овсовъ почти ничего не нашелъ у себя въ комнатахъ. Горько было Петру Ивановичу смотрѣть на это опустошеніе, и когда Наташа весело пододвинула къ нему кресла, чтобы посадить его, онъ печально обнялъ ее и сказалъ: «Ты много перестрадала, дитя мое! сколько горя перенесла ты въ эти долгіе три мѣсяца, и некому было ни успокоить, ни утѣшить тебя!... Веселое щебетаніе канарейки прервало его слова, какъ-бы говоря: »не правда, я была съ нею.« Овсовъ оглянулся съ удивленіемъ назадъ, и, примѣтя клѣтку, съ улыбкою сказалъ: Э! да у тебя обновка, Наташа? Вотъ это хорошо, спасибо мой другъ, что ты хоть чѣмъ-нибудь порадовала себя! Это все-таки развлекало тебя, ты и маленькая всегда была охотница до птицъ.

Петръ Ивановичъ подошелъ къ окну, вмѣстѣ съ встревоженною Наташею, которая боялась, чтобы отецъ не спросилъ, откуда она взяла эту птичку, на что ей необходимо пришлось-бы все разсказать ему, а это ее пугало, потому-что она не знала, какое дѣйствіе произведетъ на него это открытіе. Наташа хотѣла еще нѣсколько дней подождать, пока отецъ совершенно поправится и тогда открыть ему всю истину. Но не всегда бываетъ такъ, какъ мы желаемъ, и на этотъ разъ, случай, вовсе неожиданый, уничтожилъ всѣ ея предположенія и приготовилъ ей еще много тягостныхъ минутъ, которыя она должна была пережить.

Весело хлопотала Наташа, помогая Катѣ накрывать столъ на два прибора, какъ это было до болѣзни Петра Иваныча, и усаживая отца на его прежнее мѣсто къ столу.

— Ну вотъ, папа, говорила она, вотъ мы опять вдвоемъ съ вами обѣдаемъ. Ахъ, какъ это весело, какъ я рада! Пройдетъ еще нѣсколько дней, и, Богъ дастъ, вы совершенно выздоровѣете и тогда....

— Да я, мой другъ, и такъ почти здоровъ, только еще еслибъ немножко.

— Ну, а тогда и слабость ваша пройдетъ; а когда вы оправитесь, я вамъ что-то скажу.... и мы будемъ опять счастливы, счастливы по прежнему, даже больше прежняго, потому-что на свѣтѣ есть много добрыхъ людей.

Эти слова Наташи заставили старика тихо вздохнуть, они открыли ему, что она уже узнала, что есть на свѣтѣ и недобрые люди. Занятый этою думою, Петръ Ивановичъ довольно грустно кончилъ свой обѣдъ и не спросилъ даже дочь о томъ, что она ему намѣрена разсказать.

Послѣ обѣда, когда Петръ Ивановичъ спалъ у себя въ комнатѣ, а Катя, убравъ посуду, ушла обѣдать, Наташа осталась одна. Подсѣвъ къ своей канарейкѣ, молодая дѣвушка грустно и молча смотрѣла на свою веселую попрыгунью; наконецъ она тихо вздохнула и сказала: «Что, Мими, онъ опять забылъ насъ съ тобою, опять пейдетъ къ намъ. И зачѣмъ онъ приходилъ къ намъ прежде, Мими, зачѣмъ онъ приносилъ эти деньги? Я бы тогда не узнала его никогда и не грустила бы такъ объ немъ.... А онъ злой человѣкъ, Мими, онъ не любитъ насъ съ тобою, и не знаетъ, какъ мы его любимъ. Да, Мими, вѣдь ты его любишь также, какъ и я. Нѣтъ, нѣтъ, Мими, продолжала

Наташа, прижимая руку къ груди, нѣтъ, Мими, ты его не такъ любишь, какъ я, ты не можешь такъ любить.... я и тебя люблю за то только, что онъ мнѣ подарилъ тебя.... А онъ злой, моя миленькая птичка, онъ нейдетъ къ намъ, онъ не знаетъ, какъ я люблю его и никогда не узнаетъ, Мими»....

Въ эту минуту тихое: Ахъ! произнесенное за ея стуломъ заставило Наташу вздрогнуть; она проворно оглянулась. Передъ нею стоялъ Алексѣй Александровичъ. Полный какого-то благоговѣйнаго восторга, смотрѣлъ онъ на молодую дѣвушку, которой слова открыли ему цѣлый новый міръ блаженства, и это «*Ахъ*», встревожившее Наташу, было слѣдствіемъ избытка восторга и счастія. Найдя дверь незапертою, Алексѣй Александровичъ, по обыкновенію, тихо вошелъ въ комнату, и увидя Наташу, разговаривавшую съ канарейкою, улыбаясь, подошелъ къ ней, но слова: «онъ насъ съ тобою не любитъ, онъ забылъ насъ,» приковали его вниманіе и сдѣлали свидѣтелемъ невольнаго признанія.

— Наташа, говорилъ онъ тихо молодой дѣвушкѣ, съ трепетомъ закрывшей передъ нимъ свое вспыхнувшее лицо: Наташа! вы любите меня.... О! скажите мнѣ это еще разъ, скажите, скажите, умоляю васъ....

— Боже мой, говорила Наташа, почти съ отчаяніемъ, Боже мой! что я надѣлала?

— Ничего такого, что могло бы принести вамъ горе или стыдъ, сказалъ Алексѣй Александровичъ, смотря на нее съ чувствомъ безпредѣльной. любви Вы сказали, что любите человѣка, который васъ любитъ всею душою, и если не говорилъ вамъ этого до-сихъ-поръ, такъ изъ одного страха встревожить васъ и, можетъ-быть, обидѣть. Да, продолжалъ онъ, я люблю васъ, люблю такъ много, что не могу вамъ этого передать словами, скажу только одно, что ваше счастіе и спокойствіе составляютъ теперь цѣль всей моей жизни. Вѣрите-ли вы этому?

Наташа тихо открыла свое лицо, которое душевная радость и смущеніе дѣлали еще прекраснѣе, и сказала, почти не понимая, что говоритъ отъ волненія:

— Да, да, я вѣрю вамъ! вѣрю, что вы любите меня и я сама — но Боже мой, я сама не знаю, что говорю, да и къ чему? вы слышали все, стало, все знаете.... Но, если вы меня дѣй-

ствительно любите, уйдите отсюда, я прошу васъ.... я не могу теперь говорить....

Алексѣй Александровичъ быстро схватилъ ея руку, горячо поцѣловалъ, и вышелъ такъ-же тихо, какъ и вошелъ. Все это произошло такъ скоро, что Наташа, оставшись одна, нѣсколько времени не могла придти въ себя; наконецъ она робко оглянулась кругомъ и, приложа руку къ головѣ, сказала: что это было, сонъ или нѣтъ? Его нѣтъ здѣсь, а за минуту онъ былъ тутъ, со мною, говорилъ, что любитъ меня.... любитъ меня.... любитъ меня, повторяла она съ какимъ-то самозабвеніемъ восторга.

— О, Боже мой! продолжала она, взглянувъ на небо, я такъ счастлива, я не знаю даже, что это со мною дѣлается.... онъ меня любитъ! онъ сказалъ мнѣ самъ.... мое счастіе его цѣль; но вѣдь я теперь очень счастлива, больше уже нельзя быть счастливою!

И молодая дѣвушка, говоря это, въ тоже время дѣтски смѣялась и плакала. Еслибы въ эту минуту кто нибудь вошелъ къ ней, она навѣрное встрѣтила бы его словами: «*онъ меня любитъ*!» такъ сильно потрясло всѣ ея умственныя и физическія силы это неожиданное исполненіе ея безсознательной, завѣтной мечты. Наташа вставала, становилась на то мѣсто, гдѣ за минуту стоялъ любимецъ ея сердца, подходила къ двери, въ которую онъ вышелъ, дотрогивалась до ручки замка, къ которой прикасалась его рука, тихо повторяя: «Любитъ, любитъ меня!» Но мало по малу волненіе стало успокоиваться, и разсудокъ началъ вступать въ свои права. Когда Наташа была въ состояніи нѣсколько обсудить свое положеніе, она тотчасъ женскимъ инстинктомъ поняла, что разговоръ ея съ Алексѣемъ Александровичемъ долженъ пока остаться тайною для всѣхъ, что любовь есть драгоцѣнный кладъ души, который не выставляется на показъ пустому любопытству, а сохраняется въ сокровеннѣйшихъ ея тайникахъ.... Ей хотѣлось-бы передать кому-нибудь свой восторгъ, подѣлиться избыткомъ своего счастія, но она боялась, что чувства ея, можетъ-быть, осмѣютъ, осудятъ.... и она рѣшилась скрыть ихъ, какъ ребенокъ прячетъ любимую свою куклу, чтобъ ее у него не отняли. Не головою, но сердцемъ поняла все это Наташа, и когда чрезъ часъ Катя возвратилась домой, она не сказала ей даже о томъ, что Алексѣй Александровичъ былъ у нихъ, и только разгорѣвшееся лицо молодой дѣвушки и невольная живость въ движеніяхъ показы-

вали, что въ груди ея происходило что-то необыкновенное. Такъ, напримѣръ, когда проснулся Петръ Иванычъ, Наташа кинулась къ нему на встрѣчу, съ такимъ восторгомъ, какъ-будто они были разлучены цѣлый годъ и долго, долго она обнимала старика, цѣловала его руки, глаза, посѣдѣлую голову, увѣряла, что его очень любитъ, что она очень счастлива!

— «Ахъ, папаша, милый, голубчикъ, прелесть.... вѣдь вы меня любите, не правда-ли, очень любите? и я васъ люблю, мой голубчикъ! ахъ, какъ я васъ люблю!... А скажите, папа, можно-ли еще кого-нибудь любить такъ, какъ я васъ люблю?

Петръ Ивановичъ невольно улыбнулся.

— Конечно, отвѣчалъ онъ: не только можно, но даже должно будетъ.

— Кого-же, папа?

— Ну, человѣка, который будетъ тебѣ назначенъ Богомъ въ спутники жизни: твоего мужа.

— И васъ, мой милый папочка, и васъ! говорила Наташа, еще нѣжнѣе обнимая старика, еще крѣпче цѣлуя его, какъ-бы поблагодаря за позволеніе любить не одного его; какъ-бы желая сказать ему: «не огорчайся, не сѣтуй на меня за мою любовь къ другому, я и тебя все буду любить попрежнему!

Все остальное время дня Наташа провела счастливо, но тревожно; ее безпокоила тайна, которую она скрыла отъ старика отца. Какъ-бы онъ радовался со мною, еслибы зналъ, что Алексѣй меня любитъ Но какъ ему сказать объ этомъ? Надо прежде разсказать объ деньгахъ, которыя онъ принесъ.... Ну, а если онъ разсердится, если это огорчитъ его? что я тогда буду дѣлать? — А вѣдь надо-же ему это когда-нибудь открыть.... шепталъ ей какой-то внутренній голосъ, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Нѣтъ, нѣтъ, думала Наташа, какъ-бы отвѣчая ему, сегодня я не могу, лучше скажу завтра.... И эта мысль ее успокоила. Наташа забыла или не знала мудраго изрѣченія, что не надо откладывать до завтра, что можно сдѣлать сегодня, а было-бы не худо знать ей это изрѣченіе. Каждый день несетъ съ собою свои заботы, и недодѣланное сегодня отяготитъ человѣка на завтра — это аксіома.

Прощаясь съ отцемъ, Наташа попросила у него позволеніе сходить завтра къ обѣднѣ.

Долго, очень долго не могла молодая дѣвушка уснуть въ эту ночь; взволнованная душа не давала покоя тѣлу. Наташа перенеслась совершенно въ міръ фантазіи. Какія радужныя, свѣтлыя мечты вились надъ ея чистымъ, дѣвственнымъ изголовьемъ, какъ отрадно они манили ее, какую чудную картину любви и счастія рисовали въ будущемъ, и лишь только Наташа всею душою уносилась за ними, какъ въ самомъ быстромъ полетѣ ее останавливала совсѣмъ неожиданная мысль: «Погоди, не лети, подожди до завтра!» Эти слова нашептывалъ ей холодный разсудокъ, этотъ старикъ, одинаково положительный въ семпадцатилѣтней и въ семидесятилѣтней головѣ; онъ заставлялъ Наташу на минуту вернуться назадъ, но только на минуту. Сердце въ тотъ-же мигъ шептало ей: «Отецъ твой добръ, твое счастіе — его радость, не бойся, полетимъ за чудесною мечтою.» Но когда ея любимая канарейка встрѣтила разсвѣтъ дня, своею хвалебною пѣснью, Наташа уже не слышала ее, она спала тихимъ сномъ, и только по временамъ легкой вздохъ волновалъ ея грудь и полуоткрытыя губки шептали: онъ любитъ меня!

Съ первымъ ударомъ колокола, Наташа была уже совершенно готова, чтобы идти въ церковь. Какое то предчувствіе говорило ей, что въ этотъ день ей надо молиться, что онъ несетъ ей что-то чудное, таинственное, страшное, — что-то такое, отъ чего зависитъ вся ея будущая жизнь. Сердце молодой дѣвушки какъ-то болѣзненно сжималось, то вдругъ начинало биться до того, что занимало духъ, и она далеко не была такъ весела и беззаботна, какъ вчера. Послѣ обѣдни Наташа рѣшилась разсказать отцу всю правду. —«Ну, а если батюшка разсердится на Алексѣя Александровича, думала она; если деньги, которыя онъ намъ принесъ, такой долгъ, отъ котораго мой отецъ отказался по какимъ-нибудь важнымъ обстоятельствамъ? Если батюшка не захочетъ видѣть Алексѣя, если не станетъ принимать его, что тогда будетъ со мною?» — Эти мысли во все утро не давали покоя бѣдной дѣвушкѣ.

Съ необыкновеннымъ усердіемъ молилась она, стоя на колѣняхъ во всю обѣдню, и когда вышла изъ церкви, душа ея нѣсколько поуспокоилась. Вѣра въ Промыселъ окрылила ее надеждою; почти съ радостію спѣшила она домой.

Пройдя дворъ, Наташа осторожно начала взбираться по своей узкой лѣстницѣ, кое-гдѣ загроможденной разною домашнею утварью.

Наконецъ она достигла до втораго этажа; но тутъ путь ея былъ совершенно загражденъ большою вязанкою дровъ, кинутыхъ лѣнтяемъ водовозомъ передъ дверьми небогатаго жилья. Осторожно подобравъ платье, Наташа хотѣла уже перебираться чрезъ эту шаткую преграду, какъ вдругъ разговоръ двухъ женщинъ, отъ которыхъ она была закрыта поворотомъ лѣстницы, приковалъ все ея вниманіе. Она очень ясно разслышала, какъ произнесли ея имя.

— Ну, да, говорила одна изъ женщинъ: вѣстимо, гдѣ мнѣ тягаться за Овсовыми.... Видишь, не велѣлъ, говоритъ, хозяинъ, отпускать вамъ изъ лавочки ниже свѣчи сальной, не токмо цикорію.... Плохо, говоритъ, очищаете счеты.... Всѣ, говоритъ, платятъ, только вы одни.... Вонъ, говоритъ, Овсовы тоже были за три мѣсяца должны, а всѣ молъ деньги, говоритъ, сполна заплатили. Не диво, говорю я, что Овсовы заплатили? Вишь къ нимъ ходитъ какой молодчикъ.... фонъ баронъ этакой .. въ золотыхъ цѣпочкахъ.... Онъ и деньги-то, сказываютъ, Натальѣ Петровнѣ пригоршнями отсыпаетъ....

— Да неужто это правда, Гавриловна? сказала другая женщина.

— А то неправда, что-ли? Вонъ Кудимычу хозяйской сынъ самъ говорилъ, что онъ и за фатеру-то ему деньги отдалъ, да и впередъ, вишь ли, заплатилъ.... Вотъ и въ лавочкѣ теперь ничего на мѣлокъ не берутъ, все на чистаганъ, трехрублевыя мѣняютъ, а прежде, помнишь, нешто одной Ѳомкиной собакѣ не были должны.... А откуда взяли? Корабли что-ли пришли? Али кладъ отрыли? Вѣстимо, не даромъ-же ходитъ сюда молодчикъ, почитай каждый день.... вотъ теперь только что-то порѣже сталъ ходить, знать надоѣло деньги-то сорить.

— Скажите, какое дѣло! отвѣчала другая женщина, а дѣвушка такая, кажись, скромная ... хорошенькая.... ловкая.. .

— Ну, да еслибъ была дурна, да неловкая, рѣзко перебила первая сплетница, такъ, пожалуй, и теперь бы въ кулаки дула.

Двери захлопнулись, голоса замолкли, а Наташа все еще стояла на томъ-же мѣстѣ, словно окаменѣлая. Нѣсколько разъ она силилась кинуться впередъ, чтобы остановить злые языки, такъ безумно чернившіе ее, чтобы сказать клеветницѣ, что она лжетъ, — и не могла, ноги ей не повиновались.

Въ продолженіе десяти минутъ Наташа не могла придти въ себя, наконецъ, она очнулась, какъ бы отъ страшнаго сна, и съ ужасомъ

кинулась по лѣстницѣ, какъ будто стараясь убѣжать отъ слышаннаго ею; но хриплые голоса, ихъ язвительныя слова, казалось, преслѣдовали ее по пятамъ. Когда она, задыхаясь, вбѣжала къ себѣ въ комнату, испуганная Катя невольно воскликнула: Что съ вами, Наталья Петровна? вы больны! вамъ дурно!

— Нѣтъ, Катя, я не больна, я такъ, говорила Наташа, почти падая на стулъ. О! Боже мой! Боже мой! шептала она съ отчаяніемъ, ломая руки.

— Что съ вами, барышня, твердила Катя, съ безпокойствомъ глядя на Наташу, блѣдную и трепещущую; не испугались-ли вы чего-нибудь?

— Испугалась, да, испугалась, сказала Наташа, закрывъ глаза, и начала рыдать, едва имѣя силы произнести:

— Дверь, дверь.... запри.... батюшка услышитъ.

И она силилась сдержать рыданія, чтобы не обезпокоить отца. Но судорожное движеніе рукъ, ужасное волненіе груди, дрожь всего тѣла, все показывало, что припадокъ молодой дѣвушки былъ очень силенъ. Испуганная Катя бѣгала, суетилась, хлопотала около нея, и напрасно пыталась дознаться, что случилось съ ея барышнею.

— Ничего, Катя, ничего! говорила Наташа, стараясь успокоиться. Теперь мнѣ легче... видишь.... вотъ ужъ и все прошло.... а между тѣмъ, сквозь горькую улыбку, по блѣднымъ щекамъ катились крупныя слезы, и дрожащія руки и ноги ясно показывали, что она была далеко непокойна. Около получасу прошло, прежде чѣмъ Наташа могла совладѣть съ собою и привести себя въ такое положеніе, чтобы показаться отцу. Бѣдняжка страдала тѣмъ болѣе, что сама не знала, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ. — «Открыть ли все это батюшкѣ? думала она; но онъ еще недавно оправился отъ болѣзни; одно слово можетъ убить его. О, Боже мой, Боже мой! спаси меня, помоги мнѣ, вразуми, какъ поступить!»

Наташа употребила всѣ усилія, чтобы изгладить слѣды страшнаго впечатлѣнія, произведеннаго на нее неожиданнымъ горемъ. Но все было напрасно: когда она вошла къ отцу, онъ невольно воскликнулъ, взглянувъ на разстроенное лицо дочери: «Что съ тобою, мой милый дружокъ? Ужъ не больна-ли ты?»

— У меня что-то голова болитъ, папа, сказала Наташа, припавъ

на грудь къ отцу, какъ бы ища на ней прибѣжище отъ невзгоды, поднявшейся надъ ея головою.

Легкое нездоровье дочери безпокоило Петра Ивановича. Забывъ свою слабость, онъ ни на минуту не оставлялъ ее, не подозрѣвая, что каждая его ласка, каждый вздохъ и забота о ней, терзаютъ это молодое сердце и наносятъ ему тяжкій ударъ. Наташа знала, что скоро, можетъ-быть, она невольно должна будетъ поразить горемъ и отчаяніемъ этого добраго старика, который всю свою жизнь посвятилъ ея успокоенію и радости, всѣ свои надежды и утѣшенія сосредоточилъ въ ней одной. Чѣмъ нѣжнѣе становились заботы Петра Ивановича, тѣмъ больше страдала Наташа.

Въ сотый разъ Наташа обдумывала планъ, какъ бы ей легче объяснить все отцу, и въ сотый разъ отвергала его, боясь за послѣдствія, какъ вдругъ въ головѣ ея мелькнула счастливая мысль — вывѣдать сперва мнѣніе старика на счетъ подобныхъ обстоятельствъ. Это ободрило ее.

— Ну что, мой дружокъ, спросилъ ее обрадованный Петръ Ивановичъ, видя, что она живо приподняла головку: лучше ли тебѣ?

— Да, папа, мнѣ гораздо лучше! отвѣчала Наташа, которая собрала теперь всѣ свои силы, чтобы казаться какъ можно спокойнѣе. Въ эту минуту долженъ былъ для нея разрѣшиться вопросъ о всей ея будущности.

— Знаете ли что, папа! сядемъ мы съ вами, какъ бывало прежде, поговоримъ о чемъ-нибудь, или, если хотите, я вамъ прочту что нибудь?

— Не затруднитъ ли это тебя, мой дружокъ, говорилъ Петръ Ивановичъ; у тебя сегодня такъ болѣла голова. Наташа невольно приложила руку къ сердцу, какъ бы говоря: не голова, а сердце у меня болитъ; и поспѣшно отвѣчала отцу. Нѣтъ, милый папа! мнѣ теперь лучше, и я буду очень рада занять васъ. Садитесь, душечка папа, вотъ такъ, продолжала она, придвигая кресла къ отцу, а сама помѣщаясь на скамеечкѣ у ногъ его. Или папаша, не хотите ли, я вамъ что нибудь разскажу?

— Какъ тебѣ угодно, мой ангелъ! кротко и ласково смотря на дочь, отвѣчалъ старикъ.

Нѣсколько минутъ, отецъ и дочь молчали. Первый спокойно ждалъ рѣшенія дочери, между тѣмъ, какъ она медлила, будто собиралась

съ силами, чтобы начать разговоръ, припоминала факты, старалась отыскать удачное слово для начала, наконецъ, тихо вздохнувъ, она начала такъ:

— Во время вашей болѣзни, папа, я читала одну повѣсть, очень странную и грустную, и я хочу вамъ ее разсказать.

Видите ли, папа, продолжала Наташа, послѣ короткаго молчанія, у одной дѣвушки была мать, добрая, милая старушка.... вдругъ эта мать заболѣла.... Долго длилась ея болѣзнь, и бѣдная дочь, въ отчаяніи, не знала, что ей дѣлать. У нихъ ужъ ничего не осталось, даже хлѣба, и квартиру, въ которой они жили, они должны были оставить, потому что ихъ выгоняли изъ нея вонъ. Но въ ту минуту, когда хозяинъ дома хотѣлъ ихъ выгнать, вдругъ явился незнакомый человѣкъ. Незнакомецъ былъ вѣжливъ, онъ тотчасъ вступился за беззащитную дѣвушку и объяснилъ ей, что явился по порученію одного друга, который долженъ больной старушкѣ и чрезъ него посылаетъ ей должную сумму. Онъ заплатилъ хозяину, и отдавъ остальныя деньги молодой дѣвушкѣ, просилъ ее не говорить пока матери ни объ деньгахъ, ни объ немъ, потому, что мать ея имѣла какую-то непріятность съ его другомъ, и онъ боялся что воспоминаніе объ этомъ можетъ ее разстроить въ теперешнемъ ея положеніи.

— Ну, а прежде, этотъ господинъ никогда не видалъ этой дѣвушки? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Наташа, никогда.

— Продолжай, мой другъ, это интересно.

— Онъ прислалъ къ больной доктора и самъ началъ очень часто справляться о ихъ нуждахъ и о здоровьи больной. Его участіе къ больной матери, которую, какъ говорилъ этотъ господинъ, онъ зналъ прежде и видалъ въ обществѣ, его благородство, доброта, готовность быть имъ полезнымъ, заставили дочь смотрѣть на него, какъ на друга, какъ на брата. Такъ прошло довольно много времени....

— Ну, а мать все еще была также больна?—снова прервалъ Петръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, папа, ей уже было гораздо лучше, она выздоравливала и за это-то выздоровленіе матери, дочь, послѣ Бога, должна была благодарить добраго и благороднаго человѣка, который помогалъ ей и дѣломъ и словомъ, и пекся объ нихъ, какъ объ родномъ семействѣ. Но мать еще не видала его и ничего не знала. Дочь бо-

ялась открыть ей истину, чтобы не обезпокоить ее, — наконецъ, продолжала Наташа гораздо тише, наконецъ.... и она на минуту замолчала, какъ бы сбираясь съ духомъ, чтобы высказать главную мысль, — наконецъ, дѣвушка, сама не зная какъ, противъ воли.... полюбила его.... Случай неожиданно открылъ ему эту любовь, и онъ съ восторгомъ признался, что самъ любитъ ее. Ахъ, она была тогда очень счастлива! счасливѣе ея, папа, тогда не было женщины въ цѣломъ мірѣ....

И бѣдная дѣвушка невольно погрузилась въ минутную думу, изъ которой ее вывелъ голосъ отца.

— Чтожъ, она открылась матери?

— Нѣтъ, папа, сказала Наташа, она все еще опасалась за ея слабость — и молчала; впрочемъ, дочь уже рѣшилась было открыть свою тайну, потому что ей за себя нечего было бояться, вѣдь она ничего не сдѣлала худаго, неправда ли, папа? Но въ самую минуту, какъ она хотѣла все разсказать матери, нашлись злые люди, которые ее оклеветали, очернили ея и злословили бѣднаго молодаго человѣка, который къ нимъ ходилъ. Они безжалостно отнимали счастіе у бѣдной дѣвушки. О какіе злые, завистливые люди есть на свѣтѣ!...

Въ комнатѣ было довольно темно, Наташа сидѣла у ногъ отца, и потому Петръ Ивановичъ не могъ видѣть ни яркихъ слезъ, которыя задрожали на ея рѣсницахъ, ни той конвульсивной улыбки, которая пріятное выраженіе ея губокъ обратила въ горько-презрительное.

— И мать ничего не знала? бѣдная мать! ну, продолжай Наташа, говорилъ старикъ дочери, чѣмъ все это кончилось?

— Окончанія, папа, я не дочитала, сказала тихо, послѣ довольно продолжительнаго молчанія Наташа, у меня взяли книгу.

— Да. Ну, окончаніе тутъ должно быть двоякое, смотря потому, что за человѣкъ герой разсказа. Если онъ честный человѣкъ, то уничтожитъ клевету и возстановитъ доброе имя дѣвушки; если же онъ негодяй, то окончаніе должно быть довольно грустное. Что можетъ сдѣлать мать — женщина — на защиту дочери? Плакать и страдать. Смерть для нея въ такомъ случаѣ легче жизни, потому что позоръ хуже смерти. Вотъ еслибы вмѣсто матери у дѣвушки былъ отецъ.

— Что же тогда? едва слышно прошептала Наташа.

— О! тогда дѣло другое, онъ могъ бы потребовать отчета у молодаго человѣка въ его необдуманныхъ поступкахъ; онъ заставилъ бы его поправить зло, имъ сдѣланное, или уничтожилъ бы его.

— Но за что же, батюшка? сказала Наташа довольно твердо; что сдѣлалъ дурнаго этотъ молодой человѣкъ? онъ ничѣмъ не оскорбилъ дѣвушку, и виноватъ ли онъ въ томъ, что злые люди сплетаютъ клеветы?

— Да, онъ виноватъ, мой другъ. Ты еще молода и не можешь понять этого. Каждый шагъ мужчины въ отношеніи къ женщинѣ долженъ быть напередъ обдуманъ, чтобы не навлекъ ей чего-нибудь дурнаго, на то ему даны благоразуміе и сила воли, для того онъ самою природою поставленъ ей въ защитники. Если-же мужчина этого не понимаетъ, то онъ глупъ и недостоинъ носить это имя; а когда понимаетъ, но дѣйствуетъ по одному внушенію эгоизма и легкомыслія, то онъ подлецъ — и долженъ быть наказанъ.

На это Наташа не отвѣчала уже ничего; она припала головкою къ колѣнамъ отца и оставалась неподвижною. И что могла она говорить? Судьба ея рѣшилась, она узнала мысли отца и теперь уже боялась не за себя, а за того, кто былъ для нея дороже всего на свѣтѣ. Слезы ея изсякли, волненіе замерло въ груди и душа ея со всею энергіею, забывъ свое я, встрепенулась на защиту своего любимца. Наташа рѣшилась — дѣйствовать.

Уложивъ отца, молодая дѣвушка вышла къ себѣ въ комнату, и долго сидѣла у стола, погруженная въ глубокую думу. Это были уже не мечты семнадцати-лѣтней дѣвочки; это была живая, существенная мысль женщины, рѣшившейся отнять у себя радость, упованіе, счастіе, даже надежду на счастіе.

— Я его никогда больше не увижу, говорила она сама съ собою, пусть онъ будетъ счастливъ безъ меня. Я не назову батюшкѣ его фамиліи. Пусть всѣ страданія падутъ на мою голову: я все перенесу терпѣливо; но не допущу, чтобы онъ пострадалъ за меня. Нѣтъ, я этого не могу допустить, чувствую: я не пережила бы такого несчастія. У меня еще останется отрада: я могу въ душѣ любить его, молиться за него. — Онъ спасъ моего отца отъ нужды и смерти; онъ такъ великодушно предложилъ намъ свою помощь, такъ заботился, принималъ въ насъ такое теплое участіе.... этого мое сердце забыть не можетъ! Что же онъ сдѣлалъ худаго? развѣ онъ виноватъ, что я люблю его и что онъ меня любитъ? При этой мысли кровь молодой дѣвушки быстро поднялась къ головѣ; воспоминаніе объ его любви заставило сильно забиться ея сердце, для ко-

тораго это чувство было такъ ново, такъ отрадно и живительно. Съ тоскою оглянулась она на то мѣсто, гдѣ еще такъ недавно стоялъ онъ, гдѣ они невзначай открыли взаимно тайну сердецъ своихъ, гдѣ для нея открылся цѣлый міръ надеждъ и блаженства.

— «Прощай, прощай! произнесла она съ какимъ-то глухимъ стономъ, отодвинула у стола ящикъ, достала изъ него листокъ бумаги и написала на ней слѣдующія строки. «Если то правда, что вы мнѣ «сказали; то, во имя сказаннаго, прошу васъ, не приходите къ намъ «болѣе никогда и будьте счастливы.»

Подпись состояла изъ одной только заглавной буквы ея имени.

Запечатавъ записку, Наташа тихо подошла къ спящей Катѣ и разбудила ее.

— Послушай, Катюша, ты любишь меня?...

— Люблю-съ, утвердительно отвѣчала Катя.

— Ну, такъ окажи мнѣ большую услугу: завтра, часовъ въ восемь отнеси эту записку Алексѣю Александровичу и отдай ему самому, слышишь ли: ему самому.

— Слышу, барышня, будьте покойны, ни въ чьи руки не попадетъ, самому отдамъ.

И Катя спрятала записку бережно подъ подушку.

Послѣ этого, Наташа, не раздѣваясь, тоже кинулась на свою постель, но напрасно искала сна: и слезы, и забвеніе — отказали ей въ своей отрадѣ.

Зажегся новый день на горизонтѣ, и съ новымъ днемъ зажглись новыя страсти, заботы и радости у человѣка. Съ раннею зарею поднялась и проворная Катя. Приготовя все нужное, она подошла къ постели Наташи. Дѣвушка лежала, оперши голову на руку, съ открытыми глазами; она не спала, но мысли ея, видимо, носились далеко, потому что она не слышала шаговъ подошедшей и не отвѣчала на полувопросъ ея: «Такъ я пойду, Наталья Петровна!»

— Я иду, барышня, повторила Катя, помолчавъ немного и видя что Наташа ей не отвѣчаетъ.

Молодая дѣвушка подняла голову, взглянула на Катю съ невыразимою грустію, подозвала ее поближе и, взявъ обѣими руками за голову, горячо и продолжительно поцѣловала, какъ будто говоря: передай ему мое прости! — и тихо сказала. «Иди.»

— Наталья Петровна, Наталья Петровна, говорила Катя, цѣлуя руки у своей барышни, голубушка, да что съ вами, скажите мнѣ.

— Ничего, милая Катя, отвѣчала кротко Наташа, ничего; иди, Богъ съ тобою, — но не забудь, самому отдай.

Катя сомнительно и съ полуупрекомъ покачала головою, и взглянувъ на образъ, вздохнула и проворно вышла изъ комнаты.

Отославъ письмо, Наташа, какъ будто покончила съ собою. Когда дверь затворилась за Катею, она благоговѣйно перекрестилась и тотчасъ-же принялась за домашнія заботы, начала прибирать комнатку и готовить завтракъ отцу. Въ этихъ житейскихъ мелочахъ хотѣла она повидимому потопить неотразимую мысль, заглушить ноющую боль сердца. Петръ Ивановичъ, котораго она весело встрѣтила, радушно усадила въ старое его кресло, около котораго заботливо порхала, совершенно успокоился на счетъ здоровья дочери и самъ повеселѣлъ. Онъ допивалъ свой стаканъ чаю, когда кто-то постучался и вслѣдъ за тѣмъ въ комнату вошелъ докторъ.

— Здравствуйте, Петръ Ивановичъ, ласково сказалъ онъ, подавая старику руку, вы, я думаю, сердились на меня, что я нѣсколько дней не былъ у васъ; но я нарочно не заѣзжалъ къ вамъ, чтобы посмотрѣть, какъ на васъ подѣйствуютъ первое движеніе и воздухъ.... Ну, что, кажется, все хорошо? я нахожу васъ лучше, чѣмъ думалъ найти.

— Да, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, дружески пожавъ руку доктора; да, благодаря Бога и васъ, я чувствую себя теперь очень хорошо, я хотѣлъ бы даже попросить позволенія пройтись немного по улицѣ.

— Съ Богомъ, съ Богомъ, сказалъ докторъ, идите, гуляйте, это васъ укрѣпитъ и дастъ вамъ апетитъ.

— Ну, вотъ и славно! радостно воскликнулъ Овсовъ, не хотите-ли, г. докторъ, чашку кофе?

— Не откажусь, сказалъ докторъ, садясь; я сегодня рано выѣхалъ, и много ѣздилъ.

Пока Наташа готовила доктору кофе, отецъ ей сказалъ, «Знаешь-ли, Наташа, что господинъ докторъ избавилъ тебя отъ непріятной прогулки, позволивъ мнѣ самому выдти? — Я было хотѣлъ тебя, мой другъ, просить отнести на почту письмо къ брату. Съ Катей боюсь послать, она неравно потеряетъ. Пока ты вчера была у обѣдни, я

написалъ къ нему. Давно надо было поблагодарить его, онъ поступилъ съ нами истинно по родственному.

Если бы громъ мгновенно разразился надъ головою Наташи, она вѣрно не такъ бы испугалась, какъ отъ этихъ словъ. Чашка, которую она подавала доктору, едва не выпала у нея изъ рукъ и она невольно вскрикнула: Сами на почту! ахъ, ради Бога, говорила она, почти съ ужасомъ кидаясь къ отцу, не ходите! какъ можно, послѣ болѣзни, идти такъ далеко; нѣтъ, нѣтъ, я васъ не пущу, я сама отнесу.

— Да отдайте мнѣ письмо, сказалъ докторъ, я буду въ той сторонѣ и завезу его на почту.

— Нѣтъ, нѣтъ, г. докторъ! твердила Наташа, вы уже слишкомъ добры къ намъ; нѣтъ, я сама отнесу, я къ тому-же прогуляюсь. Не правда-ли, папаша? милый, голубчикъ! позвольте мнѣ отнести письмо! говорила дѣвушка, кидаясь съ ласкою къ отцу.

— Хорошо, хорошо, мой дружокъ! отвѣчалъ старикъ, Богъ съ тобою, неси письмо, если ты такъ хочешь.

Съ необыкновенною поспѣшностію начала одѣваться Наташа, какъ будто боясь, чтобы отецъ не измѣнилъ своего рѣшенія. Въ двѣ минуты она была уже готова, дрожащими руками взяла отцовское письмо, поцѣловала старика въ лобъ и быстрой ланью исчезла за дверью.

— Она еще совершенное дитя, докторъ, сказалъ Петръ Ивановичъ, когда ушла Наташа; но это рѣдкое, доброе дитя: въ ней вся жизнь моя, все мое утѣшеніе.

— Да ужъ я-то лучше всѣхъ знаю, какое она у васъ сокровище, и увѣренъ, что она будетъ очень счастлива, говорилъ, прощаясь, докторъ.

Оставшись одинъ, Петръ Ивановичъ допилъ свой чай, и началъ понемногу одѣваться. Какой чудесный день, говорилъ онъ, подходя къ окну, и отворивъ форточку, полною грудью вхохнулъ въ себя струю благотворнаго весенняго воздуха. Вотъ это, продолжалъ онъ, цѣлебнѣе всѣхъ лекарствъ, и скорѣе всего укрѣпитъ меня. Какъ только моя Ташечка вернется, я пойду побродить немного, пойду за нее помолиться. Въ ожиданіи дочери, старикъ почти совершенно готовый къ предполагаемой прогулкѣ, присѣлъ въ свои старыя вольтеровскія кресла, и только-что хотѣлъ заняться чтеніемъ, какъ вдругъ кто-то громко отворилъ наружную дверь и скорые, тяжелые шаги раздались въ передней.

— А, Антонъ Егоровъ, сказалъ съ улыбкою Петръ Ивановичъ, что это ты, братецъ, такъ стучишь, испугалъ меня старика.

— Извините, батюшка, сказалъ Антонъ довольно сурово, мы люди простые, на такихъ деликатностяхъ не обращаемся, политичности не обучались, да и до нее-ли теперича....

— Что съ тобою, другъ Антонъ? съ удивленіемъ спросилъ Овсовъ.

— Да вотъ что, батюшка, Петръ Ивановичъ, мы хоша и простые люди, на лаптяхъ взросли, а таки кое-что смекаемъ тожъ.... Поступать-то съ нами въ такомъ резонтѣ и негодится, вотъ что-съ. Вестимо, намъ съ бородой въ господскіе дѣла соваться не слѣдъ, а только эвто не ладно. Конечно, я самъ отдалъ Катюшку мою Натальи Петровнѣ на выучку, да вѣдь грамотѣ токмо.... а, кажись, не выговаривалъ чтобы ее обучили всякимъ тамъ этакимъ... такъ-то-съ! а то, что она за почтальонъ такой?

— Что такое? какой почтальонъ? спросилъ въ недоумѣніи Петръ Ивановичъ.

— Да какъ-же-съ, помилуйте, батюшка! вотъ сейчасъ изловилъ съ поличнымъ. Ономнясь прислалъ ко мнѣ нѣмецъ, изъ магазея, на которой я работаю, и говоритъ: Антонъ, молъ, надоть одному молодому барину сдѣлать перила на лѣстницу, краснаго дерева. — Для-ча, говорю, не сдѣлать. Ну и сдѣлалъ....

— Ну, и славно! сказалъ Петръ Ивановичъ; но что-же тутъ Наташа?

— Обождите маленько и до нихъ дойдемъ. Ну, сдѣлалъ перила, и поставилъ, какъ слѣдуетъ, вчера покончилъ, а за деньгами велѣли нынче придти; барина, говорятъ, нѣтъ дома. Ну, дѣло статочно: холостой, знаете.

— Ну, что-жъ?

— Ну, я и пошелъ нынче, пришелъ, да и хотѣлъ было ужъ позвонить, какъ вдругъ дверь отворилась, а изъ нея шмыгъ — моя Катюшка.

— Катя? съ изумленіемъ спросилъ Овсовъ.

— Да-съ, Катя. Меня вотъ, то-есть, примѣрно, словно обухомъ по лбу.... я цапъ ее за руку да и говорю: Куда, дрянь ты этакая, куда — постой, голубушка! ты эвто зачѣмъ изволила жаловать сюда, а-сь? Она туда - сюда, да я не таковской, вѣдь я, знаете, по

свойски — а это что у тебя за писулька такая? сказалъ я, вырвавъ у нее вотъ эту записку... она было, негодная, не отдавать: «что хочешь, тятинька, голосить — дѣлай, а письма не отдамъ!» — Но у меня не отвертишься хныканьемъ.... ужъ я было хотѣлъ письмо-то распечатать, да Катя такъ и повисла на рукѣ, говоритъ: эвто къ Натальѣ Петровнѣ.

— Къ моей дочери! съ безпокойствомъ воскликнулъ Овсовъ.

— Да-съ; вотъ тутъ и надпись есть, что къ Натальѣ Петровнѣ, сказалъ Антонъ, подавая старику маленькое письмо, тщательно запечатанное въ узорчатый конвертъ. Такъ вотъ оно и не ладно, господинъ Овсовъ! Ну, нужно Натальѣ Петровнѣ написать, къ кому тамъ ни на есть, такъ на то почта учреждена, а то дѣвченку посылаетъ! эвто выходитъ дрянь дѣло, такія штуки къ нашей мебели нейдутъ, вотъ оно что-съ! Затѣмъ прощенья просимъ, а ужъ не взыщите, милостивецъ, Катьки я къ вамъ не отпущу: избаловаться и дома съ умѣетъ! И онъ, ворча, вышелъ изъ комнаты. Нѣсколько времени старикъ, молча, сидѣлъ въ своихъ креслахъ, онъ безсознательно вертѣлъ маленькое письмо въ рукахъ; слова Антона какъ-будто отняли у него мысль и волю, наконецъ, мало-по-малу, оцѣпенѣніе его стало исчезать; онъ глубоко вздохнулъ, и, какъ-бы пробудясь отъ сна, провелъ рукою по блѣдному лбу, покрытому холоднымъ потомъ.

— Что это, Господи помилуй! шепталъ онъ, потомъ медленно поднесъ письмо къ глазамъ и тихо прочиталъ надпись: «*Наталью Петровнѣ Овсовой.*» Да, это къ ней.

Нѣсколько разъ уже Петръ Ивановичъ перечиталъ адресъ письма, все еще не рѣшаясь его распечатать; казалось, онъ не смѣлъ заглянуть въ него. Но вотъ руки старика задрожали, письмо погнулось и печать его, хрупнувъ, разломилась пополамъ. Овсовъ медленно вынулъ записку изъ помятаго конверта. Онъ протиралъ глаза, подносилъ къ нимъ письмо, не могъ прочитать ни одного слова; буквы прыгали и сливались предъ отуманеннымъ взоромъ старика; дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ подошелъ къ окну, и прислонясь спиною къ его окраинѣ, съ трудомъ прочиталъ слѣдующее:

«Неужели моя любовь до того пугаетъ васъ, что вы хотите лишить меня даже счастія свиданія съ вами? Нѣтъ, мой милый и доб-«рый другъ, это невозможно! я не въ силахъ подчиниться вашему

«приказанію! Простите меня за это непослушаніе и не бойтесь ничего. «Повѣрьте, я устрою все такъ, что вы будете счастливы. Вашъ *Алексѣй*.»

Письмо выпало изъ рукъ старика, и онъ въ отчаяніи закрылъ лицо руками. Жалко было смотрѣть на бѣднаго отца, который, рыдая, ломалъ свои худыя руки; но вотъ порывъ горя началъ стихать и уступилъ мѣсто гнѣву. Глаза старика, дотолѣ тусклыя, загорѣлись дикимъ огнемъ, блѣдное лицо вспыхнуло, энергія оскорбленнаго достоинства замѣнила силы, старикъ окрѣпъ и грозно выпрямился.

— А! сказалъ онъ, попирая письмо ногами, такъ ты не можешь покориться ея рѣшенію, ты, погубившій ея доброе имя! — Но, продолжалъ онъ, это вѣрно не первое письмо, я ихъ долженъ видѣть всѣ, всѣ до одного... И старикъ кинулся къ маленькому комоду дочери, который былъ не запертъ. Поспѣшно отодвинувъ ящикъ, Петръ Ивановичъ вынулъ изъ него маленькую шкатулку, но ключа къ ней не было. Попробовавъ открыть ее и видя, что усилія его тщетны, раздраженный отецъ со всею силою ударилъ ее объ полъ, крышка отскочила и нѣсколько лоскутковъ бумаги разлетѣлись по комнатѣ. Съ невѣроятною поспѣшностію кинулся старикъ на свою находку. Нѣсколько записокъ пансіонскихъ подругъ онъ отбросилъ всторону, и взявъ довольно большое письмо, развернулъ его. Письмо было писано къ нему; онъ узналъ руку брата. Пробѣжавъ нѣсколько строкъ, Петръ Ивановичъ прошепталъ, задыхаясь :» Онъ не высылалъ денегъ, онъ пишетъ, что не можетъ выслать, что самъ нуждается.... Такъ эти деньги, которыя были у нея, не его деньги.... Значитъ правда.... О! это ужасно.... И старикъ съ бѣшенствомъ оглянулся кругомъ, какъ-бы отыскивая кого-то, и сжавъ судорожно руки, говорилъ :

— Но гдѣ-же онъ? гдѣ этотъ человѣкъ, который ограбилъ старика и бѣдную дѣвушку, отнялъ у нихъ послѣднее достояніе, добрую славу? — А, продолжалъ онъ одушевляясь, я найду тебя, гдѣ-бы ты ни былъ; я заставлю тебя взглянуть въ лицо оскорбленнаго отца.... я вынужу.... И дрожащія руки его поспѣшно надѣвали сюртукъ, онъ схватилъ трость и шляпу и, шатаясь, вышелъ изъ двери.

Квартира опустѣла. Одна только птичка, беззаботно порхая въ своей клѣткѣ, весело прибирала лады обычной пѣсни.

Печально возвращалась Наташа домой съ отцовскимъ письмомъ въ рукахъ, и съ твердою рѣшимостію, сейчасъ-же разсказать все ста-

рику. — «Чего я боялась, думала она, зачѣмъ откладывала.... развѣ я сдѣлала что-нибудь дурное, за что-бы онъ могъ сердиться, или огорчаться? Богъ видитъ мою душу, мнѣ нечего страшиться. Съ этими мыслями, она начала подниматься по лѣстницѣ. Но едва она прошла нѣсколько ступеней, какъ ее поразили тихія рыданія; сдѣлавъ еще пять шаговъ, она столкнулась съ горько плачущею Катею.

— Катя, Катя, что съ тобою? спрашивала ее встревоженная дѣвушка.

— Ахъ, Наталья Петровна, ахъ, какое несчастіе! въ отчаяніи говорила бѣдная Катя

— Да что такое? снова спросила Наташа въ неописанномъ страхѣ.

— Письмо, которое я получила отъ Алексѣя Александровича....

— Ты потеряла его! всплеснувъ руками, воскликнула Наташа.

— Нѣтъ, нѣтъ! Лучше-бы потеряла, отвѣчала Катя, но его у меня отнялъ отецъ и отдалъ Петру Ивановичу.

— Что-же батюшка? спросила Наташа, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ.

— Онъ сейчасъ только былъ у насъ, спросилъ адресъ Алексѣя Александровича и, кажется, пошелъ къ нимъ.

Вопль отчаянія вырвался изъ груди Наташи и она съ ужасомъ кинулась внизъ по лѣстницѣ, вслѣдъ за отцомъ.

—

Въ прекрасной и довольно обширной комнатѣ, убранной со всѣмъ комфортомъ и изяществомъ образованнаго вкуса, сидѣли двое молодыхъ людей. Комната эта служила кабинетомъ хозяину, что доказывалось большимъ, превосходной работы письменнымъ столомъ, заставленнымъ множествомъ дорогихъ бездѣлушекъ, этой необходимостью людей, привыкшихъ къ довольству и утонченнымъ прихотямъ свѣта. Мягкія и покойныя кресла и козетки, разставленныя въ обдуманномъ безпорядкѣ, такъ и манили къ дружеской бесѣдѣ; зеленыя, шелковыя занавѣсы на окнахъ, ниспадая густыми складками до полу, казалось, готовы были, по первому мановенію хозяина, закрыть его отъ докучнаго свѣта въ его укромномъ убѣжищѣ; мягкой коверъ съ нѣгою ласкалъ ногу, попиравшую его. Тигровая шкура, съ искусно поддѣланной головой, лежала передъ волтеровскими креслами. Дорогія картины извѣстныхъ мастеровъ, развѣшенныя по стѣнамъ, обитымъ

прекрасными обоями, въ минуты уединенія переносили воображеніе въ чудныя фантастическія страны, а пьянино и мальбретъ, съ закрытой картиною, въ глубинѣ кабинета, говорили ясно, что обитатель его самъ не чуждъ искусствъ и художествъ. Двое молодыхъ людей, сидѣвшіе въ этой комнатѣ, дружески разговаривали. Одному было лѣтъ около тридцати, онъ былъ высокъ и строенъ. Нѣжныя, мелкія черты лица его дышали душевной добротой. Это былъ, повидимому, хозяинъ дома, что доказывалъ простой, но изящный бархатный утренній нарядъ, и та непринужденность и небрежность, съ какою онъ раскинулся на богатомъ штофномъ отоманѣ. Другой, гораздо выше его и немного болѣе, чѣмъ полный мущина, лѣтъ, въ которыя можно еще назвать себя *молодымъ*, одѣтый со всею тщательностію и изысканностію записнаго франта, съ физіономіею, которая не выражаетъ ничего особеннаго, граціозно полулежалъ въ большихъ креслахъ. Видно было что хозяинъ и гость давно и коротко знакомы, потому что первый очень часто зѣвалъ и потиралъ глаза бѣлою, аристократической рукою, какъ человѣкъ, готовый уснуть, хотя лицо его и не носило на себѣ отпечатка усталости или безсонницы. Оно скорѣе было отуманено какою-то тревожною мыслью и желаніемъ остаться на единѣ. Но гость, какъ видно, не замѣчалъ маневра хозяина и безпечно продолжалъ разговоръ.

— И ты не шутишь, mon cher? точно женишься?

Хозяинъ, къ которому относились эти слова, молча, кивнулъ головою.

— И скоро?

— Думаю, что да; отвѣчалъ хозяинъ.

— А на комъ? можно узнать?

— На дѣвушкѣ — сказалъ, улыбаясь, молодой человѣкъ.

— Но я ее вѣрно знаю, c'est du bon genre, j'espère.

— Нѣтъ, Жоржъ, не знаешь.

— А хороша?

— Очень?

— Ну, и богата?

— Очень.

— A la bonne heure! хоть этимъ порадовалъ, это все еще на что нибудь да похоже. Хороша и, главное, богата, ну, тутъ есть, по крайности, логической смыслъ — а то вѣдь я, mon cher, признаюсь боялся—ты такой чудакъ. Въ нашемъ кругу не слышно, чтобы ты

на комъ-нибудь сватался и вдругъ говоришь, что женишься. Признаюсь, поразилъ! Не взыщи, душа моя, Алеша, а сознайся, ты много чудилъ на своемъ вѣку, отъ самой школьной лавки, на которой мы съ тобою сиживали.... и до....

— Да, ты и тогда былъ цѣлою головою выше меня.

— Не въ ростѣ дѣло, mon cher. Конечно я нѣсколько старше тебя, и потому-то, изъ любви къ тебѣ, и рѣшался иногда подавать тебѣ совѣты.....

— Которыхъ я никогда не слушалъ.

— И худо дѣлалъ, душа моя, съ ними ты ничего не потерялъ-бы, а напротивъ, избавился-бы отъ многихъ непріятностей.

— Да я ихъ никогда и не имѣлъ, любезный.

— Какъ не имѣлъ? Ты забылъ mon cher, а помнишь, когда мы только что кончили курсъ, и тебѣ твой опекунъ выслалъ семь тысячъ, на твои собственныя нужды; а ты черезъ недѣлю принужденъ былъ снова писать, чтобы онъ выслалъ еще столько-же, потому что на эти деньги ты, кажется, окопировалъ тогда человѣкъ десять бѣдняковъ, *товарищей*, какъ ты ихъ называлъ....

— Ну, такъ что-жъ?

— Какъ что-жъ? А помнишь, какой ты получилъ вслѣдствіе этого нагоняй? Послушайся ты тогда меня, этого не было-бы.

— Я властенъ былъ тратить свои деньги на что хотѣлъ.

— Справедливо, mon cher; но лучше бы ихъ по тратить на что-нибудь болѣе видное, полезное, а то какую принесла тебѣ выгоду твоя продѣлка? Кто знаетъ, кто говоритъ объ ней?

— Ты говоришь.

— Это изъ любви къ тебѣ, mon cher! — Ну, а жалованье твое? сколько ты служилъ, а получилъ-ли хоть грошъ? Вѣдь это ужъ мнѣ извѣстно — а у самого, между-тѣмъ, всего на все была какая-то пара кляченокъ на конюшнѣ....

— Мнѣ больше не нужно было, потому я и держалъ пару.

— Ну, а твое путешествіе за границу? — вѣдь это просто умора! Развѣ ты видѣлъ тамъ что-нибудь, развѣ ты пользовался жизнію въ Парижѣ и Лондонѣ? Напротивъ, ты ѣздилъ не путешествовать, а учиться; другіе дѣлали parties de plaisir, а ты въ это время лазилъ по развалинамъ или рылся въ библіотекахъ; когда другія жуировали, ты сиживалъ въ картинныхъ галлереяхъ и глиптотекахъ, или перенюхи-

валъ разный старинный хламъ. Да вотъ, хоть-бы и теперь, mon cher, съ твоимъ прекраснымъ состояніемъ, съ твоимъ положеніемъ въ обществѣ, я бы никогда не женился въ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ. Помилуй, теперь на тебя каждый, у кого есть дочь, сестра, племянница или что-нибудь въ этомъ родѣ, смотритъ, какъ на принца Карабахскаго и всѣ за тобою ухаживаютъ.... Это пріятно и выгодно въ свѣтѣ. Ну, а какъ женишься, тогда что будетъ?

— Тогда буду женатъ, вотъ что будетъ.

— Нѣтъ, cher ami, сказалъ гость, нѣтъ, мы съ тобою никогда не сойдемся въ понятіяхъ на счетъ жизни; у насъ совершенно разный взглядъ на предметы. Одно только, на что мы съ тобою глядимъ одинаково — это хорошій завтракъ; а потому, cher ami, прикажи-ка подать намъ чего-нибудь этакого.... Я вчера забылъ поужинать и голоденъ, какъ волкъ въ декабрѣ.

Молодой хозяинъ протянулъ руку къ фарфоровой ручкѣ богато вышитой сонетки и позвонилъ: —

— Завтракъ подать сюда! сказалъ онъ вошедшему слугѣ.

— Да сотню устрицъ, прибавилъ гость.

Черезъ нѣсколько минутъ прекрасный завтракъ былъ поданъ въ кабинетъ.

— А ты, mon cher, что-же? спросилъ гость хозяина.

— Я не люблю завтракать.

— То-есть, ты хочешь доказать, что и тутъ мы не сходимся. Ну, ужъ душа моя, на счетъ этого предмета я съ тобою и говорить не хочу, а начну просто дѣломъ доказывать: это убѣдительнѣе.

Уже съ чертверть часа, гость по своей методѣ доказывалъ хозяину превосходство завтраканья — какъ въ передней послышался довольно сильный звонокъ. Легкое движеніе бровей молодаго человѣка говорило, что новый визитъ былъ ему совсѣмъ не по сердцу, и онъ торопливо всталъ, чтобы отдать приказъ — не принимать. Но это было уже не возможно, потому что, едва онъ только выглянулъ въ переднюю, какъ наружная дверь отворилась, и въ комнату почти вбѣжала женщина. Молодой человѣкъ взглянулъ и съ легкимъ крикомъ: «Какъ! это вы!» кинулся къ ней, и прежде, чѣмъ слуга успѣлъ разсмотрѣть на пришедшую, молодой человѣкъ почти на рукахъ внесъ ее въ гостиную.

— Наташа! говорилъ молодой человѣкъ дѣвушкѣ, которая дико

озираясь, дрожала, какъ подстрѣленная птичка, и не имѣя силъ держаться на ногахъ, упала въ кресло.

— Наташа, другъ мой, твердилъ онъ, что съ вами? зачѣмъ вы пришли сюда? И кинувшись къ дверямъ кабинета, онъ поспѣшно затворилъ ихъ.

— Ахъ! сказала Наташа, мы погибли. Мой отецъ... гдѣ онъ, куда пошелъ отъ васъ?

— Вашъ батюшка? отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ, потому что это былъ онъ. Вашъ батюшка? повторилъ онъ; но онъ не приходилъ сюда.

— Онъ взялъ вашъ адресъ, онъ пошелъ сюда, говорила Наташа, ломая руки. О! мы погибли, мы погибли!

— Но что-же случилось? спрашивалъ молодой человѣкъ, встревоженный положеніемъ Наташи; скажите ради Бога, что у васъ сдѣлалось!

— Батюшкѣ отдали ваше письмо, и онъ пошелъ къ вамъ.

— Такъ что-же? чего вы такъ испугались, говорилъ молодой человѣкъ, стараясь успокоить Наташу. Мое письмо не должно оскорбить вашего батюшку. Пусть придетъ онъ: въ чемъ можетъ онъ упрекнуть меня, что можетъ мнѣ сказать?

— Многое, милостивый государь! раздался позади его громовый голосъ.

Наташа вскрикнула, Алексѣй Александровичъ обернулся и сталъ лицомъ къ лицу съ Петромъ Ивановичемъ. Молодые люди, въ тревогѣ своей, не слышали, какъ старикъ Овсовъ, не позвонясь, вошелъ въ дверь, которую оторопѣвшій слуга забылъ не только запереть, но даже притворить. Съ минуту старикъ стоялъ молча передъ молодымъ человѣкъ, вперивъ испытующій, грозный взоръ на его нѣсколько изумленное, но спокойное лицо.

— Что я вамъ могу сказать? продолжалъ старикъ, задыхаясь отъ гнѣва: О! я вамъ скажу многое. Во-первыхъ, сударь! зачѣмъ она здѣсь? — И дрожащій палецъ его указалъ на дочь.

Не имѣя силы не только подняться съ мѣста, но даже произнести слово, при видѣ грознаго отца, Наташа только съ мольбою подняла къ нему свои руки.

При взглядѣ на дочь, лицо которой принимало уже всѣ отпечатки начинающагося помѣшательства, на ея глаза, устремленные на него

съ тупоуміемъ страха и безнадежности, — старикъ не вытерпѣлъ; горесть замѣнила гнѣвъ въ его чертахъ, руки его опустились, силы ослабли. Тихо подойдя къ Наташѣ, онъ схватилъ ея голову, прижалъ ее къ груди и голосомъ, полнымъ слезъ, сказалъ: — Дитя мое, сокровище мое! за что онъ погубилъ тебя? что ты имъ всѣмъ сдѣлала? — О! продолжалъ онъ, оттолкнувъ дочь и снова приходя въ ярость; я не дамъ себя ограбить безнаказанно! И бросившись къ Алексѣю Александровичу, онъ крѣпко сжалъ его руку. Вы, сударь, дадите мнѣ отчетъ въ ея страданіяхъ.... я его вынужу, вырву у васъ изъ души....

Въ это время въ кабинетѣ послышались стукъ отодвинутаго стула и шаги. Алексѣй Александровичъ легко вздрогнувъ, поспѣшно высвободилъ свою руку изъ рукъ старика, и почти насильно сажая его на стулъ, сказалъ: «Ни слова, ради Бога! ни одного слова, дѣло идетъ о чести вашей дочери!» — и кинулся къ Наташѣ. Въ самое это мгновеніе франтъ-гастрономъ съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ показался въ дверяхъ кабинета.

Съ необыкновеннымъ искусствомъ, которое пріобрѣтается только навыкомъ въ хорошемъ обществѣ, Алексѣй Александровичъ мгновенно составилъ свою физіономію: лицо его приняло спокойное, даже радостное выраженіе; въ позѣ и движеніи выразилась почтительность и услужливость; въ самую минуту появленія своего пріятеля, онъ нѣжно поцѣловалъ ослабѣвшую руку Наташи.

— Ну, вотъ! сказалъ онъ изумленному охотнику до хорошихъ завтраковъ: ты, mon cher, счастливѣе, чѣмъ я думалъ! Давича я не хотѣлъ тебѣ назвать моей невѣсты; а теперь ужъ дѣлать нечего, видно сама судьба не хочетъ испытывать твоего любопытства.... И обратясь къ Петру Ивановичу, онъ продолжалъ: Батюшка, позвольте представить вамъ моего хорошаго пріятеля, Егора Сергѣича Черенкова.... А это отецъ моей невѣсты, говорилъ онъ Черенкову: Петръ Иванычъ Овсовъ.... и потомъ, смѣясь, продолжалъ, взявъ Наташу за руку:

— Chère Natali! Онъ проситъ позволенія быть вашимъ шаферомъ; я надѣюсь, вы не откажете? Ужъ ручаюсь вамъ, никто лучше его не скомандуетъ тоста · «за здоровье молодыхъ» !...

— А чтобы оправдать твои слова, mon cher сказалъ Черенковъ, я сейчасъ же командую — за здоровье прекрасной твоей невѣсты и

ея почтеннаго батюшки, и самъ же исполняю пріятную команду: — Ур-р-р-а! Съ этими словами, онъ залпомъ осушилъ бокалъ съ шампанскимъ, бывшій у него въ рукахъ.

Немногія слова, сказанныя Алексѣемъ Александрычемъ, потрясли старика. При словѣ *батюшка*, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, и прежде, чѣмъ раскланялся съ Черенковымъ, онъ бросилъ мгновенный взглядъ на молодаго человѣка и этотъ взглядъ ясно говорилъ: «Молодой человѣкъ, если ты шутишь, то берегись!» Спокойная улыбка Алексѣя была ему отвѣтомъ. На Наташу же она подѣйствовала очень естественнымъ образомъ: слово *невѣста*, какъ электрическая искра пробѣжало по всему ея составу и зажгло за минуту охладѣвшую кровь. Она растерялась, какъ ребенокъ, щечки зардѣлись, глаза, съ полуупрекомъ, съ полумольбою обращенные на отца, засверкали подъ хрустальною влагою непрошенной слезы.

— Однако, я немного сержусь на васъ, милая Натали, продолжалъ Алексѣй Александрычъ. Ну, можно ли такъ тревожиться и безпокоить батюшку изъ за моего ничтожнаго нездоровья! Я никакъ не воображалъ, чтобы моя записка надѣлала такихъ бѣдъ.... Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра: она доставила мнѣ счастіе цѣлой недѣлей раньше принять у себя такихъ дорогихъ гостей. И онъ нѣжно поцѣловавъ руку у Наташи, протянулъ свою старику.

Овсовъ принялъ ее съ живостію и крѣпко пожалъ. Въ этомъ пожатіи было и примиреніе, и прощеніе, и согласіе.

Наташа ничего не отвѣчала, да едва ли она и слышала, что говорилъ ей Алексѣй Александрычъ. Волшебное слово *невѣста*, отняло у нея на нѣсколько минутъ всѣ способности, кромѣ способности любить, и эта любовь, сосредоточа въ себѣ теперь всѣ жизненные органы молодой дѣвушки, цѣлымъ небомъ блаженства сіяла изъ ея глазъ, устремленныхъ на молодаго человѣка.

— Такъ ты былъ нездоровъ, Алексѣй? сказалъ Черенковъ, вполнѣ понимая, что онъ теперь лишній; то-то ты все утро и сидѣлъ насупясь. Что же ты мнѣ этого не сказалъ, я бы и не тревожилъ тебя моею болтовнею; и чтобы поправить вину, не хочу долѣе мучить тебя собою. Онъ взялъ шляпу, подалъ руку Алексѣю Александрычу, и вѣжливо раскланялся съ Овсовыми. Уходя, онъ твердилъ про себя:

— Хороша-то хороша, нечего сказать, даже очень хороша; но

чтобы она была богата, ну, ужъ нѣтъ, въ этомъ меня Алеша не увѣритъ : мы монету по чекану узнаемъ.

Послѣ ухода Черенкова, Алексѣй Александрычъ ввелъ своихъ гостей въ кабинетъ.

— Помните ли вы, молодой человѣкъ, что вы сказали ? началъ Овсовъ съ важностію, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Очень помню, сударь, отвѣчалъ Алексѣй Александрычъ. Я сказалъ, что дочь ваша моя невѣста, и повторяю это еще разъ, полагая, что и вы раздѣляете мое мнѣніе. Только къ жениху въ домъ можетъ придти молодая дѣвушка, не рискуя добрымъ именемъ.

— Вы поступаете, какъ должно честному человѣку, сказалъ холодно Петръ Иванычъ ; но въ одномъ я могу и долженъ упрекнуть васъ : для чего вы прежде такъ легкомысленно подвергли это дитя тяжкимъ страданіямъ и самой гнусной клеветѣ ?

— Страданіямъ, клеветѣ ! почти вскрикнулъ молодой человѣкъ. Но кто смѣлъ , кто могъ сказать что-нибудь про нее ? про это чистое, прекрасное Божіе созданіе, которымъ вы должны гордиться ?

— Я и самъ тоже думалъ, сказалъ старикъ печально и съ чувствомъ; но, продолжалъ онъ, какъ вы хотите, чтобы не сказали чего-нибудь, когда ваши посѣщенія, ваши переписки возбуждаютъ общее вниманіе, когда, наконецъ, я самъ нахожу ее у васъ ?

— Я здѣсь не для него, а для васъ батюшка, сказала съ твердостію Наташа. Катя мнѣ сказала, что вамъ отдали его письмо, что вы пошли сюда, я желала удержать васъ отъ несправедливости ; я не хотѣла, чтобы вы оскорбили чѣмъ-нибудь человѣка, который намъ ничего не сдѣлалъ, кромѣ хорошаго.... Это видитъ Богъ и знаетъ мое сердце... и вы, папа, вы должны этому вѣрить.

Въ голосѣ молодой дѣвушки было столько силы убѣжденія и чистосердечія, взоръ ея свѣтился такою невинностію и правотою, что старикъ невольно подалъ руку Алексѣю Александрычу.

— Но скажите мнѣ, наконецъ, говорилъ Петръ Иванычъ, который теперь вполнѣ понималъ смыслъ вчерашняго дочерняго разсказа; скажите мнѣ, какія деньги вы мнѣ доставили ?

— Это долгъ родственника, который когда-то не заплатилъ вамъ за уроки, папа ! поспѣшно отвѣчала Наташа.

— Долгъ ? съ изумленіемъ спросилъ Петръ Иванычъ, глядя на Алексѣя Александрыча , какой долгъ ?

— Это былъ долгъ честнаго человѣка, долгъ художника, отвѣчалъ нѣсколько сконфуженный молодой человѣкъ; долгъ человѣка, который принималъ въ васъ живѣйшее участіе.

Овсовъ пристально взглянулъ на Алексѣя Александрыча, и послѣ минутнаго молчанія съ чувствомъ схватилъ обѣими руками руку молодаго человѣка и съ живостью потрясъ ее.

— Такъ вы обманули меня? тихо и съ легкимъ упрекомъ сказала Наташа.

— Только два раза, мой другъ, и больше никогда не обману, отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Ну, а другой-то разъ чѣмъ обманули? спросила Наташа съ наивно-плутовскою миной.

— Не сказавъ вамъ моей настоящей фамиліи.

— Для чего же это? съ изумленіемъ спросила Наташа.

— Сперва, я не желалъ быть вамъ извѣстенъ, по одной причинѣ; а послѣ, простите меня, Натали, послѣ я желалъ, чтобы вы меня полюбили, какъ Пыжова, и кажется, въ этомъ я успѣлъ, неправдали, мой милый другъ?

Наташа не отвѣчала; а только взглянула на него, и молодой человѣкъ съ восторгомъ кинулся цѣловать ея руки.

— Но какъ же ваша фамилія, говорила счастливая Наташа; надоже мнѣ ее наконецъ узнать, когда вы хотите, чтобы я ее носила всю жизнь.

Едва молодой человѣкъ назвалъ себя, какъ лицо старика просвѣтлѣло, онъ съ уваженіемъ взглянулъ на жениха своей дочери и сказалъ:

— Я васъ знаю, по слуху, уже давно; и нашъ докторъ много говорилъ мнѣ объ васъ. Если только половина сказаннаго справедлива, то я съ радостію отдаю вамъ мое сокровище и вполнѣ увѣренъ, что она будетъ счастлива.

Трудно описать восторгъ Наташи, когда она увидѣла, что гроза, которой она страшилась, миновала такъ счастливо. Тутъ только она въ состояніи была оглянуться кругомъ и замѣтить богатую отдѣлку комнатъ и картину отца, которую она поручила Алексѣю Александрычу продать.

— Вы еще разъ обманули меня, сказала она весело жениху; вы сказали, что вы бѣдны.

— Я сказалъ правду, отвѣчалъ молодой человѣкъ : вы тогда еще не принадлежали мнѣ.

Наташа кокетливо погрозила ему пальчикомъ.

— Да, сказалъ весело Петръ Иванычъ ; скажите-ко мнѣ, Алексѣй Александрычъ, гдѣ же вы въ первый разъ увидѣли мою Наташу ?

Алексѣй Александрычъ остановился и съ чувствомъ взглянулъ на Наташу.

— Позвольте мнѣ, батюшка, не говорить вамъ объ этомъ.

— Отчего же, мой другъ ? спросилъ Овсовъ, развѣ тутъ есть тайна ?

— Нѣтъ, батюшка, тайны нѣтъ ; но я боюсь огорчить васъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, теперь уже все прошло, и вы только можете гордиться вашею дочерью и любить ее еще болѣе, если можно.

И взявъ Наташу за руку, онъ подвелъ ее къ своему письменному столу, на которомъ, между множествомъ разныхъ вещей, въ прекрасномъ сафьянномъ ящикѣ лежалъ новенькій цѣлковый.

— Не помнишь ли, мой другъ, сказалъ онъ, вотъ этакой монеты ?

Съ минуту дѣвушка стояла молча, тихо улыбаясь, какъ бы припоминая что-то.... Но вдругъ лицо ея нѣсколько поблѣднѣло, и она взявъ себя руками за голову, сказала :

— Неужли это были вы ? и тихо припала на грудь жениху.

— Да, мой другъ, это былъ я, въ ту минуту Богъ послалъ мнѣ мое счастіе.

По настоятельной просьбѣ старика, они принуждены были, хотя слегка, разсказать ему это происшествіе, которое вполнѣ объяснило все. Петръ Иванычъ слушалъ разсказъ, сперва съ видимымъ волненіемъ, потомъ руки его задрожали и протянулись къ дочери ; Наташа бросилась въ открытыя ей объятія.... Старикъ рыдалъ и только могъ произнести отрывистыя слова :

— Дитя родное.... прости меня.... я виноватъ предъ тобою. Какъ я заставлю тебя забыть все горе, которое ты перенесла для меня....

— Успокойтесь, батюшка, сказалъ Алексѣй Александрычъ, мы вдвоемъ будемъ стараться объ этомъ, и можетъ быть успѣемъ.

—

Недѣли черезъ двѣ, послѣ описаннаго происшествія, дворникъ Ѳома въ праздничномъ кафтанѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, съ боль-

нимъ кренделемъ на тарелкѣ, всходилъ на богатую лѣстницу, обнесенную перилами изъ краснаго дерева. Дойдя до втораго этажа, онъ остановился, легонько кашлянулъ и, погладивъ широкою ладонью свою полусѣдую голову и бороду, пріосанился, и тихо дернулъ за звонокъ.

— Кого тебѣ ? спросилъ лакей, отворяя дверь.

— Да вотъ, отвѣчалъ Ѳома, доложите матушкѣ Натальѣ Петровнѣ, вашей барынѣ, что молъ Ѳома-дворникъ пришолъ *проздравить*.

Часа чрезъ два тотъ же Ѳома, но ужъ безъ кренделя, очень весело припѣвая, неровнымъ шагомъ подходилъ къ своему дому.

— Сидорычъ, отколь это ты, батюшка? Да еще и такой веселый! говорила ему женщина, стоявшая у воротъ.

— Отъ молодыхъ, Ильинишна, проздравлять ходилъ, вотъ она притча-то. Сама матушка вышла, вотъ что.. . Здравствуй, говоритъ, Ѳома, спасибо за память.... Иди, говоритъ, Ѳома къ намъ въ дворники.... я, говоритъ, мужу скажу, онъ тебѣ двойное положеніе дастъ.. Вотъ она притча-то. Дворецкому угостить приказала ; ну, ужъ и угостили, продолжалъ Ѳома весело тряхнувъ головою, то-есть, на славу, и мадеры поднесли, и настою.... и разными другими подчивали.... оно бы все ничего, — да подвернись бѣсенокъ Катя и говоритъ : барыня де велѣла тебѣ выпить за ея здоровье, да и подкатила мнѣ стаканчикъ ; вотъ думаю, вѣдь не одолѣю, — ну, поклонился, да и хлѣбнулъ — Ахъ, ты мать моя! такъ индо душенька растаяла, сласть такая, что меду не надо.... да какъ выпилъ, и повеселѣй сталъ.... вотъ она притча-то.

— Ну, а дали что-нибудь ? спросила женщина.

— Мнѣ-то ? сказалъ Ѳома, такимъ тономъ, какъ бы говоря, «да еще какъ дали !» и онъ сѣлъ на скамейку подъ воротами, вынулъ изъ за пазухи красный бумажный платокъ, свернутый въ комокъ, и началъ его систематически развертывать ; дойдя до конца, онъ зубами развязалъ узелъ, и вынулъ изъ него двадцати-пяти-рублевую бумажку.

— Батюшки ! вскрикнула женщина ; двадцать пять рублевъ серебромъ.

— Ась ? сказалъ Ѳома, вотъ она притча-то.

— И это они дали....

— А то ктожъ, ужъ не ты-ли ?

— А что, Ѳомушка, сказала ласково женщина; вѣдь они жили у насъ на лѣстницѣ, и такіе добрые были, ужъ не сходить ли и намъ съ почтеніемъ?

— Вотъ она притча-то, отвѣчалъ, ухмыляясь, Ѳома. А зачѣмъ, не слыхать?

— Ну, а ты, старый, за чѣмъ ходилъ? отвѣчала женщина сердито.

— Я? ну эвто другая статья; я Ѳома и знаю, что кому надо. — Здѣсь они жили.... ну, были не то, чтобы того.... а я все былъ съ моимъ почтеньемъ. Теперича совсѣмъ они на другой ладъ, ну, а я все съ почтеньемъ..... я ужъ знаю, кому что надо. Вотъ она притча-то.

— Да что ты умничаешь больно! ты что-ли одинъ, мы и сами служили, чѣмъ могли.

— Какъ же, говорилъ Ѳома, мы всѣ служили: я дрова носилъ, а вы кашу варили; добро еще, что хорошо разхлѣбалась.... Что? вы— дрянь, бабы, и только — а я пойду въ дворники, изъ одного авантажу служить стану, вотъ она притча-то!

И не слушая долѣе женщину, онъ весело отправился къ своему мѣсту, тихо напѣвая пѣсню, которую прерывалъ только развѣ для того, чтобы сказать прохожему, если онъ смотрѣлъ на билетъ, прибитый у воротъ объ отдачѣ квартиры: «Фатеру вамъ, что-ли надо? — есть; славная, господа жили; коли надо съ мебелью, то и съ мебелью отдамъ, есть у меня и мебель.... всю мнѣ оставили, добрые люди! Вотъ она притча-то.

=

СТИХОТВОРЕНІЯ.

УТРО И ВЕЧЕРЪ.

Утро заревомъ горитъ,
День весельемъ начатъ :
Колокольчикъ мой звѣнитъ,
Быстро тройка скачетъ....

Дамъ ей волю : пусть бѣжитъ —
Эй, ты не сбивайся !
Колокольчикъ пусть звѣнитъ —
Лихо, заливайся !

Широко раскинутъ долъ —
Ни конца, ни края !...
Ну, живѣй, пошелъ, пошелъ —
Тройка удалая !

Всё мелькаетъ на пути....
Спросишь : цѣль близка-ли ?
Сердце говоритъ : «лети,
Мало проскакали !» —

Сердце рвётся, кровь кипитъ —
День весельемъ начатъ....
Но ужъ зной давно палитъ !
Что же тройка ? — скачетъ !

И, Богъ вѣсть куда, стрѣлой
Гонишь, безъ оглядки !...
Между-тѣмъ стихаетъ зной,
Устаютъ лошадки....

Западъ пурпуромъ горитъ —
Солнце спать ложится;
Ночь темнѣетъ.... путь закрытъ....
Сердца бы спроситься :

— Тутъ-ли цѣль? — Волнуя грудь,
Сердце отвѣчаетъ :
«Дать-бы тройкѣ отдохнуть !...»
И звонокъ смолкаетъ....

В. КОРСАКЪ.

ИЗБА.

На боку избенка —
Объ одномъ окошкѣ,
Да зимой согрѣетъ,
Лѣтомъ приголубитъ !

Тутъ хозяинъ вѣчно
Съ радостной улыбкой,
А хозяйка встрѣтитъ
Съ лаской и привѣтомъ !

Кто зайдетъ, заѣдетъ —
«Сядь въ передній уголъ :
Гость ты небывалый,
Другъ ты ненаглядный !»

Напоятъ, накормятъ,
На печь спать уложатъ,
Провожать въ дорожку
Выйдутъ за ворота....

Дайте-жъ мнѣ избенку
Объ одномъ окошкѣ!
Тамъ покой и счастье,
Тамъ привѣтъ и дружба!...

В. КОРСАКЪ.

—

ПЛОВЕЦЪ.

Плещетъ валъ на Абаканѣ....
Перестань волна кипѣть:
Дай пловцу въ ночномъ туманѣ
Путь опасный пролетѣть!

Если челнъ мой вынесть хочешь
На сѣдомъ твоемъ хребтѣ:
То зачѣмъ ты такъ клокочешь
И яришься въ темнотѣ?

Подожди! Пусть мѣсяцъ ясный,
Изъ за горъ да изъ за тучь,
Мнѣ освѣтитъ путь опасный —
Броситъ свой привѣтный лучь!

Если-жъ хочешь, валъ могучій,
Мнѣ коварно измѣнить —
И подъ влагою кипучей
Жизнь пловца похоронить:

Подожди! Роднаго края
Берегъ милый недалёкъ:
Пусть твоя стихія злая
Тамъ поглотитъ мой челнокъ!

Я несусь въ ночномъ туманѣ;
Челнъ мой прыгаетъ, какъ лань....
Валъ кипитъ на Абаканѣ:
Подожди-же, перестань!

В. КОРСАКЪ.

—

МИНУТЫ ДУШЕВНОЙ ТИШИНЫ.

Бываютъ минуты, — глядишь на людей
Съ какою-то братскою лаской....
И чорную зависть, и лесть, и вражду —
Назвалъ-бы глупѣйшею сказкой.

И въ эти минуты не вѣришь вполнѣ,
Что въ жизни есть слезы да муки, —
Какъ-будто значенья страданій — слова,
Одни быстролетные звуки.

И даль намъ звѣздою надежды горитъ —
И ждешь все чего-то такъ жадно....
Въ мечтахъ воскресаютъ все лучшіе дни, —
И сердцу легко такъ, отрадно.

Для грустныхъ видѣній, — какъ-будто глаза
Дремотою сладкой сомкнуты....
И если вздохнешь, — то вздохнешь объ одномъ,
Что рѣдки такія минуты.

Н. СУСЛОВЪ.

—

ГЛАЗКИ.

Глазки, глазки огневые,
Глазки пламень роковой,
Глазки дивные, живые,
Глазки отблескъ неземной!
Жгите, мучьте, впейтесь жарче,
Безпощаднѣй, бойче, ярче,
Искры сыпьте, какъ алмазъ!
Вашъ огонь неотразимый,
Блещетъ ярче во сто разъ
Самой пышной діадимы!
Только шелкъ густыхъ рѣсницъ
Шелкъ, — чернѣе самой ночи,
Затемняетъ эти очи,
Эту зависть для зарницъ!

Помню я одно мгновенье,
Помню живо, какъ вдали —
Вы въ мечтѣ самозабвенья
Улетали отъ земли!
Вдалекѣ отъ шума бала —
Глазки, мнилось, въ васъ тогда —
Будто искрилась, сверкала
Небывалая звѣзда.
Мы, страдальцы молодые,
Ей любуяся душой
Пили искры огневые,
Съ грустью думая порой:
Кто владѣлецъ будетъ полный,
Этой влаги огневой?
Кто-то будетъ эти молньи
Пить влюбленною душой!
Кто изъ насъ, за ядъ отравы
Будетъ въ нихъ любовь читать?
Жить огнемъ ихъ жгучей лавы,
Въ нѣгѣ блеска утопать?

. . . . . .

. . . . . .

Но напрасно! вы являлись
Метеоромъ надъ землей....
Бросивъ искры, вы умчались
Въ край невѣдомый, чужой! —

Н. Ч — Ъ.

—

УСОПШЕМУ.

Усопшій братъ! глубоко, больно
Тебѣ завидую невольно
Я помертвѣлою душой!

Спокоенъ ты на лонѣ Бога:
Твоя окончена дорога —
Поверженъ, путникъ, посохъ твой.

Ты чуждъ заботъ и искушеній,
И пытка горькая сомнѣній
Тебѣ ничто: спокоенъ ты....

Ты не томишься зноемъ страсти
И не клянешь, какъ я, въ напасти
Свои завѣтныя мечты.

Но мелочь чувствъ, земныя нужды
Тебѣ невѣдомы, и чужды
Онѣ тебѣ — ты выше ихъ!

Какъ я, ты слезъ не проливаешь,
Какъ я — людей не презираешь,
Печаленъ, сумраченъ и тихъ.

Ты, какъ ребенокъ, спишь спокойно,
И страстью бѣшеной и знойной
Невозмущаемъ твой покой.

Д. СУШКОВЪ.

—

УРАГАНЪ.

Вѣтеръ буйный, вѣтеръ злобный,
Что стучишь въ мое окошко?
Что ты стонешь, что ты воешь,
Будто въ полѣ волкъ голодный?

Иль усталъ ты на просторѣ
Грозно гнать по небу тучи?
Исполинами — валами
Волновать сѣдое море?

Дикимъ хохотомъ и свистомъ
На пути встрѣчать преграды?
Рвать деревья вѣковыя,
Мчаться вихремъ въ полѣ чистомъ?

Иль тебѣ ужъ измѣнила
Молодецкая отвага ?
Воля буйная смирилась,
Уходилась твоя сила?

Что-жъ теперь ты въ ночь глухую
Такъ стучишь въ мое окошко,
И такъ жалобно поешь ты
Про свою кручину злую?

Или ты своей судьбою
Тяготишься, буйный вѣтеръ?
Иль и ты, какъ слабый смертный,
Недоволенъ самъ собою?

О, когда-бъ съ тобою долей
Помѣняться могъ я, вѣтеръ,
Какъ тогда могучъ и грозенъ
Я гулялъ бы въ чистомъ полѣ!

Отъ людей, отъ ихъ жилища,
Я-бъ тогда бѣжалъ подалѣй,
Я-бъ не сталъ стонать и плакать
У дверей ихъ, будто нищій....

Я не сталъ бы униженно
Повѣрять страданій сердца,
Но помчался бы быстрѣе
Мысли вольной по вселенной,

И въ грозѣ, и въ завываньи,
И въ порывахъ надъ морями,
Я-бъ нашелъ себѣ отраду,
Позабылъ свои мученья!...

А. ЗИМЕНКО.

—

СОВѢТЪ.

О счастливыхъ дняхъ съ судьбою
Не торгуйся строго;
Впереди передъ тобою
Времени такъ много

—

Бойко смотрятъ быстры очи,
Рѣзво кудри вьются,
Такъ повѣрь, что дни и ночи
Радости найдутся.

—

Съ красотой, здоровьемъ, силой
Все тебѣ подвластно;
Все въ тебѣ, какъ юность мило,
Какъ весна, прекрасно.

—

Взглянешь тихо, скажешь слово,
Поведешь ты бровью,
Сердце юноши готово
Запылать любовью.

—

Вотъ, когда ты въ свѣтѣ будешь,
Всѣ къ тебѣ на встрѣчу;
Ты меня тогда забудешь,
Тѣмъ же я отвѣчу.

—

Но тогда, какъ въ вихрѣ пляски
Кудри разовьются,
Бросятъ искры твои глазки,
Губки засмѣются;

—

Я бы сталъ передъ тобою,
Повторилъ бы строго:
О дняхъ радостныхъ съ судьбою
Не торгуйся много!...

Г. ЛАГОВСКІЙ.

—

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМОРОКОВЪ,

КАКЪ ПИСАТЕЛЬ И ДРАМАТУРГЪ.

Статья Г. Лаговскаго.

Александръ Петровичъ Суморокъ происходилъ отъ благородной фамиліи (сынъ Генералъ-Маіора), сперва получилъ хорошее домашнее воспитаніе, а потомъ съ успѣхомъ кончилъ его въ «Первомъ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ», о которомъ въ послѣдствіи онъ говорилъ съ благодарностью: что вышедшій на службу «изъ сего кадетскаго корпуса, по-крайней-мѣрѣ и послѣ-«дній будетъ имѣти видъ человѣка благороднаго, по одной при-«вычкѣ». Благородное происхожденіе, образованность и дарованія, равно какъ и должность адъютанта при Графѣ Разумовскомъ поставили Суморокова въ средину образованнѣйшаго общества столицы. Это доставило ему большое преимущество предъ прочими литераторами. — Его вкусъ еще лучше образовался подъ вліяніемъ нравовъ и сужденій просвѣщеннѣйшихъ людей того времени. Жаль только, что его ученымъ познаніямъ недоставало глубокаго, прочнаго основанія и той многосторонности, которою отличались Ломоносовъ, Кантемиръ и Тредьяков-

скій. Суморокoвъ однако-же былъ хорошо знакомъ съ литературами Французовъ, Нѣмцевъ и Англичанъ, читалъ всѣ лучшія творенія древнихъ писателей, хотя и понималъ послѣднихъ также ложно, какъ ложно понимали ихъ въ то время всѣ французскіе ученые, авторы и комментаторы. Суморокoвъ не имѣлъ также вѣрныхъ и глубокихъ свѣденій о многихъ наукахъ, хотя въ этомъ никогда не сознавался: тогда уже вѣкъ былъ такой и всякой желалъ блистать многостороннимъ образованіемъ. — Къ авторскимъ дарованіямъ и достоинствамъ Суморокова присоединялся весьма замѣтный, впрочемъ, безвредный для него, недостатокъ — раздражительнѣйшее самолюбіе. — Оно имѣло великое вліяніе и на жизнь, и на литературную дѣятельность поэта. — Суморокoвъ любилъ истину, былъ благороденъ и великодушенъ даже съ врагами, и былъ искреннимъ ревнителемъ просвѣщенія въ своемъ отечествѣ. Къ несчастію, самолюбіе дѣлало его смѣшнымъ въ обществѣ и вполовину разрушало цѣнность его литературныхъ заслугъ. «Онъ былъ», какъ говоритъ Пушкинъ, «шутомъ у всѣхъ тогдашнихъ вель«можъ; у Панина, у Шувалова его дразнили, подстрекали и за«бавлялись его выходками». Къ стыду своему и прочіе литераторы не щадили его. Пушкинъ также упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что «Фонъ Визинъ забавлялъ знатныхъ, передразнивая «въ совершенствѣ Александра Петровича. Державинъ изъ-подъ«тишка писалъ на него сатиры и пріѣзжалъ наслаждаться его «бѣшенствомъ, какъ ни въ чемъ не бывалый». Ломоносовъ, съ которымъ почти въ одно время Суморокoвъ дѣйствовалъ на поприщѣ литературы, еще строже характеризовалъ его въ письмѣ къ Шувалову. Онъ называетъ Суморокова человѣкомъ, отъ котораго «всѣ бѣгаютъ, который ничего другаго не говоритъ, «какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ и бѣдное свое рнѳми«чество выше всего человѣческаго знанія ставитъ.... Тауберта и «Миллера бранитъ только за то, что не печатаютъ его стихотво«реній, а не ради общей пользы.... Суморокoвъ всѣ прочія знанія «позоритъ, которыхъ и духу не смыслитъ.... Господинъ Суморо«ковъ, привязавшись ко мнѣ, столько всякаго вздору наговорилъ, «что на весь мой вѣкъ станетъ, и радъ, что Богъ его отъ меня «унесъ». Слова современника съ такимъ авторитетомъ, какимъ пользуется въ нашей литературѣ Ломоносовъ, нельзя оставить безъ вниманія, особенно, если они оправдываются многими мѣстами въ сочиненіяхъ Суморокова. Изъ сатирическихъ статей послѣдняго «противъ приказныхъ» видно, что онъ ополчается на этотъ классъ людей, какъ человѣкъ, сильно пострадавшій отъ

нихъ; изъ выходокъ противъ публики тогдашней опять открывается тоже придирчивое самолюбіе, не прощающее пренебреженія къ его трагедіямъ и предпочтенія, оказаннаго Московской публикой къ такъ называемымъ «слезнымъ драмамъ». Онъ самъ вооружается противъ лести, низкопоклонства и пустой формальности въ обращеніи, и въ тоже время самъ приходитъ въ гнѣвъ на купца, который не назвалъ его — Ваше Превосходительство! Самъ вооружается противъ грубой журнальной полемики, придирающейся къ словамъ, безъ толку, и самъ пишетъ критику противъ Ломоносова, наполненную мелкими придирками. Между-тѣмъ, никто, прочитавъ творенія Сумарокова, не откажетъ ему ни въ любви къ истинѣ, ни въ благородствѣ характера, ни во вкусѣ болѣе изящномъ и вѣрномъ, нежели у прочихъ литераторовъ. — Съ какою искреннею грустью и сожалѣніемъ онъ говоритъ о своей ссорѣ съ непобѣдимымъ своимъ соперникомъ, Ломоносовымъ; какъ благородно вооружается онъ противъ пороковъ современнаго ему общества!... Самое трудолюбіе, — живое, плодовитое и разнообразное, — а особенно — эта «страстная», какъ выразился Пушкинъ, «любовь къ своему искусству» и благородное соревнованіе съ современными знаменитостями тогдашней литературы, говорятъ много въ пользу нашего поэта. Однако жъ не смотря на эти прекрасные проблески въ характерѣ Сумарокова, основною чертой его личности должно назвать — самолюбіе, которымъ проникнута большая часть произведеній плодовитаго автора; съ нимъ онъ вышелъ на литературное поприще, и неразлучно съ нимъ прошелъ все его пространство. И этотъ-то раздражительный, легковоспріимчивый характеръ, равно какъ и мѣсто, занимаемое Сумароковымъ по образованію и происхожденію своему въ тогдашнемъ просвѣщенномъ обществѣ, особенно же «страстная любовь къ своему искусству» и ревность къ распространенію образованія въ отечествѣ, поставили Сумарокова въ средину литературной дѣятельности того вѣка. — Поэтому, какъ литератора, Сумарокова довольно легко оцѣнить съ перваго взгляда. Онъ могъ имѣть вѣсъ и значеніе только въ свое время и значеніе немаловажное, продолжавшееся, по снисходительности публики, около 80 лѣтъ. — Теперь уже никто не будетъ читать его съ тѣмъ удивленіемъ и вниманіемъ, какія невольно пробуждаются при чтеніи нѣкоторыхъ сочиненій Ломоносова и сатиръ Кантемира. Но въ свое время онъ былъ изъ числа любимѣйшихъ авторовъ и много способствовалъ развитію въ обществѣ любви къ полезному чтенію, къ образованію вкуса и возбудилъ въ большинствѣ просвѣщенныхъ со-

временниковъ, высокое уваженіе и даже стремленіе къ драматической литературѣ и къ сценическому искусству. Этому немало содѣйствовало и то, что всѣ его сочиненія были современны — по содержанію, ясны — по мыслямъ и чувствамъ для всѣхъ и легки — по слогу. — Оды и сатиры, эклоги и идилліи, пѣсни и элегіи, а особенно драмы и прозаическія журнальныя статьи Суморокова всегда соотвѣтствовали духу и направленію образованія, нравамъ и обычаямъ, словомъ, всѣмъ моральнымъ требованіямъ тогдашняго общества. — Самое разнообразіе и многочисленность произведеній располагали къ автору вниманіе всей читающей публики. Потому справедливо замѣчено въ одной изъ критическихъ статей, что современная критика напрасно презираетъ Суморокова. Онъ, какъ литераторъ вообще, имѣлъ нѣкоторый талантъ и поэтическое чувство въ извѣстной степени. Самое сравненіе Суморокова съ Кукольникомъ имѣетъ свою хорошую сторону, хотя эти два писателя образовались подъ различными условіями и походятъ одинъ на другаго только въ томъ отношеніи, что оба плодовиты и разнообразны, оба стремились къ созданію чего-нибудь высокаго, новаго, къ присвоенію себѣ геніальности, но и этого сходства между столь отдаленными по времени писателями достаточно для сравненія. — Особенно хорошо въ этой статьѣ опредѣленъ характеръ Суморокова, какъ литератора, названіемъ — «бельлетристъ». — Сумороковъ дѣйствительно имѣетъ это значеніе въ литературѣ вѣка Елисаветы и — только въ этомъ смыслѣ онъ былъ замѣчателенъ и даже необходимъ для своего времени. — Ни одно изъ его сочиненій не имѣетъ достоинства истинно-художественнаго, классическаго созданія; ни одно не отличается богатствомъ и силою воображенія, глубиной и жаромъ поэтическаго чувства, возвышеннымъ и многообъемляющимъ взглядомъ творческаго ума. Между-тѣмъ, даже въ эфемерныхъ произведеніяхъ нашего стародавняго автора можно замѣтить и воображеніе, весьма изобрѣтательное, хотя блѣдное красками, бѣдное силой и гармоніей звуковъ; можно замѣтить и признаки чувства, не глубокаго и сильнаго, но способнаго легко раздражаться и увлекать читателя не жаромъ и яркимъ блескомъ, но теплымъ мерцаніемъ и трепетомъ жизни; наконецъ въ умѣ Суморокова много наблюдательности, которая легко открывала внѣшнія, предосудительныя черты жизни полуобразованнаго общества и остроумно выставляла ихъ въ надлежащемъ видѣ на посмѣяніе того-же общества. Самое неумѣренное самолюбіе способствовало развитію въ немъ свойствъ,

необходимыхъ для каждаго бельлетриста. Оно безпрестанно подстрекало его трудолюбіе, вызывало его къ благородному соревнованію и обращало его способности къ настоящей дѣятельности.

тобы яснѣе раскрыть этотъ любопытный и многосторонній талантъ, необходимо отыскивать самобытныя его черты въ самомъ характерѣ его созданій, въ постепенномъ развитіи его литературной дѣятельности. Это мы почитаемъ необходимымъ также и на томъ основаніи, что безъ знанія характера писателя не могутъ быть вѣрно поняты его сочиненія, — равно какъ безъ знанія вѣка и его требованій, не поймετъ никакая критика, какое мѣсто могъ занимать въ Исторіи литературы и въ Исторіи отечественнаго просвѣщенія каждый писатель.

И такъ въ подробномъ разборѣ сочиненій Суморокова мы постараемся начертать характеристическую картину вѣка, укажемъ значеніе и мѣсто, какое имѣли въ ней Сумороковъ и его сочиненія. Извѣстно, что отъ самой искренней и твердой рѣшимости еще очень далеко до совершенно-точнаго исполненія, — Необходимость частаго сравненія писателя съ его произведеніемъ и вѣкомъ, въ который явилось оно, легко можетъ внести безпорядокъ въ эту критику, но за то, она же поможетъ объяснить намъ характеръ писателя, сдѣлаетъ понятнымъ каждое острое слово, каждую замѣчательную мысль въ его сочиненіяхъ и притомъ значительно обрисуетъ всѣ страсти, убѣжденія, добродѣтели и пороки, стремленія и надежды предковъ нашихъ въ царствованіе Елисаветы и Екатерины. Для такой цѣли можно пожертвовать самою строгою и отчетливою системой и рѣшиться на смѣлый и кропотливый анализъ. Не безполезно также замѣтить, что въ созданіяхъ Суморокова, особенно въ характерахъ его трагедій скрыты богатые матеріялы для нашихъ писателей; они ждутъ только искуснаго пера, чтобъ выйти изъ сумрака на свѣтъ. Только стоитъ освободить рѣчь этихъ героевъ нашего недавняго, но славнаго прошедшаго, отъ реторической высокопарности, — отъ тяжелыхъ, неясныхъ, устарѣлыхъ стиховъ и они удивятъ и увлекутъ насъ своимъ блестящимъ величіемъ, возвышенностію своихъ правилъ и дѣяній, своимъ разнообразнымъ, хотя и неглубокимъ, просвѣщеніемъ и особенно живою легкостью и остроуміемъ своего генія. — Въ этой критикѣ мы укажемъ только на нѣкоторыя черты вѣка, предоставивъ другимъ узнать его лучше и подробнѣе изъ сочиненій самого Суморокова и другихъ современныхъ ему писателей.

Каждый человѣкъ въ извѣстный періодъ своего образованія под-

чиняется особенному вліянію нѣкоторыхъ впечатленій. Вообще говорятъ, что чувство сильнѣе дѣйствуетъ въ юности и этимъ объясняютъ тотъ фактъ, что почти всѣ поэты начинаютъ свое поприще лирическими произведеніями. И дѣйствительно, живое, легко-воспріимчивое чувство молодаго человѣка не позволяетъ ему отдѣляться отъ волненій своего сердца, ставитъ его постоянно лицомъ къ лицу съ его задушевными убѣжденіями и надеждами и часто отвлекаетъ отъ всего посторонняго. По этой причинѣ, чтобъ лучше понять характеръ писателя, необходимо начать критическій обзоръ его произведеній съ лирическихъ стихотвореній, особенно, если ихъ наберется значительное число. Сумороковъ, какъ драматическій поэтъ, долженъ былъ обладать въ нѣкоторой степени лирическимъ талантомъ. Пафосъ прежней трагедіи былъ тотъ же лиризмъ, — и, какъ мы удостовѣримся въ этомъ послѣ, драмы Сумарокова много заключаютъ въ себѣ лирическихъ мѣстъ. Вотъ почему необходимо начать обзоръ сочиненій Сумарокова съ лирическихъ стихотвореній, хотя они не составляютъ главнаго основанія его литературной дѣятельности.

Многіе довольно справедливо замѣчаютъ, что лирическій талантъ Сумарокова пробудился отъ соревнованія къ славѣ Ломоносова. Псалмы и Оды духовныя, Оды героическія, Оды Анакреонтическія и «Оды вздорныя» или пародіи, которыхъ такъ много написалъ Сумороковъ совершенно оправдываютъ принятую нами мысль. — Во всѣхъ стихотвореніяхъ этого рода Сумороковъ является соперникомъ Ломоносова и, самъ того не замѣчая, дѣлается плохимъ его подражателемъ. Переложивъ въ первый разъ послѣ Симеона Полоцкаго всю Псалтирь, стихами различныхъ размѣровъ, онъ обнаружилъ въ себѣ рѣшительную къ тому неспособность. Хотя въ лучшихъ строфахъ этихъ переложеній иногда замѣтно нѣкоторое увлеченіе и даже одушевленіе чувства и воображенія, но оно тотчасъ прерывается фразой, насильно связанной съ другими, для риѳмы. — Но чтобы совершенно доказать, до какой степени Сумороковъ ниже Ломоносова въ Псалмахъ и Духовныхъ Одахъ, достаточно сравнить переложеніе 103-го псалма у обоихъ поэтовъ:

У Ломоносова:	У Сумарокова.
Одѣянъ чудной красотой,	Твоя одежда, Творче, свѣтъ,
Зарей Божественнаго свѣта,	Ковромъ ты небо простираешь,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета	А полъ подъ сей коверъ даетъ
Шатру подобно предъ собой.	Вода, котору собираешь.

Ростишь въ поляхъ траву для стадъ,
Намъ разны зелія въ потребу
Обильно прилагаешь къ хлѣбу,
Щедротою ко всѣмъ богатъ.
Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпитъ,
Намъ масло члены умягчаетъ,
Вино въ печали утѣшаетъ
И сердце радостью живитъ.
Древамъ даешь обильный тукъ,
Поля вѣнчаешь ими, Щедрый,
Могуществомъ всесильныхъ рукъ
Насаждены въ Ливанѣ кедры.

Трава родится для скота,
А колосъ намъ ростетъ отъ вѣка:
Елей — дѣвичья красота,
Вино скрѣпляетъ человѣка.
Овощь приносятъ древеса
И наполняютъ нѣжнымъ сокомъ,
Стремятся кедры въ небеса,
Стоя на мѣстѣ превысокомъ.

У Ломоносова всѣ стихи изящны, истинны, благозвучны, у Суморокова нѣтъ ни красоты выраженія, и благозвучности.

Таже подражательность Ломоносову обнаруживается и въ его одахъ героическихъ и анакреонтическихъ, а смѣшная зависть — въ одахъ-пародіяхъ, или «вздорныхъ», какъ называетъ ихъ самъ авторъ. — Всѣ торжественныя оды Суморокова написаны почти на однѣ темы съ одами Ломоносова, и легко замѣтить, что подражательность эта относилась болѣе къ сущности, — къ идеѣ, и менѣе — къ формѣ и поэтическимъ пріемамъ. Всѣ онѣ до такой степени однообразны и бѣдны содержаніемъ, что прочитавъ одну изъ нихъ, вы уже знаете всѣ прочія. Вы не встрѣтите различія между образами героевъ и героинь, даже едва замѣтите различіе событій русской исторіи, которыя въ нихъ описываются. Нигдѣ такъ ясно не обнаруживается недостатокъ собственнаго изобрѣтенія и рабская подражательность, какъ въ одахъ Суморокова. Иногда онъ только перемѣняетъ размѣръ оды Ломоносова, а во всемъ прочемъ раболѣпно слѣдуетъ своему подлиннику. Такъ, напримѣръ, въ первой строфѣ первой оды на побѣды Петра Великаго, мы читаемъ у Суморокова:

Быстры пѣсни соплетая,
Яко дерзостный орелъ,
Пиндаръ, крылья простирая,
Выше облакъ возлетѣлъ....

Во второй строфѣ второй оды Ломоносова вы читаете:

Взнесись превыше молній лира,
Какъ быстрый Пиндаровъ орелъ.

Во всей одѣ Сумарокова «На побѣды Петра» едва ли не единственный хорошій стихъ, ему принадлежащій по идеѣ:

Отъ начала перва вѣка
Таковаго человѣка
Не видало естество.

Эту мысль повторилъ и Ломоносовъ, какъ съ упрекомъ упоминаетъ объ этомъ нашъ поэтъ въ критикѣ одъ Ломоносова. Желая скрыть свое собственное заимствованіе, онъ разбиралъ съ величайшей кропотливостью всѣ оды Ломоносова, придирался къ словамъ, къ фразамъ, къ мыслямъ, но сознался однако, что Ломоносовъ имѣетъ лирическое дарованіе, и что кромѣ Ломоносова, Поповскаго и самаго Александра Петровича, онъ не знаетъ другихъ поэтовъ. Это было уже сказано послѣ смерти Ломоносова, слѣдовательно сказано съ безпристрастнымъ убѣжденіемъ. Въ этой критикѣ Сумороковъ раздѣляетъ оды Ломоносова на семь разрядовъ: «прекраснѣйшія, прекрасныя, весьма хорошія, хорошія, изрядныя, требующія большаго исправленія, по его мнѣнію, и наслѣдокъ — строфы, о которыхъ критикъ ничего не говоритъ», пользуясь вѣроятно правиломъ благонамѣренныхъ критиковъ, что «гдѣ нельзя ничего выгоднаго сказать, тамъ *скажемъ все* — «однимъ молчаніемъ». Я привожу отзывы Сумарокова объ одахъ Ломоносова съ такой подробностью для того, чтобы во первыхъ, указать на характеръ тогдашней критики; во-вторыхъ, чтобы объяснить характеръ Сумарокова въ то мгновеніе, когда онъ долженъ былъ говорить о соперникахъ, и наконецъ, для того, что это необходимо къ объясненію свойства подражаній и источника, которымъ пользовался Сумороковъ при сочиненіи своихъ одъ.

Въ своемъ разборѣ Сумороковъ, противъ желанія, указалъ на все, въ чемъ онъ подражалъ Ломоносову. Равнымъ образомъ здѣсь открываешь и то, что Сумороковъ не всегда въ критикѣ и въ подражаніи слѣдовалъ внушеніямъ изящнаго вкуса. Вообще, въ *торжественныхъ* или *героическихъ* одахъ Сумороковъ обнаруживаетъ очень мало чувства и воображенія.

Конечно для насъ теперь странно, какъ могли принадлежать подобные стихи писателю, котораго вліяніе на литературу продолжалось около восьмидесяти лѣтъ. Мы не замѣчаемъ въ нихъ ни того самодовольнаго восторга, того бурнаго порыва чувства, какимъ исполнены торжественныя оды Державина, ни этаго свѣтло спокойнаго и высокаго одушевленія, которымъ отличаются оды Ломоносова, хотя они современны и тѣмъ, и другимъ. Всего вѣроятнѣе, что легкость и даже нѣкоторая чистота стиховъ Суморокова, особенно въ тогдашнее время, привлекала вниманіе къ его одамъ.

Въ настоящее время въ стихахъ его никто не отыщетъ ни великолѣпія и блеска, ни величія образовъ, ни бурнаго чувства, ни красоты формы и ровно ничего, кромѣ надутости, но тогда находили въ нихъ много искусства и какого-то увлекательнаго *краснорѣчія*. У каждаго вѣка своя эстетика! У Сумарокова, напримѣръ, вы сплошь да рядомъ встрѣчаете въ стихахъ величайшую безсмыслицу, а между тѣмъ, въ то время ее почитали глубокомысліемъ и ломали себѣ головы, чтобы отыскать къ ней ключь. Вотъ, напримѣръ, стихи изъ VIII-й оды Геллерта:

Предъ всѣми хвальна будь иными
Страсть, коей мы другимъ любимы,
И тѣхъ, что нравныхъ намъ творитъ!
Будь хвально то къ любви ласканье,
Коль новый жаръ въ ней и пыланье
Умъ съ добродѣтелью родитъ!..

Авторъ назвалъ эту оду «достойною любви», но неугодно ли въ ней добраться толку! Не смотря на то, оду учили наизусть и хвалили въ журналахъ. Вотъ до какой степени въ то время даже опытному и даровитому писателю трудно было сочинять стихи! Вотъ отчего тогда такъ рѣдки и такъ дороги были для современниковъ таланты, подобные Сумарокову. Если за подобныя стихотворенія увѣнчивали авторовъ названіями «Пиндара», «Горація», «Анакреона» и притомъ, если подобныя названія расточали люди просвѣщенные, сами не лишенные дарованій, то, вѣроятно, они понимали, что написать оду въ десять, двадцать или больше строфъ, задача вовсе не маловажная. Борьба со стихомъ въ только что развивающемся языкѣ, исполнена трудностей, часто непредолимыхъ для обыкновенныхъ дарованій; вотъ, почему Александръ Петровичъ пользовался великимъ авторитетомъ между современниками и заслужилъ славу своими стихотвореніями.

Вѣроятно, Сумороковъ понималъ, что онъ не можетъ стать по лирическому таланту не только выше Ломоносова, но даже и на одной съ нимъ ступени; однако жъ, самолюбіе заглушило въ немъ благородное признаніе своей неспособности къ лирической поэзіи. Минутная зависть и негодованіе на соперника заставляли его пародировать оды Ломоносова, въ чемъ онъ и успѣлъ несравненно болѣе, нежели въ подражаніяхъ. Умъ Сумарокова былъ склоненъ къ насмѣшливости и каррикатурѣ, — иногда злобной, но чаще веселой, поверхностной и забавной. Остроуміе его легко воспламенялось и также легко погасало. Каждый случай въ жизни,

въ литературѣ, которую онъ страстно любилъ, каждое особенно замѣчательное событіе въ сферѣ его дѣятельности подстрекали его живый характеръ и вызывали къ новому чувству, къ новой мысли или къ насмѣшкѣ. Вотъ почему въ твореніяхъ Суморокова сохранилось такъ много тонкихъ намековъ на жизнь и литературу того времени. Въ этомъ отношеніи и оды-пародіи его довольно важны. Въ нихъ изображается не только характеръ лирической поэзіи того времени, но и ея крайности и недостатки.

Не смотря на то, что онъ самъ назвалъ эти оды *вздорными*,— въ нихъ можно найти больше дѣльнаго, чѣмъ во всѣхъ другихъ его лирическихъ произведеніяхъ. Поэтому ни къ кому нейдетъ такъ хорошо этотъ стихъ, какъ къ Суморокову:

Онъ умничаетъ глупо,
А дурачится умно.

Въ этихъ пародіяхъ реторическая напыщенность тогдашнихъ торжественныхъ одъ нашла себѣ достойную награду. Вступленіе третьей «вздорной оды» и заключеніе ея такъ хороши, что рѣшительно нельзя ихъ пропустить безъ вниманія. Они чрезвычайно вѣрно пародируютъ пятую оду Ломоносова и полны самаго злаго сарказма:

Среди зимы, въ часы *мороза*,
Когда во мнѣ вся стынетъ кровь,
Хочу твою воспѣти *роза*,
Съ *зефиромъ сладкую любовь*.
Въ верхахъ парнасскихъ быстры рѣки,
Цвѣтовъ царицу вы на вѣки
Взнесите шумно въ небеса;
Стремитесь мысленные взоры
На многія парнасски горы,
Моря внимайте и лѣса.

Суморокову живо схватилъ несообразности и восторженный тонъ поэта. Особенно заключеніе оды остроумно:

О роза! Я пою мятежно:
Согласія въ сей одѣ нѣтъ;
Цѣлуйся ты съ зефиромъ нѣжно,
Но *помни то*, что *я поэтъ*.
Какъ если ты сіе забудешь,
Ты ввѣкъ моей злодѣйкой будешь,
Не стану я хвалить тебя;
А кто поэта раздражаетъ,
Велико войско воружаетъ
Противъ несчастнаго себя. —

Впрочемъ, каждый, прочитавъ эти оды-пародіи, кромѣ остроумія, легко замѣтитъ и мелкое самолюбіе пародиста, у котораго насмѣшка иногда доходитъ даже да клеветы, если только дѣло идетъ о томъ, чтобы унизить противника. Не будь этой личной желчи, вздорныя оды Сумарокова, какъ остроумная и живая критика на высокопарность Ломоносова и его послѣдователей, принесли бы свою пользу. Отъ этой высокопарности Сумароковъ спасъ себя врожденнымъ тактомъ и вкусомъ, болѣе образованнымъ и вѣрнымъ, нежели у прочихъ писателей его вѣка.— «Его слогъ», какъ справедливо замѣчаетъ Мерзляковъ, «менѣе «цвѣтущъ и величественъ, нежели языкъ Ломоносовъ, но болѣе «имѣетъ чувства, движенія, разнообразія», или лучше сказать болѣе легкости и простоты. Сумароковъ видимо понималъ весь вредъ реторическаго направленія поэзіи и самъ старался избѣжать его вліянія въ своихъ произведеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ одахъ это ему удается совершенно. Эти оды замѣчательны для насъ, какъ слѣды жизненной теплоты, какъ проблески граціи въ чувствѣ и воображеніи поэта. — Такъ въ Одѣ XXI, въ стихахъ довольно игривыхъ и звучныхъ для того времени, Сумароковъ очень искренно описываетъ свое непріятное отношеніе къ окружающему его обществу:

Во стенаніи и плачѣ
Я еще тужу о томъ,
И тужу всего я паче,
Что родился *не скотомъ*:
Вмѣсто славы,
Всѣ забавы
Были-бъ въ области моей;
Гнанный псами,
Ябъ лѣсами
Сокрывался отъ людей.
Ахъ! а нынѣ гдѣ сокрыться
Отъ злодѣевъ я могу?
Развѣ въ землю мнѣ зарыться,
Я лишь тамъ ихъ убѣгу.
Иль зло горе
Въ бурно море
Мнѣ низвергнути съ собой?
И въ пучинѣ
Злой кручинѣ
Обрѣсти конецъ судьбой?
Что во славѣ, коль покою
Я не вижу никогда

И несносною тоскою
Я терзаюся всегда?
Что въ отраду
Мнѣ награду
Вѣчной славы ожидать,
Тьмы въ утробѣ
Мнѣ во гробѣ
Коей вѣчно не видать?
Поспѣшай драгая вѣчность
Узы ты мои претерть,
И въ покойну безконечность
Поведи меня ты смерть.
Сердцу больно, такъ довольно
Злому счастію служить:
Есть-ли въ скукѣ
Жить и въ мукѣ,
Такъ зачѣмъ на свѣтѣ жить?...

Вѣроятно состояніе души автора было настроено на самый печальный ладъ и отношенія его къ обществу не представляли ничего отраднаго. Отъ теплоты и искренности чувства и самые стихи его здѣсь звучны и исполнены движенія. Поэзія Суморокова дѣйствительно ближе къ землѣ, нежели поэзія Ломоносова. Онъ сохранилъ въ большей части своихъ стихотвореній теплоту жизни. Конечно, эта жизнь, эта теплота чувства не всегда взята изъ дѣйствительности и еще менѣе изъ дѣйствительности русской, народной, а большею частію создана собственнымъ воображеніемъ; но тѣмъ неменѣе это жизнь человѣка, отражающаго въ себѣ лучшія чувства, мысли и убѣжденія всего современнаго ему русскаго общества. Вотъ почему даже теперь нѣкоторыя изъ его одъ анакреонтическихъ, сафическихъ, сонетовъ, мадригаловъ и прочая читаются съ большимъ удовольствіемъ, ибо въ нихъ, сквозь чувство и мысли автора, мерцаетъ свѣтъ народной жизни въ извѣстную эпоху. Такъ мы читаемъ съ удовольствіемъ дневники и мемуары не только литераторовъ, но даже и частныхъ людей, особенно если сердце ихъ было богато разнообразными впечатлѣніями, если умъ ихъ былъ наблюдателенъ, и если разсказъ безъ-искуственно простъ и откровененъ. — Что-же касается до пользы одъ въ ходѣ постепеннаго развитія таланта Суморокова, то онъ изъ соревнованія съ Ломоносовымъ, изъ борьбы съ непокорнымъ стихомъ, вынесъ легкость и чистоту слога, которою не замедлилъ воспользоваться, какъ это мы увидимъ въ послѣдствіи.

Ни въ чемъ такъ хорошо и полно не выражается характеръ чело-

вѣка, какъ въ его пѣсни. Пѣсня есть отраженіе сокровенныхъ чувствъ и думъ человѣка въ извѣстный мигъ. Она голосъ его души, и потому справедливо говорятъ, что у каждаго человѣка своя пѣсня. Точно также и у каждаго народа свои пѣсни. Сумороковъ былъ въ свое время единственный сочинитель пѣсень и вѣроятно пѣсни его близко подходили къ направленію, къ характеру или, лучше сказать, къ сердцу современнаго ему общества. Извѣстность Суморокова началась сочиненіемъ двухъ пѣсень: «То ль награда за «мою вѣрность, за мою искренность». Эту пѣсню пѣли русскія придворныя дамы въ присутствіи Императрицы, и ободренный Высочайшимъ вниманіемъ сочинитель написалъ еще одну «О мѣста, мѣста драгія»! Эти пѣсни конечно устарѣли для нашего общества, но въ тотъ вѣкъ, когда нравы только что начинали смягчаться, чувствительность и нѣжность, простота и легкость стиховъ сдѣлала ихъ общеупотребительными. Мерзляковъ несправедливо называетъ ихъ низкими по слогу. Слогъ, какъ и характеръ вѣка и писателя, никогда не можетъ быть низкимъ. Лучше-бы назвать ихъ устарѣлыми по языку и чувству для новѣйшаго времени. — Въ пѣсняхъ Сумарокова совершенно выражается степень эстетическаго развитія русскаго общества того вѣка. Историкъ долженъ смотрѣть на нихъ, какъ на необходимое явленіе извѣстной литературной эпохи. И намъ не такъ давно еще нравились пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго, Барона Дельвига, Мерзлякова и другихъ; да и теперь мы поемъ тоже самое, только на другой ладъ, который едва-ли можно назвать новымъ. Если у помянутыхъ писателей и передѣлывателей встрѣчаются нѣкоторыя черты народности, то они мѣстами проскакиваютъ и у Сумарокова. — Многія изъ его пѣсень даже и теперь въ памяти стариковъ, да вѣроятно и всѣ прочія долго помнило потомство. Пѣсни Сумарокова, не имѣя художественной красоты, имѣли значительный вѣсъ въ вѣкъ Елисаветы и даже въ послѣдствіи — Точно также въ уровень съ своимъ вѣкомъ и съ образованіемъ современнаго ему общества, Сумороковъ шелъ въ своихъ эклогахъ и идиліяхъ. Въ нихъ нѣтъ дѣйствительности, нѣтъ опредѣленной мѣстности въ картинахъ, народности въ нравахъ и обычаяхъ, но есть остроуміе и одушевленіе. Они написаны въ духѣ вѣка и содержатъ почти всегда живой и остроумный разсказъ. Вредитъ имъ только то, что форма ихъ одна и таже, и что почти всѣ онѣ похожи одна на другую. Но онѣ также читались тогда съ удовольствіемъ, потому что самые недостатки ихъ были общими недостатками въ искусствѣ того вре-

мени. Тогда идиллическая поэзія ограничивалась названіемъ «Пастушеской поэзіи», могла брать свои сюжеты единственно изъ жизни пастушковъ а мѣстомъ дѣйствія избирать только деревню, что не согласно даже съ понятіями древнихъ классиковъ и съ самымъ словомъ *идиллія*. Впрочемъ, и съ этимъ ограниченнымъ взглядомъ эклоги и идилліи Суморокова рѣшительно не согласны. Хотя онъ самъ говоритъ «въ письмѣ о стиховорствѣ», что пастухъ долженъ быть въ эклогѣ пастухомъ, а «не придворнымъ кавалеромъ», однако жъ его пастухи столько-же похожи на русскихъ, французскихъ и вообще на всѣхъ возможныхъ пастуховъ, сколько тогдашній взысканный «петиметръ» походилъ на лапотника. Поэтому 168 эклогъ и идилліи Суморокова не имѣютъ никакого эстетическаго значенія. — Сверхъ этихъ стихотвореній у Суморокова есть лирическія стихотворенія во всѣхъ видахъ этой поэзіи; достоинства и недостатки ихъ тѣже, какъ и въ прочихъ лирическихъ стихотвореніяхъ.

Несравненно удачнѣе Сумороковъ писалъ въ родѣ дидактическомъ, гдѣ украшенія реторическія и поэтическія формы стѣсняли менѣе его стихъ и борьба съ непокорнымъ языкомъ была нетакъ затруднительна. — Въ своихъ посланіяхъ Сумороковъ уменъ и всегда безъискусственно простъ въ выраженіи мыслей. Они имѣли великое вліяніе на литературу. Тредьяковскій поставлялъ въ упрекъ Суморокову, что «Письмо о стихотворствѣ» заимствовано имъ у Боало. Сумороковъ подтвердилъ, что много взялъ изъ Боало, но и Боало заимствовалъ у Горація столько-же, сколько Сумороковъ у Боало. И такъ, заимствованіе нисколько не уменьшаетъ цѣны, какую имѣло тогда «Письмо о стихотворствѣ», въ которомъ впрочемъ и невозможно узнать знаменитаго сочиненія Буало: l'Art poétique. Въ этомъ посланіи Сумороковъ весело и остроумно высказалъ всѣ понятія своего вѣка объ искусствѣ. Конечно, для насъ оно не новость, но въ то время, вѣроятно, его читали съ удовольствіемъ и пользой. Въ немъ онъ открываетъ тайны поэзіи, которыя заключаются болѣе въ дарованіи, чѣмъ въ самомъ искусствѣ. Другое посланіе Суморокова «о Русскомъ языкѣ», начинающееся этимъ забавнымъ стихомъ

Для общихъ благъ мы то передъ скотомъ имѣемъ,
Что лучше, чѣмъ они, другъ друга разумѣемъ.

— имѣло еще болѣе цѣны въ свое время. Оно обнаруживаетъ вѣрный взглядъ автора на состояніе русскаго языка въ то время, когда всѣ ученые и неучи, призванные и непризванные литераторы,

были въ немъ законодателями, а знающихъ языкъ было очень мало; когда новый книжный языкъ пестрѣлъ германизмами, галлицизмами и грубѣйшими архаизмами. Сумороковъ, преслѣдуя сатирой преобразователей языка, имѣлъ право сказать о Ломоносовѣ, что онъ

.... Послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію Россійскую Палладу,
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ.

Слова Сумарокова о бездарности, пестротѣ языка въ переводахъ и произведеніяхъ Тредьяковскаго и другихъ писателей этой эпохи, о безсмыслицѣ, происходящей отъ неправильнаго выбора и расположенія словъ въ ихъ сочиненіяхъ, — совершенно вѣрны, такъ въ этомъ можно удостовѣриться при внимательномъ чтеніи этихъ стиховъ :

По русски думаетъ всего сказать не можно,
И, взявъ съ пригоршню словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь
«Языкомъ собственнымъ», достойну только сжечь;
Иль слово въ слово въ слогъ россійской переводитъ,
Котора на себя въ обновѣ не походитъ.

Впрочемъ, Сумороковъ, не смотря на все это, и самъ заплатилъ дань вѣку въ томъ-же посланіи. Онъ самъ не желалъ строго держаться живаго народнаго языка въ литературѣ, но прямо говорилъ, что должно подражать Грекамъ, Римлянамъ и Французамъ.

Возмемъ себѣ въ примѣръ словесныхъ человѣковъ,
Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у Грековъ,
Какой у Римлянъ былъ..... ....
Каковъ въ прошедшій вѣкъ прекрасенъ сталъ французской ...

Но ошибаться вмѣстѣ съ вѣкомъ простительно и не такимъ дарованіямъ. И геніяльные поэты не во всемъ выше своего времени; напротивъ, по большей части, они идутъ въ уровень съ его правилами и убѣжденіями. Ломоносовъ обладалъ геніяльными способностями, но въ преобразованіи русской литературы также не могъ освободиться отъ вліянія вѣка и общества. Вотъ почему должно поставить на высшую степень оба посланія Сумарокова о русской литературѣ и языкѣ народномъ. Здравыя понятія объ искусствѣ и замѣчанія о законахъ народнаго слова всегда и во всякомъ обществѣ принимаются съ уваженіемъ.

Впрочемъ, во всемъ этомъ еще не обнаруживается въ полномъ свѣтѣ талантъ Сумарокова. Съ особенной яркостью и силой его дарованія открываются въ басняхъ, сатирахъ и нравственно-са-

тирическихъ разсужденіяхъ. Здѣсь онъ на болѣе близкомъ къ своему таланту поприщѣ. Въ 398 басняхъ его и въ десяти сатирахъ не только много любопытнаго, но много народнаго, такъ, что его можно назвать преемникомъ Кантеміра и предшественникомъ «смѣлой сатиры властелина» Фонъ-Визина. Многія изъ его басенъ не только народны, но изящны, по остроумію и рѣзкой истинѣ фразы. Въ доказательство этаго можно указать на многіе стихи, обратившіеся въ пословицы и донынѣ употребляемые въ русской литературѣ. Такъ изъ басни «Соловей и Кукушка» вошелъ въ повицу извѣстный стихъ:

Достойной похвалы невѣжды не умалятъ,
А то не похвала, когда невѣжды хвалятъ.

Равно изъ басни «Муха и Карета» одинъ стихъ почти повторился въ басняхъ Дмитріева и Крылова, хотя въ другихъ словахъ:

Куда какъ много здѣсь я пыли подняла!

Многія отдѣльныя фразы поражаютъ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца и сдѣлали бы честь даже лучшимъ нашимъ баснописцамъ. Въ баснѣ «Лошаки и Воры» васъ поражаетъ глубина и вѣрность взгляда на дѣйствительную жизнь, на лучшее благо ея, на то, изъ чего мы бьемся, радуемся, негодуемъ, лицемѣримъ, — чему жертвуемъ, если не всѣмъ, то очень многимъ, — словомъ на «деньги!» Но вотъ вамъ стишокъ —

.... И деньги унесли. Какая это честь,
Котору можетъ воръ унесть!...

стишокъ очень старый, но справедливый, какъ справедлива истина, которая всегда старше насъ. У Суморокова есть даже басни, которыя рѣшительно не уступятъ и въ цѣлости баснямъ Дмитріева. Въ наше время требованія отъ басни очень строги, ибо мы имѣемъ въ этомъ родѣ превосходныя собранія трехъ писателей — Хемницера, Дмитріева и Крылова. Кромѣ легкости, остроумія и глубокой вѣрности мысли и выраженія, мы требуемъ народности и характеристики вѣка, въ который явились басни. Не думаетъ-ли кто, что въ басняхъ Суморокова нѣтъ этихъ принадлежностей? Хотя предѣлы статьи не позволяютъ распространяться долго объ этомъ предметѣ, однако-же, въ оправданіе своихъ похвалъ, мы укажемъ и на нѣкоторыя черты, и характеристическія явленія изъ жизни вѣка, въ который писаны эти басни. Легко доказать, что многія событія и обычаи изъ жизни современнаго Суморокову общества незамѣтно вошли въ его басни. Въ ба-

снѣ «Уборка головы»—слова : конечно относятся къ вѣку пудры...

Снаружи головы снабжаютъ,
Внутри — головъ не наряжаютъ —

и громадныхъ причесокъ. Ибо только тогдашній пѣтиметръ могъ сказать, что

Умы здоровье повреждаютъ,
А кудри болѣе красавицъ побѣждаютъ.....

и только авторъ того вѣка могъ столь безпощадно вооружаться противъ «уборки головы», которая тогда отнимала много времени, составляла своего рода *великое искусство*, и служила вывѣской знатности и богатства. Тогда можно было, по словамъ Кантемира, лучшему щеголю на себя «воздѣть деревню цѣлу». И такъ, въ баснѣхъ Сумарокова есть всѣ принадлежности, которыхъ мы ищемъ въ современной баснѣ.

Въ своихъ сатирахъ Сумороковъ былъ столь же вѣренъ дѣйствительности и современной жизни, также остроуменъ, но болѣе слабъ и въ этомъ долженъ уступить первенство Кантемиру, хотя и говорилъ о немъ, что онъ пользуется незаслуженной славой. Въ одной изъ критическихъ статей Сумороковъ говоритъ, что «князь Кантемиръ основалъ счастіе свое самыми негодными стихами и «похвалами Россійскаго Цицерона (вѣроятно Ѳ. Прокоповича), не «знающаго ни прямыя чистоты россійскаго склада, ни стихотвор«ства. Сей Кантемиръ, какъ говорятъ, былъ исправный министръ и «ученый человѣкъ; но здѣсь дѣло только о томъ, что его счастіе «основали никѣмъ не читаемые нынѣ стихи, славою автора, не толь«ко Москву и Россію, но и всю Европу наполнившіе.» Но одно изъ трехъ — или Сумороковъ совсѣмъ не читалъ сатиръ Кантемира или не понималъ значенія сатиры, или, наконецъ, судилъ пристрастно по какимъ-нибудь особеннымъ причинамъ. Ежели бы Сумороковъ не читалъ сатиръ Кантеміра, то его собственныя сатиры не были бы до такой степени сходны съ сатирами Кантемира. Напримѣръ, въ сатирѣ «*Кривой толкъ*» многія мѣста такъ близко подходятъ къ стихамъ извѣстной сатиры Кантемира «*Къ уму моему*», что сходству этому невольно удивляешься. Конечно Сумороковъ уступаетъ Кантемиру въ яркости и обширности картинъ, въ оригинальной рѣзкости и вѣрности типовъ тогдашняго общества, въ силѣ и ѣдкости насмѣшки, потому что не проникнутъ глубоко мыслью объ общественныхъ недостаткахъ, какъ Кантеміръ, который, поражая зло мѣткими стрѣлами сарказма, «*въ сердцѣ о злонравныхъ плакалъ.*»

Можетъ быть, сатиры Суморокова блѣднѣе сатиръ Кантемира и потому, что пороки, противъ которыхъ онѣ ратоборствовали, въ вѣкъ Кантемира были распространены повсюду и ярко бросались въ глаза, а въ вѣкъ Суморокова потеряли уже нѣкоторую силу. Но вѣрнѣе, что Сумороковъ копировалъ Кантемира. Сатиры Кантемира — просто говорящія картины общественной жизни въ ту эпоху, портреты тогдашнихъ оригиналовъ, типы всего, что рѣзко выдалось впередъ изъ быта стараго и новаго русскаго общества. Удивительное сходство съ этими картинами, типами, мыслями и недостатками встрѣчаемъ мы и у Суморокова! Въ сатирѣ «Кривой толкъ» на-примѣръ есть типъ щеголя *Медора*, который особенно часто повторяется у Кантемира. Но у Суморокова этотъ характеръ блѣдно представленъ, у него щеголь «Петиметръ» только и виноватъ въ томъ, что —

.... Думаетъ на томъ премудрость состоитъ,
Коль кудри хороши, кафтанъ по модѣ сшитъ.

Есть въ этой сатирѣ также одно лицо, напоминающее довольно ясно Кантемирова «Сильвана», который говоритъ, что «*науки лишняго рубля къ копейкѣ не прибавятъ.*» У Суморокова этотъ характеръ выраженъ нѣсколько иначе —

.... Я помню, чей я внукъ,
Пускай убытчатся, уча ребятокъ моты,
Мой мальчикъ не ученъ, а въ тѣжъ пойдетъ вороты.
Въ прикладѣ: о звѣздахъ потребно-ль вѣдать мнѣ,
Иль знать Ерусалимъ въ которой сторонѣ?
Иль съ кѣмъ Тамираксакъ имѣлъ войны кровавы?
На что мнѣ, чтобы знать чужихъ народовъ правы,
Или вперятися въ чужія языки,
Какъ-будто безъ того ужъ мы и дураки?

Есть въ этой сатирѣ также и другіе типы, созданные уже Кантемиромъ, на-примѣръ, такъ льстеца, который

Не мыслитъ никогда, что онъ безмѣрно гнусенъ,
Онъ мыслитъ то, что онъ какъ жить искусенъ,
Коль нужда въ комарѣ, — зоветъ его слономъ,
Когда къ боярину придетъ съ поклономъ въ домъ:
Юлитъ предъ мухою боярской безъ препоны
И отъ жены своей ей дѣлаетъ поклоны.

Потомъ типъ скупаго богача, типъ ханжи старухи, въ которомъ замѣчателенъ стихъ:

Вступила дѣвушка съ мущиной въ рѣчь свободно
Старухѣ кажется то быть не благородно.
Ей мнится доведутъ до худа тѣ слова;
Я, мнитъ, во младости была не такова.

Въ сатирѣ «*О благородствѣ*» также много сходнаго съ сатирой Кантемира, написанной въ видѣ діалога между Филаретомъ и Евгеніемъ. Но и въ подражаніяхъ своихъ Сумороковъ не теряетъ своей оригинальности и бросаетъ много острыхъ словъ, которыя невольно западаютъ въ память. Сумороковъ былъ нетолько даровитый, но и ловкій писатель. Онъ понималъ искусство едва-ли не лучше всѣхъ прочихъ литераторовъ своего времени, и Пушкинъ совершенно правъ, когда, съ обычною вѣрностью своего взгляда, замѣчаетъ, что Сумороковъ «*обладалъ вкусомъ, болѣе истиннымъ, нѣжнымъ и тонкимъ, нежели всѣ прочіе поэты того вѣка.*»

Но гораздо ярче, чѣмъ въ сатирахъ, обнаруживается саркастическій талантъ Суморокова въ нравственно-сатирическихъ и философскихъ статьяхъ, написанныхъ легкой, правильной и общепонятной прозой. Здѣсь онъ пишетъ, какъ мыслитъ и чувствуетъ, и чувства его приносятъ честь, какъ ему самому, такъ и литературѣ его времени. — Замѣчательнѣйшія изъ этихъ небольшихъ статей слѣдующія: 1.) О новой философской сектѣ 2.) О безбожіи и безчеловѣчіи 3.) О словѣ *моралъ*. 4.) О почтеніи автора къ приказному роду. 5.) О суевѣріи и лицемѣріи. 6.) О домостроителѣ. 7.) О публикѣ 8.) О добродѣтели.

Хотя въ этихъ статьяхъ читатель не всегда найдетъ, что обѣщаетъ заглавіе, но встрѣтитъ въ нихъ много мыслей здравыхъ, умныхъ, рѣзкихъ, совершенно вѣрныхъ своему времени. Изъ нихъ намъ яснѣе представятся и видоизмѣненія тѣхъ общественныхъ недостатковъ, противъ которыхъ возстаетъ Кантемиръ, и появленіе новыхъ пороковъ въ народѣ, стремящемся усвоить себѣ европейское образованіе, нравы и вообще образъ жизни просвѣщенныхъ народовъ запада. Тогда уже менѣе замѣтно было прямое противоборство невѣжества просвѣщенію. Дворъ покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ; а если и тогда невѣжды кричали противъ нихъ то голосъ ихъ уже не былъ слышенъ въ большинствѣ одобрительныхъ голосовъ высшаго общества Россіи. Тогда, какъ говорилъ Ломоносовъ, былъ, или по-крайней-мѣрѣ, начинался, «златой вѣкъ наукъ и искусствъ.» За то невѣжды другаго рода, невѣжды съ внѣшнимъ блескомъ просвѣщенія — умножились. Но они не были похожи на осмѣянныхъ Кантеміромъ свѣтскихъ юношей, не умѣвшихъ прочитать надписей на картинахъ своихъ богатыхъ залъ. — Это были люди совершенно другаго цвѣта. Они толковали о религіи, морали и философіи, читали французскихъ энциклопедистовъ, бредили философскими сектами. Они уже не прези-

рали службы, подобно знаменитому «Евгенію» Кантемира, но доискивались ея разными средствами позволительными и непозволенными. Они понимали и общественныя выгоды просвѣщенія, ибо знали, что оно полезно и для службы, и для домостроительства, а потому стали толковать о пользѣ государственной и частной экономіи. — Измѣнились даже и тѣ пороки стародавней Руси, которые Кантемиръ выставилъ въ такой грубой и дикой наготѣ,— именно «лихоимство» и «барская спѣсь», остатокъ древняго мѣстничества. Нравы общества усовершенствовались, ушли далеко отъ стараго порядка вещей, и вмѣстѣ съ этимъ, родились новыя побужденія, новыя потребности. Все это дѣлается явнымъ, раскрывается въ широкой картинѣ, при чтеніи нравственно сатирическихъ статей Суморокова. Въ статьѣ «О новой философической сектѣ» авторъ выставляетъ на смѣхъ все ничтожество этого полуобразованія, прикрывающаго себя мантіей мелкаго скептицизма. Кто читалъ сатиры Кантемира, тотъ вѣроятно замѣтилъ, что онъ не вооружался противъ такихъ людей, потому что ихъ тогда не было въ русскомъ обществѣ. Онъ, напротивъ, защищалъ науки отъ извѣстной клеветы, что они ведутъ къ безбожію.

Еслибы что нибудь было подобное въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, то Кантемиръ, какъ человѣкъ благонамѣренный, глубоко любившій свое отечество и притомъ человѣкъ строго религіозный, не оставилъ бы этого безъ вниманія. Ясно, что при немъ не было этихъ несчастныхъ философскихъ сектъ. Но во времена Суморокова видъ дѣлъ измѣнился. Въ обществѣ уже не было Критоновъ, но вмѣсто ихъ явились философы, любящіе разсуждать основательно—безъ основанія. Они же вмѣстѣ и враги истиннаго просвѣщенія; ибо, хотя прямо и не отвергаютъ наукъ, но говорятъ, только другими словами, почти тоже, что говорили и прежніе невѣжды, извѣстные Кантемиру. Они убѣждены, что «учиться надобно, а науки «не надобны. Учиться надобно потому, что здравый смыслъ и «опытъ доказываетъ, что ученіе просвѣщаетъ человѣка; а не надобны науки ради того, что Жанъ-Жакъ Руссо будто-бы сказалъ, «что науки вредны.» Съ искусствомъ и одушевленіемъ изображаетъ Суморокова этихъ странныхъ оригиналовъ своего вѣка. Онъ прямо вводитъ читателя въ бытъ этихъ людей слѣдующимъ образомъ: «Они (философы) утверждаютъ, что въ собраніяхъ или «бесѣдахъ надобно говорить или очень много, или ничего, — упо«добляясь или вѣтряной мѣльницѣ, или индѣйскому пѣтуху, и «такимъ образомъ, говоря мало и притомъ на непонятномъ для «толпы языкѣ французскомъ, прослыть за египетскаго мудреца,

«хотя премудрость эта въ сущности не возвысилась даже до знанія «правописанія, во избѣжаніе чего, они и пишутъ, какъ мудрецы, «іероглифами, ибо литерами писать умѣютъ худо и не знаютъ пра«вописанія! Кто знаетъ меньше пяти словъ по французски, тотъ у «нихъ, хотя и философствуетъ, однако истиннымъ философомъ еще «не почитается; ибо де человѣкъ прежде выученія пяти словъ фран«цузскихъ еще не одушевленъ; однако принятый въ ихъ секту «имѣетъ дозволеніе, сколько хочетъ суевѣрствовать, отчего (то «есть отъ суевѣрія) сами философы совершенно свободны.... «однако съ обязательствомъ, чтобъ они за то, сколько возможно, «Россійскій языкъ сорили-бы французскими словами, по данной «отъ нихъ росписи, написанной россійскими буквами безъ пе«реводу; ибо де рѣдкое французское слово на россійскій языкъ пе«ревесть можно.... И ради того, чтобы дойти совершенства сея «французскія философіи, всѣ французскіе бродяги, и мужчины, и «женщины, стали учителями и учительницами!...»

Какъ живо и вѣрно въ этой сатирѣ изобразилъ Сумороковъ ему современные, и долго потомъ существовавшіе общественные недостатки: пристрастіе къ французскому языку, обезъянство во всемъ иностранцамъ и слѣпое довѣріе къ непризваннымъ бродягамъ-наставникамъ, которымъ поручалось воспитаніе и образованіе.

За тѣмъ, самыя близкія къ правамъ того времени статьи — «О домостроительствѣ» и «О публикѣ.» — Особенно первая можетъ почесться лучшею изъ всѣхъ сатирическихъ статей Суморокова, по мѣткости и искренности остроумной насмѣшки, по силѣ чувства и практической вѣрности взгляда.

Сатирическія статьи Суморокова вообще доказываютъ, что онъ стоялъ гораздо выше своего вѣка, по своему образованному уму, и особенно по своимъ человѣческимъ чувствамъ. Въ статьѣ «О публикѣ» онъ яснѣе выражаетъ нравственныя свои убѣжденія, и высказываетъ ихъ съ такимъ одушевленіемъ, съ такимъ сочувствіемъ къ самымъ возвышеннымъ понятіямъ человѣка — о человѣкѣ, что невольно выростаетъ въ глазахъ современнаго критика на цѣлую голову выше общества того вѣка. Въ этой статьѣ замѣтна особенная ѣдкость и сила сатирическаго ума, и можно догадаться, что авторъ написалъ ее подъ вліяніемъ сильнаго негодованія противъ вопіющихъ предразсудковъ современнаго общества, хотя нѣкоторыя части той-же статьи продиктованы чисто однимъ мелочнымъ самолюбіемъ автора.

Вообще разсматривая литературную дѣятельность Суморокова, какъ даровитаго бельлетриста, вы яснѣе, нежели въ твореніяхъ

Ломоносова и прочихъ литераторовъ той-же эпохи, знакомитесь съ нравами тогдашняго общества и зорко слѣдите за ходомъ его образованія. Ломоносовъ представилъ намъ въ своихъ одахъ и ораторскихъ рѣчахъ весь ходъ государственнаго совершенствованія Россіи отъ Петра I. до Екатерины II. Кантемиръ представилъ въ своихъ картинахъ противодѣйствіе ходу преобразованія и совершенствованія русскаго общества въ періодъ при преемникахъ Петра I. Сумороковъ изображаетъ переходное состояніе общества передъ новымъ вѣкомъ, новымъ порядкомъ вещей и прямо вводитъ насъ отъ временъ Елисаветы въ вѣкъ Екатерины II, въ который народныя начала соединяются съ началами цивилизаціи. Приготовленіемъ къ этому вѣку служило не только распространеніе наукъ и знаній, но и литература, въ ея лучшихъ представителяхъ — Кантемирѣ, Ломоносовѣ и Сумороковѣ, который былъ въ отношеніи къ первымъ, тоже, что продолжатель или послѣдователь, объясняющій, дополняющій и приводящій въ порядокъ систему своихъ учителей и предшественниковъ. Такъ мы показали, что въ сатирахъ и басняхъ, равно какъ и въ нравственно-сатирическихъ статьяхъ онъ является продолжателемъ того, что сдѣлалъ Кантемиръ и дополняетъ то, чего сатирикъ не могъ видѣть и знать, а именно, недостатки современнаго ему общества. Въ одахъ онъ подражалъ, хотя и неудачно, Ломоносову, за то въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ и басняхъ онъ вѣрно выразилъ тѣ чувства, которыя принадлежали собственно его времени и которыхъ не высказалъ, да и не могъ высказать Ломоносовъ въ своей кабинетной поэзіи; ибо они могли быть доступны только поэту, нераздѣльно жившему со всѣми интересами, страстями и причудами своей эпохи. Но это еще не составляло главнаго въ литературной дѣятельности Сумарокова. Истинное поприще его — драма. Здѣсь онъ не только осуществилъ тѣ благородныя стремленія, которыя служили основою всѣхъ дѣйствій Кантемира и Ломоносова, но ушелъ несравненно дальше ихъ въ усовершенствованіи своего искусства. Онъ съ величайшимъ успѣхомъ дѣйствовалъ посредствомъ своихъ драмъ на образованіе нравственнаго и эстетическаго чувства въ русскомъ малообразованномъ еще обществѣ, представляя передъ нимъ высокіе образцы и примѣры любви, патріотизма, чести и добродѣтели. Съ этой точки зрѣнія, Сумороковъ, какъ драматическій поэтъ, заслуживаетъ болѣе почетное мѣсто въ Исторіи Литературы, нежели, какъ простой бельлетристъ, и справедливо пользовался отъ своихъ современниковъ глубокимъ уваженіемъ. Съ точки заслугъ его драмѣ русской, мы разсмотримъ его въ слѣдующей статьѣ.

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ТАЛЬМЫ,

ПИСАННЫЯ ИМЪ САМИМЪ.

ГЛАВА V.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! Я заключилъ предыдущую главу обѣщаніемъ возвратиться къ своимъ дебютамъ; а вмѣсто того, порывшись въ своихъ воспоминаніяхъ, нахожу, что это мѣсто принадлежитъ одному событію, которое, правда, хоть и не удаляетъ насъ отъ моихъ дебютовъ, но ведетъ къ нимъ окольнимъ путемъ.

Въ числѣ способовъ, которые я употреблялъ для того, чтобы размыкать свою хандру, — или скорѣе, чтобы давать ей полную свободу,—первое мѣсто занимали одинокія прогулки; а любимымъ моимъ мѣстомъ для этихъ прогулокъ былъ Ботаническій садъ. Откуда это постоянство, этотъ мѣщанскій вкусъ? спросятъ меня. Во первыхъ, оттого, что Ботаническій садъ, по моему мнѣнію, одно изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстъ для прогулокъ въ Парижѣ. Во вторыхъ, оттого, что это мѣсто было связано съ воспоминаніемъ дѣтства, а ничто такъ сильно не дѣйствуетъ на умъ, одержимый хандрою, какъ воспоминанія дѣтства. Я уже говорилъ,

что пансіонъ добраго господина Вердье находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь строился домъ для Бюффона.

И такъ, я гулялъ однажды, по обыкновенію, въ Ботаническомъ саду, припоминая различные оттѣнки знаменитыхъ монологовъ въ выполненіи слышанныхъ мною артистовъ Монвеля, Моле, Дюгазона. При спускѣ съ бельведера, находящагося на вершинѣ лабиринта, я былъ внезапно пораженъ женскимъ голосомъ, читавшимъ стихи. Я остановился, и, подсматривая сквозь кустарникъ, увидѣлъ двухъ женщинъ сидѣвшихъ на круглой скамьѣ, обхватывающей стволъ знаменитаго кедра, привезеннаго съ Ливана господиномъ Жюссье, и который и тогда уже поражалъ своимъ ростомъ, хотя былъ еще далеко не то, что нынѣче. Одна изъ женщинъ читала. Я сталъ прислушиваться, и узналъ стихи изъ *„Эдипа у царя Адмета,“* Дюсисовой трагедіи, игранной въ 1773 году, то есть, въ самый годъ смерти Вольтера. По предмету чтенія, надо было предполагать въ читательницѣ и въ слушательницѣ слишкомъ серьезный для женщинъ покрой ума или печальное настроеніе души. Это сильно подстрекнуло мое любопытство; я подкрался какъ можно тише, и сталъ разсматривать незнакомокъ. Одна была на лицо лѣтъ сорока, и въ платьѣ очень темнаго цвѣта; она то и читала. Другая казалась ея дочерью; была одѣта въ свѣтленькое платье, просто, но со вкусомъ; но что особенно странно поражало въ ея нарядѣ, — это была желтая вуаль, закрывавшая ея лицо. Я видалъ во Франціи бѣлыя вуали, въ Англіи зеленыя и даже розовыя; но желтую видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Притомъ она была не просто для формы; она была такъ плотна, что сквозь нее невозможно было разсмотрѣть лицо.

Между тѣмъ чтеніе продолжалось. Безъ сомнѣнія оно имѣло какое-нибудь сродство съ обстоятельствами жизни обѣихъ женщинъ, потому что голосъ читательницы дрожалъ, а грудь дѣвушки быстро и неровно воздымалась. Въ одномъ мѣстѣ, волненіе ея сдѣлалось такъ сильно, что она приподняла вуаль, чтобы отереть слезу. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ мгновеніемъ, чтобы взглянуть поближе на лицо незнакомки; но, благодаря своей слѣпотѣ, наткнулся на камень, который покатился по дорожкѣ, прямо къ ногамъ читательницъ. Дѣвушка

обернулась, увидѣла меня, вскрикнула, поспѣшно опустила вуаль, ухватилась за руку матери и увлекла ее, забывъ на скамейкѣ, положенный на нее, букетъ.

Съ минуту стоялъ я на мѣстѣ неподвижно, пристыженный, какъ ребенокъ, уличенный въ подслушиваніи; потомъ пошелъ къ скамейкѣ и увидѣлъ забытый на ней букетъ. Я взялъ его, повертѣлъ въ рукахъ, подумалъ; потомъ мнѣ вдругъ пришла въ голову мысль. Я нѣсколько похожъ на Руссо — тѣмъ, что счастливая мысль почти никогда не приходитъ мнѣ на умъ разомъ, въ надлежащее время. Такъ и теперь мнѣ пришла въ голову мысль воспользоваться этимъ забытымъ букетомъ для того, чтобы свести знакомство съ дѣвушкою, которая съ перваго взгляду возбудила во мнѣ, если не глубокое участіе, то по-крайней-мѣрѣ довольно живое любопытство. Я бросился вслѣдъ за незнакомками; но уже было поздно, онѣ скрылись.

Я остановился, чрезвычайно огорченный неудачею, и сталъ всматриваться въ даль сада, стараясь угадать, по которой изъ многочисленныхъ дорожекъ онѣ могли скрыться. Къ сожалѣнію, я ничего не видѣлъ, и ничего не могъ угадать; этотъ призракъ подъ желтою вуалью совершенно исчезъ, и я принялъ бы все случившееся за видѣніе, еслибъ оставшійся въ моихъ рукахъ букетъ не убѣждалъ меня въ дѣйствительности. Однакоже я могъ еще гдѣ-нибудь нагнать незнакомокъ. Поэтому я рѣшился идти на поиски, высматривая повсюду, не увижу ли ихъ гдѣ; увидѣть ихъ было бы нетрудно, потому что садъ въ это время былъ еще почти пустъ. Такимъ образомъ взошелъ я на вершину лабиринта и оттуда сталъ искать глазами по всѣмъ аллеямъ, вперять ихъ во всѣ чащи; но моихъ незнакомокъ и слѣдъ простылъ. Онѣ, видно, были хорошо знакомы со всѣми извилинами сада. Я сошелъ внизъ, еще болѣе огорченный; мое любопытство возрастало по мѣрѣ того, чѣмъ труднѣе становилось его удовлетворить. Я машинально возвратился къ Ливанскому кедру; но кедръ осѣнялъ своею тѣнью одну пустую площадку, а на круглой скамейкѣ по прежнему лежало только нѣсколько завядшихъ цвѣтовъ.

Отчего воспоминаніе объ этой женщинѣ не давало мнѣ покоя? — не знаю. Вѣроятно оттого, что въ голосѣ ея была

какая-то свѣжесть, какая-то полнота чувства, которыя должны были поразить меня и какъ человѣка, и какъ артиста; оттого, что я находилъ какое-то тайное значеніе въ этомъ утреннемъ и столь трогательномъ чтеніи, въ которомъ незнакомки, казалось, искали утѣшенія въ прошедшемъ горѣ. Это чтеніе было, какъ бы изліяніемъ ихъ самыхъ сокровенныхъ чувствъ, и немудрено, что присутствіе нескромнаго слушателя обратило въ бѣгство тѣхъ, которыя, наединѣ, свободно предавались своимъ воспоминаніямъ. Наконецъ оттого, что человѣку трудно отречься отъ случайныхъ впечатлѣній, встрѣчающихся неожиданно на его пути, и ему всегда кажется, что въ нихъ заключается его счастіе, которое онѣ, исчезая, уносятъ съ собою.

Но что значитъ эта желтая вуаль? мысленно спрашивалъ я себя; и съ этимъ, и со многими другими вопросами, на которые я не могъ отвѣчать, и которые только все болѣе и болѣе подстрекали мое любопытство, отошелъ я отъ кедра и сошелъ въ питомникъ, держа въ рукѣ нѣсколько вѣтокъ ракитника, которыя я нашелъ на скамейкѣ. Въ питомникѣ также не встрѣтилъ я никого, кромѣ двухъ стариковъ, которые поклонились мнѣ и продолжали свою медленную прогулку, между тѣмъ, какъ я поспѣшно шелъ къ воротамъ сада, размахивая рукою и вѣтками, какъ человѣкъ, крѣпко занятый тайною думою. Между тѣмъ, отъ времени до времени, мнѣ казалось, будто что-то дергало мою руку, но такъ тихо, что я сначала даже не обернулся. Дерганіе однако же повторялось, все чаще и смѣлѣе, какъ будто кто хотѣлъ вырвать ракитовыя вѣтки изъ моей руки. Я наконецъ обернулся, и увидѣлъ прекрасную бѣлую козу, которую ребенокъ лѣтъ десяти или двѣнадцати велъ на веревкѣ. Я остановился, коза также остановилась, наклонила голову на лѣвый бокъ, и съ удивленіемъ устремила на меня свои большіе и умные глаза. Мальчикъ, который велъ ее, полнощекій шалунъ, съ плутовскими глазками, смѣялся, и повидимому не сомнѣвался въ томъ, какъ я приму это приключеніе. Онъ только для виду удерживалъ козу, которая съ своей стороны, успокоенная выраженіемъ моего лица, не спускала глазъ съ ракитовой вѣтки и изо всѣхъ силъ протягивала шею къ моей рукѣ. Наконецъ, она вырвалась отъ своего вожатаго,

смѣло приблизилась ко мнѣ, чтобы докончить лакомый завтракъ, къ которому я приглашалъ ее, трепля ее по головкѣ. Мальчикъ подобралъ выпущенную изъ рукъ веревку и въ свою очередь приблизился ко мнѣ.

— Твоя коза, видно, большая охотница до ракитника, сказалъ я.

— Какъ-же, сударь; только завидитъ гдѣ ракитникъ, такъ и не удержишь!

— Кажется, всѣ козы лакомы до ракитника.

— За моею этого прежде не водилось, да избаловали ее!

— Кто же ее избаловалъ?

— Барышня наша; ей доктора приказали пить козье молоко, такъ она беретъ молоко отъ Заиры.

— Отъ какой Заиры?

— Отъ моей козы.

— Такъ твоя коза называется Заирою?

— Да, сударь, Заирою.

— Откуда ей выкопали такое имя?

— Она всегда прозывалась Заирою.

Я невольно улыбнулся этому наивному отвѣту. Между тѣмъ Заира продолжала свой завтракъ, учредивъ себѣ ясли изъ моей лѣвой ладони; но мальчикъ и коза были такъ милы, что я вовсе не желалъ съ ними разстаться.

— Чтожъ, твоя Заира помогаетъ-ли твоей барышнѣ? спросилъ я.

— Она-то рада-бы помочь, какъ умѣетъ; но бѣдная барышня очень больна.

— Чѣмъ она больна?

— Разсказываютъ, что у нея было какое-то большое горе, и что вотъ съ того времени все хвораетъ этимъ, отвѣчалъ мальчикъ, указывая на грудь.

— А молода она?

— Молода, сударь, и какъ хороша! Но вотъ любопытная вещь, которой вы едва повѣрите....

— Что такое?

— Угадайте, что ей еще предписано, кромѣ козьяго молока?

— Не знаю.

— Готовъ биться объ закладъ, что никогда не угадаете.

— Да что-же?

— Ей приказали — носить желтую вуаль.

— Желтую вуаль! вскричалъ я.

— Да, сударь, желтую вуаль.

Я подошелъ ближе къ мальчику.

— А, скажи мнѣ, любезный, что у твоей барышни есть еще мать?

— Какъ-же, сударь, такая — постарше.

— Ну, конечно, постарше. А скажи, бываютъ онѣ когда нибудь здѣсь въ саду?

— Каждый день.

— Въ лабиринтѣ?

— Именно. Развѣ вы ихъ знаете?

— Я ихъ, кажется, встрѣчалъ.

— Мать такая ученая, всегда ходитъ съ книжкою.

— „*Эдипъ.*“

— Какъ-съ?

— Ничего. Онѣ вѣрно живутъ отсюда недалеко?

— Да, недалеко.

— А какъ онѣ называются?

— Старушка называется мадамъ Дегарсенъ, а другая — ея дочь.

Я готовъ былъ разцѣловать ребенка; я далъ ему нѣсколько мелкихъ денегъ, которыя, кажется, показались ему въ тысячу разъ лучше всякихъ поцѣлуевъ.

— А ты не знаешь, продолжалъ я, какаго рода горе имѣла мадмуазель Дегарсенъ.

— Не знаю, сударь, но должно быть большое горе. Но отчего это вы такъ распрашиваете?

— Потому что я самъ докторъ; и еслибъ могъ помочь твоей барышнѣ, то сдѣлалъ бы это съ большимъ удовольствіемъ.

Ребенокъ не отвѣчалъ.

— Она вдова? спросилъ я, или за мужемъ?

— Кто, мадамъ Дегарсенъ?

— Нѣтъ, ея дочь.

— Какая нелѣпость! еслибъ она была вдова или былъ у нея мужъ, то не называлась-бы она барышнею.

— Твоя правда. Какъ-же онѣ проводятъ время?

— Гуляютъ по саду, ходятъ къ обѣднѣ въ сиротскій пріютъ; я также изъ сиротскаго пріюта, онѣ взяли меня оттуда. Онѣ обѣ такія добрыя! О, сударь, если вы можете вылечить молодую барышню, вы этимъ многихъ обрадуете и сдѣлаете очень доброе дѣло!

Между тѣмъ, какъ мы разговаривали, Заира, окончивъ свой завтракъ, опять вырвалась изъ рукъ вожатаго и набѣжала на гулявшаго ребенка, который закричалъ благимъ матомъ.

— Сюда, Заира, сюда! закричалъ вожатый, вѣчно надо тебѣ проказничать.

И онъ побѣжалъ за козою, которая далась ему въ руки не прежде, какъ заставивъ его обѣгать нѣсколько аллей. Между тѣмъ я, узнавъ все, что мнѣ было нужно, пошелъ своею дорогою; но черезъ нѣсколько минутъ я почувствовалъ, что кто-то дернулъ меня за рукавъ. Я обернулся, это былъ мой мальчикъ съ козою.

— Извините, сударь, сказалъ онъ; — позвольте спросить васъ, откуда вы взяли букетъ, что у васъ въ рукѣ?

— Я нашелъ его подъ кедромъ, отвѣчалъ я, невольно покраснѣвъ; а на что тебѣ?

— Вѣдъ это букетъ моей барышни.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Какъ-же сударь; я самъ связалъ его для барышни.

— Ну, такъ отдай ей его.

— О, барышня сегодня уже не придетъ, а къ завтраму я долженъ приготовить ей другой. Оставьте его себѣ, если хотите; мнѣ такъ только хотѣлось узнать, какимъ образомъ онъ попалъ къ вамъ. Мое почтеніе, сударь.

— До свиданія, любезный, сказалъ я, и отправился далѣе, между тѣмъ, какъ мальчикъ пошелъ своей дорогой съ козою, которая продолжала скакать и кобениться. Я зналъ все, что хотѣлъ знать, и, возвратясь домой, не могъ выкинуть изъ головы приключенія, которое, я былъ убѣжденъ, не могло остановиться на этомъ. Но что значила эта странная, желтая вуаль?

—

ГЛАВА VI.

Во весь остальной день я не выходилъ изъ своей комнаты и занимался приведеніемъ въ порядокъ своего гербарія, въ которомъ красовался, конечно, рядомъ съ нѣсколькими цвѣтками изъ букета дѣвицы Дегарсенъ, и кончикъ ракитовой вѣтки, оставшійся отъ завтрака Заиры. Разъ двадцать меня такъ и тянуло въ садъ, въ надеждѣ встрѣтить опять молодую незнакомку; но я вспоминалъ послѣднія слова мальчика, что она будетъ только на слѣдующій день, и волею-неволею долженъ былъ ждать. Какое-то тайное чувство, въ которомъ я самъ не могъ дать себѣ отчета, влекло меня къ таинственной дѣвушкѣ. Подробности, которыя я узналъ о ней, только усиливали это влеченіе.

Я былъ еще въ тѣхъ лѣтахъ, когда мужчина, сознавъ свою силу, жаждетъ явить ее въ покровительствѣ другому существу, а дѣвица Дегарсенъ казалась именно однимъ изъ тѣхъ существъ, слабыхъ, страждущихъ, чувствительныхъ, которыя нуждаются въ опорѣ для души и для тѣла, которыя безъ такой опоры должны истомиться подъ бременемъ собственныхъ своихъ мыслей. Эта смиренная жизнь, о которой говорилъ мнѣ утромъ мальчикъ, эта ежедневная прогулка, это тѣлесное страданіе и наконецъ душевная скорбь, которую я подмѣтилъ въ нѣсколькихъ слезахъ, все это въ моихъ глазахъ дѣлало ее какимъ-то особеннымъ, исключительнымъ существомъ. Не далѣе какъ утромъ я не подозрѣвалъ еще существованія этой женщины, а теперь мнѣ казалось, что вся моя будущая жизнь неразрывно связана съ ея жизнью.

Мое юношеское воображеніе представляло мнѣ, что происшествіе того утра,—происшествіе очень незамѣчательное,—было тѣсно связано съ моею будущностью и я дѣлалъ уже изъ него важнѣйшее событіе своей жизни. Внѣ этой женщины для меня будто ничего не существовало, и еслибъ мнѣ въ это время возвѣстили ея смерть, я право думаю, что я самъ умеръ-бы съ горести. А между тѣмъ, въ чувствахъ моихъ къ ней не было и слѣду желаній, которыя составляютъ жизнь преходящей любви и смѣняютъ поэзію первыхъ впечатлѣній совершеннымъ равнодушіемъ. Мнѣ казалось, что я охотно вручилъ бы этому

слабому существу всю мою жизнь, въ убѣжденіи, что она поведетъ ее къ моему благу и счастію. При первомъ звукѣ ея голоса, я такъ хорошо понялъ ея душу, какъ будто только вновь увидѣлся съ родною душою, съ возлюбленною сестрою, съ которою былъ долго въ разлукѣ и наконецъ опять встрѣтился на своемъ одинокомъ пути.

Въ такихъ размышленіяхъ прошелъ весь день. Однажды я подбѣжалъ даже къ окну, думая увидѣть свою Луизу. Прошло нѣсколько женщинъ, которыя, можетъ-быть, были тѣмъже для другихъ; но ни одна не представила моимъ взорамъ и сердцу видѣнія, которое такъ поразило меня утромъ.

Прошелъ день, прошла ночь; наступило утро; но никогда не казался мнѣ день такъ безконечнымъ, никогда не ждалъ я утра съ такимъ нетерпѣніемъ! На разсвѣтѣ я былъ уже въ саду. Всю ночь я размышлялъ о средствахъ познакомиться съ дѣвицею Дегарсенъ, потому-что я хотѣлъ непремѣнно занять мѣстечко, хотя бы самое ничтожное, въ мысляхъ этой женщины; и изъ всѣхъ средствъ, представлявшихся моему уму, избралъ самое простое: именно, предоставить случаю довершеніе начатаго имъ, и только содѣйствовать ему, ходить слѣдующіе дни въ садъ, гулять преимущественно около лабиринта, и будто невзначай приходить отдыхать подъ кедромъ.

И такъ я отправился въ садъ. Но сколько я ни ходилъ взадъ и впередъ, вверхъ и внизъ, сколько ни искалъ по всѣмъ аллеямъ, во всѣхъ бесѣдкахъ, нигдѣ я не встрѣчалъ, не только госпожи Дегарсенъ и ея дочери, но даже вчерашняго пастушка. Убѣдившись наконецъ, что ихъ нѣтъ въ саду, я отправился въ церковь сиротскаго пріюта.

Въ церкви совершался трогательный обрядъ. Она была вся обтянута бѣлымъ. Посрединѣ стоялъ на высокомъ катафалкѣ гробъ, покрытый бѣлымъ покровомъ, и на немъ пять вѣнковъ изъ фіалокъ, расположенные въ видѣ креста. По угламъ гроба горѣли толстыя свѣчи. Двѣнадцать юношей окружали его; до двухъ сотъ мальчиковъ молились по обѣ стороны алтаря, шесть священниковъ служили паннихиду. Все было безмолвно; облака ѳиміаму носились по храму.

Я послѣдовалъ общему примѣру и сталъ на колѣна. Торжественность совершавшагося передо мною обряда овладѣла

моею душою, и я присоединилъ свою безмолвную, теплую молитву къ молитвамъ благочестивой паствы, объ упокоѣ неизвѣстнаго мнѣ усопшаго, бѣднаго юноши, который былъ покинутъ своими родителями на землѣ, и недавно возвратился къ небесному отцу, — къ отцу всѣхъ, сиротъ и страждущихъ.

Вдругъ, посреди глубокаго молчанія возникъ нѣжный, жалобный голосъ, отъ котораго вся душа моя затрепетала. Этотъ голосъ поражалъ слишкомъ чувствительныя струны въ моемъ сердцѣ, чтобъ я не могъ узнать его; я поднялъ голову, какъ человѣкъ, который, заблудившись въ пустынѣ, слышитъ вдругъ голосъ, зовущій его издали по имени. Я зналъ, что это былъ голосъ дѣвицы Дегарсенъ; потому-что никакой другой голосъ, какъ-бы онъ ни былъ выразителенъ и трогателенъ, не могъ бы вырвать меня изъ благочестиваго созерцанія, въ которое я былъ погруженъ. Это было словно пѣніе души, отрѣшившейся отъ всѣхъ земныхъ узъ; оно не удивляло ума искусствомъ обработки, но за то дышало всею поэзіею гармоніи, проникающею въ самую глубину души. Это пѣніе, широкое и полное христіанскаго смиренія и благочестія, овладѣвало душами присутствующихъ, и вызывало молитву на уста и слезы на глаза. Подъ вліяніемъ его, сердце отрѣшалось отъ всѣхъ земныхъ заботъ и скорбей, свергало съ себя всякую земную мысль, таяло въ чистую, благотворную росу. Можно-бы пѣть и лучше, но невозможно было глубже чувствовать. Что касается до меня, я былъ въ какомъ-то религіозномъ восторгѣ; этотъ голосъ пробуждалъ въ моей душѣ невѣдомыя ей дотолѣ мелодіи.

Въ эту минуту почувствовалъ я, что кто-то дернулъ меня за рукавъ. Я обернулся и увидѣлъ своего вчерашняго пастушка, который стоялъ подлѣ меня на колѣнахъ.

— Ну что, сударь, шепнулъ онъ мнѣ, неправда-ли, какъ хорошо поетъ наша барышня?

— Такъ это она поетъ? спросилъ я.

— Разумѣется, она, отвѣчалъ мальчикъ; кому-же такъ спѣть, кромѣ ея.

— По какому-же случаю она поетъ здѣсь?

— Пріютскій священникъ просилъ ее, она и согласилась....

— А вы видѣли ее? продолжалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Вонъ она, тамъ, на верху, по лѣвую руку, сказалъ онъ, указывая на хоры, съ которыхъ сходилъ къ намъ дивный голосъ. Я тотчасъ узналъ свое вчерашнее видѣніе.

— И все подъ вуалью, замѣтилъ я.

— Да, сударь, она ее никогда не снимаетъ.

— Развѣ она очень нехороша собою?

— Напротивъ, сударь, она такъ хороша, что и не разсказать. Но слушайте, сударь, вотъ барышня опять запѣла.

Дѣйствительно, пѣніе, прерванное на нѣсколько минутъ, пронеслось опять подъ сводами. Мальчикъ опустилъ голову, погруженный въ молитву; я послѣдовалъ его примѣру, растроганный этимъ чуднымъ пѣніемъ. Когда оно кончилось, я хотѣлъ было сдѣлать еще нѣсколько вопросовъ сосѣду, но его уже не было подлѣ меня. Я выждалъ конца обряда, и потомъ направился машинально къ дверямъ, не зная въ точности, что я стану дѣлать по выходѣ изъ этого храма, обаявшаго душу мою молитвою и гармоніею.

Я пропустилъ весь народъ впередъ, и оставался почти послѣдній у двери, когда увидѣлъ двухъ дамъ, шедшихъ ко мнѣ съ пастушкомъ. Я только-что собирался выйдти, какъ мадамъ Дегарсенъ остановила меня.

— Вы извините мою смѣлость, сударь, сказала она; она понятна и заслуживаетъ снисхожденія въ матери....

— Я васъ слушаю, сударыня, пробормоталъ я голосомъ дрожащимъ отъ волненія, между-тѣмъ, какъ Луиза стояла неподвижно и склонивъ голову, и будто противъ воли присутствовала при этомъ разговорѣ.

— Вы, кажется, изволили гулять вчера въ Ботаническомъ саду, и застали насъ врасплохъ, когда мы занимались чтеніемъ.

— Я самъ.

— Вы остановились, увидѣвъ мою дочь, и — если я не ошибаюсь, — она возбудила въ васъ нѣкоторое участіе.

— Такъ точно.

— Если такъ, сударь, то вы можете сегодня доказать ей свое участіе на дѣлѣ.

— Говорите, сударыня, что я могу для васъ сдѣлать, и будьте увѣрены, что найдете во мнѣ самую безграничную преданность.

— Вѣдь вы врачь, сударь?

— Я?

— Да, вы мнѣ вчера сказали, подхватилъ мальчикъ, которому я сказалъ это для того только, чтобы чѣмъ-нибудь оправдать свое любопытство. — Вы мнѣ вчера сказали, и я сказалъ это барынѣ, она и приказала мнѣ привести васъ къ ней, чтобы вы вылечили барышню.

— Да, сударыня, я дѣйствительно занимаюсь врачебнымъ искусствомъ, отвѣчалъ я, видя, что это было единственное средство свести знакомство. Притомъ, я отчасти и не лгалъ. Мои занятія зубоврачебнымъ искусствомъ требовали нѣкотораго знанія другихъ частей медицины, и я зналъ ихъ довольно порядочно.

Бесѣдуя съ матерью, я не спускалъ глазъ съ дочери; я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть ея лицо; но вуаль была непроницаемой плотности.

— Хотя дочь мою уже пользуетъ другой врачъ, господинъ Малуэ, продолжала мадамъ Дегарсенъ, однако-же, узнавъ отъ этого мальчика, какое участіе вы изъявляли къ Луизѣ, я рѣшилась просить вашего совѣта.

— Трудно будетъ мнѣ предложить совѣтъ, не видавъ даже лица больной, сказалъ я съ робостью.

— Откинь вуаль, Луиза, сказала мадамъ Дегарсенъ.

Луиза взяла углы вуали двумя прелестнѣйшими ручками, какія я когда-либо видалъ, и начала медленно приподнимать ее. Сердце мое билось, какъ бы хотѣло выскочить изъ груди. Но въ то время, какъ дѣвушка готова была открыть лицо, вышли изъ ризницы нѣсколько знакомыхъ мадамъ Дегарсенъ. Луиза поспѣшно опустила вуаль.

— Мнѣ кажется, неловко совѣтоваться здѣсь, при чужихъ, сказала она; не лучше-ли будетъ господину доктору потрудиться пожаловать къ намъ на домъ.

Нѣжный, очаровательный голосъ опять заговорилъ и слова его обращались ко мнѣ. Я дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ, что явлюсь къ нимъ на слѣдующій же день. Мать почтительно поклонилась мнѣ, Луиза кивнула привѣтливо головою, а пастушокъ простился со мною, какъ съ старымъ пріятелемъ. Всѣ трое давно уже ушли, а я стоялъ еще на одномъ мѣстѣ, осматриваясь вокругъ и не видя окружающихъ меня предметовъ.

Сначала я не могъ нарадоваться быстротѣ, съ какою судьба вела меня къ цѣли моихъ желаній, и возвратился домой въ самыхъ сладостныхъ мечтахъ. Но, какъ говорится, утро вечера мудренѣе. На слѣдующій день, когда пришло время отправляться къ мадамъ Дегарсенъ, мнѣ стало совѣстно втереться въ ея домъ съ помощью лжи. Подумавъ нѣсколько, я разсудилъ, что лучше будетъ откровенно сознаться въ истинѣ; я взялъ бумагу и перо и написалъ слѣдующую записку:

"Милостивая государыня!

"Честному и благородному человѣку совѣстно было бы поддерживать ошибку, возникшую, противъ его воли, изъ страннаго стеченія обстоятельствъ, а тѣмъ болѣе воспользоваться ею. Хотя я недавно еще занимался одною отраслью хирургіи, однако же я вовсе не врачъ, и въ настоящее время все отклоняетъ меня отъ этого званія, не смотря на то, что я глубоко уважаю его и послѣ вчерашняго свиданія, счелъ бы счастіемъ принадлежать къ нему. Послѣ этого откровеннаго признанія, мнѣ остается желать одного счастія: чтобы вы не отвергли уваженія и преданности, которыя мнѣ лестно и пріятно было бы изъявить вамъ лично."

Къ этой запискѣ я присоединилъ гербарій, въ которомъ находились цвѣты Луизы, и отправилъ все къ мадамъ Дегарсенъ, наказавъ своему слугѣ сходить проворнѣе и возвратиться немедленно съ отвѣтомъ. Можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ его. Черезъ полчаса слуга воротился.

— Ну, что, засталъ дома? спросилъ я.

— Засталъ, сударь.

— Мадамъ Дегарсенъ читала письмо?

— Прочитали.

— Чтожъ она отвѣчала?

— Приказали сказать вамъ, что онѣ ждутъ васъ сегодня, и что онѣ поставятъ себѣ въ честь и въ удовольствіе видѣть васъ.

Минутъ десять спустя, я былъ уже въ дорогѣ.

—

ГЛАВА VII.

Госпожа Дегарсенъ и ея дочь занимали прелестный домикъ, на тѣнистомъ холмикѣ; солнечные лучи, пробираясь сквозь листье, играли на бѣлыхъ стѣнахъ и зеленыхъ ставняхъ. Дорога къ этому домику, стоявшему поодаль отъ всякаго жилья, шла между двухъ рядовъ тутовыхъ кустовъ, которые въ это время были въ полномъ цвѣтѣ; ароматъ ихъ наполнялъ воздухъ, и при каждомъ моемъ шагѣ вылетали изъ нихъ стаи вспуганныхъ птицъ, пріютившихся было въ ихъ гущѣ.

Было около двухъ часовъ по полудни; лучи солнца падали почти отвѣсно на тропинку и палили землю. Вокругъ не видно было ни души; однако же это уединеніе не производило на меня того тягостнаго впечатлѣнія, которое обыкновенно производитъ уединеніе. Оно было одушевлено волшебнымъ голосомъ, вылетавшимъ изъ бѣлаго домика, — голосомъ, котораго я не слышалъ, но который я угадывалъ, который я слышалъ мыслью за этими бѣлыми стѣнами, какъ угадываешь птичку за рѣшеткою клѣтки, обвѣшанной цвѣтами.

Чѣмъ ближе подходилъ я къ дому, тѣмъ сильнѣе становилось мое волненіе. Изъ этого-то домика каждое утро выходила кроткая дѣвушка, овладѣвшая моимъ воображеніемъ. Здѣсь, вѣроятно, узнала она первую горесть, которой слѣды были еще запечатлѣны на ея лицѣ. Здѣсь она, можетъ быть, любила меня; — однимъ словомъ, здѣсь жила *она*! Что происходило за этими зелеными ставнями въ то время, какъ я съ трепетомъ подходилъ къ дому? Луиза ждала ли меня, какъ обыкновеннаго гостя, или она угадала въ моемъ письмѣ чувства, волновавшія сердце того, чья рука начертала эти строки? Ожидала ли она моего присутствія, какъ радости, или какъ досадной необходимости? Старалась ли она угадывать, о чемъ я буду говорить? Ея приглашеніе было ли внушено сердцемъ, или это была простая вѣжливость?

Почти каждому случалось испытывать тѣ сладостныя чувства, которыя въ холодныя лѣта старости улыбаются человѣку изъ дали прошедшаго и озаряютъ это прошедшее до самой смерти: эти воспоминанія, которыя, какъ вѣрные дру-

зья, боясь докучать своимъ присутствіемъ, навѣщаютъ его только въ тѣ часы, когда знаютъ, что ихъ встрѣтитъ радостное привѣтствіе. Они повсюду носятъ съ собою образъ человѣка, ими очарованнаго, и безпрестанно показываютъ ему этотъ образъ, когда, утомленный путемъ и утративъ свои земныя надежды, онъ съ прискорбіемъ оглядывается на пройденное пространство. Онъ едва узнаетъ себя въ этомъ образѣ; волосы его посѣдѣли, лицо его изрылось морщинами, самое серце его отвердѣло отъ прикосновенія свѣта и страстей. Но мало-по-малу теплота воспоминаній проникаетъ его; сердце его свѣтлѣетъ, душа согрѣвается; улыбка, этотъ лучъ внутренняго огня, снова появляется на устахъ старика, и слезы — благотворныя слезы увлажаютъ его глаза.

О живое воспоминаніе! благословенъ тотъ, кто вложилъ тебя въ сердце человѣка, и оградилъ тебя отъ суетнаго вліянія свѣта, какъ перлъ на днѣ морскомъ, надъ которымъ проходятъ бури и волны, не помрачая его чистоты! Теперь, на старости, когда я вспоминаю это время, этотъ день, я благодарю Бога, пославшаго мнѣ одинъ такой день въ жизни! То, что тогда было для меня будущимъ, теперь перешло въ прошедшее; то, что составляло тогда мечту моей жизни, исчезло безвозвратно; ни одна изъ надеждъ, возникавшихъ въ моемъ сердцѣ при взглядѣ на домъ Луизы, не сбылась, а между тѣмъ я пережилъ на своемъ вѣку много другихъ счастливыхъ дней. Кто знаетъ, сколько горькихъ разочарованій, какія скорби извѣдалъ бы человѣкъ въ жизни, еслибъ Провидѣніе всегда даровало ему то счастіе, котораго онъ проситъ, и не опредѣляло само, которыя изъ его желаній должны исполниться и которыя нѣтъ!

Я постучался въ дверь бѣлаго домика. Служанка отворила и я вошелъ. Спросивъ мое имя, она повела меня наверхъ, отворила дверь, доложила обо мнѣ, и я очутился передъ Луизою и ея матерью.

По моему мнѣнію, для того, чтобы составить себѣ точное понятіе о происшествіи, необходимо описаніе мѣста въ которомъ оно происходитъ. Эту теорію я почерпалъ на театрѣ. По этому позвольте мнѣ представить вамъ въ нѣсколькихъ словахъ комнату, которую я видѣлъ тогда въ первый разъ, и которую я до сихъ поръ помню такъ живо, какъ будто

она передо мною. Комната небольшая, о двухъ окнахъ, въ которыя притворенныя ставни пропускаютъ только самый необходимый полусвѣтъ. Стѣны оклеены бумажкою съ небольшими и довольно рѣдкими голубыми букетами на сѣромъ полѣ. Между оконъ старинные, раскрытые клавикорды, казалось, только ждали, чтобы привычныя руки пробудили дремлющій въ нихъ голосъ. Посреди комнаты, на кругломъ столѣ, изящная ваза изъ Севрскаго фарфору съ висящими изъ нея розами и пышными кистями ландышей и сирени, которыхъ ароматъ наполнялъ всю комнату. Въ паралельномъ окнамъ альковѣ, изъ за узорчатыхъ занавѣсокъ, на которыхъ играли лучи солнца, виднѣлась постель. По обѣ стороны постели были двери, окрашенныя въ сѣрую краску съ круглымъ окномъ надъ ними. Прибавьте къ этому большой шкафъ орѣховаго дерева, лоснящійся, какъ мраморъ, а противъ него каминъ, и на немъ большіе часы; по обѣ стороны шкафа—по двери, а по обѣ стороны зеркала въ сѣрой крашеной рамкѣ, — по картинѣ, писанной сухими красками. Надъ клавикордами небольшая полочка съ наклоненными одна на другую книгами. Въ глубинѣ алькова — портретъ Луизы.

Луиза сидѣла у одного окна, съ книгою, а мать ея, у другаго, занималась рукодѣльемъ. Услышавъ мое имя, мадамъ Дегарсенъ положила работу, и пошла ко мнѣ на встрѣчу; Луиза закрыла книгу и встала. Желтая вуаль была снята, и я видѣлъ лицо, которое я уже прежде угадывалъ по голосу. Дѣвица Дегарсенъ была чрезвычайно блѣдна; черные глаза, полные огня и осѣненные длинными и густыми рѣсницами, составляли рѣзкую противуположность грустной безцвѣтности щекъ. Ротъ выражалъ покорное, безропотное страданіе. Онъ былъ полураскрытъ, и какъ-будто улыбался землѣ, между-тѣмъ, какъ взоры ея были устремлены въ невидимый другимъ міръ. Блуждая по землѣ со взоромъ, устремленнымъ къ неизвѣстной цѣли, она, казалось, не хотѣла, чтобы встрѣчавшіеся ей на пути имѣли право упрекать ее, и для того улыбалась имъ. Въ этой улыбкѣ проявлялось иногда участіе, сочувствіе; но она никогда не доходила до душевнаго изліянія. Казалось, душа дѣвушки была исполнена чувствъ, совершенно отрѣшенныхъ отъ всякихъ земныхъ по-

мышленій; казалось, она упадетъ съ высоты своихъ очарованій, когда мужчина заговоритъ ей о любви.

Мадамъ Дегарсенъ подала мнѣ руку и указала на стулъ подлѣ себя. Луиза сѣла на прежнее мѣсто.

— Благодарю васъ за откровенность, мосье Тальма, сказала мнѣ мать; и повѣрьте, что хотя вы и не врачъ, мы не съ меньшимъ удовольствіемъ будемъ видѣть васъ у себя.

Я невольно склонилъ голову и покраснѣлъ при мысли о своей лжи, и украдкою взглянулъ на Луизу, которая отвѣчала мнѣ чистосердечною и привѣтливою улыбкою.

— Впрочемъ, продолжала мадамъ Дегарсенъ, если вы и не врачъ, вы однако-же занимаетесь предметомъ, отчасти близкимъ къ медицинѣ; мы съ Луизою съ удовольствіемъ разсматривали ваше любопытное собраніе растеній.

— Я собиралась даже, подхватила дѣвушка, просить васъ объяснить мнѣ, что значитъ ракитникъ.

Это былъ такой прямой намекъ на начало нашего знакомства, что я взглянулъ на дѣвицу Дегарсенъ, стараясь проникнуть тайный смыслъ ея словъ. Но я встрѣтилъ только насмѣшливую улыбку, которая однако-же быстро смѣнилась совершенно другою улыбкою, какъ-будто она просила простить ей эту вспышку ироніи.

Бесѣда продолжалась съ полчаса, и я былъ уже почти домашнимъ человѣкомъ у своихъ новыхъ знакомыхъ. Потомъ я всталъ, чтобы разсмотрѣть поближе двѣ картины, висѣвшія по обѣ стороны зеркала.

— Какъ вы находите эти картины? спросила мадамъ Дегарсенъ.

— Восхитительная работа, отвѣчалъ я; чьи это произведенія?

— Мои.

— Ваши?

— Да, мои. Вы здѣсь въ семьѣ артистовъ, — самыхъ отчаянныхъ артистовъ; не правда-ли, Луиза?

— Нѣтъ, не такихъ еще артистовъ, какъ-бы я желала, отвѣчала дочь, вздохнувъ.

— Она все мечтаетъ объ одномъ планѣ, сказала мадамъ Дегарсенъ.

— Нѣтъ, не мечтаю, матушка; это уже планъ твердо,

безотмѣнно рѣшеный, возразила Луиза, и глаза ея засверкали.

— Могу-ли надѣяться, спросилъ я, что я уже достаточно пользуюсь вашею дружбою, чтобы мнѣ позволено было узнать этотъ планъ?

— О, я считаю васъ вполнѣ нашимъ другомъ, отвѣчала Луиза, и со временемъ открою вамъ планъ, на который я рѣшилась.

— Вы обѣщаете?

— Даю слово.

И Луиза протянула мнѣ свою бѣлую ручку, которую я съ трепетомъ прижалъ къ губамъ. Затѣмъ она сѣла къ клавикордамъ.

— Вы любите музыку, мосье Тальма? спросила она.

— Я былъ въ церкви сиротскаго пріюта въ тотъ день, когда вы пѣли.

— Ну, такъ если матушка показала вамъ свои произведенія, то и я могу похвастать передъ вами своими.

И съ этими словами пальцы ея стали быстро и смѣло пробѣгать по клавишамъ. Рѣдко удавалось мнѣ слышать что-либо столь полное высокой поэзіи, какъ то, что спѣла мнѣ дѣвица Дегарсенъ. Это была дивная мелодія, вылившаяся изъ ея души въ часъ грусти и тоски, — мелодія, которой она никогда не повѣряла бумагѣ, и которою она подѣлилась со мною, какъ-будто разсудила съ перваго разу, что я способенъ понять ее. Когда она кончила, я благодарилъ ее не руками и не словами, а сердцемъ и глазами; я чувствовалъ, что на глазахъ моихъ навертывались слезы.

Въ это время служанка позвала мадамъ Дегарсенъ, и я остался наединѣ съ Луизою. Разговоръ нашъ уже прежде получилъ такое направленіе, что не могъ ограничиться обыкновенными вѣжливостями и пошлостями. Я почтительно приблизился къ Луизѣ и осмѣлился взять ея руку и просить ее повѣрить мнѣ свои прошедшія горести и свои планы на будущее время. Она оставила свою руку въ моей рукѣ, безъ страха и недовѣрія, словомъ, безъ тѣхъ невольныхъ движеній, которыя мгновенно вырываются у женщинъ, когда человѣкъ, къ которому онѣ не совсѣмъ равнодушны, дѣлаетъ первую попытку, чтобы сблизиться съ ними.

— Я обѣщала открыть вамъ эту тайну, сказала она, и сдержу слово, повторяю вамъ; только не теперь, а въ другое время.... когда мы будемъ совершенно друзьями, прибавила она, улыбаясь.

— Вы тогда говорили только о своихъ планахъ въ будущемъ, возразилъ я, а я прошу васъ повѣрить мнѣ ваши прошедшія горести. Вы еще молоды, но у того, кто не страдалъ, не можетъ быть такаго грустнаго выраженія въ лицѣ, такой тоскливой поэзіи въ душѣ. Имѣйте довѣріе ко мнѣ, разскажите мнѣ откровенно свою жизнь. У васъ могутъ быть друзья, которые преданы вамъ съ болѣе давняго времени, чѣмъ я, но они не могутъ быть преданы вамъ болѣе меня.

— Нѣтъ, отвѣчала Луиза, положивъ лѣвую руку на спинку стула, между-тѣмъ, какъ правая оставалась въ моей рукѣ; все мое страданіе въ жизни, — это слабость груди, которая грозила мнѣ чахоткой, и отъ которой врачъ приказалъ мнѣ носить эту скверную шафранную вуаль, болѣе похожую на каменную стѣну, чѣмъ на вуаль.

Говоря это, Луиза улыбнулась, какъ улыбается женщина, въ душѣ которой пробудились тяжелыя, горестныя мысли, и которая хочетъ скрыть ихъ отъ вопрошающаго.

— Я вижу, что вы мнѣ еще не довѣряете; напрасно! сказалъ я.

— Нисколько, возразила она. Напротивъ, я чувствую къ вамъ какую-то симпатію. Когда матушка, по разсказамъ вашего пріятеля пастушка, вздумала посовѣтоваться съ вами, я этому очень обрадовалась. А когда вы написали, что вы не врачъ, я первая посовѣтовала ей принять васъ. Я тотчасъ поняла, что вы будете мнѣ другомъ, точно такъ же, какъ я въ эту минуту понимаю, что еще не время открывать вамъ то, о чемъ вы спрашиваете.

— Почему?

— Почему? повторила Луиза, устремивъ на меня свои большіе глаза, позволите ли вы мнѣ говорить съ вами откровенно, мосьё Тальма?

— Говорите.

— Извольте: потому что — вы, можетъ быть, смотрите на меня въ настоящее время не такъ, какъ слѣдуетъ на меня смотрѣть; потому что, — не входя въ лишнія объясне-

нія, — я убѣждена, что открытіе прошедшаго огорчитъ васъ, показавъ вамъ несбыточность того, о чемъ вы мечтаете; потому что вы знаете меня только со вчерашняго дня; — потому, наконецъ, что дружба ваша ко мнѣ еще не та дружба, которую вы должны питать ко мнѣ. Теперь понимаете?

И Луиза смотрѣла на меня такими глазами, что невозможно было сомнѣваться въ значеніи ея словъ.

— Глупо и жестоко было бы съ моей стороны, продолжала она, раскрыть передъ вами мое прошедшее въ эту минуту и при настоящемъ состояніи вашей души.

Я невольно опустилъ ея руку.

— Вы видите, что я права, замѣтила она, улыбнувшись и вставая со стула. — Теперь не угодно ли вамъ будетъ пройтись по саду? дайте руку и пойдемте. Сегодня тепло, кажется?

Я отвѣчалъ утвердительнымъ наклоненіемъ головы.

— Стало быть, я могу идти безъ своей желтой вуали. Пойдемте.

Я машинально взялъ ея руку, и мы сошли въ садъ, гдѣ насъ встрѣтила мадамъ Дегарсенъ. Она показала мнѣ всѣ красоты своего сада, начиная съ прохладнаго грота, высѣченнаго въ камнѣ и посреди котораго билъ ключъ, до огорода. Мы гуляли съ полчаса. Луиза равнодушно и спокойно опиралась на мою руку. Потомъ я простился съ хозяйками, которыя убѣдительно приглашали меня навѣщать ихъ почаще.

Грустно плелся я опять по той же дорогѣ, по которой часа за два передъ тѣмъ проходилъ, полный сладостныхъ, неясныхъ надеждъ. Эти надежды теперь разлетались передо мною, какъ давича взлетали птички изъ кустовъ, вспуганныя моими поспѣшными шагами!

—

ГЛАВА VIII.

Съ этого дня, я безпрестанно ходилъ въ бѣлый домикъ съ зелеными ставнями. Очевидно было, что Луиза чувствовала ко мнѣ какое-то влеченіе, котораго она даже не старалась скрывать, и это-то непринужденіе было мнѣ досадно. Жен-

щина невольно ограждаетъ себя хитростями и холодностію отъ человѣка, котораго она любитъ больше, чѣмъ братскою любовью, а въ Луизѣ я не могъ подмѣтить ни одной уловки, ни одной изъ кокетливыхъ увертокъ, которыя могли бы дать мнѣ надежду. Притомъ приведенный мною въ предыдущей главѣ разговоръ съ нею не дозволялъ никакого сомнѣнія на счетъ того, чего я могъ ожидать.

Не смотря на все это, я не переставалъ посѣщать Луизу. Зачѣмъ? Просто оттого, что мнѣ казалось въ это время, что ничто не могло быть горестнѣе, тяжелѣе, какъ невидаться; да и потому отчасти, что она, въ своихъ отношеніяхъ ко мнѣ, употребляла всѣ мѣры, чтобы облегчить для меня свое неизмѣнное рѣшеніе, не любить никогда. Мнѣ оставалось только покориться этому рѣшенію. Бесѣды наши очень часто заходили до поздняго вечера. Луиза занималась музыкой, мадамъ Дегарсенъ рисовала, а я, такъ сказать, служилъ дополненіемъ единству и спокойствію дома. Если проходилъ цѣлый день и какой-нибудь случай не позволялъ мнѣ навѣстить своихъ милыхъ знакомокъ, на слѣдующій день, — болѣе одного дня не быть у нихъ мнѣ никогда не случалось, — я долженъ былъ выдержать отъ мадамъ Дегарсенъ кроткій, материнскій выговоръ.

Между тѣмъ я продолжалъ свой курсъ въ Училищѣ Декламаціи, что потомъ переименовано въ Консерваторію. Профессорами моими были Моле́, Флёри́ и въ особенности Дюгазонъ, который, кромѣ общихъ лекцій, давалъ мнѣ еще частные уроки, единственно по дружбѣ своей ко мнѣ. Я не скрывалъ отъ Луизы и ея матери своего намѣренія поступить на театръ, и въ ихъ присутствіи повторялъ на опытѣ пройденное на лекціяхъ. Сама Луиза принимала живое участіе въ этихъ занятіяхъ, и часто, когда я оканчивалъ какую нибудь оду или монологъ какого-либо великаго французскаго поэта, я замѣчалъ, что она погружалась въ глубокую задумчивость. Иногда она брала книгу и сама читала. Тогда была моя очередь задумываться; потому что голосъ ея былъ удивительно чистъ, звонокъ и гибокъ; интонація всегда поразительно вѣрна. Она не имѣла другаго учителя, кромѣ силы таланта, которымъ надѣлила ее природа; на все, что она читала, она изливала всю поэзію, которою была переполнена ея душа. Слѣдствіемъ этихъ занятій было то, что школьныя упражне-

нія стали мнѣ нестерпимы; тутъ не было при мнѣ Луизы, а я уже только въ ея присутствіи могъ почерпать теплоту чувства и истину выраженія. Эти пріятельскія чтенія обратились наконецъ въ настоящіе уроки, и открыли мнѣ въ моей ученицѣ дивный талантъ, который, я думалъ, долженъ погибнуть въ неизвѣстности; потому что мнѣ и въ голову не приходило, чтобы дѣвица Дегарсенъ могла когда-нибудь поступить на театръ.

Однажды я пригласилъ своихъ новыхъ знакомокъ на публичное упражненіе въ Консерваторіи. Давали «*Баязета*»; но передъ самымъ представленіемъ, молодая дѣвушка, долженствовавшая играть роль Аталиды, принуждена была отказаться по внезапной болѣзни. Никто не могъ придумать средства выпутаться изъ бѣды, какъ вдругъ мнѣ пришло на мысль упросить Луизу замѣнить больную. Мы много разъ вмѣстѣ читали пьесу, и она знала роль Аталиды на память. Я сообщилъ свою мысль Молѐ, который пошелъ со мною умолять ее вывести насъ изъ затрудненія.

Луиза согласилась безъ труда, а мать охотно отпустила ее съ нами. Только Луиза испросила позволенія не снимать своей желтой вуали. На это тѣмъ легче можно было согласиться, что она представляла турчанку, которой обычаи и законы страны предписываютъ самую строгую скромность.

Признаться, сердце у меня сильно билось, когда Луиза вышла на сцену. Это былъ не простой успѣхъ, а торжество, — самое полное, самое блестящее, почти невѣроятное торжество. Никогда подъ сводами училища не раздавался голосъ болѣе чистый и выразительный, никогда эта роль не была передана съ такою глубокою истиною. Что касается до меня, я никогда не игралъ такъ хорошо роли «Баязета.»

Дошло наконецъ до пятаго дѣйствія, дошло до сцены между Роксаною и Аталидою.

Едва Луиза произнесла послѣднія слова своей роли, какъ желтая вуаль упала съ ея лица, а публика съ неистовымъ восторгомъ захлопала руками, восхищенная столько же красотою, какъ и дивнымъ талантомъ молодой артистки. Луиза поблѣднѣла предъ этими любопытными взорами; ноги ея подкосились, она вскрикнула и упала безъ чувствъ ко мнѣ на руки. Мать ея бросилась на сцену. Наши попеченія скоро привели ее въ чув-

ство, и мы усадили ее въ приведенную карету. Но, не смотря на мои просьбы, она не позволила мнѣ ѣхать съ нею. Она горячо пожала мнѣ руку, чего она до тѣхъ поръ никогда не дѣлала, и сказала: — „Скоро придетъ время, когда вы узнаете, что значитъ вуаль, и почему я отнынѣ покидаю ее навсегда. Прощайте, другъ мой; не безпокойтесь о Луизѣ; вы ее, можетъ быть, уже не увидите, но когда нибудь, можетъ статься, увидите еще Аталиду.“

Карета тронулась, а я стоялъ, какъ пораженный громомъ, не смѣя понять смысла послѣднихъ словъ Луизы.

На слѣдующій день я отправился къ бѣлому домику; но г–жи Дегарсенъ и ея дочери въ немъ уже не было; онѣ уѣхали, и послѣдняя оставила только письмо, которое раскрылъ я не безъ сильнаго волненія, и прочелъ слѣдующее:

„Вы, вѣроятно, ничего не понимаете изъ того, что дѣлается со вчерашняго дня, и теряетесь въ догадкахъ обо всемъ, что видѣли съ тѣхъ поръ, какъ познакомились со мною. Я обѣщала раскрыть вамъ свою душу, и намѣрена сдержать слово; нынче оно тѣмъ удобнѣе, что когда вы будете читать это письмо, я буду уже далеко. Изъ этихъ страничекъ, вы узнаете все мое прошедшее; что касается моего будущаго, я думаю, что мнѣ не будетъ надобности сообщать его вамъ; потому что я предчувствую, что мы когда–нибудь еще увидимся, и что вамъ суждено играть важную роль въ моей жизни. Эта мысль родилась во мнѣ съ нынѣшняго вечера, а завтра утромъ я уѣду.

„Отецъ мой былъ тридцать лѣтъ въ военной службѣ, и по прошествіи этого времени получилъ орденъ святаго Людовика. Но онъ былъ не изъ дворянъ, и не зналъ, что младшіе кавалеры этого ордена, изъ дворянъ, имѣютъ преимущество передъ другими. Въ одной церемоніи, отецъ мой какъ то сталъ впереди одного молодаго дворянина, кавалера ордена святаго Людовика. Дворянинъ грубо оттолкнулъ его, назвавъ его выскочкою. Отецъ мой обнажилъ шпагу; ихъ однако же розняли, и церемонія кончилась безъ шума. Черезъ два дня отецъ мой и молодой дворянинъ вышли на дуэль, и послѣ непродолжительнаго боя, дворянинъ палъ, смертельно раненый. Послѣднее его слово было новое

оскорбленіе, какъ будто онъ не хотѣлъ оставить отцу моему угрызенія совѣсти въ его смерти.

„Эта дуэль была началомъ всѣхъ нашихъ бѣдствій.

„Отецъ мой, преслѣдуемый сильными родственниками убитаго, принужденъ былъ выдти въ отставку, отказаться отъ своего ордена и покинуть отечество. Матушка осталась во Франціи, чтобъ привести въ порядокъ его дѣла, и только два года спустя поѣхала со мною, — я была еще ребенкомъ, — въ Гарлемъ, гдѣ мой отецъ промѣнялъ оружіе на соху и воздѣлывалъ небольшое поле, а для развлеченія развелъ себѣ садикъ. Мы провели эти годы изгнанія въ мирныхъ радостяхъ семейной жизни. Родители воспитали меня, и вы сами видѣли результаты этого воспитанія.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ отецъ мой былъ вызванъ назадъ въ отечество. Произошла трогательная церемонія: пріемъ отца полковникомъ въ тотъ же полкъ, которымъ онъ командовалъ прежде. Подполковникомъ въ томъ полку былъ родной братъ убитаго. Они обнялись, и это примиреніе было какъ бы сигналомъ общей радости полка; на плацу, гдѣ происходила эта сцена, всѣ жмутъ другъ другу руки, обнимаются, поютъ, кричатъ ура, и наконецъ каждый въ свою очередь подходитъ къ моему отцу, привѣтствовать возвращеніе стараго командира.

„Увы! радость можетъ также убивать, какъ и горе! Бѣдный отецъ мой былъ такъ тронутъ пріемомъ, что упалъ безъ чувствъ въ объятія окружающихъ; и мы только что поспѣли во время, чтобы принять его послѣднія слова и послѣдній вздохъ, то есть, послѣднее благословеніе дочери и послѣднюю молитву за родной край.

„Не стану описывать горесть, въ которую повергло насъ это происшествіе. Однако же насъ не оставили. Доброе имя моего отца было возстановлено, и Мальзербъ, бывшій всегда его другомъ, сталъ нашимъ покровителемъ. Онъ представилъ насъ королю, который принялъ сильное участіе въ нашей горести. А какъ мы изъявили желаніе жить въ уединеніи, то Мальзербъ упросилъ Бюффона, главнаго смотрителя королевскаго Ботаническаго сада, отвести намъ въ саду тотъ хорошенькій домикъ, въ которомъ вы столько разъ радовали насъ своими посѣщеніями.

„Тутъ началась для меня уединенная, почти отшельническая жизнь. Искусства стали нашею единственною отрадою; воспитаніе мое продолжалось, усиленное ужаснымъ урокомъ, которое судьба дала мнѣ въ смерти отца. Два года прошло въ этой однообразной жизни, въ этихъ мирныхъ занятіяхъ; память отца была хранителемъ нашего спокойствія.

„Однажды утромъ матушка пришла домой въ сильномъ волненіи. На распросы мои, она объяснила мнѣ, что она ходила къ обѣднѣ въ церковь сиротскаго пріюта и видѣла между воспитанниками одного, до того похожаго на покойнаго моего отца, что невольно остановилась передъ нимъ; ей показалось, что передъ нею стоялъ ея мужъ въ семнадцать лѣтъ.

„Я хочу взять его къ себѣ, продолжала матушка, если его душевныя качества соотвѣтствуютъ красотѣ его лица.

„На слѣдующій день мы отправились обѣ къ обѣднѣ, и она показала мнѣ юношу. Разсказъ ея вполнѣ оправдывался; я была также сильно поражена и взволнована этимъ разительнымъ сходствомъ. Матушка распросила смотрителя, который отвѣчалъ ей, что этотъ юноша — самое благородное существо, какое онъ когда-либо встрѣчалъ, что онъ никогда не зналъ его отца, но что мать его, умирая, поручила сына его попеченіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дала ему запечатанное завѣщаніе, которое сынъ ея Жанъ-Мари, долженъ раскрыть только въ день свадьбы, если когда-нибудь женится; въ противномъ же случаѣ, оставить не распечатаннымъ.

„Два дня спустя, смотритель прислалъ сказать намъ, что въ церкви пріюта на страстной недѣлѣ будетъ по вечерамъ всенощное бдѣніе, въ которомъ Жанъ-Мари будетъ пѣть. Мы отправились.

„Я затрепетала при звукѣ этого голоса; слеза брызнула изъ моихъ глазъ; еслибъ я до того времени не молилась, этотъ голосъ научилъ бы меня молитвѣ.

„Съ этого дня присутствіе его стало для меня потребностью. Матушка, ждавшая только моего согласія, взяла его въ домъ и мы занялись его образованіемъ.

„Вы сами поймете, какія чувства должно было пробудить во мнѣ это короткое знакомство; и мнѣ нѣтъ надобности подробно описывать первыя откровенія юнаго сердца.

Нельзя винить въ неосторожности довѣріе матушки, которая угадала мою любовь къ Жану-Мари, и не видѣла никакихъ препятствій къ нашему союзу. Мое сердце, ободренное этою надеждою, безъ страху устремилось по открывшемуся ему пути. Однако бывали минуты, когда я задумывалась, когда у меня тяжело было на душѣ; потому что въ любви Жанъ-Мари я не видѣла ничего, подходившаго къ моей любви. Его чувство было все, что можетъ внушить самому благородному сердцу искренняя, живая благодарность, — но не больше. Однимъ словомъ, я полюбила юношу и сомнѣвалась въ его взаимности.

„Между тѣмъ насталъ день, когда надлежало объясниться. Образованіе Жанъ-Мари подвигалось съ необыкновенною быстротою. Я же узнала послѣднее, что оставалось до того тайною моей душѣ: любовь съ ея заботами и страданіями.

„Смотритель взялся узнать отъ Жанъ-Мари, что онъ думалъ о бракѣ со мною. Онъ потребовалъ однихъ сутокъ на размышленіе, обѣщая дать отвѣтъ на слѣдующій день. Мой отвѣтъ, когда матушка обратилась ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ, вы можете угадать сами.

„На слѣдующій день Жанъ-Мари отвѣчалъ, что считаетъ такой союзъ счастіемъ для себя. Однако же я не находила въ лицѣ своего жениха и сотой доли того блаженства, которое сама чувствовала, и которое такъ добродушно изъявляла.

„Въ ожиданіи рѣшительнаго дня насъ обручили въ домовой церкви пріюта. Въ тотъ же вечеръ, во время небольшаго праздника, устроеннаго по этому радостному случаю, пришли извѣстить Жанъ-Мари, что сестра Николія больна и желаетъ его видѣть.

„— Кто такая эта сестра Николія? спросила я.

„— Это одна изъ надзирательницъ при пріютѣ, отвѣчалъ онъ, поблѣднѣвъ, — благодѣтельница, ухаживавшая за мною во время болѣзни и теперь желающая видѣть меня передъ смертью.

„Вскорѣ по уходѣ Жанъ-Мари, и меня съ матерью пригласили къ больной, по ея желанію. Когда мы вошли въ ея комнату, Николія, увидѣвъ меня, не могла удержаться отъ

слезъ, и схватила мою руку. Жанъ-Мари стоялъ на колѣнахъ у ея постели и молился.

„— Сударыня, сказала она, ввѣряю вамъ счастіе этого молодаго человѣка. Годъ тому назадъ, я пеклась о немъ, какъ родная мать; я и могла-бы быть ему родною матерью, ибо я вдвое старше его. До-тѣхъ-поръ я не понимала чувства, которое онъ внушалъ мнѣ; только увидѣвъ его на краю могилы, поняла я, что любила его, больше чѣмъ брата, больше, чѣмъ сына; я поняла, что когда онъ умретъ, и я должна умереть. Старанія врачей и мои попеченія спасли его. Жанъ-Мари сталъ поправляться, а я безсознательно предалась чувству, которое овладѣло моею душою, и которое теперь убиваетъ меня. Нѣсколько дней назадъ онъ пришелъ посовѣтоваться со мною на счетъ отвѣта, который онъ долженъ былъ дать на предложеніе смотрителя. Вы любите его, и поймете мое страданіе. Я умираю; но передъ смертью я хотѣла видѣть васъ и повѣрить вашему сердцу тайну моего. Простите меня, что я опечалила этотъ свѣтлый для васъ день зрѣлищемъ моей смерти, и примите благословеніе той, которая прощаетъ вамъ неумышленную горесть, которую вы причинили ей.“

„Я стала на колѣна; больная взяла мою голову обѣими руками, поцѣловала меня въ лобъ, и я чувствовала, какъ двѣ крупныя слезы скатились съ ея щекъ. — „Прощайте, Жанъ-Мари,“ сказала она, протягивая руку молодому человѣку, который, рыдая, упалъ на постель умирающей.

„Мы всѣ плакали, когда смотритель, котораго Николія удалила, чтобы говорить со мною, возвратился съ нотаріусомъ. Наступило время для вскрытія завѣщанія, а Николія изъявила желаніе узнать, передъ смертью, судьбу того, котораго она такъ любила. Жанъ-Мари всталъ, и началось чтеніе.

„За денежными распоряженіями, которыми завѣщатель отказывалъ молодому человѣку пять тысячъ франковъ годоваго дохода, слѣдовала статья, въ которой онъ объяснялъ, что его сынъ и отецъ Жанъ-Мари, палъ отъ руки врага; что братья убитаго помирились съ убійцею; и что поэтому онъ, умирая, рѣшился удалить внука отъ вліянія своихъ родственниковъ, и завѣщаетъ ему, подъ страхомъ своего замогильнаго гнѣва, вѣчно мстить убійцѣ своего отца и всему его роду.“

„Подобный фанатизмъ могъ только придти въ голову кор-

сиканцу и человѣку стариннаго вѣка. Дѣдъ Жана-Мари былъ и то и другое. Прочли подпись.

„Матушка стояла какъ вкопанная; я вскрикнула и упала безъ чувствъ на руки смотрителя. Жанъ-Мари былъ сынъ того офицера, котораго отецъ мой имѣлъ несчастіе убить на дуэли. Когда я опомнилась, я лежала, а матушка оплакивала, у моей постели, мое уничтоженное счастіе. Николія умерла; но и по смерти лицо ея, казалось, радовалось извѣстію, которое дѣлало невозможнымъ убивавшій ее союзъ.

„Съ этого дня я начала харкать кровью, и вотъ отчего докторъ Малуэ предписалъ мнѣ, между прочимъ, носить пропитанную шафраномъ вуаль, которая такъ удивила васъ. Что касается Жана-Мари, бѣдный юноша не могъ выдержать такого сильнаго удара, и по немъ совершалась паннихида въ тотъ день, когда вы слышали пѣніе въ церкви сиротскаго пріюта.

„Въ первыхъ порывахъ горести, я рѣшилась отречься отъ свѣта. Матушка, угадавъ вашу любовь ко мнѣ, всѣми силами поощряла ее, чтобы отвлечь меня отъ моего намѣренія.

„Но послѣ того, какъ я явилась вчера передъ публикою, въ душѣ моей пробудились двѣ новыя мысли. Вчера спала двойная завѣса съ моего лица и съ сердца, и я рѣшилась.

„Я ѣду, чтобы укрѣпиться въ одной мысли и стараться освободиться отъ другой. Прощайте; повторяю вамъ: можетъ-быть, мы когда-нибудь еще увидимся, а можетъ-быть разлучены навсегда; но если Тальма забудетъ Луизу, пусть Базетъ помнитъ Аталиду.“

—

ГЛАВА IX.

Наканунѣ моего дебюта, я пошелъ къ Дюгазону. Главными и оффиціяльными моими учителями были Молé и Флёри. Но Дюгазонъ, полюбившій меня, не разъ давалъ мнѣ, изъ дружбы, самые полезные и драгоцѣнные совѣты, какіе я когда либо получалъ. Наканунѣ дебюта, то-есть, 20 ноября 1787 года*,

* День перваго дебюта Тальмы всегда былъ предметомъ такого-же разногласія и такихъ-же споровъ, какъ и годъ его рожденія. Дювике, въ Journal des Débats, назначаетъ его на 15 ноября; Аристипъ, основываясь на Journal de Paris, — на 26; Ланжюко и Моте на 27. Наконецъ самъ Тальма разрѣшаетъ споръ, говоря, что онъ дебютировалъ 21 ноября.

я еще разъ отправился къ нему; я былъ чрезвычайно взволнованъ, ужасно боялся, и надѣялся въ немъ найдти опору и ободреніе.

Въ самомъ дѣлѣ, когда пришло время предстать передъ настоящую публику, передъ публику судящую и рѣшающую, всѣ поощренія, всѣ похвалы, которыя мнѣ расточали до тѣхъ поръ, разлетѣлись, какъ тѣ легкія тучки на небѣ, которыя сначала кажутся горами, а при первомъ дуновеніи вѣтра исчезаютъ въ пространствѣ.

Дюгазонъ взялъ мою руку съ выраженіемъ дружбы и участія, котораго я никогда не забуду.

— Я зналъ напередъ, что ты придешь ко мнѣ, сказалъ онъ, и ждалъ тебя.

— Ужъ не для того ли, чтобы сказать мнѣ, какъ донъ Гормасъ говоритъ Родригу: „самонадѣянный юноша!“

— Самонадѣянный? въ чемъ же?

— Да развѣ это не верхъ самонадѣянности, взяться за ре-

Что касается его лѣтъ, это вопросъ, который еще труднѣе рѣшить. Съ 1816 года, по какому-то странному кокетству, онъ началъ скрывать свои лѣта. Реньо-Варенъ, издавшій по смерти Тальмы хорошую біографію его, приводитъ цѣликомъ очень любопытный разговоръ свой съ великимъ артистомъ.

«— Извините меня, если я сдѣлаю вамъ немножко щекотливый вопросъ, говорилъ онъ однажды Тальмѣ.

«— Говорите, любезнѣйшій; я увижу самъ, могу-ли на него отвѣчать.

«— Но я васъ предупреждаю, что мнѣ необходимо нуженъ отвѣтъ.

«— А я предупреждаю васъ, что если нужный отвѣтъ такого рода, что можетъ быть мнѣ вреденъ, вы его не получите.

«— Дѣло въ томъ, что съ вашимъ именемъ подъ новымъ портретомъ, который написалъ Жераръ, надо выставить и годъ вашего рожденія.

«— А! такъ вотъ о чемъ вы пришли меня спросить?

«— Именно: который вамъ годъ?

Вмѣсто отвѣта, артистъ отправляется къ своей библіотекѣ, и, порывшись въ ней, приноситъ мнѣ четыре книги, въ которыхъ я узнаю біографическія собранія: Брюсельское, Лейпцигское, Біографіи Современниковъ и Біографіи живущихъ знаменитостей. Онъ раскрываетъ ихъ одну за другою, и показываетъ мнѣ:

1) Тальма (Ф. Ж.), родился въ Лондонѣ, 17 января 1766 года.

2) Тальма, родился въ Парижѣ, 15 января 1760 года.

3) Тальма, родился въ Парижѣ, въ январѣ 1762 года.

4) Тальма (Жозефъ-Франсуа), родился 15 января 1767 года.

месло Гаррика на сценѣ Бароновъ, Лекеновъ, Превилей, Моле и Дюгазоновъ?

— Нѣтъ, другъ мой; на этой сценѣ довольно мѣста для всѣхъ.

— Стало быть, вы меня ждали, любезный учитель?

— Ждалъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы вручить тебѣ эту бумажку, которую я написалъ нарочно для тебя, и въ которой ты прочтешь все, что я имѣю сказать тебѣ.

— Отчего же вы не хотите сказать мнѣ сами?

— Не могу; у меня репетиція.

Съ этими словами онъ всталъ.

— Ты будь, какъ у себя дома, сказалъ онъ, выходя: оставайся здѣсь, или иди къ себѣ, но только прочти и хорошенько обдумай то, что я пишу.

Онъ вышелъ; я развернулъ бумагу, и съ жадностію про-

«— Будь я одинъ съ этими господами, имѣющими, какъ видно, такія точныя свѣдѣнія, сказалъ я, я право не знаю, какъ-бы я выпутался изъ затрудненія; но къ счастью вы сами на лицо, и можете сказать мнѣ, кто изъ нихъ говоритъ правду, и кто вретъ.

«— Любезный, другъ, отвѣчалъ мнѣ Тальма, улыбаясь, развѣ вы не знаете, что актеръ то же, что хорошенькая женщина, — то-есть, что онъ не имѣетъ лѣтъ. Какихъ лѣтъ, напримѣръ, *Отелло*, котораго я игралъ вчера? или *Леонидъ*, котораго я создалъ на прошлой недѣлѣ? или *Іоадъ*, котораго я долженъ играть завтра? Любезный другъ, настоящій артистъ долженъ быть всѣхъ лѣтъ, какъ онъ представляетъ всѣ характеры. Характеры начертаны поэтами; свидѣтельство о лѣтахъ должно быть въ костюмѣ, а иногда въ бородѣ.

«— Да здѣсь идетъ рѣчь не о представляемыхъ лицахъ, а о томъ, кто представляетъ ихъ.

«— Любезный другъ, вы обратились за свѣдѣніемъ, какъ нельзя неудачнѣе; я такъ давно родился, что право не упомню, сколько тому лѣтъ.

«— Такъ граверу остается справиться въ приходскихъ метрикахъ церкви святаго Николая, или въ гражданскихъ спискахъ.

«— Пусть возьметъ среднее число, перебилъ Тальма съ живостью; авось случай будетъ ему благопріятствовать, и онъ попадетъ на настоящее.»

Вотъ все, чего Реньо-Варенъ могъ добиться отъ Тальмы на счетъ его лѣтъ. Послѣ этого можно усомниться, до какой степени можно полагаться на показаніе Тальмы въ началѣ его записокъ, что онъ родился 15 января 1766 года?

челъ слѣдующія наставленія, много способствовавшія моему сценическому успѣху.

„ Старайся поразить, или по крайней мѣрѣ, удивить съ перваго дебюта. Тебѣ нужно запечатлѣть свое появленіе на сценѣ въ памяти зрителей или возбудить ихъ любопытство. Можетъ быть, лучше было-бы гнаться не столько за силою впечатлѣнія, какъ за вѣрностью передачи; но любителей много, а истинныхъ знатоковъ мало. Впрочемъ, ты могъ бы удовлетворить и поразить зрителей, еслибъ могъ соединить силу съ истиною.

„ Не увлекайся рукоплесканіями; не унывай подъ свистками. Свистки убиваютъ только бездарныхъ актеровъ; рукоплесканіями сбиваютъ съ толку одно мелкое тщеславіе. Раздаваемыя безъ разбору похвалы, останавливаютъ сценическое дарованіе въ самомъ началѣ его поприща. Иной могъ бы совершить его съ честью, а вмѣсто того обезславилъ его недостатками, которые строгая и справедливая критика знатоковъ искуства могла бы ему указать, а нѣсколько свистковъ могли бы исправить. Лекенъ, Превиль, Флёри — были освистаны: они сдѣлались геніями. А, В, С, пали подъ тяжестью похвалъ и рукоплесканій: гдѣ они?

„ Менѣе средствъ и болѣе старанія и изученія; менѣе снисхожденія и болѣе препятствій: вотъ залоги сценическаго успѣха, можетъ быть, не внезапнаго, не сильнаго, но за то прочнаго и долговѣчнаго.

„ Хочешь плѣнить женщинъ и юношей? дебютируй въ чувствительномъ родѣ.... Всѣ люди любятъ, говоритъ Вольтеръ, но немногіе способны на геройскія дѣла. Впрочемъ, что было хорошо въ его время, въ наше, можетъ быть, никуда не годится. Чтобы понравиться всѣмъ вообще, выбирай роль повелительную или ужасающую; они внезапно поражаютъ. Какъ не подчиниться вліянію желѣзной волѣ Магомета, милосердію Августа, или угрызеніямъ совѣсти Ореста? Это подготовитъ впечатлѣніе, которое произведутъ потомъ Баязетъ, Владиславъ, Оросманъ; и оно будетъ неизгладимо.

„ Истинное дарованіе, прекрасныя средства, счастливый дебютъ, ручаются ли за сценическій успѣхъ? Да, на первое время; но его слѣдуетъ продлить, увѣковѣчить; должно принудить публику къ постоянству. Сначала она рукопле-

скала актеру по убѣжденію, пусть будетъ рукоплескать ему по привычкѣ. Собирательное тѣло, называемое публикою, имѣетъ свои слабости, точно такъ же, какъ и недѣлимое лицо; актеру надо поддѣлаться подъ нихъ. Сказать ли? артистъ пріобрѣтаетъ расположеніе публики своими достоинствами, а удержать его можетъ иногда и недостатками: пусть же у него будутъ и недостатки.

„Однако же, ты самъ понимаешь, что эти недостатки должны быть въ сродствѣ съ недостатками зрителей. Въ противномъ случаѣ, — можно только допускать недостатки тогда, когда талантъ своею силою заставляетъ смотрѣть на нихъ сквозь пальцы. Моле, напримѣръ, заикается и слишкомъ вертлявъ; Флёри покачивается на ногахъ; меня упрекаютъ въ преувеличеніи; но у Моле́ столько невыразимой граціи, Флери говоритъ такъ очаровательно, а я заставляю такъ отъ души хохотать, что еслибъ критика вздумала строго судить насъ, то ее прочли бы, одобрили, но въ театрѣ позабыли.

„Случается, что дебютантъ съ перваго шагу имѣетъ успѣхъ огромный, проблеститъ нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ ниспадаетъ въ непроницаемый мракъ. Причины этому очень различны: это бываетъ съ талантомъ поддѣльнымъ, съ талантомъ неимѣющимъ жизненной силы, неспособнымъ къ созрѣванію; нѣсколько представленій изнуряютъ его, два–три усилія его истощаютъ. Бываетъ и то, что дебютантъ, бросивъ путь указанный учителями, бросается въ трудные пути сценическаго нововведенія, на которыхъ смѣлость гибнетъ, если ее не поддерживаетъ геній.... Наконецъ, третій случай, — тутъ уже нѣтъ спасенія, — когда дебютантъ, идя по слѣдамъ знаменитаго артиста, дѣлается плохою копіею съ дивнаго оригинала. Видя, что вмѣсто того, чтобы усвоивать себѣ достоинства, онъ только передразниваетъ недостатки, публика принимаетъ его за пародиста и называетъ его творенія каррикатурами. Когда актеръ дошелъ до этой точки, ему остается только провалиться въ будку суфлера и бѣжать въ По, потѣшать Басковъ, или въ Ріомъ, приводить въ восторгъ Оверньскихъ плясуновъ.

Первый мой дебютъ въ роли „Сеида“, въ Вольтеровомъ *Магометѣ*, былъ удаченъ, хотя не имѣлъ ничего необыкно-

вепнаго. Представленіе дало три тысячи четыреста три франка восемь су сбору. На меня обратили вниманіе скорѣе знатоки, чѣмъ публика; вообще, признали во мнѣ много естественности. Сказать откровенно, я къ ней и стремился преимущественно.

Журналы, въ то время, не баловали артистовъ. Вотъ какъ отзывался обо мнѣ Journal de Paris, въ номерѣ 27 ноября.

„Молодой человѣкъ, дебютировавшій на дняхъ въ роли *Сеида*, являетъ самыя рѣдкія способности; сверхъ-того онъ одаренъ всѣми внѣшними условіями, какія можно только желать для амплуа первыхъ любовниковъ: прекраснымъ ростомъ, пріятною наружностью, голосомъ; лестный пріемъ, сдѣланный ему публикою, вполнѣ заслуженъ.“

А вотъ что говоритъ обо мнѣ Башомонъ въ своихъ *Запискахъ:* „Онъ соединяетъ съ врожденными способностями пріятную наружность, звонкій выразительный голосъ, чистое и внятное произношеніе; онъ чувствуетъ и умѣетъ передавать гармонію стиха. Онъ держитъ себя просто, всѣ движенія его прежде всего отличаются естественностію; во всемъ видѣнъ изящный вкусъ, нѣтъ никакой манерности; онъ не подражаетъ ни одному актеру, а играетъ по своему разумѣнію и по своимъ средствамъ.“

Мѣсяца два спустя, по случаю возобновленія Дюсисова *Гамлета*, „*Меркурій*“ говорилъ: „Мы скоро поговоримъ объ одномъ молодомъ актерѣ, который обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ истинныхъ любителей театра, о господинѣ Тальмѣ; мы подождемъ только, чтобы онъ явился въ болѣе значительныхъ роляхъ. Его съ удовольствіемъ смотрятъ въ трагедіи.“

За Сеидомъ слѣдовала роль Сентъ-Альбена въ „*Отецъ семейства*“. Тутъ, кстати, разскажу одинъ анекдотъ для назиданія молодыхъ актеровъ.

Я справедливо разсудилъ, что самою эффектною, самою важною частью моей роли должна быть сцена, въ которой Сентъ-Альбенъ узнаетъ, что все его богатство заключается въ полуторѣ тысячахъ франковъ доходу, оставшихся ему послѣ матери. Для бо́льшей ясности разсказа, позволю себѣ привести самый текстъ.

Командоръ. Такъ вотъ плодъ того чудеснаго воспитанія, которымъ такъ гордился его отецъ! Вотъ онъ, этотъ образецъ великосвѣтскаго человѣка! Да ты ужъ не считаешь-ли себя богачемъ?

Сентъ-Альбенъ. Нѣтъ.

Командоръ. Знаешь-ли, сколько тебѣ приходится послѣ матери?

Сентъ-Альбенъ. Я объ этомъ никогда не думалъ, и не хочу знать.

Командоръ. Слушай. Насъ было шестеро дѣтей, она изъ нихъ меньшая; и это въ провинціи, гдѣ водится ничего не давать дочерямъ. Твой отецъ, такой же безразсудный мечтатель, какъ ты, вбилъ себѣ въ голову на ней жениться, и женился. Три тысячи франковъ раздѣлить между тобой и твоей сестрою, то есть по полуторѣ тысячи каждому, — вотъ все ваше состояніе.

Сентъ-Альбенъ. У меня полторы тысячи франковъ?

Командоръ. И то съ натяжкою.

Сентъ-Альбенъ. А, Софія! ты не будешь уже жить на чердакѣ, не будешь знать мученій нищеты! у меня полторы тысячи франковъ!

Командоръ. Но ты можешь получить двадцать пять тысячъ отъ отца, и почти вдвое отъ меня. Сентъ-Альбенъ, можно дѣлать глупости, — но эта ужъ слишкомъ дорого обойдется.

Сентъ-Альбенъ. Да что мнѣ въ богатствѣ, когда я долженъ отречься отъ той, съ которою желалъ бы раздѣлить его!

Командоръ. Безумецъ!

Сентъ-Альбенъ. Положимъ, что безумецъ; такъ всегда называютъ того, кто всему предпочитаетъ молодую, добродѣтельную и прекрасную жену; и я поставлю себѣ за честь стать въ главѣ такихъ безумцевъ.

Командоръ. Ты самъ напрашиваешься на погибель.

Сентъ-Альбенъ. Еслибъ мнѣ пришлось жить на хлѣбѣ и на водѣ, да съ нею, я былъ-бы уже счастливъ.

Командоръ. Ты готовишь себѣ суму!

Сентъ-Альбенъ. У меня полторы тысячи франковъ доходу.

Командоръ. Чтоже ты станешь дѣлать?

Сентъ-Альбенъ. Она будетъ сыта, одѣта, будетъ имѣть квартиру, и мы будемъ жить.

Командоръ. Какъ нищіе?

Сентъ-Альбенъ. Положимъ.

Командоръ. У нея отецъ, мать, братья, сестры; и ты съ женою навяжешь себѣ на шею всю эту голодную ватагу.

Сентъ-Альбенъ. Я это зналъ прежде, и рѣшился.

Командоръ. Пойдутъ дѣти.

Сентъ-Альбенъ. Я обращусь къ чувствительнымъ сердцамъ; добрые люди увидятъ меня, увидятъ подругу моей нищеты, узнаютъ мое имя и помогутъ мнѣ.

Командоръ. Хорошо-же ты знаешь людей.

Сентъ-Альбенъ. По вашему, они ужасно злы!

Командоръ. Я не правъ, по твоему?

Сентъ-Альбенъ. Правы или неправы, а у меня останутся двѣ опоры: любовь, и гордость, которыя научаютъ переносить лишенія....

Командоръ. Понимаю.... Дѣлай, что хочешь; женись на своей Софіи; презри волю родныхъ, законы приличія, общественныя условія; разоряйся, унижайся, я ничего знать не хочу. Ты послужишь примѣромъ и острасткою всѣмъ молодымъ людямъ, которые не хотятъ внять голосу разсудка, бросаются въ постыдные союзы, огорчаютъ родныхъ и безчестятъ имя предковъ. Твоя Софія будетъ твоею женою, когда ты хочешь; но у тебя не будетъ куска хлѣба для нея и для ея дѣтей, и они придутъ просить милостыни на моемъ порогѣ.

Сентъ-Альбенъ. Этого-то вы боитесь?

Командоръ. Не несчастнѣйшій ли я изъ людей?... Я отказывалъ себѣ во всемъ, въ продолженіе сорока лѣтъ; я могъ бы жениться, но отказалъ себѣ и въ этой радости; отрекся отъ своихъ, чтобы привязаться къ этимъ, и вотъ моя награда! Что будутъ говорить въ обществѣ? Я просто не посмѣю никуда глазъ показать, а если куда явлюсь, всѣ будутъ указывать на меня пальцемъ и шептаться: — «Скажите, что это за старикъ, что сидитъ, повѣсивъ носъ? — А вы развѣ не знаете? да это Командоръ Довилье.... дядя того молодаго безумца, что женился на...— «А, знаю!» И будутъ продолжать шептаться, посматривая на меня; стыдъ и досада измучаютъ меня, я встану, возьму свою палку и уйду.... Нѣтъ, все свое богатство отдалъ-бы я для того, чтобы, когда ты взбирался на стѣны при послѣдней осадѣ, — непріятель сбилъ тебя штыкомъ въ ровъ, и чтобы ты остался тамъ подъ грудою труповъ; тогда, по-крайней-мѣрѣ, стали-бы говорить: «Жаль, хорошій былъ человѣкъ! славныя

подавалъ надежды!... Нѣтъ.... неслыханное дѣло, — безпримѣрное дѣло такой союзъ въ нашей фамиліи!

Сентъ-Альбенъ. Не было примѣру, такъ теперь будетъ.

Командоръ. И я допущу до этого?

Сентъ-Альбенъ. Допустите, потому что не можете отвратить.

Командоръ. Ты думаешь?

Сентъ-Альбенъ. Разумѣется.

Командоръ. Увидимъ!...

Сентъ-Альбенъ. Теперь уже нечего видѣть, потому что дѣло рѣшено.

Когда я вышелъ со сцены, меня проводили единодушныя рукоплесканія. Но, подобно греку, прибѣжавшему съ вѣстью о Мараѳонской побѣдѣ, я совершенно выбился изъ силъ, и, въ буквальномъ смыслѣ, упалъ за кулисами. Все отнялось у меня разомъ: руки, ноги, голосъ, дыханіе; я былъ въ совершенномъ изнеможеніи.

Въ это время проходилъ Моле.

— Что тутъ такое? спросилъ онъ, увидѣвъ нѣсколько человѣкъ, суетившихся около меня.

— Тальма выбился изъ силъ, отвѣчали ему; просто одышка.

— Какъ! у Тальмы одышка! сказалъ онъ съ выраженіемъ, свойственнымъ ему одному.

— Да, отвѣчалъ я; я слишкомъ увлекся, и вотъ теперь — какъ видите.

— Болванъ! сказалъ онъ, пожавъ плечами.

— Отчего-же болванъ? возразилъ я, нѣсколько обидѣвшись.

— Разумѣется—болванъ. Ну съ твоимъ ли голосомъ, съ твоею ли грудью знать одышку.

— Однако, вы сами видите.

— Ну, а что бы ты сказалъ, еслибъ тебѣ пришлось сейчасъ выходить опять на сцену? говори.

— Что же? вышелъ бы, да и все тутъ! отвѣчалъ я, приподнимаясь на локтѣ.

— Вышелъ бы безъ голосу, безъ дыханія, чтобы срѣзаться на первомъ словѣ. Приходи завтра ко мнѣ; я научу тебя, какъ надо управлять дыханіемъ.

Я отправился. Урокъ былъ въ такомъ родѣ, какіе учитель плаванія даетъ своему ученику. Вся хитрость въ томъ, чтобы переводить дыханіе на полустишіяхъ, на точкахъ, на запятыхъ, какъ искусный пловецъ расчитываетъ каждый взмахъ руки.

— Впрочемъ, сказалъ Моле, окончивъ свое объясненіе, спроси Дориваля, какъ онъ справляется съ своимъ дыханіемъ.

Дориваль былъ актеръ чахоточный, холодный, но очень умный; авторы очень любили его, потому что онъ превосходно игралъ плохія роли. Я пошелъ къ нему, и со всевозможною вѣжливостью просилъ его показать мнѣ, какъ слѣдуетъ переводить дыханіе. Но Дориваль, бука какъ почти всѣ люди больные, былъ въ этотъ день особенно не въ духѣ. Возвращаясь отъ него, самъ порядкомъ раздосадованный его отказомъ, я встрѣтилъ старика Лапорта, нашего суфлера.

— Что съ вами? спросилъ онъ.

— Ничего, дядя Лапортъ; иду отъ Дориваля.

— Зачѣмъ же вы ходили къ нему?

— Попросить его научить меня переводить дыханіе.

— А онъ отказалъ?

— На отрѣзъ.

Лапортъ засмѣялся.

— Приглашаю васъ, сказалъ онъ.

— Куда?

— На представленіе.

— Какое представленіе?

— На *Заиру*.

— Я видѣлъ *Заиру*.

— Знаю; но вы не всмотрѣлись въ Шатильона.

Роль Шатильона исполнялъ Дориваль. Я тотчасъ понялъ.

— Откуда же буду я смотрѣть *Заиру*?

— Извѣстно откуда: изъ моей будки.

— А когда ее дают?

— Послѣ завтра.

— Спасибо, дядя Лапортъ; но позвольте и мнѣ пригласить васъ въ свою очередь.

— Куда?

— Отобѣдать.

— Съ удовольствіемъ.

Въ назначенный день мы отобѣдали вмѣстѣ; потомъ Лапортъ сошелъ въ свою будку, а я проползъ въ нее изъ-подполья. Лапортъ далъ мнѣ отличный совѣтъ; въ тотъ же вечеръ, я зналъ всѣ тайны Дориваля.

Дебюты мои прошли безъ другихъ замѣчательныхъ обстоятельствъ. Я игралъ Пилада въ *Ифигеніи въ Тавридѣ;* молодаго брамина въ *Малабарской вдовѣ*, и грума въ комедіи Дезеда: *Два пажа.*

Послѣдняя роль была оригинальная, собственное мое созданіе; я могу это сказать тѣмъ съ большею гордостью, что вся роль заключалась въ нѣсколькихъ словахъ; она доставила мнѣ много чести. Надлежало представить нарядъ, походку, пріемы, рѣчь англичанина низшаго сословія. Это было совершенно по моей части. Пробывъ столько лѣтъ въ Англіи, я владѣлъ англійскимъ языкомъ, какъ роднымъ; сверхъ того, у меня все еще передъ глазами былъ грумъ, принесшій мнѣ знаменитую записку, въ которой назначалось мнѣ свиданіе таинственной леди. Могу сказать безъ хвастовства, я былъ въ этой роли не только англичанинъ, но настоящій грумъ, съ ногъ до головы. Весь театръ помиралъ со смѣху. Никто не узнавалъ меня; а кто и узнавалъ, не хотѣлъ вѣрить глазамъ; многіе чудаки держали пари на счетъ моего происхожденія, и съ этого-то времени разнесся слухъ, что я родился въ Англіи.

Я уже былъ мѣсяцевъ шесть или семь на театрѣ, когда былъ объявленъ новый дебютъ; дебютъ молодой женщины, подававшей, какъ говорили, необыкновенныя надежды. Она называлась Луизою Дегарсенъ. Для перваго дебюта была назначена роль Аталиды. Луиза сдержала данное мнѣ слово, но не мнѣ выпала честь играть съ нею Баязета.

Она явилась въ первый разъ 24 мая, 1788 года, и съ такимъ неслыханнымъ успѣхомъ, что дебюты ея были продолжены болѣе обязаннаго времени, до сентября мѣсяца. Въ это время она являлась поочередно, и все съ возрастающимъ успѣхомъ, въ роляхъ: Заиры, Химены, Пальмиры, Ифигеніи, Андромахи, Гипермнестры, Береники, Альзиры, Монимы, и Инесы. Ей едва было семнадцать лѣтъ. Старые обычники театра были внѣ себя отъ восторга; голосъ ея, говорили они, напоминалъ голосъ незабвенной госпожи Госсенъ.

Луиза была не то, что красавица, но чрезвычайно пріятной и привлекательной наружности; всѣ ея движенія были полны естественности и благородства. Господа директоры королевскаго театра въ тотъ же годъ приняли ее общницею театра (sociétaire); вещь неслыханная до того времени.

Читатели позволятъ мнѣ уклониться отъ хронологическаго порядка, чтобы разсказать въ нѣсколькихъ словахъ судьбу этой несчастной женщины. Послѣ трехъ лѣтъ непрерывныхъ успѣховъ во Французской-Комедіи, она отдѣлилась отъ нея, вмѣстѣ съ нами, и перешла на театръ Ришельевской улицы, открывшійся 27 апрѣля, 1790 года, трагедіею: *„Генрихъ VIII.“* Дѣвица Дегарсенъ играла роль Іоанны Симуръ, а я Генриха VIII. На театрѣ Республики она создала роли Зюлеймы, въ трагедіи Мюрвиля *„Абдехазисъ“*; Меланіи, въ драмѣ Лагарпа; Эдельмоны въ Дюсисовомъ *„Отелло“*, Салемы въ его же *„Абуфарѣ“*.

Драматическое поприще ея было очень непродолжительно. Однажды въ фойе разнеслось извѣстіе, что дѣвица Дегарсенъ поранила себя смертельно перочиннымъ ножикомъ. Мы побѣжали къ ней; она была жива, но опасно ранена. Несчастная любовь побудила ее къ этому отчаянному поступку, который едва не свелъ ее въ могилу. Однако же она выздоровѣла; но одинъ изъ ударовъ попалъ въ легкія, такъ, что послѣ того, несчастная, при малѣйшемъ усиліи, харкала кровью. Она все-таки продолжала играть, и можетъ быть со временемъ поправилась бы совершенно; но бываютъ такія существа, которыя съ самаго рожденія будто обречены на страданія.

Однажды, ночью, воры ворвались на дачу, на которой она жила, въ совершенномъ почти уединеніи; проникши въ ея спальню, они схватили ее съ постели, перетащили ее и ея служанокъ на погребъ, перевязали имъ руки и ноги, и потомъ ограбили весь домъ. Прошло болѣе сутокъ, прежде, чѣмъ крики несчастныхъ были услышаны сосѣдями. Имъ оказали всевозможную помощь, но уже было поздно. Страхъ, ужасъ, холодъ и сырость, въ которыхъ онѣ провели болѣе сутокъ, окончательно разстроили душевныя силы Луизы, сильно уже потрясенныя цѣлою жизнію страданій. Она сошла съ ума, и умерла въ 1815 или 1816 году. Годъ ея смерти въ точности неизвѣстенъ.

Когда мы ужъ пустились въ біографіи, то не лишнимъ будетъ здѣсь изложить вкратцѣ біографіи Французскаго театра и главнѣйшихъ артистовъ, составлявшихъ его украшеніе въ то время, какъ я поступилъ на этотъ театръ. Это будетъ предметомъ слѣдующей главы.

А. ГРЕКЪ.

ЮМОРИСТИКА.

БУБНОВАЯ ДАМА.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

(Посвящается И. С. Щедровскому).

I.

МЕДВѢДЬ.

Было близко 11-ти часовъ вечера. Городская дѣятельность Петербурга начинала утихать. На людныхъ улицахъ столицы экипажи разъѣзжали рѣже, усталый пѣшеходъ могъ смѣло, даже не оглядываясь, перебѣжать съ одной стороны тротуара на другой, безъ опасенія подвернуться подъ дышло щегольской кареты, или подъ оглоблю вѣчно-снующаго ваньки. Только въ Коломнѣ, на театральной площади, еще кипѣли суета и жизнь, готовыя стихнуть и смолкнуть на нѣсколько часовъ.... Здѣсь, при громкомъ крикѣ жандармовъ и лакеевъ, быстро мчались къ подъѣзду цирка плоскіе, какъ коробки съ пилюлями, или огромные со стономъ и скрипомъ покачивающіеся возки и кареты, уступая мѣсто легкимъ санямъ. Между тѣмъ, какъ на одной сторонѣ площади исчезали экипажи, на другой прибывали новые ряды ихъ, останавливаясь у театра, въ которомъ маскарадъ смѣнилъ оперу. Но вотъ наконецъ и тутъ замерли шумъ и движеніе, изрѣдка нарушаемые громкою зѣвотою кучера, или фырканьемъ продрогнувшей лошади.... Сытые и тучные лакеи, пригрѣтые

барскими салопами и шубами, чутко дремали въ театральныхъ сѣняхъ, въ то время, какъ стройный и красивый молодой человѣкъ, завернувшись въ шинель, въ какомъ-то раздумьи и съ весьма озабоченнымъ видомъ по нимъ прохаживался. Во всѣхъ его движеніяхъ проявлялись досада, даже грусть и нерѣшимость. Онъ видимо былъ недоволенъ самимъ собою. Нѣсколько разъ смѣлымъ и быстрымъ шагомъ молодой человѣкъ подходилъ къ капельдинеру, опускалъ одну руку въ карманъ за билетомъ, а другою готовъ былъ разстегнуть крючекъ шинели — и каждый разъ, съ какою-то неразгаданною гримасою, убѣгалъ на противоположный конецъ.

— Да, за чтожъ это я себя наказываю? прошепталъ онъ наконецъ, свершивъ послѣднюю ретираду отъ входа и отирая со лба крупныя капли поту.... Боюсь людей!... Какъ будтобы здѣсь всѣ собрались по зову и приглашенію, а не за деньги, не по желанію.... Какъ будто-бы сто голосовъ крикнутъ мнѣ на встрѣчу: «А! Александръ Васильевичъ Сусликовъ пришелъ!...» Фу-ты медвѣдь какой! Да я думаю — ни одна маска и взглядомъ-то меня не удостоитъ.... Ну, что я?... ну, просто медвѣдь.... взялъ билетъ — потратилъ пропасть денегъ.... вонъ шляпа новая, перчатки.... извощикъ.... и за что? — за удовольствіе слышать храпѣніе лакеевъ.... Войду.... не съѣдятъ....

Взоръ Александра Васильевича сверкнулъ огнемъ рѣшимости, даже храбрости; — крючекъ шинели спрыгнулъ съ петли и развернутый билетъ задрожалъ въ рукѣ его.

Первая минута, въ которую молодой человѣкъ рискнулъ появиться въ маскарадномъ залѣ, была для него страшною минутою. Въ этотъ моментъ все слилось въ глазахъ его въ черную, волнующуюся массу — покрытую моремъ огня. Храбрость его исчезла, а нѣсколько любопытныхъ взглядовъ заставили растеряться окончательно. Взоръ его блуждалъ безъ цѣли и мысли, руки вертѣли шляпою, а память искала обратнаго выхода.

— Кого ищешь? спросила его проходившая маска.

Александръ Васильевичъ вздрогнулъ и сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Хорошо, что отвязалась! подумалъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ, когда любопытная маска исчезла въ толпѣ домино и фраковъ.

Но въ этотъ моментъ легкій ударъ по плечу и свѣжій мелодическій голосъ, произнесшій что-то по-французски, заставилъ бѣдняка затрепетать всѣмъ тѣломъ. Не оглядываясь и нахлобучивъ на глаза шляпу, Александръ Васильевичъ съ замирающимъ сердцемъ бросился впередъ.

— А!.... стой!... Ты здѣсь.... тебя-то мнѣ и надо! сказала стройная женщина, схвативъ бѣглеца за руку.

— Сударыня.... Какъ-съ!... меня?... помилуйте....

— Тсъ!... твою руку.... И маска безъ церемоніи, свободно и наивно взяла дрожавшую руку молодаго человѣка, примолвивъ: Пойдемъ!

Какъ по горячимъ угольямъ, опустивъ голову и путаясь въ роскошномъ домино своей спутницы, шелъ за нею Александръ Васильевичъ. Въ эту минуту онъ переживалъ тысячу лѣтъ муки и пытки, проклиная маскарадный обычай и свою неловкость. «Что я буду говорить съ нею и о чемъ?» думалъ онъ....

— Умѣешь ты быть скромнымъ и откровеннымъ? начала маска.

— Умѣю.... прошепталъ молодой человѣкъ.

— Ну, такъ я тебѣ открою по секрету, — что *она* здѣсь.... Произнеся съ особеннымъ удареніемъ слово *она*, маска остановила на молодомъ человѣкѣ живой взоръ вопроса и ожиданія.

— Она? Кто она? повторилъ Александръ Васильевичъ, отвѣчая на взглядъ спутницы тѣмъ-же взглядомъ.

— А! хитришь.... Такъ-то ты умѣешь быть откровеннымъ?...

— Но.... я.... право — началъ было молодой человѣкъ.... Вотъ навязалась! подумалъ онъ.

— Такъ ты не знаешь, о комъ говорю я?...

— Совершенно — не знаю? почти съ отчаяніемъ сказалъ Сусликовъ.

— Хорошо.... я скажу тебѣ ея имя....

— Тсъ.... Не надо! сдѣлайте милость не надо!

— Чего же ты испугался?... Имя очень обыкновенное.... простое, не романическое, не историческое.... имя ея....

— Ради Бога!

— Анета....

— Охъ! прошепталъ Александръ Васильевичъ, судорожно отдернувъ руку изъ руки незнакомки.

— Что съ тобою?

— Такъ.... не ловко.... на ногу наступили....

— Я знаю, — продолжала маска тѣмъ-же равнодушнымъ тономъ, въ которомъ однако нельзя было не замѣтить желанія вывѣдать тайну молодаго человѣка;—я знаю, ты ее очень любишь?... Да?... Вѣдь любишь?...

Онъ молчалъ.

— Говори-же.... отвѣчай! продолжала незнакомка; будь откро-

вененъ, какъ обѣщалъ.... И за откровенность я заплачу тебѣ откровенностью....

— Не могу!... нѣтъ.... Позвольте.... мнѣ душно....

— Ничего.... пройдетъ.... не сердись на мою настойчивость.... Не бойся мнѣ довѣриться.... я вѣдь знаю всю твою тайну.... хочешь все разскажу?...

— Не мучьте меня.... Не надо.... Ничего вы не знаете....

— А! не знаю? Такъ слушай....

— Сдѣлайте милость.... Тсъ!... Такъ много народу.... услышатъ....

— Ты ее любишь больше года.... Да?... Вы часто и долго, тайкомъ и украдкой — смотрите другъ на друга, такъ сладко, такъ пламенно....

— Тише.... тише.... Ради Бога — не громко!...

— Но ты бѣгаешь отъ нее.... Ты, который, разумѣется, долженъ первый сказать о твоей любви....

Сусликовъ съ безпокойствомъ озирался кругомъ. «Насъ подслушаютъ, непремѣнно подслушаютъ!» шепталъ онъ въ отчаяніи.

— Ты о ней мечтаешь часто, очень часто.... ты ее любишь нѣжно, даже до маленькой глупости....

— Услышатъ.... Право.... услышатъ!

— Если она забываетъ на роялѣ платокъ, ты цѣлуешь его....

— Уфъ!... пощадите!...

— Если она читаетъ книгу и забудетъ ее на столѣ, ты, занимаясь уроками съ дѣтьми Льва Петровича, бросаешься тотчасъ къ этой книгѣ и подчеркиваешь въ ней выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: *жизнь души моей*, *милая! какъ я*...., а ужъ *люблю-то тебя* — подчеркнуть и боишься.... Ну, довольно-ли?

— Довольно! довольно! простоналъ Сусликовъ.

— Теперь говори: любишь Анету?... признавайся.... признавайся для твоего благополучія!...

— Нѣтъ.... право нѣтъ.... какъ можно?...

— Ахъ.... какой трусъ?

— Но.... помилуйте, я такъ страстно.... и безнадежно.... эта тайна, которой никому.... ни за что....

— Браво!... довольно!... съ веселымъ смѣхомъ подхватила маска.... Не говори-же никому этой тайны....

— Нѣтъ-съ, постойте.... Что-жъ я.... я ничего....

— Прощай! проговорился.... И маска исчезла въ толпѣ.

«Вывѣдала!... все вывѣдала.... и кто она? и что она?» говорилъ въ раздумьи Сусликовъ, медленно проходя въ толпѣ гуляющихъ.

Теперь всѣ его мысли были сосредоточены на этой таинственной незнакомкѣ. Блестящій маскарадъ, свѣтъ тысячи огней, шумъ, смѣхъ и говоръ — все слилось для Сусликова въ одно существо, въ одно его слово и въ одинъ его веселый смѣхъ. — Люди, подобные Александру Васильевичу, въ шутку называемые медвѣдями, — робки, нерѣшительны и неподвижны.... Но уязвленный въ самое сердце и разгоряченный молодой человѣкъ рѣшился теперь отыскать свою маску, снова послушать ея обаятельныхъ рѣчей и даже высказать ей больше, чѣмъ она знала объ его сердечной тайнѣ. Онъ даже рѣшился думать, что подъ этою таинственною маскою скрывалась *она* сама. «Иначе, говорилъ молодой человѣкъ, кто можетъ, кромѣ ея, знать и подглядѣть, какъ я цѣлую платки и подчеркиваю нѣжныя выраженія въ романахъ.... Никто! свидѣтелей не было, а самъ я никому не открывалъ объ этомъ.... Притомъ же и ростъ.... и голосъ.... и манеры этой незнакомки мнѣ не совсѣмъ незнакомы. Найду ее!» заключилъ рѣшительно Сусликовъ, «и если она сама вызвала меня на откровенность, то соберу всю мою храбрость, всю смѣлость, всѣ знакомые риторическія фразы изъ повѣстей Машкова.... и хоть при тысячѣ свидѣтелей.... брякну передъ ней на колѣна!... А.... да, вотъ и она!» Съ этимъ словомъ онъ поймалъ за руку незнакомку, которая съ очевиднымъ изумленіемъ взглянула на встревоженнаго молодаго человѣка.

— Ты требуешь отъ меня полной откровенности? такъ-ли? спросилъ Сусликовъ, удивляясь самъ своей смѣлости....

— Ни сколько! съ легкою усмѣшкою отвѣчала маска, покачавъ головкою, убранною чернымъ кружевомъ.

— Какъ?... А, на счетъ....

— На чей счетъ тебѣ угодно будь откровеннымъ, только не на мой.... Одумайся.... не будь опрометчивъ.... я тебя не знаю....

— Шутишь, подумалъ Сусликовъ; и голосъ перемѣнила.... начну-ка прямо любовью.

— О, если такъ, продолжалъ онъ.... такъ не хочу скрывать болѣе.... я притворялся.... Я вѣдь узналъ тебя въ первое мгновеніе нашей встрѣчи.... И могъ-ли я не узнать тебя? Тебя, о близкомъ присутствіи которой подсказали и сердце, и душа, и....

— Что за нѣжности?... Въ самомъ дѣлѣ ты ужъ черезъ-чуръ откровененъ....

— Я не могу скрывать болѣе моей страсти.... грудь выболѣла, нося....

— Бѣдняжка! Да все-таки я невиновата....

— Но твой взоръ, твой русый локонъ!...

— Спасибо.... догадался.... Но мои волосы еще не порыжѣли — я, какъ видишь, брюнетка....

— Послушайте.... Анета.... не играйте моимъ сердцемъ....

— А!... вотъ что! Ну, такъ прощай....

— Куда-же вы?... послушайте.... два слова.

— Ни звука! Ты ошибся!...

И снова Сусликовъ, разбитый въ прахъ и уничтоженный, остался, какъ прикованный на мѣстѣ.... «А! вотъ она!» вскричалъ онъ, бросаясь почти на-угадъ къ новому домино.

— Я умру — безъ васъ! прошепталъ молодой человѣкъ, скрестивъ на груди руки и становясь въ позу отчаяннаго любовника.

— Какая жалость! отозвалась съ громкимъ смѣхомъ маска.

«Смѣются! всѣ смѣются!» съ отчаяніемъ повторилъ Сусликовъ; «всѣмъ смѣшно!...» Онъ готовъ былъ заплакать.... Въ глазахъ его темнѣло, голова кружилась.... Ему слышался общій язвительный смѣхъ, тысяча рукъ тянули его къ себѣ, тысяча голосовъ называли его по имени, и спрашивали о какой-то тайнѣ; почти въ помѣшательствѣ Сусликовъ бросился къ выходу.

— Куда ты? воскликнулъ знакомый голосъ.

Сусликовъ вздрогнулъ, провелъ рукою по лбу и съ судорожною улыбкою прошепталъ наконецъ:

— Нашелъ!... Нашелъ тебя!

— А ты искалъ меня?

— О, да!... И сколько надѣлалъ глупостей....

— Бѣдненькій! Что же, еще что-нибудь хочешь повѣрить мнѣ....

— Все.... все хочу теперь высказать тебѣ....

— Ну, говори!

— Я.... люблю тебя!...

Маска вздрогнула и отступила на шагъ отъ молодаго человѣка.

— Меня? прошептала она.... меня?... А.... не Анету?...

— Но.... послушайте.... не скрывайтесь болѣе.... вѣдь вы....

— Ну.... кто? кто я?...

— Анна Павловна.... Да! — Сусликовъ задыхался.

— Нѣтъ! За всю вашу откровенность я заплачу вамъ новою правдою, не желая васъ болѣе мистифировать: Анна Павловна дома....

— Возможно-ли?... О, нѣтъ! Не вѣрю.... Вы.... вы Анна Павловна....

— Клянусь вамъ, что вы ошиблись.

— Такъ кто-же вы? почти со стономъ спросилъ молодой человѣкъ.

— Я?... Я — бубновая дама!... съ веселымъ смѣхомъ и наивно отвѣтила незнакомка.... а вотъ, кстати, у меня же и цвѣтокъ въ рукѣ.... эмблема моей масти.... Возьмите его. При этомъ я вамъ замѣчу: если вы хотите сказать *ей* въ «глаза: Я васъ люблю,»— то можете сказать тогда, когда она покажетъ вамъ бубновую даму.

II.

БУБНОВАЯ ДАМА.

Бубновая дама означаетъ влюбленную бѣлокурую дѣвушку.
Почерпнуто изъ толкованій Мартына Задеки.

Съ цвѣткомъ въ петлицѣ фрака, съ грустною думою въ сердцѣ и полною увѣренностью, что незнакомка была непремѣнно Анета — Сусликовъ въ какомъ-то забытьи вышелъ на театральный подъѣздъ, кликнулъ извощика и отправился къ своему скромному углу.

Александръ Васильевичъ былъ бѣдный, но скромный и честный молодой человѣкъ. Первые дни его дѣтства и самая молодость до настоящей минуты промелькнули для него безъ привѣта и улыбки счастія. Рано узналъ онъ круглое сиротство, оставленный десятилѣтнимъ ребенкомъ на попеченіе мачихи и еще ранѣе извѣдалъ нужду и бѣдность, когда окончивъ съ успѣховъ свое, хоть не блестящее, но тѣмъ не менѣе прочное воспитаніе, — онъ безъ подпоры и покровителей долженъ былъ сдѣлать первый и важный шагъ къ полученію *мѣста* и средствъ къ жизни. Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Сусликовъ встрѣтилъ въ лицѣ своего прежняго воспитателя истиннаго и безкорыстнаго благодѣтеля, который, любя въ молодомъ человѣкѣ скромный, неиспорченный нравъ и доброе сердце, опредѣлилъ его на службу и даже представилъ возможность войти въ домъ Льва Петровича Суклова, стараго степнаго помѣщика, весьма добраго человѣка, къ которому Сусликовъ былъ представленъ въ званіи учителя. — Семейство Льва Петровича было не велико, въ сравненіи съ тѣми семействами, какими вообще судьба надѣляетъ нашихъ добрыхъ помѣщиковъ. Оно заключалось въ старой супругѣ Льва Петровича, женщинѣ слабой и хворой, страстно любившей двухъ болонокъ и одну канарейку; въ Любушкѣ, взрослой дочери, только что кончившей воспитаніе въ одномъ изъ столичныхъ институтовъ, да въ двухъ малолѣтнихъ дѣтяхъ, отдан-

ныхъ теперь на попеченіе и заботы Александра Васильевича. Читатель будетъ знать всю цифру, опредѣляющую число семейства Льва Петровича, если мы прибавимъ къ сказаннымъ лицамъ, хорошенькую Анету или Анну Павловну, подругу и компаньёнку рѣзвой Любушки.

Съ первымъ шагомъ за порогъ гостепріимнаго, радушнаго, заѣзжаго помѣщика, дѣла Сусликова поправились.... Онъ ожилъ и помолодѣлъ. Хорошее жалованье и частые подарки позволили наконецъ ему обзавестись щегольскимъ гардеробомъ и даже въ мѣсяцъ разъ другой перемѣнить лайковыя перчатки. Почтеніемъ и вѣчною готовностью на услугу онъ снискалъ дружбу и расположеніе старика и дочери, а два рецепта, удачно прописанные болонкѣ, переломившей какъ-то лапку и одинъ — вспрыснуть захирѣвшую канарейку ромомъ, пріобрѣли ему полное право на материнскую любовь старушки. Она рѣшила, что Александръ Васильевичъ обладаетъ неоцѣненнымъ даромъ врачеванія всѣхъ тѣлесныхъ недуговъ — и не успокоилась до-тѣхъ-поръ, пока не сдѣлала его домашнимъ врачемъ.

— Помилуйте, говорилъ робкій молодой человѣкъ, услышавъ такое странное предложеніе.... Я, Марья Ивановна никогда не учился медицинѣ....

— Не медицина и нужна, батюшка, отвѣчала добрая старушка, потряхивая головою. Добрый человѣкъ нуженъ.... да кой-какое знаніе.

— Въ томъ-то и дѣло, что у меня его нѣтъ....

— Видѣла, сама видѣла, какъ собачку мою на ноги поставилъ.... Канарейка-то безъ тебя, мой голубчикъ, ужъ теперь не пѣла бы.... Такъ-то.... Переѣзжай къ намъ.... Я тебѣ велѣла комнатку тамъ убрать....

И послѣ этой сцены Сусликовъ на другой-же день поселился въ домѣ Льва Петровича въ званіи домашняго учителя его дѣтей и врача Марьи Ивановны съ ея любимцами. Не смотря однако-же на радушіе доброй старушки и свои выгоды, молодой человѣкъ противу всякаго желанія воспользовался предложеніемъ Марьи Ивановны. Съ нѣкоторыхъ поръ визиты въ домѣ Суклова для него сдѣлались тягостными, страшными и даже опасными. Вотъ, какъ это случилось. Незнакомый съ людскимъ расположеніемъ и ласкою, онъ былъ встрѣченъ здѣсь, въ первый разъ, самымъ теплымъ участіемъ хорошенькой компаньонки; тѣмъ болѣе, что жизнь Аннушки представляла тоже грустное сиротство и туже незавидную долю, какова была доля Александра Васильевича. Вся-

кій бы другой на его мѣстѣ, сколько нибудь извѣдавшій опытъ молодой жизни, сколько нибудь перегорѣвшій въ горнилѣ невиннаго волокитства отвѣтилъ-бы на это участіе только дружескою благодарностью, а Сусликовъ, повстрѣчавшій въ первый разъ привѣтъ хорошенькой женщины, обаятельный взглядъ которой, быть можетъ, былъ подаренъ ему безъ намѣренія, не могъ расплатиться одною дружбою, онъ полюбилъ Аннушку, полюбилъ первымъ отголоскомъ молодаго сердца, первымъ вздохомъ очарованной души. Его несмѣлый, робкій, но тѣмъ не менѣе выразительный взглядъ высказалъ ей его тайну.... и подглядѣлъ, въ свою очередь, взоръ, готовый отвѣтить на взаимность взаимностью. Молодой человѣкъ струсилъ. Не вполнѣ увѣренный въ любви ея, онъ не смѣлъ рѣшиться на признаніе.

«Будь она также бѣдна, какъ я», часто думалъ онъ.... «Ну, тогда еще я бы пожалуй.... А то вѣдь ей подарено въ приданое Львомъ Петровичемъ десять тысячъ!... Шутка.... Подумаютъ.... подумаютъ, что вотъ я.... билетикъ-то ломбардный хочу.... Нѣтъ! убѣгу.... уѣду куда-нибудь.... поплачу.... и какъ-нибудь забуду ее....»

Но тутъ, противъ воли и смѣлости Александра Васильевича, убѣдительныя просьбы обоихъ Сукловыхъ и Любушки заставили его еще болѣе сблизиться съ тою, отъ которой онъ готовъ былъ бѣжать. По-крайней мѣрѣ, вмѣсто двухъ разъ въ недѣлю предоставили ему неизбѣжную возможность встрѣчаться съ Аннушкою каждый день и каждую минуту.

Теперь молодые люди были одинаково робки.... При встрѣчѣ они разбѣгались по угламъ; разговаривая по необходимости, одинъ изъ нихъ смотрѣлъ въ книгу и отвѣчалъ не впопадъ, другая общипывала кружевной платокъ, который, безъ свидѣтелей, какъ справедливо замѣтила маска, весьма часто прилипалъ къ губамъ Суслікова.

Александръ Васильевичъ пріѣхалъ домой. Осторожно пройдя въ свою комнату, онъ снялъ фракъ и бросился на кушетку. Сонъ бѣжалъ отъ него. Мысль о таинственной маскѣ, о тѣхъ щекотливыхъ тайнахъ его сердца и любви, которыя она ему высказала, не давали ему покою.

— Хм! думалъ Сусликовъ.... Бубновая дама! Насмѣшница.... это она!... непремѣнно она.... Еще бы! Все знаетъ.... всю подноготную.... даже всѣ слова, какія я подчеркивалъ.... О, Аннушка! съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ молодой человѣкъ.... ты говоришь, что я боюсь сказать *люблю тебя?* Увидимъ.... Завтра-же черкну

да еще краснымъ карандашемъ подъ этими роковыми словами.... Книга то, кажется, и до-сихъ поръ остается въ залѣ на этажеркѣ.... Черкну! Хоть пропаду съ этою чертою.... Да!... вотъ забылъ спросить, какъ пріѣхалъ: уѣзжала-ли она куда-нибудь сегодня?... Не скажутъ только.... Эта горничная Стешка.... У! какая молчаливая.... А.... если ей этакъ цѣлковый показать?... А? скажетъ.... Горничныя, какъ мыши, любятъ серебро.

Александръ Васильевичъ повернулся на другой бокъ, но и тутъ, когда взоръ его упалъ на пеструю подушку кушетки, тѣже пестрыя думы и мечты все были съ нимъ, докучая утомленному тѣлу. Вдругъ, какъ-бы пораженный какою-то счастливою мыслію, Сусликовъ бросился съ кушетки къ ломберному столу, вынулъ изъ него колоду картъ и найдя бубновую даму, спряталъ къ себѣ подъ подушку.

«Вотъ такъ! сказалъ онъ значительно, снова опускаясь на свое ложе.... Я ее увижу во снѣ.... бубновая дама, говорятъ, означаетъ бѣлокурую дѣвушку.... Это сбыточно — не разъ мнѣ говорили.... И напрягая свое воображеніе, молодой человѣкъ сталъ воскрешать въ своей памяти русую головку Аннушки, ея стройный ростъ, улыбку маленькаго ротика.... Онъ даже позволилъ себѣ припомнить форму ножки.... Воображеніе Александра Васильевича утомлялось, память слабѣла — онъ задремалъ.... Очаровательный сонъ снова перенесъ домашняго врача Сукловыхъ въ маскарадъ.... Теперь онъ шелъ смѣло, бодро, пожимая тысячу ему протянутыхъ рукъ, маленькихъ, мягкихъ, пухленькихъ, спотыкаясь на каждомъ шагу и толкая безпрестанно красавицъ.... Все ему улыбалось теперь.... Тамъ блистали черные глаза итальянки, далѣе остренькій пальчикъ какого - то баснословнаго сильфа манилъ его къ себѣ.... Тысяча голосовъ нѣжныхъ, сладкихъ, обаятельныхъ шептали ему: «Люблю!...» И я.... васъ.... И васъ! говорилъ въ бреду Сусликовъ.... Но вотъ и она.... Но, что это? Она не отвѣчаетъ, какъ всѣ, на улыбку его улыбкой? Взоръ ея выражаетъ укоръ; рѣсницы подъ нахмуренной, соболиной бровью — выдались длинной иглой.... и бѣлый лобъ, убранный каскадомъ русыхъ кудрей, прорѣзала легкая морщинка.... «Аннушка?... прошепталъ Сусликовъ, готовый отступить назадъ.... За что вы разсердились?...» Аннушка печально улыбнулась и медленно обвела вокругъ рукою, указывая на толпы очаровательныхъ масокъ. «Такъ-то ты меня любишь? сказала она.... Ты отвѣчаешь всѣмъ.... говоришь имъ: и я васъ люблю!

— Не говорилъ.... не говорилъ, Анна Павловна! прошепталъ Су-

сликовъ.... Вы ослышались..... И Александру Васильевичу даже во снѣ стало совѣстно, что онъ солгалъ.... И снова, съ печальною улыбкою отвѣчала Аннушка: — Вы меня не любите; сказала она съ упрекомъ. — Люблю.... такъ люблю.... Ну.... не знаю, какъ люблю! внѣ себя вскричалъ Сусликовъ, стараясь поймать ея руку.... Но, въ этотъ моментъ предъ нимъ Аннушку замѣнила бубновая дама.... дама, какую только могли-бы представить сіамскіе близнецы, если бы каждому изъ нихъ въ правую руку дать по душистому жасмину.

Сусликовъ вскрикнулъ.... и проснулся. Въ комнатѣ было свѣтло. Февральское солнце обливало уже яркою позолотою полуотворенную дверь, въ отверзтіе которой выглядывало улыбающееся и краснощекое лицо Стешки....

— Вставайте, сударь!... сказала она.... Господа уже давно ждутъ васъ кушать чай....

— Сейчасъ, сейчасъ! отозвался молодой человѣкъ и принялся за свой туалетъ.

— Фу!... Вотъ сонъ-то.... говорилъ молодой человѣкъ, накидывая на плеча свой фракъ.... Пойду! добавилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ.... Увижу.... О!... я по глазамъ узнаю, если это она.... Не обманетъ.... и тогда судьба моя рѣшена.

Молодой человѣкъ вышелъ изъ комнаты, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ передъ и остановился, съ нерѣшительнымъ видомъ. «Ужасно, прошепталъ онъ, теряю всю смѣлость.... не знаю, какъ войти, какъ взглянуть на нее.... Ну, да если еще она разсказала всѣ мои вчерашнія промахи и глупости Любовь Львовнѣ.... Пропалъ.... Эта вострушка засмѣетъ.... изволь тогда, какъ флюгеръ вертѣться на стулѣ....Нѣтъ! Не пойду.... скажусь больнымъ.... Или идти? А?» И молодой человѣкъ робко и нерѣшительно, съ самымъ смѣшнымъ и неловкимъ поклономъ, вошелъ въ столовую.

Не смѣя взглянуть на Любушку, ни на ея компаньонку, Сусликовъ блуждающимъ взоромъ окидывалъ комнату.... И вотъ въ углу, у камина, на стулѣ, онъ что-то замѣтилъ черное, круглой формы.... «Что это! маска! подумалъ Александръ Васильевичъ, смѣло и быстро взглянувъ на Аннушку....

— Посмотрите, посмотрите! вскричала, въ эту минуту Любовь Львовна.... Какой хорошенькій цвѣтокъ у Александра Васильевича въ петлицѣ фрака!

— Цвѣтокъ? прошепталъ Сусликовъ — и онъ, какъ отъ горячаго угля отдернулъ руку отъ жасмина.

— Ага!... замѣтилъ старикъ съ добродушною улыбкою.... Кто-бы это просилъ васъ Александръ Васильевичъ не забывать о себѣ?...

— Меня?... просили?... помилуйте.... Никто.... рѣшительно. И Сусликовъ бросилъ умоляющій взглядъ на Аннушку, глаза которой въ эту минуту обнаруживали всю силу подстрекнутаго любопытства дѣвушки, а быть можетъ и ревности.

— Ахъ, какой скрытный! продолжала Любушка съ хитрою улыбкою.... Не хочетъ сказать намъ, папаша, кто ему подарилъ вчера этотъ жасминъ въ маскарадѣ.

— Въ маскарадѣ? повторила съ удивленіемъ Аннушка.

— Въ маскарадѣ? отозвался Сусликовъ; да.... нѣтъ-съ.... вы.... позвольте, Любовь Львовна!...

— Что, не будете-ли отпираться? возразила дѣвушка.... Стеша вчера васъ встрѣтила, какъ вы пріѣхали изъ маскарада, вотъ въ этомъ фракѣ и съ этимъ жасминомъ.

Бѣднякъ былъ уличенъ. Вспыхнувъ стыдливымъ румянцемъ, онъ мялъ въ рукахъ предательскій жасминъ, вертѣлся на стулѣ, то бросалъ умоляющій взглядъ на Аннушку, то на Любушку, не находя словъ къ отвѣту. Къ-счастію Александра Васильевича, трудная и тяжелая для него сцена эта была прекращена приходомъ дѣтей, которыя съ громкимъ и веселымъ смѣхомъ бросились къ столу, обнимая и лаская по очереди мать, отца и Любушку. За то, когда семейство оставило чайный столъ, Сусликовъ, къ своему ужасу, не могъ не замѣтить во взглядѣ и лицѣ Аннушки какой-то принужденной холодности и даже нерасположенія.

Молодой человѣкъ съ новою тоской и горемъ остался одинъ въ столовой.

Между-тѣмъ та, которая была теперь причиною всѣхъ его неловкихъ положеній, тоски и грусти, оставаясь въ смежной комнатѣ, въ тяжеломъ раздумьѣ остановилась у раскрытаго рояля. Лицо ея было блѣдно, губы дрожали и на глазахъ, казалось, готовы были навернуться слезы. «Боже мой, сказала Аннушка, и этотъ чистый взоръ, этотъ вѣчно краснорѣчивый взглядъ могъ меня такъ жестоко обманывать?... Зачѣмъ-же? Зачѣмъ-же онъ давалъ мнѣ понять о любви своей, вызывая и мою любовь,» — продолжала она, уже не удерживая слезъ, «когда онъ такъ вѣтренъ!... Зачѣмъ ему этотъ цвѣтокъ?» почти вскрикнула она!... «Отъ кого онъ!... Но, Богъ съ нимъ.... Я не хочу больше думать о немъ.... Сегодня же уйду, убѣгу отсюда....» И заливаясь слезами, дѣвушка съ рѣшительнымъ видомъ пошла черезъ комнату. Проходя мимо полуотворенныхъ дверей, Аннушка, какъ ни была обижена и оскорблена Александромъ, но не могла устоять противу

желанія взглянуть на него, хоть мелькомъ.... и здѣсь новый ударъ поразилъ ревнивое и влюбленное сердце дѣвушки.

Сусликовъ стоялъ у камина и съ жаромъ цѣловалъ черный флеръ маскарадной маски.... Аннушка вскрикнула и отшатнулась....

— А! простонала она... Такъ вотъ онъ кого любилъ.... Безумная!... Кто научилъ меня такъ ошибаться жестоко!... И не удерживая рыданія, дѣвушка опустилась въ изнеможеніи на стулъ.

Въ эту минуту, напѣвая какую-то игривую арріету, Любушка, какъ пташка выпорхнула изъ кабинета отца и бросилась къ своей подругѣ. Въ одно мгновеніе послѣдняя, собравъ всѣ силы, все искусство, приняла веселое выраженіе лица и, не подымая глазъ на Любушку, старалась скрыть свои слезы.

— Аннета.... Гдѣ Александръ Васильевичъ? спросила Любушка, какъ-бы не замѣчая слезъ подруги.

— Тамъ.... кажется.... въ столовой....

— Душечка, сдѣлай милость, продолжала Любушка.... вотъ карта, на ней записано названье новой польки Вальца.... попроси Александра Васильевича съѣздить за нотами къ Бернару....

— Ахъ.... Любушка.... проси сама....

— Фи.... Какая!.. Мнѣ некогда.... папаша сію-минуту велѣлъ мнѣ воротиться въ кабинетъ.... ну, а вѣдь я, знаешь, ужъ не люблю два или три слова сказать.... Душечка.... поди....

Любушка говорила такимъ умоляющимъ голосомъ, такъ нѣжно щекотала блѣдную щеку Аннушки, что бѣдная дѣвушка никакъ не могла не уступить просьбамъ подруги.

Молча взяла она карту и съ рѣшительнымъ видомъ оставила комнату....

— Браво! Браво! вскрикнула Люба, подпрыгнувъ и захлопавъ въ ладоши... Папаша! папаша! добавила она шопотомъ: Скорѣй! скорѣй!

На этотъ зовъ старые супруги вышли изъ кабинета.

Между-тѣмъ Сусликовъ, заслышавъ шаги и скрипъ двери, быстро бросилъ очаровательную маску на столъ и робко оберпулся. Передъ нимъ стояла Аннушка.

— Потрудитесь.... сказала она, не подымая глазъ и подавая Александру Васильевичу карту.

Но послѣдній не далъ кончить ей начатой фразы.

— Что это? Бубновая Дама? вскричалъ онъ.... Такъ я могу теперь.... Анна Николаевна..... могу?

— Что вы можете? спросила съ недоумѣніемъ дѣвушка.

— Любить васъ?... То-есть, сказать вамъ, что я васъ люблю.... Что я не могу ни жить, ни дышать безъ васъ!

— Александръ Васильевичъ.... Что вы! Ахъ, Боже мой.... Пощадите меня!

— Нѣтъ! Вы не щадили меня вчера.... Нѣтъ.... Клянусь вамъ, что я люблю васъ до безумія.... Вы сами мнѣ позволили сказать это тогда, когда я увижу въ вашихъ рукахъ эту карту....

— Что вы!... Что вы!...

— Анна Павловна.... Отвѣтьте моимъ страданіямъ, отвѣтьте этому бѣдному сердцу.

— Отвѣть! отвѣть, Аннушка! раздалось за дверью, которая въ туже минуту распахнулась, открывъ засаду.

Молодые люди, какъ пойманные школьники, бросились въ разныя стороны.

— Куда вы?... ни съ мѣста! съ веселымъ смѣхомъ вскричалъ старикъ.

— Ни съ мѣста! повторила рѣзвая Любушка, погрозивъ хорошенькимъ пальчикомъ обоимъ влюбленнымъ.

— Ну, продолжалъ старикъ, взявъ за руку Аннушку и Суслинкова и обращаясь къ первой: скажи-же ему.... Ну.... скажи: люблю.

— Люблю.... едва внятно прошептала дѣвушка.

— Возможно ли! Анна Павловна! вскричалъ молодой человѣкъ.

— Очень, душа моя, возможно; ужъ ей-то ты хоть повѣрь.... говорилъ старикъ.... Стало быть и дѣло въ шляпѣ.... Честнымъ пиркомъ да и за свадебку.... Вотъ оно.... Безъ нашей помощи, вы вѣкъ не пришли-бы ни къ концу, ни къ вѣнцу.... Это ужъ Любушкина штука.... Благодарите ее. Она изъ состраданія къ вамъ рѣшилась помочь общему горю.... Александръ Васильевичъ никогда бы не посмѣлъ объясниться.... Ты тоже.... А намъ-то васъ было жаль.... Ну, да благословитъ васъ Господь!... Вонъ тебѣ, Александръ Васильевичъ, жена.... а тебѣ, Аннушка, мужъ, какъ сама знаешь, прекрасный человѣкъ....

— Хорошій, очень хорошій, подхватила старушка, мотая дряхлою головой, и канарейку и Бибишку мою на ноги поставилъ....

Черезъ мѣсяцъ добрый Сукловъ съ семействомъ и молодыми уѣхалъ въ деревню.

В. САВИНОВЪ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Гвельфы и Гибеллины; опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ; либретто *Скриба*; музыка *Мейербера*.

Дѣйствіе открывается дружескою пирушкою въ домѣ герцога Варны, (г. Тальяфико) одного изъ знатнѣйшихъ приверженцевъ гвельфской партіи. На эту пирушку приглашенъ и Рауль (Маріо), молодой дворянинъ изъ партіи Гибеллиновъ; потому-что принцесса Изабелла, (г-жа Марай) огорченная раздорами, которые волнуютъ Пизу, желаетъ примирить главнѣйшія лица обѣихъ партій. Съ этою цѣлью даетъ свой праздникъ герцогъ Варна. Молодые люди пьютъ, разсказываютъ свои любовныя похожденія. Даже Рауль, хотя онъ и раздѣляетъ суровые и строгіе нравы своихъ единомышленниковъ, пьетъ съ прочими гостями, и послѣ долгихъ убѣжденій, разсказываетъ имъ, какъ онъ встрѣтилъ близъ Пизы, въ носилкахъ, прекрасную молодую дѣвушку, какъ онъ избавилъ ее отъ молодежи, преслѣдовавшей ее грубыми шутками, и какъ, наконецъ, въ нее влюбился. Этотъ романсъ, Piu bianca del piu bianco ermellino, отличается простотою и нѣжнымъ, неподдѣльнымъ чувствомъ, которымъ акомпаниментъ соло альта, придаетъ особенную задушевность. Магическое дѣйствіе производятъ во второй половинѣ аккорды всего оркестра, присоединяющіеся къ альту. Романсъ передается господиномъ Маріо превосходно. Между тѣмъ, какъ веселые собесѣдники подтруниваютъ надъ чувствительностью Рауля, являет-

ся Марчелло (г. Колетти), старый солдатъ, — гибелинъ, и входя, поетъ пѣсню гибелиновъ, торжественный воинственный хоралъ. Этотъ прекрасный хоралъ развитъ въ увертюрѣ, онъ же встрѣчается нѣсколько разъ въ теченіе оперы. Присутствіе Рауля среди ненавистныхъ гвельфовъ не по сердцу Марчелло, который любитъ его и преданъ ему, какъ родной отецъ. Однако же нечего дѣлать; онъ даже соглашается спѣть походную пѣсню о томъ, какъ онъ, бывало, билъ гвельфовъ. Вся эта сцена мастерски придумана, чтобы въ самомъ началѣ драмы рѣзко очертить противуположные характеры борющихся партій. Этотъ строгій, воинственный хоралъ, эта грубая пѣсня стараго рубаки такъ выпукло выдаются среди разгульныхъ, застольныхъ пѣсенъ изнѣженной молодежи!

Едва Марчелло успѣваетъ пропѣть вторую строфу, какъ хозяина вызываютъ къ одной дамѣ, которая желаетъ съ нимъ видѣться. Герцогъ Варна не прочь отъ случая похвастать своими побѣдами надъ женскими сердцами: онъ извиняется передъ молодыми людьми и отправляется на свиданіе. Между-тѣмъ молодежь, разгоряченная виномъ, хочетъ непремѣнно видѣть таинственную гостью, приподымаетъ занавѣску окна, смотритъ и уговариваетъ Рауля также посмотрѣть... Увы! онъ узнаетъ свою незнакомку; онъ хочетъ броситься къ ней, наказать ей дерзостей, но его удерживаютъ. Герцогъ Варна возвращается, и на поздравленія друзей, говоритъ, что вѣсть, которую онъ получилъ, вовсе не такъ радостна. Рауль бѣсится больше прежняго; но досада его утихаетъ, когда является пажъ (гжа Де-Мерикъ) и пропѣвъ прекрасную арію, въ похвалу своей госпожѣ, вручаетъ ему отъ нея письмо. Въ письмѣ этомъ просятъ его ѣхать съ завязанными глазами, куда его повезутъ. Онъ соглашается, ему завязываютъ глаза и уводятъ

Декорація перемѣняется: мы переносимся въ роскошное, почти волшебное жилище принцессы Изабеллы Гонзаго. Послѣ нѣжной, упоительной прелюдіи флейты, отъ которой такъ и вѣетъ весною, голубымъ небомъ и какимъ-то дивнымъ краемъ, и послѣ аріи Изабеллы, въ которой она вспоминаетъ свою милую родину, входитъ ея любимица Беатриче Висконти (г-жа Кортези). Принцесса спрашиваетъ: чѣмъ кончились переговоры? Беатриче отвѣчаетъ, что герцогъ согласился. Тутъ надо открыть читателю тайну. Беатриче, по совѣту принцессы, ходила къ своему жениху, герцогу Варнѣ, просить, чтобы онъ отказался отъ ея руки, потому-что она любитъ другаго.

Изабелла въ восторгѣ отъ успѣха этой сдѣлки, потому-что она непремѣнно хочетъ выдать Беатриче за ея возлюбленнаго, который долженъ немедленно явиться. Между-тѣмъ, вода такъ сладостно журчитъ въ фонтанахъ и бассейнѣ или скорѣе въ быстрыхъ гаммахъ фагота, что невольно манитъ подругъ ея купаться. Изабелла любуется ихъ плесками, играми. Въ это время пажъ входитъ съ докладомъ, что Рауль явился. Беатриче и придворныя дамы удаляются. Вводятъ Рауля, снимаютъ съ глазъ его повязку; онъ осматривается кругомъ, не вѣритъ глазамъ.... Прекрасная незнакомка приковываетъ его взоръ, онъ готовъ для нея забыть невѣрную, предлагаетъ ей свое сердце, руку, жизнь. Мы не знаемъ ничего нѣжнѣе и обаятельнѣе этой чудной каватины, и ничего игривѣе, замысловатѣе, кокетливѣе рондо, которое поетъ ему въ отвѣтъ Изабелла. Она не требуетъ ни его сердца, ни жизни, а только одной клятвы, что онъ безпрекословно будетъ во всемъ ей повиноваться. Въ это время входитъ опять пажъ и докладываетъ, что Пизанское дворянство желаетъ представиться принцессѣ.

Рауль видитъ свою ошибку и хочетъ удалиться; но Изабелла его удерживаетъ, напоминаетъ ему клятву, и объявляетъ, что она хочетъ женить его на дочери гвельфа Висконти. Затѣмъ являются знатнѣйшіе гвельфскіе предводители: Висконти, герцогъ Варна, Челлини и другіе. Принцесса представляетъ имъ Рауля, объясняетъ, какъ пламенно она желала-бы видѣть окончаніе раздоровъ, волнующихъ Пизу, умоляетъ ихъ помириться, и въ залогъ этого мира проситъ гвельфа Висконти выдать дочь за гибеллина Рауля. Всѣ клянутся честью свято хранить миръ. Эта клятва также образцовое музыкальное созданіе, по своему величію и торжественности; пожалуй, также по трудности, потому что его адажіо, исполняемое одними голосами, безъ оркестра, рѣшительно одна изъ самыхъ труднѣйшихъ вещей, какія намъ извѣстны въ драматической музыкѣ. Висконти (г. Полонини) приводитъ дочь, и принцесса показываетъ Раулю его невѣсту. Рауль оборачивается, узнаетъ незнакомку, приходившую къ герцогу Варнѣ, и съ негодованіемъ и отчаяніемъ восклицаетъ: «Никогда!»—Всѣ вельможи, весь дворъ бросаются къ Раулю, и требуютъ объясненія; наконецъ, оскорбленный отецъ вызываетъ его на поединокъ. Рауль готовъ бы драться тутъ-же на мѣстѣ, но принцесса его останавливаетъ. Эта драматическая сцена составляетъ энергическую, превосходную стретту, оканчивающую первое дѣйствіе.

Второе дѣйствіе представляетъ отдаленную часть города, сбор-

ное мѣсто народа, солдатъ обѣихъ партій, разнощиковъ, цыганъ. Вотъ, налѣво, группа молодежи изъ партіи Гвельфовъ, а на право гибеллинскіе солдаты пьютъ вино и воспѣваютъ радости жизни. Между тѣмъ, хоръ дѣвушекъ идетъ съ тихою молитвою въ храмъ, гдѣ должно совершиться бракосочетаніе Беатриче съ графомъ Варною; вотъ и самый свадебный поѣздъ на гондолахъ; солдаты продолжаютъ свою нестройную пѣсню, которая, сливаясь съ тихою мелодіею хора дѣвушекъ, производитъ самый живописный эффектъ. Между тѣмъ группа Гвельфовъ косо посматриваетъ на солдатъ; слово за слово, обѣ партіи готовы схватиться. По счастію является толпа цыганъ, которая очень кстати разнимаетъ противниковъ своими плясками. Жаль, что, вѣроятно, по чрезмѣрной длиннотѣ оперы, въ этомъ мѣстѣ выпущенъ одинъ любопытный нумеръ партитуры, это дуэтъ двухъ цыганокъ, предлагающихъ свои услуги всѣмъ желающимъ поворожить о будущемъ. Мы не знаемъ ничего оригинальнѣе формы этого дуэта, соединенія двухъ голосовъ, сопрано и контральта, изъ которыхъ первый начинаетъ фразу, а второй ее доканчиваетъ, потомъ оба сливаются, переплетаются, опять возвращаются къ первой фигурѣ и все это производитъ истинно поразительный эффектъ. Сколько намъ помнится, этотъ образъ сочетанія голосовъ принадлежитъ одному Мейерберу; мы его встрѣчали только у него, а именно, въ этомъ дуэтѣ, въ дуэтѣ Фидесы и Берты въ «Пророкѣ», и въ одномъ очаровательномъ идиллическомъ дуэтѣ (La grand'mère et la petite fille), который, къ сожалѣнію, мало извѣстенъ нашимъ пѣвицамъ-дилетанткамъ, хотя имъ давно-бы пора убѣдиться, что комнатная музыка не должна быть блѣднымъ отголоскомъ театра, а самостоятельною отраслью искусства, и что, еслибъ имъ угодно было поискать, они нашли бы неисчерпаемыя сокровища у нѣмецкихъ композиторовъ, у нѣкоторыхъ французскихъ и даже у итальянцевъ. Но возвратимся къ оперѣ. Между тѣмъ, какъ народъ пляшетъ и поетъ, драма, начавшаяся въ первомъ дѣйствіи, продолжается. Марчелло вручаетъ Висконти вызовъ Рауля: послѣ зари, на той-же самой площадкѣ, Висконти намѣренъ драться съ Раулемъ, но одинъ изъ его приближенныхъ совѣтуетъ ему лучше подослать убійцъ.

Въ это время раздается *заря* (couvre-feu); дозоръ, хриплымъ голосомъ, отправляетъ запоздалыхъ гулякъ по домамъ и велитъ гасить огни; толпа расходится.... Беатриче, выпросившая у мужа позволеніе остаться до ночи въ молитвахъ, слышала весь разговоръ отца съ сообщникомъ. При мысли объ опасности Рауля, она за-

бываетъ оскорбленіе; любовь ея просыпается съ большею силою, она хочетъ во что бы ни стало спасти его. Но какъ?... какъ дать ему знать?... Къ счастью, она сталкивается съ Марчелло, который остался, чтобы присутствовать при поединкѣ. Слѣдующій за тѣмъ дуэтъ ихъ останется навсегда однимъ изъ самыхъ высокихъ созданій искусства. Одна музыка можетъ рисовать въ нѣсколькихъ простыхъ сочетаніяхъ звуковъ такія полныя картины! Тутъ вы слышите и видите все, и безпокойство о человѣкѣ, котораго оба любятъ, — одна, какъ избранника своего сердца, другой, какъ сына, — и горечь непонятой, оскорбленной любви, и борьбу между противуположными чувствами, любовью и чувствомъ долга къ отцу и мужу; наконецъ, самая таинственность ночи рисуется въ этихъ звукахъ. Какъ дивно хорошо два раза повторяющееся ларгетто, въ которомъ Беатриче вспоминаетъ свою любовь и неблагодарность Рауля, какъ трогательно она говоритъ старику: «Тебѣ непонятны эти муки, эти страданія сердца.» Сколько отеческой нѣжности, и вмѣстѣ сколько возвышеннаго, вдохновеннаго энтузіазма въ утѣшеніяхъ Марчелло, въ увѣщаніяхъ его покориться волѣ Провидѣнія. До сихъ поръ мы видѣли въ Марчелло рубаку, видѣли въ немъ одно мягкое чувство, отеческую любовь стараго воина къ молодому сподвижнику. Но его душа, сочувствующая всему прекрасному не можетъ устоять противъ той истинной любви, той глубокой горести, того безкорыстнаго самоотверженія, которое онъ видитъ въ несчастной дѣвушкѣ, и онъ уже любитъ ее, какъ дочь, какъ душу, сродную своей душѣ; отнынѣ онъ будетъ жить ею, какъ жилъ до того Раулемъ, будетъ готовъ за нее, какъ за него, идти въ огонь и въ воду. Но мы исписали бы цѣлые листы, исчерпали-бы весь словарь, еслибъ хотѣли передать все, что намъ такъ просто, такъ ясно, такъ обворожительно говоритъ композиторъ въ этомъ дивномъ дуэтѣ. Его надо слушать и дивиться великому художнику.

Вскорѣ являются Рауль и его противники. Марчелло шепчетъ молодому человѣку, чтобъ онъ былъ осторожнѣе; но тотъ, полный отваги и увѣренный въ правотѣ своего дѣла, не хочетъ слушать никакихъ предостереженій. Секстетъ трехъ баритоновъ и трехъ теноровъ, къ которому въ концѣ присоединяется голосъ Марчелло, полонъ энергіи и дикой гордости феодальныхъ вождей, привыкшихъ считать мечъ своимъ правомъ и орудіемъ суда Божія.

Начинается битва.... вдругъ являются сообщники Висконти и нападаютъ на Рауля, и онъ долженъ бы неминуемо погиб-

нуть, еслибъ на шумъ не высыпала толпа солдатъ и народу изъ окольныхъ домовъ. Гибеллины и гвельфы почти въ равныхъ силахъ, они бросаются другъ на друга съ угрозами, и готовы обагриться кровью; но въ эту самую минуту является принцесса съ своею свитою, и противники разступаются. На вопросъ принцессы, Марчелло объявляетъ, что его господина хотѣли предательски умертвить; Беатриче подтверждаетъ слова стараго ратника. Всѣ поражены, будто громомъ.

— Какъ, восклицаетъ Рауль, Беатриче спасла меня, Беатриче, которая такъ жестоко измѣнила мнѣ! «—Изабелла объясняетъ ему его ошибку; онъ бросается къ Беатриче и умоляетъ ее быть его супругою; но она уже принадлежитъ другому, и вотъ гондолы возвращаются съ веселою музыкою за супругою герцога Варны. Свадебный поѣздъ отправляется домой, толпа расходится и занавѣсъ падаетъ.

Это второе дѣйствіе главное въ операѣ. Въ строеніи драмы это точка, въ которой всѣ пружины достигаютъ своего крайняго развитія, своего послѣдняго напряженія, и отъ которой дѣйствіе должно быстро, идти къ развязкѣ; въ операхъ Мейербера всегда видна такая строгая послѣдовательность, вотъ почему у него каждая сцена имѣетъ свое особенное значеніе въ ходѣ цѣлаго.

Третье дѣйствіе было самымъ блистательнымъ, самымъ эффектнымъ на нашемъ итальянскомъ театрѣ. Беатриче одна, она думаетъ о Раулѣ. Какъ трогательно, съ какою невыразимою тоскою поетъ она: «Вездѣ онъ, его одного вижу, онъ одинъ предъ моими мыслями!» Едва она успѣла произнести послѣднія слова, какъ слышитъ шаги, оборачивается и видитъ Рауля. Онъ пришелъ взглянуть на нее въ послѣдній разъ, прежде, чѣмъ разстаться съ жизнью. Она умоляетъ его удалиться; но поздно; слышатся шаги; это ея отецъ и мужъ съ своими приверженцами; она прячетъ Рауля въ сосѣдней комнатѣ. Входитъ Висконти съ своими единомышленниками. Они сошлись посовѣтоваться о мѣрахъ для прекращенія междоусобныхъ распрей — истребленіемъ всѣхъ своихъ противниковъ. Въ прошломъ годѣ партію Висконти пѣлъ г. Тамбурини, и явилъ въ этой сценѣ свой дивный талантъ во всей его силѣ и во всемъ блескѣ. Всѣ согласны съ видами Висконти кромѣ герцога Варны, который указываетъ на портреты своихъ предковъ, говоритъ, что между-ними не было ни одного убійцы, и переламываетъ свой мечъ. Беатриче все это время въ самомъ мучительномъ положеніи. Надо было посмотрѣть какъ го-

спожа Гризи умѣла передавать игрою физіономіи всѣ чувства, которыя борются въ ея душѣ; страхъ ея за Рауля, и боязнь, чтобы онъ не услышалъ этого разговора; негодованіе на сообщниковъ предпріятія, и горесть видѣть между-ними отца и мужа! Впрочемъ если мы вспоминаемъ о г-жѣ Гризи, то это вовсе не за тѣмъ, чтобы порицать г-жу Кортези, заступившую ея мѣсто въ нынѣшній сезонъ. Напротивъ того, г-жа Кортези исполнила свою трудную задачу съ большимъ успѣхомъ, не смотря на то, что должна была бороться съ такимъ опаснымъ воспоминаніемъ. Вообще эта молодая артистка, въ роляхъ Беатриче, Нормы и Сусанны въ «*Свадьбѣ Фигаро*», доказала, что обладаетъ необыкновеннымъ талантомъ и мы вполнѣ убѣждены, что черезъ нѣсколько лѣтъ услышимъ ея имя въ числѣ величайшихъ драматическихъ пѣвицъ нашего времени. Когда Варна бросилъ обломки меча, она не можетъ удержаться отъ радостнаго восклицанія, и хочетъ все открыть ему; но Висконти арестуетъ его, а за нимъ уходитъ и жена. Затѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшіе переговоры Гвельфовъ. Мы не знаемъ въ музыкѣ ничего, что могло-бы сравниться съ хоромъ.

Условившись въ своихъ дѣйствіяхъ, Гвельфы расходятся. Рауль, блѣдный, вбѣгаетъ въ залу, бросается къ дверямъ, дверь заперта; съ другой стороны выходитъ Беатриче. Все, что можетъ вдохнуть въ перо художника человѣческая страсть, все вылито въ эту единственную сцену. Беатриче силится удержать Рауля, чтобы спасти его отъ неминуемой гибели. Но честь, долгъ братства зовутъ его; онъ хочетъ идти, рвется изъ рукъ Беатриче, умоляетъ ее отпустить его; силы ея истощились и она можетъ только сказать ему слабымъ голосомъ: «Останься, я люблю тебя.» Рауль колеблется; восторгъ любви заставляетъ его на время забыть честь, гибель братьевъ, онъ умоляетъ Беатриче бѣжать съ нимъ; но вдругъ раздается роковой сигналъ; голосъ чести и долга въ сердцѣ его пробуждается. Не смотря на страстныя рѣчи, мольбы, и заклинанія, онъ оставляетъ Беатриче безъ чувствъ, и выскакиваетъ въ окно.

Наши Итальянскіе артисты (*Маріо* и *Гризи*) въ этой сценѣ были превосходны; едва-ли самъ композиторъ, создавая ее, могъ ожидать отъ нея чего-нибудь подобнаго; это — верхъ совершенства.

Четвертое дѣйствіе открывается праздникомъ, на который созваны гибелины, неподозрѣвающіе того, что замышляется про-

тивъ нихъ. Вдругъ крики враговъ прерываютъ веселье, и всѣ разбѣгаются на помощъ погибающимъ братьямъ.

Декорація перемѣняется.

Гибеллинамъ остается только умереть; на дикіе хоры враговъ, они отвѣчаютъ своимъ дивнымъ хораломъ. Герцогъ Варна убитъ; Беатриче свободна, и можетъ отдать сердце и руку Раулю. Забывая угрожающую имъ смерть, они становятся на колѣна передъ Марчелло, который благословляетъ ихъ на союзъ неземной, безмятежный, — союзъ за гробомъ. Въ чудномъ тріо, полномъ религіознаго энтузіазма, въ которомъ опять вставлены обрывочныя фразы изъ хорала, они прощаются съ землею и ея страданіями, и встрѣчаютъ смерть, какъ высшее блаженство. Это — вѣнецъ всей оперы!

Наконецъ врываются Гвельфы съ кровожаднымъ воплемъ. На вопросъ ихъ: «Кто тутъ?» Рауль ослабѣвающимъ отъ ранъ голосомъ отвѣчаетъ: Gibellino! — Gibellini! повторяютъ за нимъ Марчелло и Беатриче, и нѣсколько выстрѣловъ повергаютъ ихъ на землю къ ногамъ Висконти.

Заключимъ нѣсколькими замѣчаніями объ исполненіи этого великаго творенія нашею итальянскою труппою; исполненіи не отдѣльныхъ ролей, которыя, какъ мы показали въ своемъ мѣстѣ, были переданы превосходно, но о передачѣ оперы въ ея цѣломъ. Признаемся, она не произвела на насъ того дѣйствія, какаго мы ожидали, и какое она производила на насъ при чтеніи партируры. Можетъ быть, это слѣдствіе почти исключительнаго исполненія итальянской музыки, въ которой, за исключеніемъ очень, очень не многихъ твореній, опера основана единственно на человѣческихъ страстяхъ, гдѣ каждая роль говоритъ только сама за себя, а единство драмы заключается въ дѣйствіи, и требуетъ отъ исполнителей не болѣе, какъ умѣнія сохранять единство въ отдѣльныхъ нумерахъ, въ morceaux d'ensemble. — Отсюда произошло то, что тріо четвертаго дѣйствія, напримѣръ, не произвело такого эфекта, какъ нѣкоторыя другія мѣста, менѣе высокія по концепціи; Блѣдность партіи Марчелло поразила насъ тѣмъ болѣе, что мы высоко цѣнили прекрасный талантъ господина Колетти; не наша вина если роль въ «Карлѣ Смѣломъ», которую онъ такъ неподражаемо передалъ, сдѣлала насъ взыскательнѣе къ нему, чѣмъ мы были бы къ менѣе богато одаренному артисту. Онъ былъ не дуренъ въ роли Марчелло, но не тѣмъ еще,

чѣмъ мы ожидали, и чѣмъ долженъ быть Марчелло Мейербера. Вообще итальянская труппа подарила насъ оперою, хотя не совсѣмъ Мейерберовскою, но тѣмъ не менѣе прекрасною, за которую грѣшно было бы не благодарить ее.

—

II.

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

Наяда и Рыбакъ. Фантастическій балетъ, въ трехъ дѣствіяхъ и пяти картинахъ; сочиненіе балетмейстера *Перо*, музыка г. *Пуньи*. Декораціи *Роллера* и *Вагнера*. Скульптурныя вещи *Гаврилова*. Костюмы *Кальвера* и *Можара*.

(*Бенефисъ г-жи Карлотты Гризи.*)

—

Дѣло рѣшеное! — Если вы хотите у насъ встрѣтить поэзію, не ищите ее ни въ новыхъ стихотвореніяхъ поэтовъ-натурщиковъ, ни въ повѣстяхъ, сочиняемыхъ компаніями или перекладываемыхъ изъ французскихъ романовъ въ русскіе нравы, ни въ драмахъ и комедіяхъ новѣйшаго репертуара, — а ступайте прямо въ балетъ! Балетъ представитъ вамъ вымыслы самые смѣлые, картины самыя обворожительныя, мысли самыя свѣжія, сцены — самыя поэтическія. Въ новыхъ балетахъ нашихъ поэзія бьетъ кастальскимъ ключемъ, брыжжетъ, пѣнится, играетъ искрами, льется гармоническими каскадами и даже переливается черезъ край! Балетъ перенесетъ васъ въ другой міръ, познакомитъ съ новою жизнью, откроетъ небывалыя вещи, покажетъ то, что вамъ и во снѣ не грезилось. Но главное: онъ обдастъ васъ съ головы до ногъ поэзіею и выпуститъ изъ очарованнаго своего круга съ свѣжей головою, веселымъ сердцемъ и неповрежденной желчью.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ явился къ намъ волшебникъ Перо — воскресъ для балета Армидинъ вѣкъ поэта Дидло. Онъ, какъ новый Девкаліонъ, началъ бросать камни за спину — и появились люди, геніи, феи — съ выразительными улыбками, граціозными пріемами, живыми движеніями.... и область поэзіи ожила, населилась, закипѣла, заблистала. Только глядя на такихъ художниковъ можно вполнѣ понять, что такое балетмейстеръ, или вѣрнѣе сказать, хо-

реграфъ, потому, что Перо не только балетмейстеръ, то есть, постановщикъ танцевъ, но онъ *хореграфъ*, то есть, творецъ и вмѣстѣ исполнитель чудныхъ образовъ, которые рождаются и смѣняются въ его воображеніи, какъ туманныя картины. Во-первыхъ, онъ долженъ быть *поэтъ*, настоящій, урожденный поэтъ, не стихотворецъ, не кропатель повѣстей, который вымучиваетъ изъ головы своей рѣмы и путаницу событій, а человѣкъ, у котораго поэтическая идея рождается въ душѣ вмѣстѣ съ эстетической формою, какъ Минерва, выходящая изъ бурнаго моря во всеоружіи красоты и силы. Во-вторыхъ, онъ долженъ быть *живописецъ* — картинъ живыхъ, полныхъ движенія и натуры; не постоянно набросанныхъ, но мѣняющихся при первомъ дуновеніи страсти, по первой прихоти фантазіи, и все таки остающихся вѣрными главной мысли и первоначальному очертанію. Онъ долженъ быть и *скульпторъ*, чтобы придать своимъ фигурамъ пластическую прелесть, округлость формъ, красоту позъ, правильность положеній. Наконецъ, онъ долженъ быть и *балетмейстеромъ*, то-есть, человѣкомъ, который живопись и ваяніе, рисунокъ и пластическую выпуклость одушевляетъ дуновеніемъ мысли, страсти, мимическаго выраженія, танцемъ; словомъ, который образы фантазіи облекаетъ въ живыя человѣческія формы. Его лицамъ, его сценамъ не достаетъ только *словеснаго* выраженія, но онъ пользуется выраженіемъ *гармоническимъ*, все движется у него подъ мѣру и тактъ музыки, — и для этого онъ долженъ быть даже *музыкантомъ*. Такимъ образомъ, хорошій хореграфъ есть художникъ по преимуществу, одаренный отъ природы пятью талантами, вмѣсто одного; вмѣщающій въ душѣ всѣ элементы природы дѣйствительной и всѣ органы воспріимчивости для вдохновенія и фантазіи. Оттого то хорошіе хореграфы и родятся вѣками, и съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтенъ балетъ, ихъ можно насчитать не болѣе пяти или шести. Перо, безспорно, принадлежитъ къ числу ихъ.

Новый балетъ г. Перо отличается тѣми-же качествами, какъ и всѣ предыдущія его хореграфическія созданія. Въ немъ тоже изящество. тоже богатство фантазіи, перевитой съ картинами житейскаго быта, таже полнота и прелесть колорита, таже грація въ выполненіи. И здѣсь, какъ въ другихъ его балетахъ, танцы перестаютъ быть простой, безпредметной пляской, а получаютъ мимическій смыслъ и соединяютъ въ себѣ выраженіе чувства съ граціей движеній.

Сюжетъ балета болѣе, чѣмъ простъ, и укладывается въ немногихъ строкахъ.

Дѣйствіе на берегахъ Адріатическаго моря.

Рыбакъ Маттео любитъ пастушку Джіанину. Рыбаки готовятся праздновать ихъ обрученіе. Чтобъ угостить сотоварищей на славу, Маттео хочетъ ихъ поподчивать тѣми дорогими рыбами, которыя они всѣмъ продаютъ, а сами никогда не отвѣдываютъ. Онъ закидываетъ на ночь неводъ и съ трудомъ можетъ его вытащить. Маттео въ восторгѣ: вѣрно попалось что нибудь въ родѣ жирнаго осетра или полновѣсной стерляди; думаетъ онъ. Но каково его удивленіе, когда онъ вытаскиваетъ громадную устричную раковину. Раковина открывается, и что же? Маттео находитъ въ ней вовсе не устрицу,—безкровное, холодное существо,—а живую, миленькую женщину, съ такими огненными глазками, которые такъ и бѣгаютъ по всему театру, съ такой улыбочкой, которая такъ и подкупаетъ руки похлопать. Маттео и ротъ разинулъ! Это такое блюдо, котораго ни сварить, ни зажарить, а напротивъ, оно само прожжетъ хоть кого на-сквозь. Женщинка эта — Наяда, или лучше сказать, не Наяда, а Ундина, или Никса, или по-русски Русалка. Эти водяныя нимфы, какъ извѣстно, большія кокетки и страстныя охотницы —

Плѣнять, обольщать, а потомъ
Любви безотвѣтными быть!

Онѣ завлекаютъ слабосердыхъ рыбаковъ только за тѣмъ, чтобы бѣдняки сперва утопали въ горѣ и отчаяніи, а потомъ утопились бы въ ихъ рѣкѣ или ручейкѣ, чрезъ который даже въ половодье куры въ бродъ переходятъ. Ужъ въ томъ ихъ ремесло.

Вотъ и нашъ бѣднякъ Маттео, какъ ни борется противъ искушенія, какъ ни старается отогнать его воспоминаніемъ своей невѣсты, а все не можетъ выбить этой подкупающей улыбочки изъ головы и этихъ пронзающихъ глазокъ — изъ сердца.

Уже быстрая водяная дѣва на гибкомъ суку ивы спустилась въ море, ужъ она скрылась въ прозрачныхъ струяхъ, маня его за собою, а онъ все еще не въ состояніи опомниться отъ очаровательнаго видѣнія.

Вотъ сбираются рыбаки и рыбачки къ нему на сговоръ. Приходитъ и Джіанина. Начинается пляска, веселье. Онъ было забылъ о призракѣ: онъ нѣженъ, ласковъ съ невѣстою. Но вдругъ среди танцующихъ рыбаковъ, неизвѣстно откуда, является опять Ундина, какъ Шиллерова «*дѣва невѣдомой страны*» съ плодами и цвѣтами лучшей почвы:

Она не родилась въ долинѣ,
Никто не зналъ отколь она.
И не было слѣда въ помнѣ,
Когда прощалася она.
Она являлася съ плодами,
Цвѣты несла иной весны,
Созрѣвшіе подъ небесами
Другой счастливѣйшей страны!
И всѣмъ равно дары дѣлила:
Кому плодовъ, кому цвѣты,
И юноша и старецъ хилый
Всѣ шли домой одарены.
Но передъ прочими гостями
Четѣ влюбленныхъ пастушковъ
Дарила лучшій межъ цвѣтами,
Давала лучшій изъ плодовъ.

Такъ и Наяда отдаетъ свои плоды и цвѣты влюбленному юношѣ, который не въ состояніи отвести отъ нея глазъ. Джіанина, однакожъ, это замѣтила: она ревнуетъ, дуетъ губки, отводитъ своего вѣтренаго жениха домой. Здѣсь они было примирились. Дружески, съ тихой любовью, принимаются они за веселыя домашнія работы. Невѣста даетъ жениху держать нитки, которыя она сматываетъ; старуха, мать ея, принялась за прялку и веретено. Но все у нихъ какъ-то не ладится: Маттео путаетъ нитки, Джанина роняетъ безпрестанно клубокъ, у старухи рвется пряжа. Неловкость, неудача разстроиваютъ доброе расположеніе духа: всѣ начинаютъ сердиться другъ на друга, ссориться; а между тѣмъ никто не виноватъ ни тѣломъ, ни душою. Шаловливая Наяда, впорхнувъ въ окно хижины, изподтишка проказитъ и дѣлаетъ эту путаницу, дразня дѣйствующихъ лицъ этой маленькой идиліи. Наконецъ, Джіанина ее замѣтила и выгоняетъ вонъ. Влюбленные мирятся и разстаются до счастливѣйшаго утра.

Но Маттео все еще полонъ своего чуднаго видѣнія. Онъ бросается на свою камышевую постель, чтобы забыться сномъ. Наяда и тутъ не оставляетъ его въ покоѣ. Рѣка разливается и наводняетъ комнату. Волны тихо поднимаютъ ложе уснувшаго рыбака и нѣжно баюкаютъ его. Между тѣмъ Наяда съ своими подводными подругами сидятъ надъ нимъ и поютъ свои обворожительныя пѣсни:

Чудный сонъ живой любви!

И проснуться-то отъ него жаль. А дѣлать нечего: надо. Пе-

редъ разсвѣтомъ онъ просыпается и вспоминаетъ, что къ свадебному столу изловилъ всего только одну устричную раковину.

Съ отчаянія онъ бросается въ свою лодку, распускаетъ парусъ и хочетъ перебраться на другой берегъ; но чудный сонъ все еще его преслѣдуетъ. Онъ задумался, а водяныя нимфы между тѣмъ вздуваютъ рѣку своими плясками и играми въ водѣ, разливаютъ ее широко по окрестности, а влюбленная Наяда, граціозно плывя подъ лодкою, ведетъ ее къ своему завѣтному островку.

Чудной уголокъ земнаго шара этотъ завѣтный островъ Наядъ! Камеліи, гіацинты, магноліи, и дивныя, неоткрытыя еще ботаникой, растенія плѣняютъ взоръ и обоняніе. На камышахъ растутъ фантастическія лиліи и розы, между ними выглядываютъ плутовскія головки ундинъ и спорятъ съ ними бѣлизной и румянцемъ. Тѣнистыя кущи шелестятъ заманчиво листьями, волны задумчиво плещутся въ берегъ и вдали начинаетъ свои трели соловей — льется, переливается, нѣжно воркуетъ, тихо замираетъ. И надъ всѣмъ этимъ полная луна разливаетъ свой таинственный полусвѣтъ. Здѣсь и не кропатель стиховъ вдохновится, и прозаическая душа запроситъ чувства! А бѣдный Маттео, пораженный уже въ сердце, совершенно теряетъ голову. И вотъ она, его крупная устрица, начинаетъ ему являться въ самыхъ обворожительныхъ видѣніяхъ, то порхаетъ по камышамъ, то качается на вѣтьвяхъ деревъ, то легкой тѣнью носится вокругъ него, то рѣзвой рыбкой ныряетъ въ волнахъ. Онъ ее преслѣдуетъ, онъ хочетъ схватить ее.... но легкая, какъ чайка, она бросается въ волны — и онъ остается одинъ съ своей тоскою.

Онъ возвращается къ себѣ съ зазнобой въ сердцѣ и съ пустыми руками. Гдѣ же взять рыбы? Развѣ опять закинуть сѣть. Но наяды спѣшатъ избавить его отъ труда: каждая приноситъ въ сѣть по серебряной рыбкѣ, и у него больше запасу, чѣмъ нужно.

Наконецъ сыграна и свадьба Маттео и Джіанины. Онъ счастливъ; влюбленъ въ жену страстно; гости пируютъ въ гостинницѣ, а онъ осыпаетъ свою молодую ласками, поцѣлуями.... Это задѣваетъ за живое Наяду и она мгновенно является изъ колодца. При видѣ ея все земное счастіе бѣдняка разлетѣлось, какъ дымъ. Онъ опять очарованъ видѣніемъ, но чтобъ вырвать его изъ головы и сердца, спѣшитъ въ кружокъ пирующихъ, забыться за кружкой вина, возлѣ хорошенькой своей жены. Но съ Наядой шутить плохо! У нея сейчасъ готова новая уловка. Въ самую ту минуту, какъ Джіанина хочетъ слѣдовать за мужемъ, он

остановлена чудными звуками бандолины.... оглядывается: на колодцѣ сидитъ красавецъ рыбакъ и поетъ пѣсню, полную нѣги и любви. Почти невольно, притягиваемая сверхъестественной силой, подходитъ она къ нему и слушаетъ его обольстительные звуки, и смотритъ въ его пламенные глаза. Необыкновенное чувство овладѣваетъ ея сердцемъ: она забыла мужа и гостей, не можетъ оторваться отъ очаровательнаго юноши. И рыбакъ также плѣненъ ея красотою: онъ дѣлаетъ ей страстное признаніе, онъ выманиваетъ у нея обручальное колечко, и получивъ его, цѣлуетъ ея бѣлыя ручки. Въ эту минуту входитъ Маттео. Можете себѣ представить его удивленіе, ужасъ, гнѣвъ и ревность: это настоящій Отелло въ костюмѣ Фіорелло. Отъ жены кидается онъ къ предателю-рыбаку и — узнаетъ въ немъ свою Наяду. Онъ понялъ, что жена его не виновата, онъ знаетъ, что самъ не могъ противиться искушенію, однакожъ, находитъ не лишнимъ, при сей вѣрной оказіи, пожурить ее за кокетство. Она въ отвѣтъ, укоряетъ его самого въ вѣтренности. Перекинувъ словца два-три, молодые супруги мирятся и дружно отправляются къ гостямъ. По этотъ миръ рѣшительно выходитъ изъ расчета влюбленной Наяды. Она затѣмъ и поссорила ихъ, чтобы удобнѣе завладѣть сердцемъ Маттео, а теперь всѣ труды ея пропали по пустому. Но время еще не ушло. Вотъ молодыхъ съ торжествомъ везутъ, съ пѣснями и плясками, въ домъ новобрачнаго; вотъ раздается и Ave Maria, часъ, когда всѣ веселья должны прекратиться. Вдругъ среди толпы является Наяда, подъ видомъ крестьянки, упрекаетъ Маттео въ жестокости, измѣнѣ, равнодушіи, грозитъ утопиться и бѣжитъ къ заливу. Въ испугѣ онъ бросается за нею.... но она уже въ волнахъ, онъ прыгаетъ туда-же, чтобы спасти ее и — самъ утопаетъ.

Окончательная картина показываетъ вамъ подводный дворецъ повелительницы Наядъ, у ногъ ея стоятъ на колѣнахъ влюбленная нимфа и утопленникъ и она ихъ соединяетъ. Бѣдная Джіанина, въ отчаяніи, хочетъ броситься къ нему, но между ними возстаетъ стѣна изъ живыхъ фонтановъ.

Изъ этого разсказа-содержанія видно уже, что для живописца-балетмейстера въ этой поэтической канвѣ представляется обширное поле для самыхъ обворожительныхъ картинъ. Перо показалъ себя тутъ великимъ художникомъ. *Сценическое па съ весломъ*, въ первомъ дѣйствіи, между Наядой и тремя рыбаками — верхъ пластической прелести! Каждая группа этого танца—новая картина, которая такъ и просится на полотно. *Баркарола*, танцуе-

мая самимъ Перо и госпожею Андреяновой, полна жизни, одушевленія и граціи. *Сцена съ букетомъ*, во второмъ дѣйствіи, между К. Гризи и Перо, самый роскошный отрывокъ изъ буколической поэзіи древнихъ. Наконецъ, сцена-танецъ, между Наядой-рыбакомъ и госпожею Андреяновой, въ третьемъ дѣйствіи, такая прелестная смѣсь мимики, граціи, чувства и нѣги, что отъ нее трудно отвести глаза. Кромѣ этого, стройность группировки и красота положеній кордебалетныхъ танцевъ дѣлаютъ этотъ балетъ еще очаровательнѣе. Появленіе рыбака съ бандолиной на колодцѣ и поѣздъ молодыхъ въ неаполитанской каріолѣ, запряженной волами и украшенной гирляндами, живо напоминаютъ двѣ превосходныя картины Леопольда Робера «*Сицилійскій импровизаторъ*» и «*Возвращеніе съ жатвы*», находящіяся въ Луврскомъ Музеумѣ.

Для полнаго очарованія зрителя къ этимъ прелестнымъ живымъ картинамъ присоединяются еще и мастерскія декорація и волшебство машинъ. Особливо превосходна послѣдняя декорація Роллера, представляющая подводные чертоги повелительницы Наядъ. Удивительный человѣкъ этотъ Роллеръ! Какое неистощимое воображеніе! Смотря на всѣ эти изображенія волшебныхъ зданій и фантастическихъ странъ, которыя кисть его рисуетъ съ такой подробностію, съ такой окончепностію мелочныхъ аксессуаровъ, невольно подумаешь, что онъ долго путешествовалъ по всѣмъ этимъ воздушнымъ, подземнымъ и подводнымъ царствамъ и съ тонкой наблюдательностію нѣмецкаго туриста изучалъ нравы и обычаи всѣхъ стихійныхъ населеній. Самымъ отвлеченнымъ картинамъ фантастическаго міра онъ умѣетъ придать истину и убѣдительное правдоподобіе.

Если можно упрекнуть новый балетъ за что-нибудь, такъ это только за его названіе — Наяда. Дѣйствіе видимо происходитъ между итальянскими рыбаками, въ послѣднія времена среднихъ вѣковъ; у итальянцевъ не могло существовать понятіе о *Наядахъ*, полубогиняхъ древнихъ грековъ. Всѣ европейскіе народы первыхъ эпохъ христіанства были заражены элементарнымъ суевѣріемъ, но они признавали стихійныя существа, какъ отдѣльныя силы природы, а не какъ божества. Понятія ихъ, соотвѣтствующія древней идеи о Наядахъ, населяли рѣки и моря *Ундинами*, *Никсами*, *Некками* и *морскими людьми*. Эти понятія германскихъ народовъ гораздо отвлеченнѣе и заключаютъ въ себѣ больше поэзіи, чѣмъ положительныя идеи древней миѳологіи. Ундины русалки, олицетворяя въ себѣ непоборимыя силы водной стихіи, самобытно дѣйствуютъ между тѣмъ, какъ древнія нимфы водъ

ничто иное, какъ низшіе разряды божествъ, исполняющіе только волю высшихъ: это подданные царства Нептуна и Амфитриды.

Объ исполненіи этого балета довольно сказать, что въ немъ участвовали Перо и госпожи Андреянова и Карлотта-Гризи, чтобы дать понятіе, что онъ былъ исполненъ превосходно. Госпожа Андреянова маленькой своей роли Джіанины умѣла придать жизнь и значеніе, и сцены ея съ Маттео (Перо) въ хижинѣ, и съ Наядой-рыбакомъ въ третьемъ дѣйствіи, принадлежатъ къ прелестнѣйшимъ мимическимъ исполненіямъ. О Перо нечего и говорить: мима, выше его, въ настоящее время мы не знаемъ. Карлотта Гризи превзошла самое-себя въ ролѣ Наяды. Здѣсь ея легкость, увлекательное порханіе, наивная кокетливость были, какъ нельзя болѣе, у мѣста. Танцы въ этомъ балетѣ исполняются ею съ окончательнымъ совершенствомъ, до какого только искусство танцованія достигнуть можетъ. Много къ прелести этой роли способствуетъ и картинность положеній, которыми снабдилъ ее хореграфъ. О! господинъ Перо самый ловкій, самый смѣтливый балетмейстеръ; онъ съ удивительнымъ тактомъ умѣетъ понять — что́ и гдѣ нужно; что̀ надо урѣзать и гдѣ добавить. Гдѣ не достанетъ силъ у исполнителя, тамъ онъ дополнитъ ихъ собственнымъ вдохновеніемъ. Честь и слава ему!

Въ этомъ балетѣ въ первый разъ употреблено искусственное пѣніе соловья: оно производитъ поразительный эффектъ. Музыка господина Пуньи богата игривыми мотивами, но встрѣчаются въ ней и реминисценціи о нѣкоторыхъ операхъ Обера и о другихъ балетахъ. Главное же ея достоинство состоитъ въ пріятной и умѣренной инструментовкѣ.

—

Крестьянская сватьба. (Wesele w Ojcowie). Балетъ въ одномъ дѣйствіи.

Этотъ маленькій *балетъ*, или говоря безъ метафоры — *дивертисманъ*, попалъ къ намъ съ Варшавской сцены самымъ неожиданнымъ образомъ и доставилъ публикѣ наипріятнѣйшій сюрпризъ. Хотите знать сюжетъ балета? — Крестьянинъ Матеей выдаетъ дочь свою Софью за Станислава, сына органиста. Вотъ и все. Но не въ содержаніи дѣло, а въ тѣхъ живыхъ мазурѣчкахъ и залихватскихъ краковьякахъ, которые танцуютъ на этомъ свадебномъ пиру заѣзжіе къ намъ варшавскіе танцоры и танцорки.

Всѣхъ артистовъ десять, но главные солисты между ними г-жи Каролина Страусъ, Дамсе, Карска, и гг. Попель, Менье и

Квятковскій. Не ищите въ ихъ выполненіи особеннаго искусства танцованія, тѣхъ трудностей и изысканныхъ положеній тѣла, до которыхъ доведены сценическіе танцы въ настоящее время, всего этого они чужды. Но за то вы найдете въ выполняемыхъ ими танцахъ свой яркій, живой колоритъ со всѣми его оттѣнками, съ удалью и ловкостью, одушевленіемъ и граціею.

Лучше и мудренѣе ихъ — польскіе танцы выполнятъ хорошіе танцовщики каждаго театра, но энергичнѣе, съ большимъ увлеченіемъ (abandon) и огнемъ, съ большею выразительностію и оригинальностію, чѣмъ они, — ихъ не станцуетъ никто. Вы видите, кажется, какъ движется каждая жилка, какъ ходитъ каждый мускулъ, какъ подъ звуки этой знакомой съ колыбели музыки, въ ихъ сердцѣ кровь бьетъ ключемъ и все существо ихъ превращается въ танецъ — огненный, живой, то гордый, то нѣжный, полурыцарской, полупастушескій. Въ женщинахъ нѣтъ изысканной красоты позъ и движеній, но есть грація природная, неподражаемая, вмѣстѣ наивная и увлекательная. У нихъ во время исполненія мазурки — говоритъ все: лицо, глаза, руки, ножки, и говоритъ такимъ поэтическимъ краснорѣчіемъ, какимъ не выражался еще въ пламенныхъ стихахъ своихъ ни одинъ влюбленный поэтъ древняго и новаго міра.

Національный танецъ вообще всегда выигрываетъ, когда выполняется людьми той націи, которой принадлежитъ. Никто не проникнетъ въ тайную грацію и смыслъ его такъ, какъ тотъ, кто сжился съ нимъ съ дѣтства и чувствуетъ въ себѣ тѣже народныя стихіи, изъ которыхъ онъ составился. М. Д. Дюръ, прекрасная актриса, отличная мимистка, никогда не была хорошей танцовщицей, а между-тѣмъ она убила Марію Тальони въ *русской плясκѣ*. Не угодно-ли первымъ корифеямъ танцовальнаго міра перенять,

Какъ она плыветъ лебедушкой,
Бѣлой грудью шевелитъ,
И поводитъ взоромъ огненнымъ,
Друга плечикомъ манитъ. —

Никакая сильфида Франціи не заговоритъ такъ вашему сердцу, какъ она.

Польскіе танцоры произвели на публику самое пріятное впечатлѣніе и приводили ее невольно въ восторгъ. Но должно отдать имъ полную справедливость, въ національныхъ своихъ танцахъ они удивительно ловки и увлекательны.

—

III.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Старички, или съ чѣмъ, пріѣхалъ съ тѣмъ и отъѣхалъ. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *П. С. Ѳедорова.*

Курьерская свадьба. Оригинальная шутка-водевиль, въ одномъ дѣйствіи. Соч. *Г. Оникса.*

Идеалъ или женитьба безъ любви. Оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. *Н. Я. Яковлевскаго.*

(Бенефисъ г. Мартынова.)

—

Нынѣшній бенефисъ г. Мартынова весь составленъ былъ изъ пьесъ русскихъ авторовъ. Двѣ изъ нихъ, хотя и не представляютъ ничего чрезвычайнаго, однако-же замѣчательны уже тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ *мысль*, и выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ бенефисныхъ передѣлокъ и пустыхъ доморощенныхъ шутокъ и *аристофанисмовъ*. Мы говоримъ о «Старичкахъ» г-на Ѳедорова и объ «Идеалѣ» г-на Яковлевскаго.

Есть эпоха въ жизни человѣка, гдѣ онъ живетъ и не видитъ теченія времени, потому что живетъ уже не мечтами и надеждами, а однимъ воспоминаніемъ. То, что для другихъ становится преданіемъ, для него насущная дѣйствительность ; что приняло уже совсѣмъ другой видъ въ настоящемъ, для него все еще дышетъ юностью прошедшаго. Эта эпоха жизни, въ обиходномъ языкѣ, называется *старостію*. Это отдохновеніе, сонъ, представляющій въ своихъ видѣніяхъ образы всего, что шевелило нѣкогда душу, вызывало изъ нея энергію. Въ свѣтѣ обыкновенно о старикахъ говорятъ, что они обращаются въ дѣтство. Если это въ физическомъ отношеніи невозможно, такъ въ нравственномъ предполо-

женіе это отчасти становится истиною фактическою. Когда органы чувствъ притупились отъ времени до слабости, они почти равняются органамъ дѣтскимъ, еще не развившимся; когда душа окована апатіею, она можетъ дружиться только съ понятіями, давно ей знакомыми, а понятія эти поневолѣ кажутся ребяческими.

На этой-то идеи старчества, г. Ѳедоровъ основалъ новую свою комедію, или вѣрнѣе говоря, семейную картину. Онъ выводитъ двухъ стариковъ, барина и слугу, состарившихся по одному и тому-же закону природы, но которыхъ старчество выражается совершенно различно, вслѣдствіе различія ихъ темпераментовъ.

Алексѣй Антонычъ Сергачевъ былъ петиметръ своего времени, лихой рубака, ловкій офицеръ, кумиръ салоновъ и баловъ, неотразимый побѣдитель сердецъ. Теперь ему за семьдесятъ лѣтъ, но поглядите на него: сколько благородства еще въ его движеніяхъ, какое приличіе (maintien) въ его манерахъ и походкѣ, сколько деликатности въ образѣ выраженія! Кажется, надѣньте на него парикъ, башмаки съ пряжками, затяните въ мундиръ — и это будетъ живой образецъ ловкаго деньди конца прошлаго вѣка. Но характеръ его съ молоду былъ бурливъ, нетерпѣливъ, пылокъ, теперь онъ расчитанъ, тихъ, уклончивъ, добродушенъ. Лихой рубака — теперь и водой не замутитъ.

Никаноръ Сидорычъ постарше Сергачева: это неизмѣнное копье своего барина. Онъ игрывалъ съ нимъ ребенкомъ, онъ прислуживалъ ему въ школѣ, онъ былъ его деньщикомъ въ походахъ, онъ сопровождалъ его всюду и теперь, служа въ домѣ дворецкимъ, до того сжился съ бариномъ, что сдѣлался даже дядькою старика-ребенка. Но въ Сидорычѣ совсѣмъ другая натура; съ молоду онъ былъ тихъ, скроменъ, безотвѣтенъ, даже трусливъ, теперь — онъ ворчунъ, хлопотунъ, брюзга. Одно качество осталось ему неизмѣннымъ въ старости — это врожденная русская лѣнь; однако жъ и она приняла другой видъ: прежнее праздное бездѣйствіе замѣнилось бездѣйствіемъ суетливымъ.

Оба старика сжились такъ, что не могутъ обойтись другъ безъ друга. Сергачевъ провѣряетъ на Сидорычѣ свои воспоминанія; Сидорычъ, видя перевѣсъ силы на своей сторонѣ, распоряжается волею и мнѣніями Сергачева, какъ-бы ребенкомъ, порученнымъ его попечительству и надзору.

Уединенную, деревенскую жизнь старичковъ раздѣляетъ прекрасное, молодое существо, сиротка, призрѣнная Сергачевымъ, Дунюшка. Оба старика любятъ ее, какъ родное дитя. Глядя на нее, у Сергачева воскресаетъ надежда устроить ея счастіе. У него есть дальній племянникъ, Хлыстовъ, который проживаетъ въ столицѣ, которому онъ иногда высылаетъ деньги, и котораго теперь хочетъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ и счастливымъ мужемъ Дунюшки. Старикъ мечтаетъ объ этомъ, какъ ребенокъ, и не можетъ себѣ представить племянника иначе, какъ маленькимъ шалуномъ, какимъ онъ тридцать лѣтъ тому назадъ списанъ на портретѣ. Эти мечтанія составляютъ постоянный камень раздора между старичками. Сергачевъ увѣренъ, что Хлыстовъ—молодецъ, славно служитъ, отлично ведетъ себя. Сидорычъ, напротивъ, доказываетъ, что онъ и въ дѣтствѣ былъ никуда негодный ребенокъ, а теперь вѣрно сталъ отчаяннымъ сорви головой.

Но Гордіевъ узелъ долженъ разрѣшиться самъ собою: племянника ждутъ съ часа на часъ. Очень трогательны приготовленія Сергачева къ его встрѣчѣ и пріему. Но вотъ пріѣзжаетъ наконецъ желанный гость. Старикъ, который такъ бодрился за минуту, не можетъ вынести радости, съ нимъ дѣлается дурнота, его относятъ въ спальню. Хлыстовъ, человѣкъ лѣтъ сорока, очень мало заботится о случившемся: онъ смотритъ на дядю, какъ на старую мебель, и думаетъ только о наслѣдствѣ. Послѣ перваго свиданія, въ которомъ нѣжные распросы старика онъ прерываетъ очень прозаическою просьбою дать ему водки и закусить, онъ тотчасъ-же начинаетъ хозяйничать по своему. Старика Сидорыча онъ хочетъ сослать въ деревню, затѣмъ-де, что для дворовой службы онъ уже старъ; сиротку Дунюшку онъ выгонитъ вонъ; дядю переведетъ въ надворный флигель и т. д., все распоряженія въ томъ-же родѣ. Это возстановляетъ Сидорыча. Старикъ, который и до сихъ-поръ ничего не дѣлалъ въ домѣ, не можетъ вынести мысли, что его обрекутъ на совершенное бездѣйствіе. Самолюбіе въ немъ заговорило. Онъ выѣдываетъ у слуги Хлыстова всю подноготную о его баринѣ и узнаетъ страшныя вещи: во-первыхъ, Хлыстовъ вовсе не служитъ и не служилъ, во-вторыхъ, онъ женатъ и имѣетъ дѣтей, но вовсе не занимается своимъ семействомъ; въ-третьихъ, онъ записной игрокъ и кутило. Съ этими вѣстями спѣшитъ онъ къ Сергачеву. Старикъ барину не вѣритъ, сердится, въ первый разъ смотритъ на Сидорыча, какъ на предателя слугу, и выгоняетъ его вонъ. Сидорычъ со слезами

повинуется, но плачетъ не о своей участи, а о бѣдномъ баринѣ, котораго обманываютъ и за которымъ, безъ него, некому будетъ и присмотрѣть. Баринъ, въ свою очередь, думаетъ почти тоже, безъ Сидорыча ему обойтись рѣшительно нельзя и первую вспышку гнѣва замѣняетъ въ его душѣ неотразимая тоска. Но въ эту самую минуту выбѣгаетъ племянникъ, который успѣлъ уже черезъчуръ назавтракаться, и не помня себя отъ винныхъ паровъ, высказывается весь на лицо. Тогда въ Сергачевѣ просыпается давноуспувшая энергія: онъ выпрямляется, какъ юноша, голосъ его громчаетъ, слова получаютъ силу: и старикъ, который по слабости, подчинился было своему племяннику, теперь выгоняетъ недостойнаго наслѣдника изъ дому. За тѣмъ слѣдуетъ трогательная сцена примиренія двухъ старичковъ, которые вмѣстѣ прошли все поле жизни и на краю могилы чуть было не разстались врагами. Дуняша выходитъ за мужъ за достойнаго молодаго человѣка, Бѣлкина, и въ этой, чуждой ему, четѣ Сергачевъ отнынѣ находитъ семью, истинно родную ему по сердцу.

Картина эта не богата вымысломъ и движеніемъ, но характеры въ ней созданы и выполнены мастерски, и благодаря своей жизненной мысли и этимъ вѣрнымъ очертаніямъ, она производитъ впечатлѣніе на зрителей.

Главныя роли пьесы *Сергачева* и *Сидорыча* были выполнены мастерски г. г. Самойловымъ и Мартыновымъ 1. Оба артиста здѣсь состязуются въ передачѣ характеровъ двухъ стариковъ — съ истиной, натурой и только имъ свойственной типичностью. Трудно было-бы рѣшить, кому изъ нихъ принадлежитъ пальма первенства въ этомъ истинно художественномъ созданіи ролей и всякій, вѣрно, сказалъ бы — *оба лучше*, еслибъ два обстоятельства, весьма важныя, не давали рѣшительнаго перевѣса г. Самойлову. Обстоятельства эти заключались вотъ въ чемъ. Во-первыхъ, роль Сергачева, и по характеру своему и по нѣкоторымъ положеніямъ, имѣетъ удивительное сходство съ ролью *отца* въ драмѣ «Машинька», такъ превосходно созданною г. Самойловымъ. Артисту очень трудно было пріискать для сценъ и чувствъ, довольно тождественныхъ съ предшествовавшими, новый колоритъ, новый способъ выраженія, и не показаться похожимъ на лицо, уже слишкомъ знакомое публикѣ. Во вторыхъ, г. Самойловъ умѣлъ отыскать въ характерѣ Сергачева патетическій элементъ, которымъ трогаетъ и потрясаетъ зрителей, послѣ сценъ, въ которыхъ

заставлялъ ихъ смѣяться. Сцены, когда онъ выгоняетъ Сидорыча и потомъ объ немъ тужитъ, и другая, когда онъ возстаетъ строгимъ судьею передъ племянникомъ выполнены съ такимъ совершенствомъ, съ такой трогательной истиной, съ такой потрясающей энергіей, что сдѣлали-бы честь любому первоклассному европейскому артисту.

Г. Мартыновъ мастерски схватилъ комическую и человѣчную сторону характера Сидорыча; но онъ не извлекъ изъ него того трогательнаго начала, которымъ эту роль можно было-бы еще болѣе возвысить. Тутъ нѣтъ вины артиста, это произошло не отъ его нерадѣнія или необдуманности, а просто отъ свойства его натуры, въ которой нѣтъ патетическаго источника. За то живопись личности у него превосходна!

Г. Григорьевъ 1-ой и г-жа Жулева, исполнявшіе роли *Хлыстова* и *Дунюшки*, поддержали своей умной игрой двухъ главныхъ корнеевъ пьесы.

Разсказывать содержаніе комедіи «Идеалъ» намъ не нужно: читатели ознакомились съ нею уже въ первой книжкѣ «Пантеона» за нынѣшній годъ. Скажемъ только, что мысль этой комедіи, показать къ чему увлекаетъ молодыхъ дѣвушекъ страсть къ идеализаціи, принадлежитъ къ самымъ счастливымъ, и что она выполнена авторомъ съ гораздо большею отчетливостію и глубиною, чѣмъ его предшествовавшія комедіи.

Здѣсь, въ роли *Вѣрочки*, была очень хороша г-жа Самойлова 2: это истинный типъ дѣвушки-мечтательницы, созданный съ тѣмъ мастерствомъ отыскивать мелочныя подробности женскаго сердца, которымъ въ такой превосходной степени владѣетъ эта артистка. Г. Максимовъ 1, въ роли моншера и коломенскаго льва (*Кочуева*) былъ совершенно на своемъ мѣстѣ, и передалъ ее прекрасно, со всѣмъ тривіальнымъ фатизмомъ, характеризующимъ такія лица.

Что касается до «Курьерской свадьбы» — это сколокъ съ шутки «1-е Декабря, или я именинникъ», того-же автора, г. Оникса, сыгранной въ прошлогодній бенефисъ г. Мартынова. Тамъ былъ балъ у департаментскаго сторожа, по случаю его именинъ, здѣсь балъ у курьера, по поводу свадьбы его дочери. Тутъ нечего искать содержанія, завязки или развязки: это картинка нравовъ низшаго разряда, составленная изъ лицъ очень

оригинальныхъ и сценъ весьма забавныхъ. Г. Оникъ обладаетъ большою наблюдательностью и рисуетъ свои фигуры, хотя немножко карикатурно, но вѣрно, мѣтко и выпукло. Два лица въ этой шуткѣ занимаютъ первый планъ: старый курьеръ Гвоздыревъ и писецъ Единянинъ; оба поразительно вѣрно очерчены и одинаково превосходно выполняются, первый г. Мартыновымъ, второй г. Марковецкимъ.

—

Провинціалка. Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *И. С. Тургенева.*

Елка. Драматическая быль, въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. барона *Ѳ. Ѳ. Корфа.*

Жена подъ замкомъ или Исправленный ревнивецъ. Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. *В. Ш.*

Сцена изъ водевиля «Бѣдовая Дѣвушка» съ новой аріей-попури соч. г. *Кажинскаго.*

Людмила. Баллада *В. А. Жуковскаго.*

(*Бенефисъ г-жи Надежды Самойловой* 1-й.)

—

И. С. Тургеневъ — безспорно, писатель съ большимъ талантомъ, но съ талантомъ повѣствовательнымъ, а не драматическимъ. Во всѣхъ произведеніяхъ его, назначаемыхъ для сцены,—много жизненной истины, много выразительныхъ характеровъ, вѣрныхъ съ натурою очертаній, всегда есть хорошо задуманная и умно развитая мысль, но въ нихъ нѣтъ того, что составляетъ основу драмы: нѣтъ движенія, нѣтъ положеній, вызывающихъ сильныя страсти наружу, нѣтъ катастрофъ, на которыхъ покоится интересъ каждаго сценическаго явленія. Эти достоинства и недостатки замѣчаются и въ его «Холостякѣ», и въ «Завтракѣ у предводителя», и, наконецъ, въ «Провинціалкѣ.» Всѣ эти произведенія болѣе повѣсти въ разговорной формѣ, чѣмъ комедіи, потому-что въ нихъ именно не достаетъ того, что называютъ *драматичностію.*

Не смотря на то, эти пьесы нравятся своими подробностями, тонкими чертами характеровъ, ловко подмѣченными въ обществѣ,

безъискуственнымъ, разговорнымъ языкомъ, простотою, такъ сказать, *ежедневностію* своихъ сценъ. Если онѣ не волнуютъ сильно чувства, то нравятся уму, какъ картина, не богатая вымысломъ фантазіи, но вѣрно передающая природу. Чтобы дойти до этой художественной простоты, надо имѣть большое дарованіе, и г. Тургеневъ, безъ всякаго сомнѣнія, обладаетъ имъ въ высшей степени.

Дарья Ивановна, будучи бѣдной сиротой, была воспитана въ богатомъ и роскошномъ домѣ. Судьба соединила ее съ г. Ступеньевымъ, пожилымъ провинціальнымъ чиновникомъ. Она скучаетъ въ провинціи, не находитъ удовлетворенія тѣмъ потребностямъ, которыя развило въ ней модное воспитаніе и безпрестанно требуетъ, чтобы мужъ перешелъ на службу въ столицу. Нечаянно заѣзжаетъ къ нимъ въ городъ графъ Валерьянъ Любинъ, старый Ловласъ, который все еще не отказывается отъ претензіи молодиться и плѣнять прекрасный полъ. На немъ-то Дарья Ивановна основываетъ свои надежды. Она начинаетъ съ нимъ кокетничать, съ цѣлью, заставить его выхлопотать мужу мѣсто. Мужъ очень радъ находкѣ, однакожъ, видя всѣ маневры, употребляемые женою, начинаетъ ревновать. Но подъ конецъ ловкая провинціалка успѣваетъ показать мужу, что она просто дурачила Ловласа, а графу, что она обнаруживаетъ его страсть нарочно, чтобы отвести подозрѣнія мужа; и — г. Ступеньевъ получаетъ обѣщанное мѣсто.

Эта маленькая комедія разыгрывается на нашей сценѣ съ рѣдкимъ совершенствомъ. Г. Самойловъ, въ роли графа, превосходно схватилъ всѣ типическія черты этихъ устарѣлыхъ любезниковъ высшаго общества; г-жа Самойлова 2-я, чудо какъ мила— въ кокетливой провинціалкѣ; а г. Мартыновъ дополняетъ это тріо — въ ролѣ Ступеньева, своимъ серьезнымъ и въ высшей степени естественнымъ комизмомъ.

«Елка» барона Ѳ. Ѳ. Корфа передѣлана изъ повѣсти «*Пистолетъ*», написанной имъ же и напечатанной въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ. Собственно *елка* играетъ въ этой пьесѣ совершенно побочную роль, она придумана только для того, чтобы положительно обозначить время дѣйствія, именно канунъ Рождества. Дѣйствіе-же самое состоитъ въ томъ, что молодой ротмистръ Шатровъ вьюгою загнанъ въ домъ помѣщика Вагина, который его

радушно принимаетъ. Наивная дочка Вагина (за которую, мимоходомъ сказать, сватается недоросль Овчинниковъ), никогда не видавъ пистолетовъ, проситъ Шатрова поучить ее стрѣлять. Онъ даетъ ей пистолетъ, надѣваетъ капсулю, становится противъ нея, показываетъ, какъ цѣлить ему прямо въ сердце и командуетъ: *пли*! Раздается выстрѣлъ и Шатровъ падаетъ мертвый. Пистолетъ былъ заряженъ.

Во второмъ дѣйствіи оказывается, что Шатровъ живъ. Онъ вылечился отъ пули, которая попала ему въ грудь, но за то самъ жестоко поранилъ Машиньку въ сердце. Онъ уѣхалъ устроить свои дѣла, обѣщалъ писать къ Машинькѣ, и пропалъ безъ вѣсти. Она въ отчаяніи, отецъ ея въ страшномъ негодованіи на обманщика. Дѣйствіе опять происходитъ въ роковой вечеръ ёлки. Также мятель на дворѣ; также звѣнитъ вдали колокольчикъ, также замолкаетъ у крыльца. Вдругъ дверь отворяется и въ нее влетаетъ Шатровъ, съ той-же любовью къ Машинькѣ, но только безъ одной руки, которую потерялъ въ отважномъ бою противъ горцевъ. Старикъ Вагинъ благословляетъ своихъ дѣтей, и вслѣдъ затѣмъ является зажженная елка, приготовленная Овчинниковымъ.

Вся эта драматическая быль, хотя не движется на сильныхъ страстяхъ, составляющихъ рычаги сценическаго интереса, хотя не имѣетъ въ основаніи особенной мысли, которая-бы развивалась въ ея сценахъ и привела къ какому-нибудь положительному выводу, однакожъ интересуетъ зрителя, который, видя, какъ передъ нимъ смѣняются тихія, патріархальныя картины сельской жизни, точно въ калейдоскопѣ, съ напряженнымъ вниманіемъ ждетъ развязки. Авторъ, видимо, не имѣлъ претензіи написать драму, въ настоящемъ значеніи этого слова, поэтому мы и не будемъ разбирать его пьесы на основаніи законовъ драматургіи. Онъ хотѣлъ только разсказать на сценѣ повѣсть-быль, и разсказалъ ее заманчиво, тепло, съ искусствомъ и талантомъ. Примемъ ее за то, что она есть, не дѣлая ей упрековъ, которые она могла бы заслужить, еслибъ изъявляла притязаніе на болѣе важное литературное значеніе.

Въ этой пьесѣ лучше всѣхъ былъ господинъ Григорьевъ 1-й, въ ролѣ старика Вагина, можетъ быть потому, что въ этой роли больше жизненности и драматическаго элемента. Многія минуты были у него сильны и трогательны.

Жена подъ замкомъ или Исправленный ревнивецъ — фарсъ

который вертится на самой избитой темѣ и на самомъ изношенномъ сценическомъ эффектѣ: на перегородкѣ поперегъ сцены, и на потайной двери въ перегородкѣ, сообщающей между собою двѣ квартиры. Въ подобныхъ пьесахъ обыкновенно все дѣйствіе натянуто, положенія притянуты за волосы, а характеры перелиты черезъ край. «Жена подъ замкомъ» сохраняетъ всѣ родственныя свойства своихъ старшихъ братцевъ.

Сочинитель Викторъ самый отчаянный Бартоло: онъ безпрестанно уходитъ со двора и запираетъ жену свою, Сецилію, на замокъ, принявъ напередъ предосторожность закрыть окна ставнями и опустить сторы и занавѣсы. Между тѣмъ, жена его, въ потьмахъ и взаперти должна рисовать картиночки, чтобы добыть насущнаго хлѣба, котораго мужъ ея не въ состояніи добыть своими сочиненіями. Пріѣзжаетъ дядя Виктора — Жиральдъ, чтобы сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ и обезпечить его существованіе. Какіе чудесные дядюшки бываютъ въ водевиляхъ! Въ натурѣ они иногда дѣлаютъ совершенно противное. Случайно Жиральдъ нанимаетъ квартиру рядомъ съ племянникомъ. Живя съ нимъ на одной лѣстницѣ, онъ однакожъ никакъ не можетъ попасть въ квартиру этого новаго Отелло. По счастію, онъ находитъ потайную дверь въ перегородкѣ и сквозь эту дверь безпрестанно уводитъ племянницу къ себѣ, гдѣ заставляетъ ее играть при мужѣ роль нотаріуса. Бѣдный мужъ бѣгаетъ взадъ и впередъ, то къ себѣ, то къ господину Жиральду, чтобы увѣриться, не обманываютъ-ли его глаза и, наконецъ, находя жену постоянно у себя за рабочимъ, а у Жиральда за письменнымъ столомъ, теряетъ въ ревности совершенно голову. Къ развязкѣ все объясняется и ревнивецъ обѣщаетъ исправиться. Не знаемъ, исполнилъ-ли онъ свое обѣщаніе, потому-что мы его съ тѣхъ поръ на сценѣ не видали.

На аффишѣ напечатано:

Оригинальный водевиль, соч. такого-то.

Надо читать:

Оригинальный водевиль съ ФРАНЦУЗСКАГО, соч. такого-то.

Въ этомъ фарсѣ очень забавенъ господинъ Максимовъ 1-й, въ роли *Виктора*.

Еще одно послѣднее сказанье
И лѣтопись окончена моя!

Это послѣднее сказанье должно быть о балладѣ «*Людмила*» прекрасно прочитанной госпожею Самойловой *второю*; и о «*Попури Бѣдовой дѣвушки*», господина Кажинскаго, исполненномъ госпожею бенефиціанткою, Самойловой *первою*.

Что касается до *Людмилы*, то, признаться, мы не любимъ такого рода лирическихъ фантазій на сценѣ, посвященной дѣйствію, а не чтенію. — Людмила вообще произведеніе очень странное: эта нѣмецкая мечтательница въ русскомъ сарафанѣ рѣшительно не клеится съ нашими древними нравами, не укладывается въ русскія понятія. Дѣвы нашей старины преспокойно сидѣли за прялками, въ своихъ неприступныхъ теремахъ, поджидая, кого судьба пошлетъ имъ въ суженые, а вовсе не пускались въ страстныя объясненія и не воздыхали о миломъ на распутіяхъ. Одни прекрасные стихи выкупаютъ несообразности этого переложенія нѣмецкой фантазіи на русскіе нравы, и то въ чтеніи; на сценѣ и это достоинство исчезаетъ.

Въ новомъ *Попури* господина Кажинскаго мы не нашли ничего новаго, кромѣ замѣны нѣкоторыхъ оперныхъ нумеровъ другими нумерами изъ тѣхъ-же оперъ, и похвалы, которую госпожа Самойлова 1-я, выражаетъ самому господину Кажинскому, со сцены, называя его — *ловкимъ, талантливымъ и услужливымъ маэстро*. Эти немногіе начальные такты мы совѣтовали-бы г-ну Кажинскому совсѣмъ исключить изъ *Новаго* Попури — ради артистической скромности. Остальное все обстоитъ по прежнему. Госпожа Самойлова 1-я также представляетъ госпожъ Плесси, Вольнисъ, де-Меринъ, Гризи, Персіяни и господъ Маріо, Тамбурини, Перо. И дѣйствительно, подмѣтивъ нѣкоторыя движенія и особенности этихъ великихъ артистовъ, госпожа Самойлова 1-я, передавая ихъ въ утрированныхъ формахъ, умѣетъ быть нѣсколько на нихъ похожею. Сходство это надо понимать, разумѣется, за исключеніемъ талантовъ госпожъ Плесси и Вольнисъ, голоса и умѣнья пѣть знаменитыхъ пѣвицъ, которыхъ госпожа Самойлова передразниваетъ, и до которыхъ, по слабымъ средствамъ своимъ, она никогда не можетъ достигнуть — даже приблизительно. Всякая пародія, какъ шутка, разумѣется, забавна и можетъ произвести эфектъ разъ или два. Но если она повторяется два года сряду — она становится приторною и непріятною. Тутъ невольно вспомнишь стихъ Грибоѣдова:

Дразнить и вѣкъ дразнить, какъ васъ на это станетъ!

Поклонники способностей госпожи Надежды Самойловой 1-й, желали бы лучше въ бенефисѣ ея встрѣтить артистку въ хорошей, продуманной, характерной роли, требующей постиженія, а не одного дара переимчивости, чѣмъ въ этомъ обвѣтшаломъ «Новомъ Попури «Бѣдовой дѣвушки.» Мы, на этотъ счетъ, вполнѣ раздѣляемъ ихъ мнѣніе.

ѲЕДОРЪ КОНИ.

—

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

(Письмо изъ Парижа отъ 1/13 февраля.)

Послѣ необыкновеннаго успѣха, который имѣла новая опера Обера и при обильныхъ сборахъ, которые доставляетъ каждое ея представленіе, можно было ожидать, что Большая Опера не будетъ торопиться новостями. Однакоже приближающійся отъѣздъ г-жи Черито принудилъ дирекцію поспѣшить постановкою обѣщаннаго на нынѣшній сезонъ балета. Нечего и говорить, что балетъ имѣетъ громадный успѣхъ, когда главную роль въ ней занимаетъ Фанни-Черито, единственная въ наше время, по разнообразію и глубинѣ своего мимическаго таланта, соперница Фанни-Эльслеръ; и когда авторъ балета — мужъ исполнительницы, Сенъ-Леонъ. Само собою разумѣется, что онъ употребилъ всѣ старанія, все воображеніе и все свое хореграфическое знаніе, чтобы дать возможность талантливой женѣ выказать свое дарованіе во всемъ блескѣ. Такимъ образомъ онъ создалъ прелестный балетъ изъ довольно незатѣйливой и устарѣлой программы, сочиненной Теофилемъ Готье. *"Пакеретта"* — такъ называется этотъ балетъ, — принадлежитъ къ старинному роду балетовъ Demi-caractere, къ школѣ Доберваля и Гарделя. Вотъ ея содержаніе. Въ первомъ дѣйствіи, вы присутствуете на сельскомъ праздникѣ въ одной деревнѣ Сѣверной Франціи. Приготовленія къ празднику идутъ вяло и скучно, потому что не достаетъ души всѣхъ праздниковъ, кумира всей дерев-

ни, столяра Франсуа, по прозванію *„красавецъ.“* У Франсуа есть старикъ отецъ, котораго разныя несчастія вовлекли въ долги; и вотъ, когда всѣ радуются и веселятся, Франсуа долженъ работать, чтобы выручить отца; потому что главный кредиторъ отца Мартина, Дюрфоръ — нѣчто въ родѣ сельскаго ростовщика, — грозится упрятать старика въ тюрьму, если деньги не будутъ внесены немедленно. На площадкѣ деревни идутъ пляски, стрѣльба въ цѣль, метаніе копій въ кольца, прочія сельскія увеселенія; а Франсуа долженъ пилить и строгать.... А ему такъ хотѣлось бы вступить въ состязаніе, чтобы выиграть награду, прекрасный нарядъ, который онъ поднесъ бы своей возлюбленной, Пакереттѣ, первой красавицѣ всего околодка; то, того и смотри, а побѣдителемъ будетъ глупый, неуклюжій Жонасъ, сынъ ростовщика Дюрфора, который тоже вздумалъ добиваться сердца и руки Пакеретты! Наконецъ, Франсуа не въ силахъ устоять противъ искушенія, и выходитъ на состязаніе. Въ это мгновеніе пріѣзжаетъ изъ города отецъ Мартинъ съ печальными вѣстями: во первыхъ, онъ не добылъ денегъ, а во вторыхъ — вслѣдъ за нимъ ѣдетъ рекрутскій наборщикъ. Конецъ пляскамъ и увеселеніямъ: всѣ парни, въ томъ числѣ и Франсуа и Жонасъ должны бросать жребій. Никому нѣтъ охоты идти въ солдаты; кто прикидывается подслѣповатымъ, кто хромымъ, кто чахоточнымъ. Франсуа притворяется глухимъ; ни трубы, ни пистолеты не заставятъ его даже мигнуть. Но вербовщикъ Бриду уже давно обстрѣлянъ, знаетъ всѣ эти продѣлки; ему стоило только чмокнуть Пакеретту въ щечку, и глухоту Франсуа, какъ рукой сняло. Жребій падаетъ на Жонаса; но отецъ Дюрфоръ объясняетъ, что онъ сейчасъ засадитъ старика Мартина въ тюрьму, если Франсуа не согласится замѣнить его сына; и вотъ Франсуа отправляется въ солдаты, вмѣсто болвана Жонаса. Во второмъ дѣйствіи вы переноситесь съ сѣвера Франціи на югъ; сельскіе праздники смѣняются гарнизонными сценами. Къ вербовщику Бриду́ является, для поступленія въ службу, юноша, на котораго рысій глазъ его посматриваетъ съ недовѣріемъ. Дѣйствительно, настоятельные допросы принуждаютъ новаго рекрута сбросить личину, и Бриду́ узнаетъ Пакеретту. Его гарнизонное тщеславіе шепчетъ ему, что она пришла собственно по любви къ нему.

Это выводитъ изъ терпѣнія Франсуа. Чтобы избавиться отъ соперника, Бридý сажаетъ его подъ арестъ. Пакеретта не унываетъ; она соглашается на требуемое свиданіе, но подсылаетъ вмѣсто себя маркитантку Катерину, за которою Бридý сватался прежде; а между тѣмъ съ помощью похищеннаго ключа, она освобождаетъ Франсуа, и онъ бѣжитъ, переодѣвшись въ мужика. Тутъ кстати подвертывается дуракъ Жонасъ, котораго плутовка запираетъ подъ арестъ вмѣсто его соперника. Въ третьемъ дѣйствіи Франсуа, изнуренный долгимъ путемъ, падаетъ въ изнеможеніи передъ корчмою, и засыпаетъ. Во снѣ является ему образъ его суженой; онъ бѣжитъ за нею, а она отъ него, все дальше, все выше, на край скалы.... еще шагъ — и Франсуа бухъ въ глубокое озеро.... Не пугайтесь, онъ не утонетъ; это только сонъ! Но ему грозитъ бѣда чуть-ли не хуже вѣроломной влаги; проснувшись отъ паденія, онъ видитъ передъ собою Пакеретту, и рядомъ съ нею — своего преслѣдователя Бридý. Онъ хочетъ надуть вербовщика, увѣривъ его, что Франсуа дѣйствительно утонулъ; но Бридý не скоро дается въ обманъ: онъ очень хорошо видитъ, что вѣсть о смерти Франсуа не огорчаетъ Пакеретты, и тотчасъ смекаетъ въ чемъ дѣло. Онъ срываетъ подвязную бороду крестьянина, и узнаетъ бѣглеца. Наши влюбленные, однакожъ, и тутъ выпутываются изъ бѣды, бросивъ цѣлую табакерку въ глаза вербовщику и его конвою, и давъ тягу. За тѣмъ мы видимъ ихъ уже мужемъ и женою въ Венгріи. Пакеретта открываетъ заговоръ мѣстныхъ жителей, рѣшившихся перерѣзать предательски всѣхъ французскихъ офицеровъ, — мы и забыли сказать вамъ, что дѣйствіе происходитъ въ самый разгаръ войны за австрійцевъ съ французами этимъ открытіемъ она спасаетъ жизнь своимъ соотечественникамъ, и въ награду за свою услугу испрашиваетъ прощеніе своему мужу.

Мы уже сказали, что новый балетъ господъ Теофиля Готье и Сенъ-Леона принадлежитъ къ старой школѣ Доберваля и Гарделя, въ которой мимика и игра идутъ рука объ руку съ танцованіемъ, даже отчасти преобладаютъ надъ нимъ. Впрочемъ въ немъ есть нѣсколько прекрасныхъ *па* и хореграфическихъ картинъ, которыя дѣлаютъ честь воображенію г. Сенъ-Леона; таковы, напримѣръ: сельскій праздникъ въ пер-

вомъ дѣйствіи, съ *па* временъ года, въ которомъ представляются всѣ занятія, вся жизнь крестьянина; и pas de quatre г. Сенъ-Леона съ г-жами Черито, Эмаро́ и Роберъ, который при каждомъ представленіи возбуждаетъ неистовый восторгъ. Во второмъ дѣйствіи драма только изрѣдка прерывается коротенькими комическими танцами солдатъ и маркитанокъ; за то тутъ раздолье г-жѣ Черито; она можетъ вполнѣ выказать свой прекрасный мимическій талантъ, являясь попеременно рекрутомъ и крестьянкою. Сонъ въ третьемъ дѣйствіи, въ которомъ Франсуа преслѣдуетъ свою невѣсту, представляетъ нѣсколько обворожительныхъ картинъ, хотя вообще напоминаетъ нѣсколько знаменитую пляску вилисъ въ *Жизели*. Балетъ оканчивается великолѣпнымъ венгерскимъ праздникомъ. Тутъ г. Сенъ-Леонъ и г-жа Черито исполняютъ какой-то венгерскій танецъ, которому, кажется, суждено возобновить достопамятный успѣхъ качучи.

Музыка этого балета написана господиномъ Бенуа; она вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ балетной музыки; хорошо ритмована, не производя однако-же на слухъ того непріятнаго впечатлѣнія, которое обыкновенно производитъ рубленое однообразіе такта въ большей части балетовъ, и содержитъ даже нѣсколько довольно свѣжихъ и граціозныхъ мелодій, которыми могутъ прокормиться всѣ сочинители полекъ, кадрилей и прочіе — на весь нынѣшній сезонъ.

Къ новостямъ Большой Оперы можно-бы присоединить еще дебюты тенора Мера́, (Mairalt) въ роляхъ Арнольда въ *„Вильгельмъ Теллѣ“* и Элеазара въ *„Жидовкѣ“*, и дѣвицы Пуансо́, одной изъ лучшихъ ученицъ Дюпре́, въ роли Рахили; оба дебютанта имѣли большой успѣхъ; однако-же мы подождемъ, чтобы они дали намъ случай поближе познакомиться съ ихъ средствами и способностями, и тогда поговоримъ о нихъ подробнѣе. Другое дѣло г-жа Но; о ней можно говорить рѣшительно, потому что съ нею Парижъ успѣлъ достаточно познакомиться въ прежніе годы, когда она почти одна раздѣляла весь репертуаръ съ г-жею Штольцъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отдыха, она нынче явилась опять на сценѣ, въ *„Лучіи-ди-Ламермурѣ“*, которая, вмѣстѣ съ *„Привидѣніемъ“* Флоттова, была всегда ея конькомъ. Ея возвращеніе на сцену не представило ничего новаго: тотъ-же

устарѣлый голосъ, таже чистота и безцвѣтность въ манерѣ пѣнія, тотъ-же образъ передачи роли, слабый, но не совсѣмъ лишенный достоинствъ; однимъ словомъ, тотъ-же небольшой талантъ, который заставитъ васъ прослушать роль безъ скуки, и даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, но не оставитъ въ васъ никакого впечатлѣнія.

На театрѣ Комической Оперы явилось наконецъ давно обѣщанное большое произведеніе неутомимаго Скриба и Галеви: *„Пиковая дама“*. Хотя пишущій эти строки, не имѣетъ чести быть природнымъ французомъ и слѣдовательно не поклоняется безусловно французскому композитору, а тѣмъ менѣе французскому либретисту, однако-же достаточно понимаетъ великій талантъ Галеви, и ловкость Скриба, чтобы съ нетерпѣніемъ ожидать каждое новое ихъ произведеніе. На этотъ разъ мы ждали его съ бо́льшимъ еще нетерпѣніемъ, по особенной причинѣ. „Сюжетъ заимствованъ изъ повѣсти русскаго поэта, изъ Пушкина!“ говорила молва, а за нею повторяли и газеты. Какъ тутъ не полюбопытствовать посмотрѣть, какъ французъ справился съ прелестнымъ разсказомъ нашего роднаго поэта? Какъ великій Скрибъ скроилъ либретто изъ игривой фантазіи Пушкина? Какъ подумаешь, вѣдь въ самомъ дѣлѣ повѣсть Пушкина такъ и просится въ комическую оперу; „только не по той мѣркѣ, какую создалъ Скрибъ для этого рода драмы“, шепталъ намъ тайный голосъ. И дѣйствительно, увидѣвъ на сценѣ *„Пиковую даму“*, мы не узнали въ ней ни слѣда Пушкина, кромѣ названія; ни слѣда русскихъ нравовъ, кромѣ нѣсколькихъ русскихъ и полурусскихъ именъ. А вокругъ насъ нѣсколько многоученыхъ критиковъ таяли отъ благоговѣнія передъ великимъ драматургомъ, который по волѣ своей фантазіи переноситъ зрителей въ Испанію или въ Турцію, въ Россію или въ Китай, и знаетъ всѣ части свѣта, какъ собственный свой кабинетъ! Къ счастію музыка *„Пиковой дамы“* не гонялась ни за какою особенною музыкою, она довольствуется скромнымъ званіемъ музыки Галеви. Поздравляемъ композитора съ этою умною безпритязательностію, и вмѣстѣ съ тѣмъ поздравляемъ его съ новымъ блестящимъ успѣхомъ, и успѣхомъ вполнѣ заслуженнымъ.

Въ Комической Оперѣ мы также видѣли новую дебютант-

ку, которая подаетъ большія надежды; это дѣвица Анна Лемеръ, которая обращала на себя общее вниманіе еще на публичныхъ испытаніяхъ Консерваторіи. Она дебютировала въ роли Анджели въ прелестной операхъ Обера, *„Черное домино“*. Голосъ ея настоящій сопрано, обширный, звучный и прекрасно выработанный. Въ игрѣ, не смотря на молодость и неопытность, видѣнъ несомнѣнный талантъ, преимущественно для ролей полухарактерныхъ. По пріему, сдѣланному ей публикою, можно угадывать, что она будетъ одною изъ ея любимицъ; а никакая публика не можетъ быть такъ избалована артистами, какъ публика Комической Оперы, обладающей едва-ли не самою лучшею труппою во всемъ Парижѣ.

Въ Итальянской операхъ все тотъ-же репертуаръ, что заведенъ почти съ незапамятныхъ временъ. Обыкновенно упрекаютъ публику въ непостоянствѣ, въ пристрастіи къ новизнѣ; это обвиненіе намъ кажется совершенно несправедливымъ, по-крайней-мѣрѣ, въ отношеніи къ публикѣ Итальянской оперы; мы готовы даже упрекнуть ее иногда въ противномъ. Мы, напримѣръ, никакъ не можемъ понять, что *„Донъ Паскуале“* каждый годъ является въ репертуарѣ Итальянской оперы, и каждый годъ привлекаетъ такое множество зрителей и возбуждаетъ такой восторгъ. Правда, что въ немъ есть два-три нумера превосходные; что рѣдкая опера идетъ такъ стройно и живо; что Лаблашъ неподражаемъ въ роли влюбленнаго старика; правда, что г-жа Зонтагъ, Кальцолари и Колини очень хорошо выполняютъ свои неважныя роли; однако-же правда и то, что для двухъ-трехъ хорошихъ нумеровъ надо высидѣть цѣлыхъ три дѣйствія фарсовъ и музыкальныхъ пошлостей; однимъ словомъ, что это одна изъ самыхъ слабыхъ партитуръ покойнаго Доницзетти, который, — Аполлонъ ему судья! — довольно написалъ на своемъ вѣку слабыхъ партитуръ. Слушать нѣсколько лѣтъ сряду безконечную серенаду третьяго дѣйствія съ ея безсмѣнною ритурнелью бубенъ и мѣдныхъ тарелокъ, по нашему — величайшій подвигъ многотерпѣнія и самоотверженія!

Самое важное событіе въ Итальянской операхъ, это — дебютъ дѣвицы Каролины Дюпре, дочери знаменитаго тенора. Она явилась въ первый разъ въ *„Лучіи“*, и съ перваго-же разу завоевала себѣ высокое мѣсто въ числѣ первоклассныхъ

пѣвицъ нашего времени. Голосъ ея — острый сопрано, сильный и звучный, но нѣсколько рѣзкій; объ обработкѣ его можно уже судить потому, что учителемъ ея былъ отецъ, едва-ли не первый учитель драматическаго пѣнія въ наше время. Молодая артистка принадлежитъ совершенно къ школѣ отца, которой основное правило — не стараться щеголять хитростями вокализаціи, а искать въ пѣніи чувства, драматизма, и усвоивать себѣ всѣ трудности искусства, только какъ средство для выраженія мысли. При чрезвычайной молодости артистки, — ей всего семнадцать лѣтъ, — нельзя требовать отъ нея совершенной самостоятельности въ постиженіи и передачѣ ролей; однако-же можно уже угадать, что она и какъ актриса будетъ достойна славы своего имени. Самъ Дюпре́ исполнялъ роль Эдгара. Увы, если въ дебютанткѣ съ удовольствіемъ угадываешь блестящую будущность, то въ немъ остается только угадывать прошедшее, — прекрасное, великое прошедшее, но уже невозвратно утраченное. Впрочемъ не будемъ слишкомъ строго судить отца, который желаетъ сопровождать первыя стопы своей дочери на поприщѣ искусства, и за отсутствіемъ голоса будемъ на этотъ разъ довольствоваться однимъ его драматическимъ талантомъ.

Второй дебютъ дѣвицы Дюпре́, въ *„Любовномъ напиткѣ“*, вполнѣ подтвердилъ благосклонное мнѣніе о ней публики. Сколько въ ней было чувства и энергіи въ Лучіи, столькоже здѣсь явила она игриваго ума и кокетливости. Мы не много припомнимъ такихъ обворожительныхъ Адинъ. Лаблашъ, хотя уже нѣсколько лѣтъ отказавшійся отъ роли доктора Дулькамары и передавшій ее Ронкони, опять принялъ ее на себя, чтобы придать болѣе блеску дебютамъ молодой артистки. Остальныя роли, Неморино (Кальцолари) и сержантъ Белькоре (Ферранти) были также исполнены мастерски, такъ, что это было однимъ изъ самыхъ блистательныхъ представленій нынѣшняго сезона.

Вслѣдъ за *„Любовнымъ напиткомъ“*, говорятъ, пойдетъ Моцартовъ *„Донъ-Жуанъ“*, съ Дюпре въ роли дона Оттавіо! Увы! А за тѣмъ *„Буря“* Галеви, для которой ждутъ возвращенія изъ Мадрида тенора Гардони! Опять увы! Ужъ лучше Дюпре съ памятью прошедшаго таланта, чѣмъ Гардони

съ отсутствіемъ всякаго таланта, въ прошедшемъ, въ настоящемъ, и въ будущемъ!

Французскій театръ вознаграждаетъ отсутствіе новыхъ пьесъ блистательными дебютами дѣвицы Магдалины Броганъ. Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ, мы говорили уже о появленіи этой молодой артистки въ новой комедіи Скриба: *„Сказки королевы Наварской“*. Дебютантка слишкомъ хорошо чувствовала свои силы, чтобы довольствоваться этимъ успѣхомъ, и рѣшилась немедленно приступить къ труднѣйшимъ ролямъ Мольера. Но чтобы приготовиться къ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовить къ тому публику, она совершила переходъ отъ новой, Скрибовской комедіи къ Мольеру черезъ пьесы Мариво́, которыя дѣйствительно составляютъ родъ средняго звѣна между классическою комедіею и нынѣшнею. Она избрала двѣ изъ лучшихъ ролей г-жи Марсъ, графиню въ *„Завѣщаніи“* и Сильвію въ *„Игрѣ любви и случая“*. Мы позволимъ себѣ усомниться въ вѣрности этого расчета; для артистки молодой, неопытной, не свыкшейся со сценою, характеры, очертанные смѣлою рукою, широкою кистью, по нашему мнѣнію должны быть доступнѣе характеровъ, сложенныхъ изъ множества мелкихъ, почти микроскопическихъ чертъ, и требующихъ по этому большаго навыка, чрезвычайно вѣрнаго глаза, который разомъ проникалъ-бы во всѣ ихъ тонкіе изгибы. Конечно, и въ смѣлыхъ характерахъ Шекспира и Мольера есть такія мелкія черты, непримѣтныя при первомъ взглядѣ, выводы изъ основной идеи характера; и чѣмъ смѣлѣе, чѣмъ шире начертана эта основная идея, тѣмъ разнообразнѣе и многосложнѣе выводы, которыя разовьетъ изъ него опытный художникъ. Изысканіе всѣхъ этихъ выводовъ, изученіе характера во всѣхъ его подробностяхъ — задача всей жизни артиста. Госпожа Марсъ говорила, что она всю жизнь изучала Селимену, а все-таки не исчерпала вполнѣ этого характера. Но отнимите у картины Рафаэля краски и детальную отдѣлку, оставьте одинъ эскизъ, вы имѣете уже понятіе о мысли, которую хотѣлъ выразить живописецъ: то же самое и съ этими характерами; отбросьте всѣ мелкіе выводы, детали, передъ вами остается сильный, наглядный, выразительный эскизъ. Попытайтесь же сдѣлать то же самое съ *мелкошовными*, такъ сказать, характерами, въ родѣ харак-

теровъ Мариво́; отбросьте детали, даже не всѣ, а только нѣкоторыя, и въ характерѣ нѣтъ ни опредѣленности, ни рельефности, потому-что онъ былъ составленъ изъ всѣхъ этихъ деталей, пригнанныхъ другъ къ другу. Артистъ начинающій, который не успѣлъ еще достаточно изощрить свой умъ, чтобы развивать идею до послѣднихъ результатовъ, не имѣя никакой точки опоры, схватываетъ только нѣкоторыя стороны характера, и разрушаетъ его гармонію; между тѣмъ какъ возьмись онъ за характеръ, ясно и опредѣлительно начертанный въ эскизѣ, онъ сразу видитъ характеръ въ его цѣломъ и имѣетъ нить, которая будетъ руководить его въ подробностяхъ; многихъ частностей онъ, можетъ-быть, не доскажетъ, многія подробности упуститъ изъ виду; но съ навыкомъ и съ опытомъ, по мѣрѣ совершенствованія своего таланта, онъ будетъ пополнять эти недостатки. Къ этимъ мыслямъ привелъ насъ примѣръ дѣвицы Броганъ. Она взялась за комедіи Мариво, какъ за ступень, долженствовавшую вести ее къ геніяльнымъ созданіямъ Мольера; а на повѣрку вышло, что она гораздо удачнѣе исполнила роль Селимены въ Мольеровомъ *„Мизантропѣ“*, чѣмъ характеры Мариво́. Конечно, исполненіе этой роли далеко отъ совершенства; въ немъ много недостатковъ, происходящихъ отъ молодости артистки; но по-крайней-мѣрѣ характеръ представляется опредѣленно и рельефно, между-тѣмъ, какъ въ роли графини въ *„Завѣщаніи“* видно, что артистка старается уловить характеръ, но онъ безпрестанно увертывается отъ нея. Роль Сильвіи въ *„Игрѣ случая и любви“*, дѣвица Броганъ исполнила нѣсколько удачнѣе, потому именно, что этотъ характеръ самъ по себѣ рельефнѣе и смѣлѣе обрисованъ.

Другое обстоятельство, которое въ настоящее время очень занимаетъ обычниковъ Французскаго театра, — это принятіе госпожи Рашель общницею этого театра. Извѣстно, что госпожа Рашель соединяетъ съ прекраснымъ талантомъ чрезвычайно капризный и властолюбивый нравъ и ненасытную жадность къ деньгамъ. Званіе общницы Французскаго театра налагало на нее нѣкоторыя условія, которыя показались ей слишкомъ тяжкими; такъ она должна была подчинять свои капризы уставу общеетву и рѣшеніямъ совѣта; должна была нести службу наравнѣ съ своими товарищами, поль-

зоваться отпусками, только допускаемыми уставомъ. И она была связана такимъ образомъ на двадцать лѣтъ. Нисколько не удивительно, что она возстала противъ всѣхъ этихъ стѣсненій, которыя, однако-же, другимъ артистамъ не казались стѣснительными, и — раздражительная, слабонервная артистка стала безпрестанно хворать, и преимущественно въ дни своихъ представленій. Благодаря слабости театральнаго комитета и покровительству нѣкоторыхъ сильныхъ лицъ, ей удалось выговорить себѣ льготы и условія, какими не пользовался еще ни одинъ артистъ Французскаго театра. Однако-же и этого было ей мало. Наконецъ, капризная трагическая царица вспомнила, что въ знаменитомъ декретѣ 1812 года, которымъ донынѣ управляется Французскій театръ, есть статья, дозволяющая общникамъ, въ случаѣ серіозной болѣзни, брать увольненіе изъ общества послѣ десяти лѣтъ службы. Французскій театръ сначала сопротивлялся, ссылаясь на то обстоятельство, что слабость здоровья нисколько не препятствуетъ госпожѣ Рашель брать безпрестанно отпуски, и что она не щадитъ въ отпускахъ своихъ разстроенныхъ нервовъ, а за частую играетъ по нѣсколько вечеровъ сряду въ разныхъ городахъ. Какъ-бы то ни было, но Французская комедія проиграла процессъ и принуждена была уволить свою своенравную любимицу, которая черезъ недѣлю, ко всеобщему удивленію, совершенно выздоровѣла и снова поступила въ тотъ-же театръ, но уже постороннею артисткою, на условіяхъ, которыя ей угодно было предписать въ контрактѣ. Въ такомъ отношеніи къ Французскому театру была она до ноября мѣсяца, когда минулъ срокъ ея контракту; съ тѣхъ поръ почти два мѣсяца продолжала играть на прежнихъ условіяхъ, не имѣя вовсе контракта. Однако-же, такая неопредѣленность отношеній не могла продолжаться, и дирекція настоятельно приглашала актрису возобновить контрактъ или объявить свои намѣренія на будущее время. Послѣ долгихъ размышленій, г-жа Рашель изъявила желаніе снова вступить въ общество Французскаго театра и докончить остающіеся ей десять лѣтъ службы, не отказываясь однако-же отъ льготъ, которыми она пользовалась прежде, и въ которыхъ было сдѣлано для нея отступленіе отъ устава общества. Сверхъ того, она требо-

вала, чтобы немедленно по поступленіи ея, данъ былъ ей отпускъ на пятнадцать мѣсяцевъ, безъ удержанія причитающейся ей за это время доли изъ суммы отпускаемой правительствомъ на содержаніе театра (42,000 франковъ въ годъ.) Эти требованія показались комитету общества столь неумѣстными, что онъ ихъ отвергъ, объявивъ себя не въ правѣ выходить изъ предѣловъ устава театра. Послѣ этого можно было опасаться окончательной ссоры артистки, которая не привыкла жертвовать своими прихотями и денежными выгодами, съ театромъ, на которомъ развился ея талантъ. Однакоже посредство нѣкоторыхъ лицъ склонило обѣ стороны къ взаимнымъ уступкамъ, и дѣло теперь улажено. Г-жа Рашель снова поступаетъ въ общество Французскаго театра, сохраняя тѣ льготы, которыя были ей предоставлены до ея увольненія; сверхъ того, первые три года имѣетъ она пользоваться ежегодно шестимѣсячнымъ отпускомъ, съ тѣмъ однако-же, что она эти три года будетъ получать только тридцать тысячъ франковъ; по прошествіи же трехъ лѣтъ отпускъ ея ограничится только тремя мѣсяцами въ годъ. Слѣдовательно, г-жа Рашель отстояла свое главное желаніе: полтора года, хотя и не въ одинъ разъ, которые она можетъ употребить на свои артистическія кочеванія по свѣту. Вѣнки и доллары, которые пожинала въ Америкѣ Фанни Эльслеръ и которые теперь пожинаетъ Женни Линдъ, не даютъ ей спокойно уснуть, и теперь только и слуху, что о намѣреніи ея познакомить американцевъ съ трагедіями Корнелья и Расина. Увѣряютъ, что она уже почти заключила контрактъ съ Митчелемъ, бывшимъ директоромъ Французскаго театра въ Лондонѣ; что онъ снова откроетъ театръ ко Всемірной выставкѣ, а потомъ повезетъ свою труппу въ Америку; прибавляютъ, что г-жа Рашель выговорила себѣ платы 800,000 франковъ за годъ. Другая страна, которая очень привлекаетъ артистку, это Россія, гдѣ она также надѣется набрать груды золота; очень вѣроятно, что она воспользуется первымъ свободнымъ отпускомъ, чтобы пожаловать къ вамъ въ Петербургъ.

Но мы слишкомъ заговорились о капризахъ театральной героини, и отклонились отъ настоящей своей задачи, обозрѣнія новыхъ пьесъ. Запасъ ихъ въ истекшемъ мѣсяцѣ былъ довольно скуденъ, и не займетъ у насъ много времени. Но

прежде упомянемъ еще, что 15 января Французскій театръ и Одеонъ, по старинному обычаю, праздновали годовщину (229-ую) рожденія Мольера, съ обычнымъ выходомъ всей труппы и торжественнымъ вѣнчаніемъ бюста великаго комика. При этомъ особенное вниманіе обратила на себя, на театрѣ Одеона, молодая артистка, которая до-сихъ-поръ имѣла мало случаевъ явить свой прекрасный талантъ. Это дѣвица Жоассенъ, исполнившая роль Арсинои въ «*Мизантропѣ*» съ такимъ искусствомъ, что Французскій театръ, считающій себя по преданію Пантеономъ всѣхъ великихъ драматическихъ талантовъ Франціи, начинаетъ помышлять о томъ, какъ-бы переманить ее на свою сцену.

На театрѣ Одеона, за неимѣніемъ лучшихъ новостей, съ удовольствіемъ смотрятъ комедію въ одномъ дѣйствіи г. Сувестра, «*Мужичокъ*». Содержаніе ея очень не ново и незамысловато, и выкупается она только превосходною игрою вновь ангажированнаго актера, Тиссерана, для котораго она написана, и который неподражаемъ въ роляхъ смышленыхъ, плутоватыхъ крестьянъ. Все дѣло въ томъ, что какой-то молодой графъ съ пріятелемъ своимъ артистомъ бѣгутъ отъ послѣдствій дуэли и прячутся въ избѣ знакомаго крестьянина, гдѣ они для препровожденія времени дурачатъ мужа и отпускаютъ нѣжности его молоденькой женѣ. Но ей это вовсе не по душѣ; она все разсказываетъ мужу, который съ ея помощью дурачитъ самихъ пріятелей, заставляетъ ихъ простоять нѣсколько часовъ подъ окномъ, на морозѣ, ссоритъ ихъ за какую-то вдовушку баронессу, на которую оба имѣютъ виды, и доказываетъ имъ на опытѣ, что онъ дерется на эспадронахъ несравненно лучше ихъ обоихъ; и не мудрено, онъ былъ когда-то самъ фехтовальнымъ учителемъ. Въ пьесѣ нѣтъ ни завязки, ни развязки, но есть нѣсколько забавныхъ сценъ, прекрасно переданныхъ господиномъ Тиссераномъ.

«*Конецъ комедіи*», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, написанныхъ для этого же театра г. Таксиль-Делоромъ, доказываетъ, что можно быть очень умнымъ критикомъ и замысловатымъ фельетонистомъ, и въ то же время плохимъ драматургомъ. Самъ авторъ понялъ это; и несмотря на то, что публика прослушала его пьесу безъ особыхъ знаковъ неодобренія, а только съ очевидною скукою, онъ не допустилъ ее до вто-

раго представленія, признавъ ее недостойною сцены. По этому и мы не будемъ болѣе распространяться о грѣшкѣ умнаго человѣка.

Театръ Драматической Гимназіи догадался наконецъ, что пора ему, въ первый разъ по основаніи, немножко поумыться, поокраситься, принарядиться; и вотъ онъ явился въ совершенно обновленномъ видѣ. Трудно вообразить себѣ что-нибудь щегольватѣе, кокетливѣе, изящнѣе этой залы; жаль только, что нельзя сказать того же о пьесахъ, которыя дирекція припасла для перваго представленія; количествомъ ихъ было достаточно, — три; но качествомъ — посудите сами.

Само собою разумѣется, что театръ не могъ открыться безъ пролога; господа Дюмануаръ и Клервиль взялись состряпать ему прологъ, подъ названіемъ «*Записки Гимназіи.*» Прологъ такъ себѣ, не лучше не хуже множества другихъ прологовъ, тутъ вы найдете всего по немногу: и воспоминанія прошедшихъ успѣховъ, и пародіи, и каррикатуры, и смѣхъ, и слезы умиленія, и брань на прошедшее, и сѣтованія на настоящее, и золотыя горы въ будущемъ; есть даже олицетвореніе Драматической-Гимназіи; не достаетъ только — пьесы и ума.

«*Дочь короля Рене, или Долина фей,*» комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, г. Гюстава Лемуана, уже имѣетъ нѣкоторыя притязанія на названіе пьесы. У короля Рене есть дочь, помолвленная за графа де-Водемона; она слѣпа отъ рожденія, но отецъ скрываетъ отъ всѣхъ это несчастіе. Ни дать ни взять «*Торговецъ дѣтскими игрушками*», котораго мы видѣли на этомъ театрѣ въ прошломъ году, съ тѣмъ различіемъ, что въ новой пьесѣ нѣтъ ни той наивности, ни той занимательности. Графъ де-Водемонъ, пріѣхавъ въ Провансъ, случайно находитъ дѣвушку, спящею подъ деревомъ и влюбляется въ нее, не зная, что она дочь короля Рене и его невѣста.... Конецъ доскажемъ вамъ въ будущій разъ, если пьеса будетъ повторена; потому что въ первое представленіе публика очень громко изъявила свое нежеланіе видѣть второе дѣйствіе, и занавѣсъ долженъ былъ опуститься съ первой сцены.

Если такая-же участь не постигла галиматьи, которую господа Баяръ и Варнеръ представили подъ именемъ „*Лодочника*“, и она была дослушана до конца, то это развѣ

потому только, что публика не хотѣла ознаменовать открытія театра паденіемъ двухъ пьесъ въ одинъ вечеръ. Можно однако-же сказать съ достовѣрностью, что директоръ не отважится повторить новое произведеніе знаменитыхъ водевилистовъ.

Успѣхъ одинадцатилѣтней Селины Монталанъ на театрѣ Монтансье возбудилъ соревнованіе Драматической Гимназіи, и вотъ она представляетъ намъ свое чудо въ такомъ-же родѣ, Юдиѳь Феррейру, дѣвочку, выкопанную изъ какой-то загородной корчмы, гдѣ она забавляла и смѣшила окрестныхъ мужичковъ и крестьянокъ. Мы уже видѣли ее на сценѣ Драматической-Гимназіи, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ; потомъ всѣ о ней забыли, но теперь она снова является въ пречувствительной и пренравоучительной пьесѣ, сочиненной для нея господами Клервилемъ и Жюлемъ Кордье. Авторы видимо садятся въ чужіе сани; до-сихъ-поръ чувствительности и правоученія въ ихъ произведеніяхъ и духомъ не пахло. Мосье и мадамъ Тибо представляли образецъ супружескаго согласія, пока не прошла между нихъ кошка подъ видомъ подъячаго Клопинé. Съ этого времени они безпрестанно вздорятъ и ссорятся, и поговариваютъ даже о формальномъ разводѣ. Но если Клопинѐ съ одной стороны мутитъ, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, съ другой стороны не менѣе усердно дѣйствуетъ противникъ, котораго онъ не подозрѣваетъ; это Маша, малютка дочь мосьё и мадамъ Тибó. Каждой хитрости подъячаго она противупоставляетъ другую хитрость, и ведетъ свое дѣло такъ успѣшно, что уличаетъ негодяя, и миритъ своихъ родителей. Мосьё и мадамъ Тибó клянутся жить вѣчно въ любви и согласіи, какъ Филемонъ и Бавкида, а чтобъ упрочить миръ, деньги, назначавшіяся на процессъ и разводъ, опредѣляютъ на приданое Машѣ; почему и пьеса называется «*Машино приданое.*» Не смотря на наше расположеніе ко всѣмъ вообще удивительнымъ дѣтямъ, къ малюткамъ артистамъ въ музыкѣ и на театрѣ, мы должны сознаться, что маленькая Юдиѳь исполняетъ свою роль чрезвычайно умно и мило.

Господину Баяру нынче рѣшительно не везетъ. Чтобы поправиться отъ пораженія, нанесеннаго ему въ „*Лодочникѣ*“, онъ поставилъ на томъ-же театрѣ другую пьесу „*Всякому свой чередъ, умѣй только выжидать!*“ но участь ея

была малымъ чѣмъ отраднѣе. Въ пьесѣ есть забавныя сцены; но она ужасно смахиваетъ на пародію перваго дѣйствія Корнелева *Сида*, и была принята очень холодно.

Театръ Разнообразія представилъ новую комедію-водевиль съ переодѣваніемъ, для госпожи Делормъ. *„Шевалье де-Пезена“*, господина Лорансена. Этотъ шевалье де-Пезена́ никто иной, какъ хорошенькая, молоденькая маркиза, — само собою разумѣется вдовушка, — которая проводитъ все свое время въ рысканіи по Сенъ-Жерменскому лѣсу, то простою гризеткою, то въ золотомъ мундирѣ легкой конницы Людовика XV. Рыщетъ-же она за тѣмъ, чтобы поймать нѣкотораго молодаго маркиза Савиньяка, который прежде объяснялся ей въ любви, но въ чувствахъ котораго она не совсѣмъ увѣрена. Савиньякъ съ своей стороны придумываетъ хитрости, которыя онъ считаетъ весьма новыми, но которыя вовсе не новы для посѣтителей водевилей, чтобы удостовѣриться въ любви молодой вдовушки. Отсюда тьма недоразумѣній и путаницъ, которыя приводятъ влюбленныхъ къ тому результату, что они другъ друга терпѣть не могутъ. За тѣмъ ссоры, мировыя и опять ссоры. Наконецъ, перепутавъ хорошенько всѣ нити авторъ объясняетъ публикѣ то, что она знала напередъ: что маркизъ и маркиза безъ ума другъ отъ друга, и что имъ остается только сыграть свадебку.

„Взаимное обученіе“, шутка господина Теодора Барьера, съ музыкою Гервé, фарсъ очень забавный, но вовсе не замысловатый. Все дѣло въ томъ, что молодой человѣкъ — должно быть еще очень молодой, — влюбился въ дѣвушку, которую онъ сначала принялъ за классную даму въ пансіонѣ, но которая, какъ послѣ оказывается, не умѣетъ даже ни читать, ни писать. Но за то она знаетъ всевозможные роды полекъ, мазурокъ, редовъ, шоттишей, и прочая, и живетъ преподованіемъ этихъ танцевъ. Молодой мечтатель вбиваетъ себѣ въ голову, что онъ обучитъ, перевоспитаетъ свою невѣсту, и представитъ ее своимъ роднымъ совершенствомъ изъ совершенствъ. Начинаются уроки; но съ перваго-же урока книги, перья, тетради летятъ въ каминъ, и молодой человѣкъ самъ выучивается отлично танцовать по́льки, мазурки, редовы, и прочая; и наконецъ убѣждается, что женѣ съ добрымъ сердцемъ и веселымъ правомъ не нужно ни читать, ни писать.

На театрѣ Сенъ-Мартенскихъ воротъ, къ крайнему нашему удивленію и великой радости, — ни одной трескучей драмы. Весь его итогъ новостей заключается въ одной комедіи-водевилѣ госпожи Анаисы Сегела: *„Бабушкины женихи“*. При всемъ нашемъ уваженіи къ произведеніямъ женскаго пера, мы посовѣтывали-бы госпожѣ Сегала ограничиться своими стихотвореніями, которыя очень милы, и дѣтскими книжками, въ которыхъ много ума, и не пускаться на сцену, потому что сцена очевидно создана не для нея. Комедія ея сильно отзывается дѣтскою нравоучительною сказочкою для взрослыхъ дѣтей. Мадамъ де-Форбенъ, бабушка, хочетъ женить своего внука Фабіена; онъ не прочь-бы отъ того, еслибъ пріятели, и особенно одинъ старый селадонъ, баронъ де-Мюксёль, не сбивали его съ толку, и не увѣряли, что ему еще рано жениться, что надо еще пожить и подурачиться. Это-бы еще ничего; но вотъ ему подаютъ пламенную записку, подписанную „Серафима“, и вмѣстѣ съ тѣмъ прелестный женскій портретъ съ назначеніемъ свиданія. Старый баронъ узналъ въ портретѣ какое-то знакомое лицо, и отправляется самъ на свиданіе. Въ темнотѣ мадамъ де-Форбенъ и баронъ де-Люксель узнаютъ другъ въ другѣ предметъ своихъ юношескихъ мечтаній и первой любви. Можете представить себѣ ихъ радость; но увы! она не продолжительна; первый лучъ поданной свѣчи, показываетъ имъ, что молодость сердца и воспоминаній не помѣшала состарѣться ихъ лицамъ! Этотъ эпизодъ, самый занимательный въ пьесѣ госпожи Сегала, только на время отложилъ урокъ назначенный Фабіену. Прибывъ на свиданіе, онъ встрѣчаетъ бабушку, съ которою долженъ играть въ шашки, и узнаетъ, что пламенное письмо Серафимы только проба, присланная ему полусумасшедшимъ романистомъ, который во всякомъ встрѣчномъ ищетъ себѣ издателя. Этотъ урокъ приводитъ молодаго человѣка къ уму-разуму, и онъ женится на назначенной ему невѣстѣ.

Къ этому перечню новостей Парижскихъ театровъ, можно бы еще прибавить съ полдюжины разныхъ revues, явившихся на разныхъ театрахъ: *„Послѣдній день Нантскаго отеля“* господина Ганри-де-Кока, на театрѣ Разнообразія; *«Journal pour rire»*, господъ Клервиля и Кордье, на театрѣ Сен-

мартенскихъ воротъ; *„Путешествіе улитокъ„* (улитки, кажется, водворились на сценѣ на всю зиму)! — господъ Лепрево и Тибу, *„Чепуха“*, господъ Делакура и Гене, и прочая; также нѣсколько пародій на *„Блуднаго сына“*. Но это все одно и тоже: въ болѣе или менѣе вычурной и нелѣпой рамкѣ все тѣже пародіи *„Блуднаго сына“*, *Пальяцца“*, *„Сказокъ королевы Наварской“*, *„Маріанны“*; тѣже шутки надъ макадамовскими шоссе, индѣйскимъ раджею, который все скидаетъ съ себя отъ чалмы до туфель, къ ногамъ оперныхъ танцовщицъ, надъ улиточною симпатіею, сборами на всемірную выставку, надъ художественною выставкою, на которую будутъ пускаться только les gens éclairés, то-есть, со свѣчами, и прочая, и прочая. Оставимъ же въ покоѣ эти творенія, назначенныя посмѣшить публику впродолженіе нѣсколькихъ вечеровъ, и заключимъ свою статью парою словъ въ память одного талантливаго артиста, который доставлялъ много удовольствія, если не намъ, то нашимъ отцамъ, и въ которомъ товарищи его оплакиваютъ не только друга, но и учителя, всегда готоваго помочь имъ своимъ опытомъ и знаніемъ.

Мы говоримъ объ Адріенѣ Перле, который былъ однимъ изъ первыхъ украшеній театра Драматической-Гимназіи. Никто не могъ знать его лучше Сансона, его товарища и друга почти съ дѣтства; поэтому мы цѣликомъ заимствуемъ то, что Сансонъ писалъ о немъ на другой день послѣ его погребенія.

«Вчера друзья Перле проводили его въ послѣднее жилище, и я произнесъ нѣсколько словъ надъ его могилою. Сегодня я еще поговорю о старомъ другѣ, котораго я оплакиваю; онъ тоже сдѣлалъ бы для меня, еслибъ я умеръ первый; это горестная, но святая обязанность, лежащая на пережившемъ.

«Адріенъ Перле родился въ Марсели, въ 1795 году; отецъ его былъ провинціяльный актеръ и театральный директоръ; онъ игралъ также въ Парижѣ, и въ послѣднее время поселился въ этомъ городѣ, какъ театральный корреспондентъ. Дѣти отъ природы склонны къ подражанію, а тѣмъ болѣе, когда въ нихъ есть зародышъ драматическаго таланта. Дѣтскою забавою Адріена было воспроизведеніе всего, и забавнаго и серьезнаго, что онъ видѣлъ вокругъ себя. Особенно любилъ онъ приводить въ дѣйствіе кукольный театръ; рѣчи, которыя онъ влагалъ въ уста маріонетокъ, нерѣдко приводили его въ

слезы, которыя онъ отиралъ рукавами тѣхъ самыхъ актеровъ, для которыхъ онъ импровизовалъ роли. По окончаніи гимназическаго курса, онъ назначался въ врачи; но страсть къ театру увлекла его. Онъ представился въ Императорскую Консерваторію музыки и декламаціи; я присутствовалъ на его экзаменѣ, 15 ноября 1810 года, и помню его такъ живо, какъ-бы это было вчера. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ нашего добраго директора Саррета, состояла изъ Тальмы, Флери, Батиста старшаго и Лафона. Перле никогда еще не являлся передъ такими страшными судьями; однако-же онъ прочелъ первую сцену «*Наслѣдника*» съ такою юношескою веселостью и съ такимъ комизмомъ, что всѣ присутствующіе, директоръ, профессора, ученики, секретарь, валялись со смѣху. Само собою разумѣется, что онъ былъ принятъ единогласно, преимущественно на амплуа Криспеновъ, или Пуассоновъ, какъ тогда называли это амплуа, по имени перваго его творца и двухъ преемниковъ его имени и славы. Флери былъ въ такомъ восторгѣ, что немедленно по возвращеніи изъ Консерваторіи написалъ поздравительное письмо къ отцу Адріена, съ правописаніемъ истиннаго маркиза прошлаго вѣка.

«Адріену Перле было въ это время пятнадцать лѣтъ. Его выдавшійся лобъ, живые, впалые глаза, ужасная худоба и флегма, платье, изъ котораго онъ давно выросъ, все это придавало ему преуморительный видъ. Нрава онъ былъ очень веселаго, нѣсколько насмѣшливаго, а хладнокровіе, съ которымъ онъ отпускалъ свои шутки, придавало ему еще болѣе колкости и оригинальности. Я поступилъ въ Консерваторію за нѣсколько мѣсяцевъ до него, и мы очень полюбили другъ друга. Я учился у Лафона, онъ у Батиста. У Тальмы былъ тогда одинъ ученикъ, Реймонъ, котораго онъ очень высоко ставилъ, и который дѣйствительно стяжалъ бы огромную славу въ первыхъ роляхъ, и въ трагедіи и въ комедіи, потому-что имѣлъ равныя способности къ той и другой. Онъ также присталъ къ намъ, и мы такъ подружились, что товарищи называли насъ неразлучками. Реймонъ умеръ въ 1815 году; но когда я бывалъ съ Перле, онъ оживалъ во всѣхъ нашихъ бесѣдахъ, и примѣшивался ко всѣмъ нашимъ воспоминаніямъ.

«Способности Перле развивались съ необыкновенною бы-

стротою; въ 1811 году онъ получилъ первую награду въ комедіи, и считался ученикомъ съ рѣдкимъ дарованіемъ, долженствовавшимъ сдѣлаться первоклассымъ артистомъ. Онъ обладалъ прекраснымъ органомъ, и до того выразительнымъ, что Тальма говорилъ ему иногда: «Съ вашимъ голосомъ, вы могли бы отлично играть трагедію, еслибъ только не была у васъ такая комическая наружность». Въ этомъ году въ Консерваторіи были публичныя упражненія, состоявшія изъ сценъ изъ трагедій, комедій, и комическихъ оперъ. Вся знать съѣзжалась на эти представленія, которыя давались днемъ. Перле былъ однимъ изъ главныхъ ихъ украшеній; тутъ же блистали Поншаръ, Левассеръ, дѣвица Калло (впослѣдствіи г-жа Поншаръ), дѣвица Паларъ (впослѣдствіи г-жа Риго). Реймонъ былъ конечно героемъ этихъ праздниковъ, и торжествовалъ вмѣстѣ съ Перле; но Перле все-таки былъ любимцемъ публики, ея баловнемъ; едва онъ показывался, едва слышался его голосъ, и вся зала уже хохотала и аплодировала напередъ.

«Я былъ годомъ старше его, и конскрипція, которая тогда не щадила никого, должна была оторвать меня отъ моихъ артистическихъ занятій. Мнѣ оставалась одна надежда уйдти отъ конскрипціи: взять первую награду на конкурсѣ; но я не могъ и думать о первой наградѣ рядомъ съ Перле, который былъ гораздо выше меня по таланту. Это было въ 1812 году. Перле отказался отъ конкурса; но великодушіе его не имѣло желаннаго результата; я не былъ изъятъ отъ конскрипціи, и уже собирался ѣхать въ армію, когда Наполеонъ прислалъ изъ Москвы свой знаменитый декретъ, которымъ донынѣ управляется Французскій-театръ. Этимъ декретомъ учреждался пансіонъ для молодыхъ актеровъ, на подобіе существовавшаго уже пансіона для молодыхъ пѣвцовъ. Это спасло меня отъ воинской славы, которая въ то время была такъ страшна. Я поступилъ въ пансіонъ вмѣстѣ съ Перле и съ Реймономъ, и мы зажили по-прежнему, не заботясь о будущемъ.

«На Перле находили однако-же, хотя изрѣдка, минуты, когда веселость его пропадала передъ началомъ физическаго страданія. Это былъ зародышъ болѣзни, которая никогда не оставляли его. Мы напрасно трунили тогда надъ нимъ, называя его мнимымъ больнымъ.

„Въ молодости Перле найдется множество забавныхъ анекдотовъ, которыми можно-бы испестрить его біографію; въ другое время я разсказалъ бы нѣкоторые изъ нихъ; но на другой день послѣ похоронъ друга не до смѣху. Я приведу однакоже одинъ. Какъ воспитанники казеннаго заведенія, мы ходили въ мундирѣ, который въ торжественные дни состоялъ изъ синяго фрака и короткихъ бѣлыхъ брюкъ. Никто изъ насъ не былъ одаренъ полными икрами, а что можетъ быть смѣшнѣе короткихъ брюкъ съ поджарыми икрами? Это очень оскорбляло наше самолюбіе; однакоже нечего было дѣлать, мы покорялись необходимости. Одинъ только Перле вздумалъ перещеголять насъ; а какъ у него не было лишнихъ денегъ на покупку подвязныхъ икръ, то онъ распоролъ свой тюфякъ, вынулъ изъ него нѣсколько хлопьевъ шерсти, и пополнилъ ими недостатокъ своихъ ногъ; къ несчастію, онъ не подумалъ покрѣпче подвязать ихъ, такъ что они съѣхали внизъ, и его ноги стали еще поджарѣе. Между тѣмъ надзиратель Консерваторіи подмѣтилъ шалость Перлé, и подалъ директору прегрозный докладъ, обвиняя Адріена въ *„покражѣ казенной шерсти.“* Но Сарретъ посмѣялся только докладу, простилъ виновнаго и посовѣтовалъ ему впредь покрѣпче подвязывать икры.

Въ 1813 году первая награда была единогласно присуждена Перлé. Но наступило грозное время; въ 1814 году пансіонъ былъ закрытъ, и положеніе наше стало очень незавидно. Отецъ Перлé былъ человѣкъ очень добрый, но вспыльчивый и строгій; Адріенъ ужасно боялся его и часто пропадалъ изъ родительскаго дома. Однажды мы встрѣтились въ одной изъ самыхъ темныхъ аллей Тюильрійскаго сада, часу въ пятомъ вечера. — „Что ты тутъ дѣлаешь?“ — Гуляю. — „И я также.“ — А обѣдалъ ты? — „Нѣтъ; а ты?“ — Нѣтъ. — Такъ будемъ бесѣдовать о театрѣ.“ И мы пустились, на голодный желудокъ, въ разсужденія о театрѣ, о будущей нашей славѣ, двухъ предметахъ для насъ неисчерпаемыхъ.

Въ 1814 году Перлé дебютировалъ на Французскомъ театрѣ; дебюты его были очень блестящи; но — имѣлъ-ли онъ какое тайное горе, котораго онъ мнѣ не открывалъ, или это было просто дѣйствіе зарождавшейся болѣзни, только онъ былъ въ это время чрезвычайно печаленъ, за что я часто журилъ его. Эта грусть вредила даже его игрѣ и успѣхамъ,

и прежняя веселость его возвратилась только въ роли Криспена въ *„Наслѣдникѣ“*, которая такъ повезла ему нѣкогда въ Консерваторіи. Вскорѣ послѣ своихъ дебютовъ, онъ отправился въ Лондонъ, и игралъ съ огромнымъ успѣхомъ во множествѣ водевилей. Французскій театръ предложилъ ему ангажеманъ, на 1200 франковъ въ годъ; но онъ отвергъ это предложеніе. Съ того времени поприще его было самое блистательное; онъ въ короткое время пріобрѣлъ и славу, и хорошее состояніе. Изъ Лондона онъ перешелъ въ Брюссель, на мѣсто любимаго публикою актера Полена, стараго друга Флёри, который сорокъ лѣтъ ждалъ свиданія съ нимъ, и поссорился при первомъ почти свиданіи. Перлé скоро затмилъ славу Полена. Въ это время учредилась Драматическая Гимназія, и Перлé приглашенъ былъ въ ея труппу. Онъ дебютировалъ тутъ въ роли Ригодена, въ водевилѣ Пикара и Барре *„Лотерея на домѣ“*; пьеса, хотя уже не новая, имѣла громадный успѣхъ, благодаря его игрѣ. Въ Консерваторіи въ немъ была замѣтна склонность къ каррикатурѣ; но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ опыта, онъ совершенно исправился отъ этого недостатка, и сталъ умнымъ, тонкимъ комикомъ, не нуждающимся въ эфектахъ, основанныхъ на уродованіи характеровъ. Подвижность его физіономіи была изумительна; онъ почти на глазахъ зрителей мѣнялъ выраженіе лица и даже глазъ; напримѣръ, въ *„Этампскомъ актерѣ“*, ему стоило только надѣть парикъ, чтобы изъ молодаго человѣка обратиться въ старика, не сходя со сцены. Онъ имѣлъ также удивительный даръ поддѣлываться подъ мѣстныя нарѣчія и иностранный выговоръ; до него было принято уродовать на условный манеръ французскій языкъ англичанъ; онъ же перенималъ ихъ выговоръ такъ вѣрно, что сами англичане дивились ему. Изъ пьесъ, въ которыхъ онъ создалъ главныя роли, долго будутъ памятны *„Крестный отецъ“*, *„Гастрономъ на мели“*, *Секретарь и поваръ“* *„Мишель и Кристина“*, *„Этампскій актеръ“*, *„Ландо.“* Въ *„Мишелѣ и Кристинѣ“* онъ придалъ своей роли такую трогательную, неподдѣльную чувствительность, что сами авторы были изумлены. Я самъ слышалъ отзывъ г. Скриба, что Перлé исправилъ свою роль, придавъ ей оттѣнокъ, котораго самъ онъ и не подозрѣвалъ въ своей пьесѣ. Французскій театръ хотѣлъ при-

своить себѣ даровитаго артиста, которымъ справедливо гордилась Драматическая Гимназія, и по уставу могъ взять его противъ воли дирекціи. Но Перлé не хотѣлъ объ этомъ слышать; онъ предпочелъ лучше совсѣмъ удалиться съ парижскихъ театровъ, и играть въ провинціи. Впослѣдствіи онъ снова явился на театрѣ Драматической Гимназіи; но болѣзнь его все усиливалась, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ сцены въ тѣхъ лѣтахъ, когда талантъ обыкновенно достигаетъ полноты своего развитія.

„Перлé женился въ 1819 году на одной изъ дочерей Тьерселена, незабвеннаго любимца парижской публики, раздѣлявшаго на театрѣ Разнообразія славу Брюнé и Потьé. Къ несчастію, г-жа Перле была такого же слабаго, больнаго сложенія, какъ и мужъ ея, и они попеременно должны были нянчить другъ друга. Перле такъ нѣжно, такъ ревниво даже любилъ свою дочь, что былъ просто въ отчаяніи, когда пришлось ему разстаться съ нею и выдать ее замужъ.

„Перле глубоко изучилъ и страстно любилъ свое искусство; онъ написалъ даже нѣсколько книгъ по этому предмету, въ которыхъ видѣнъ геніяльный художникъ и человѣкъ рѣдкой образованности. Бесѣда его была чрезвычайно пріятна и поучительна, и онъ самъ любилъ дѣлиться съ людьми плодами своихъ размышленій и опытности. Друзья его всегда могли полагаться на его преданность и участіе, хотя онъ нерѣдко мучилъ ихъ своею раздражительностью и неровностью нрава, слѣдствіемъ его физическихъ страданій. Онъ нѣсколько лѣтъ осужденъ былъ принимать количество пищи едва достаточное для поддержанія жизни. Послѣдній ударъ нанесла ему смерть нѣжно любимой жены; онъ не отходилъ отъ нея въ послѣднюю ея болѣзнь, и по смерти ея видимо шелъ къ могилѣ. Она умерла 6 сентября, въ пятницу, въ восемь часовъ вечера; ровно черезъ три мѣсяца, также въ пятницу, въ восемь часовъ вечера, и онъ послѣдовалъ за нею.

„Хотя Перле давно уже не игралъ, однакоже онъ приносилъ еще огромную пользу драматическому искусству своими свѣдѣніями и совѣтами, которые онъ такъ охотно давалъ всѣмъ молодымъ артистамъ, обращавшимся къ нему. Друзья никогда не перестанутъ оплакивать его.“

АП. БОНАВЕНТУРА.

СМѢСЬ.

НИГДѢ НЕ НАПЕЧАТАННОЕ ПИСЬМО ГОСПОЖИ СТАЛЬ КЪ ТАЛЬМѢ.

Ліонъ, 5-го іюля.

Тампліеры переведены на испанскій языкъ и играются въ Мадритѣ. Вы вчера уѣхали, мой милый Орестъ, и видѣли сколько это причинило мнѣ горя: чувство это долго не оставитъ меня, потому-что удивленіе, которое вы возбуждаете, не можетъ изгладиться. Вы единственны на своемъ поприщѣ и никто еще, до васъ, не достигалъ той степени, гдѣ искусство перемѣшивается съ вдохновеніемъ, разсчитанность съ невольными движеніями и геній съ разсудкомъ. Вы много принесли мнѣ горя тѣмъ, что изгнаніе для меня сдѣлалось еще тягостнѣе. Теперь, больше, чѣмъ когда-нибудь, сознаю могущество императора Наполеона, потому что онъ посредствомъ васъ владычествуетъ и въ идеальномъ мірѣ поэзіи. Едва вы уѣхали, ко мнѣ явился сенаторъ Рёдереръ, ѣхавшій изъ Испаніи въ Стразбургъ. Мы бесѣдовали съ нимъ три часа и часто вспоминали о васъ, толкуя объ интересахъ міра сего. Въ воскресенье онъ былъ въ «Гамлетѣ» и вы привели его въ восхищеніе. Мы спорили съ нимъ о достоинствѣ самой пьесы. Я развила ему свое мнѣніе о вашей игрѣ, представляющей удивительное сочетаніе французской стройности съ необыкновенной энергіей. Онъ сказалъ, что въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ французскаго классицизма вы не такъ превосходны; и когда я спросила, въ какихъ же именно, онъ не могъ мнѣ назвать ни одной пьесы.

Вамъ непремѣнно нужно сыграть въ Парижѣ «Танкреда» и «Орозмана», и такъ, чтобы всѣ были въ восхищеніи: а вы это можете, если захотите. Только нужно вникнуть въ характеръ этихъ обѣихъ ролей; онѣ стоятъ того. У насъ привыкли исполнять ихъ сообразно съ требованіями этикета; а вы можете пересоздать ихъ вновь. Но кажется, мнѣ-бы не должно брать на себя объясненій, которыя вы знаете въ тысячу разъ лучше меня. Вамъ нужно писать; вамъ нужно покорить себѣ мысль, также, какъ вы покорили себѣ чувства: вы и это можете, если захотите.

Госпожу Тальма я видѣла послѣ нашего свиданія; ея любезность меня глубоко растрогала. Скажите это ей, прошу васъ: она совершенно достойна васъ и это для нее весьма большая похвала. Когда-то увижу васъ обоихъ? Ахъ, при этомъ вопросѣ сжимается мое сердце и я не могу задать его себѣ безъ болѣзненнаго волненія. God bless you and me also *. Я буду писать о драматическомъ искусствѣ и половину мыслей внушили мнѣ вы. Адріанъ Монморанси, считающійся у насъ верховнымъ судьею всего, что относится къ изящному вкусу и благородству манеръ, говоритъ, что вы съ госпожей Тальма и тутъ достигли совершенства. Всѣ мои друзья чрезвычайно привязаны къ вамъ обоимъ.

По городу разгуливаютъ гимны мои вашему таланту; Камилла прочла мнѣ нѣкоторые изъ нихъ и я нашла, что всѣ они не больше, какъ подражаніе Пиндару. Но вѣдь на то я и Коринна, чтобы мнѣ извиняли формы, въ которыя я выливаю свои ощущенія. Директоръ театровъ приходилъ ко мнѣ послѣ вашего отъѣзда, чтобы поговорить о васъ. Разговоръ его очень забавенъ, да только я не была расположена смѣяться и оставила безъ вниманія все, что онъ говорилъ, желая подать о себѣ выгодное мнѣніе. Нынче всѣ ищутъ успѣха; но только геній можетъ торжествовать, не дѣлая никакихъ усилій: примѣръ вы сами. Прощайте, напишите мнѣ нѣсколько строкъ о своемъ здоровьи, успѣхахъ и о возможности нашего свиданія. Адресъ мой въ Коппетъ (въ Швейцаріи). Прощайте, прощайте; тысячу нѣжнѣйшихъ увѣреній и комплиментовъ госпожѣ Тальма.

Я уѣзжаю черезъ часъ.

Неккеръ де Сталь-Гольштейнъ.

—

* Благослови Боже и васъ и меня.

НУМЕРЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ-ТРЕТІЙ.

Вы знаете композитора Фелисьена Давида и его симфонію «Пустыня». Въ странствованіяхъ по Востоку ему сопутствовалъ молодой музыкантъ, который тоже надѣялся достичь самобытности и славы. По словамъ *«Музыкальной критики»* Мишель Габьянъ, какъ и знаменитый Фелисьенъ, родился на югѣ Франціи и съ ранняго дѣтства страдалъ призваніемъ къ оперѣ. Музыка была его стихіею, на нее полагалъ онъ всѣ свои золотыя надежды въ будущемъ. Габьянъ продалъ маленькій участокъ, наслѣдіе предковъ, и на массивномъ пароходѣ *Рамзесъ* поплылъ изъ Марсели въ Египетъ. Въ Египетъ! — онъ хотѣлъ изучить тамъ истинный колоритъ своей оперы. Пылкій юноша! какимъ чуднымъ восторгомъ билось тогда его благородное сердце!...

Самъ онъ создалъ либретто и оно блистало оригинальностью.... Названіе манило чудеснымъ.... *«Правое око Сфинкса»* комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ. — «Пора приняться за новое», говорилъ Габьянъ.... И правда, много новаго было въ его прихотливомъ созданіи.

Зритель переносится за двѣ тысячи лѣтъ до Рождества Христова. На сценѣ тридцать каменотесовъ отдѣлываютъ правое око громаднаго сфинкса и враждуютъ открыто съ тридцатью другими, которые трудятся надъ лѣвымъ. Театръ представляетъ носъ сфинкса въ горизонтальномъ положеніи и на этомъ-то подмостѣ кипитъ дѣйствіе. Крифонъ, зодчій праваго ока, имѣлъ дочь, хорошенькую смугляночку Офирь; Хересъ, созидатель лѣваго глаза, обладалъ сыномъ, юнымъ Агіасомъ. Правитель общественныхъ работъ Фараона давалъ награду въ тысячу луковицъ тому изъ художниковъ, который отличится лучшимъ выполненіемъ и милліонъ кочней обсахареннаго латука съ камфорою въ приданое красоткѣ Офири, если останется побѣдителемъ ея отецъ — Крифонъ. Разумѣется, изъ такого соперничества рождаются новыя, замысловатыя сцены. Агіасъ, очарованный Офирью, слыветъ искуснѣйшимъ рѣщикомъ въ окрестностяхъ Меридова Озера. Начальствуя работами лѣваго ока, онъ навѣрно могъ бы заслужить тысячу луковицъ, но въ такомъ случаѣ предметъ его страсти утратилъ-бы милльонъ латуковыхъ кочней. Дѣло не легкое! Надо принять мѣры дѣйствительныя и влюбленные часто видятся на сфинксѣ и плодомъ этихъ свиданій — интересный уговоръ. Отважный Агіасъ переодѣвается работникомъ праваго ока и выигрываетъ награду и приданое. При развязкѣ, правитель общественныхъ

работъ соединяетъ нѣжныхъ любовниковъ, то-есть, Офирь и Агіаса, и украшаетъ лотусомъ правое око гранитнаго сфинкса.

Въ этой оперѣ достоинъ замѣчанія дивный гимнъ, напѣваемый работниками праваго ока при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, когда раздаются таинственные звуки Мемноновой статуи. Юный музыкантъ прожилъ въ Египтѣ два года, оканчивая свое твореніе. Онъ набрасывалъ ноты, вдохновляемый раскаленнымъ пологомъ африканскаго неба.

«Наконецъ», говорилъ онъ, возвращаясь во Францію, «я достигну торжества.... моя совѣсть покойна.... Я одарилъ душею и жизнью мое произведеніе.... Ничего не предоставлялъ я случаю.... руководился вдохновеніемъ, и потомъ исправлялъ по расчетамъ охлажденнаго разсудка.... Я всѣмъ дорожилъ для успѣха и вѣрю въ свѣтлую будущность.»

По пріѣздѣ въ Парижъ, онъ прямо отправился къ директору Комической Оперы. 1837 годъ только что начинался; на театрѣ разучивали три оперы, приготовляли пять другихъ и десять воспитанниковъ Консерваторіи, увѣнчанные первыми наградами и ѣздившіе въ Римъ, допущены были къ конкурсу. Габьяна приняли очень хорошо и обѣщали выслушать его оперу при первомъ удобномъ случаѣ. Злополучный композиторъ посѣтилъ Рожѐ, который дебютировалъ тогда на лирической сценѣ съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Теноръ пришелъ въ восхищеніе отъ оперы и выбралъ для себя роль сына Фараона-Амазиса. Габьянъ былъ въ восторгѣ, но земныя радости непрочны!

День и ночь композиторъ бродилъ около Комической Оперы, съ своей партитурой подъ мышкой; иногда, горемыкѣ, случалось ему разговаривать минутъ пять съ директоромъ театра и вкушать пріятный фиміамъ лести.

— Ба! вы-ли это мосьё Габьянъ!... подумаемъ объ васъ, подумаемъ.... Потерпите немного. Знаете — стерпится слюбится... Вы молоды — подождать можете: мы васъ увѣдомимъ!...

Но что-жъ! его не увѣдомляли! Даровитый композиторъ истощилъ послѣднія средства. Зима стояла холодная, дрова продавались чуть-чуть не на-вѣсъ золота, бумажникъ былъ пустъ. Проживъ два года подъ тропиками, Габьянъ предчувствовалъ свою гибель подъ рѣзкимъ сѣвернымъ морозомъ.

Домовый хозяинъ отказалъ Габьяну отъ квартиры 31-го декабря 1837, когда на дворѣ считали пятнадцать градусовъ холода.

Отъ этого крушенія, какъ Камоэнсъ, музыкантъ спасъ лишь свою дорогую композицію. Пошелъ онъ, куда глаза глядятъ и

пришелъ къ Люксамбургскому дворцу. Безсознательно блуждая по теплицамъ, онъ будто ожилъ отъ искуственной теплоты. Ему стало легко, онъ забылъ свое недавнее горе и съ дѣтской простотою сталъ вспоминать минуты прошлаго счастія. Онъ вспомнилъ древній изумчистый портикъ строгаго египетскаго капища, гдѣ начерталъ пламенный, страстный дуэтъ Офири и Агіаса. Но настоящее опять предстало ему въ своей ужасной, отвратительной наготѣ. Завистливо взглянулъ Габьянъ на деревья Люксамбургской теплицы.

Разсматривая ихъ, онъ увидѣлъ за пятьдесятъ третьимъ нумеромъ пустое мѣсто, изъ котораго вынесено было померанцевое дерево.

— Скажите, спросилъ онъ у смотрителя: что сдѣлалось съ этимъ пятьдесятъ третьимъ нумеромъ?

— Бѣдный! вскричалъ смотритель, бѣдный! Онъ завялъ не смотря на мои попеченія! Славный померанецъ, да нѣженъ и слабенекъ былъ. Сгубилъ его сквозной вѣтеръ. Всѣ мои заботы пропали; онъ пожелтѣлъ и исчезъ.

— Бѣдняжка! прошепталъ музыкантъ, задушаемый судорожнымъ кашлемъ: думаете вы замѣнить его другимъ?

— Разумѣется, на будущее лѣто!

Лишенный пріюта въ тридцати тысячахъ домовъ, господствующихъ надъ парижскою мостовою, Габьянъ отыскалъ уличнаго писца и написалъ просьбу директору теплицъ.

«Милостивый государь,

«Однажды ночью, находясь въ Египтѣ и умирая отъ голода и жажды, я постучался у дверей ветхой хижины; въ ней жилъ феллахъ, и онъ напоилъ меня молокомъ, далъ мнѣ арбузовъ, фиников, соломы, и поблагодарилъ за довѣріе.

«Нѣтъ у меня пріюта въ Парижѣ; дешевыя квартиры для меня дороги. Я умираю отъ холода.

«Было въ подвѣдомственной вамъ теплицѣ померанцовое дерево за нумеромъ пятьдесятъ третьимъ, оно завяло; умоляю дать мнѣ его содержаніе и мѣсто. Не гордъ я и не сравниваю себя съ померанцемъ, но, какъ человѣкъ пропадающій, осмѣливаюсь искать растительнаго преимущества. Никого не обезпокою я въ теплицѣ, только прошу позволенія пришить къ моей шляпѣ ярлыкъ съ пятьдесятъ третьимъ нумеромъ и занять пустой ящикъ.

«Адресъ мой въ Люксамбургской теплицѣ, за нумеромъ пятьдесятъ третьимъ.

«М. Габьянъ.»

Двѣ недѣли ждалъ композиторъ отвѣта и когда полученъ былъ отвѣтъ, четыре поденщика уже несли замерзшаго бѣднягу въ больницу Милосердія.

«Милостивый государь, писалъ директоръ теплицъ, положеніемъ нашимъ постановлено, чтобъ каждое растеніе, засохшее въ городскихъ теплицахъ возобновлялось однороднымъ растеніемъ.»

Мишель Габьянъ сжегъ свое произведеніе, чтобъ обогрѣть закостенѣвшіе члены и продлить лишнихъ пять минутъ этой жизни, которая такъ горько обманула его радужныя ожиданія.

—

ДВА ГОДА ВЪ ПЛѢНУ У ГОРЦЕВЪ.

Воспоминаніе о жизни и похожденіяхъ въ Кавказскихъ горахъ штабсъ-капитана Новоселова.

II.

Черезъ часъ, который, вѣроятно, могъ показаться Урти цѣлымъ вѣкомъ, на вершинахъ скалъ появились Келимъ Уфъ и его спутникъ. Лошади подъ горцами были покрыты пѣною; изъ чего я заключилъ, что наѣздники едвали не обшарили всю окрестность.... Не видя меня съ ними, Урти испустилъ протяжный стонъ и въ досадѣ швырнулъ свою шапку на землю. Громкими упреками встрѣтилъ онъ наѣздниковъ и говоря имъ, безпрестанно указывалъ въ ту сторону, гдѣ я скрывался за камнемъ. Вѣроятно Урти упрашивалъ наѣздниковъ обслѣдить и здѣсь всѣ тропинки, но горцы, казалось, не хотѣли исполнить его желанія, въ слѣдствіе чего завязалась между ними ссора, которая кончилась тѣмъ, что абазины поколотили еврея. Снова котлы съ бараниною были повѣшены надъ пылающимъ хворостомъ и наѣздники расположились на отдыхъ, въ то время, какъ раздосадованный Урти спряталъ своихъ плѣнницъ въ арбу и самъ забился подъ телегу.

Не смѣя тотчасъ же пуститься въ путь, на которомъ мнѣ нельзя было миновать своихъ преслѣдователей, — я отыскалъ по близости безопасное мѣсто для отдыха и тамъ рѣшился дождаться ночи. Здѣсь, на свободѣ, я обдумалъ планъ моего похода. Незнакомый

съ горными тропинками, я положилъ выйти на то мѣсто поляны, гдѣ разстался съ хорошенькою абазинкою и направиться къ Киласури, берегомъ которой могъ безопасно чрезъ сутки достигнуть приморскаго укрѣпленія Киламсура, или, не доходя его, у аула Охваме переправиться черезъ рѣку и прямо, стало быть, явиться въ Сухумъ.

Надежды о близкомъ исполненіи моихъ желаній, минувшія тревоги и усталость скоро убаюкали меня и я заснулъ.

Шумъ проливнаго дождя, дребезжавшаго въ сухомъ хворостѣ, раскиданномъ при входѣ въ пещеру, въ которой скрывался я, разбудилъ меня почти въ самую полночь. Не смотря однако на завываніе вѣтра, темную ночь и дождь, я пустился въ дорогу. Мракъ окружавшій меня до того былъ силенъ, что я шелъ рѣшительно на угадъ, готовый каждое мгновеніе и на каждомъ шагу оборваться со скалы или оступиться въ пропасть. Счастливо миновавъ поляну, я къ ужасу моему замѣтилъ, что сбился съ пути и начинаю снова взбираться на скалы. Въ тоскѣ и отчаяніи, вымоченный дождемъ, съ ногами истерзанными терновникомъ, я остановился въ раздумьѣ, не зная, на что рѣшиться: идти ли на удачу, или на влажной землѣ, подъ потоками дождя, безпрестанно перемѣжавшимся снѣжными хлопьями, ожидать утра.... Ужасъ моего положенія усилился еще болѣе, когда въ двухъ шагахъ отъ меня я могъ ясно разслышать шорохъ, вслѣдъ за которымъ посыпались кремни и глыбы земли, какъ бы съ закрапны оврага.... Въ непроницаемомъ мракѣ, и незнакомый съ мѣстностію, я опасался встрѣтить врага; а тѣмъ болѣе звѣря.... Однако, сохраняя все присудствіе духа и брякнувъ кремнемъ винтовки, я громко спросилъ по арабски: Кто здѣсь?

Отвѣта не было. Послышался новый шорохъ, трескъ ломающагося можжевельника и вслѣдъ за тѣмъ протяжный стонъ.... Вслушиваясь въ послѣдній, я легко могъ догадаться, что нахожусь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ какого-нибудь несчастнаго, обрушившагося въ бездну. Не теряя ни минуты, я сдѣлалъ осторожное движеніе впередъ и повторилъ вопросъ....

— Другъ, или недругъ, отвѣчалъ слабый голосъ — спаси меня.... Протяни мнѣ руку или винтовку....

— Гдѣ ты? откликнулся я, припавъ на землю и ползкомъ пробираясь впередъ....

— Здѣсь.... здѣсь.... на закраинѣ.... израненъ... ради праха отцовъ твоихъ и счастья твоей милой.... Руку!... Еще мгновеніе.... слабѣю.... оборвусь....

— Вотъ рука моя, отвѣчалъ я, достигнувъ бездны и повиснувъ надъ нею....

Съ глухимъ стономъ раненный и слабѣющій горецъ охватилъ мою шею и всею тяжестію повисъ на ней.... Кровь потокомъ хлынула мнѣ въ голову, глаза потемнѣли, съ крикомъ отчаянія я готовъ былъ сорвать съ себя ужасную ношу, но потерялъ равновѣсіе и стремглавъ полетѣлъ на дно бездны....

Когда я очнулся и открылъ больныя, отяжелѣвшія вѣки, день уже сіялъ надо мною. Дождя не было и только крупныя капли его, отряхаемыя вѣтромъ съ вѣтвей можжевельника падали на запекшіяся кровью губы мои.... Надо мною висѣли глыбы кремней, внизу слышалось журчанье воды, да тамъ вверху, надъ синевою отверстія бездны, кружились съ пронзительнымъ визгомъ горные орлы и кровожадные карагуты.... Я былъ избитъ, окровавленъ и изтерзанъ, но не потерялъ ни памяти, ни разсудка. Страшное минувшее явилось теперь передо мною во всемъ ужасѣ своихъ послѣдствій.... я лежалъ на трупѣ горца, ноги и правая рука котораго были раздроблены.... Клочья моей бурки висѣли на кремняхъ, образовавшихъ удобную лѣстницу для всхода наверхъ.... Послѣднее обстоятельство меня чрезвычайно обрадовало, ободрило и даже придало силы, такъ, что въ первую минуту, я даже поднялся на ноги, но въ тоже мгновеніе снова упалъ на трупъ горца, въ которомъ узналъ одного изъ хищниковъ, напавшихъ утромъ на караванъ Урти. Нѣсколько часовъ пролежалъ я въ совершенномъ забытьи и только сырость и холодъ бездны, да новый дождь помогли мнѣ очнуться. Теперь первою моею мыслью было ощупать свое тѣло и удостовѣриться въ его цѣлости. Вслѣдствіе этой ревизіи, оказалось, что правое плечо мое было жестоко ссажено съ небольшимъ поврежденіемъ кости. Употребивъ всѣ усилія, лоскутомъ сорочки я перебинтовалъ рану и опираясь на винтовку, къ счастію сохранившуюся за спиною, поднялся на ноги. Голова моя кружилась, ноги дрожали и страшная жажда мучила грудь мою. Небольшой отдыхъ и нѣсколько капель дождя, высосанныхъ изъ сукна влажной кабардинки, подкрѣпили мои силы....

Чрезъ полчаса, одѣтый въ платье жалкаго хищника, я уже былъ на скалахъ. Голодъ и надежда подстрѣлить какую-нибудь птицу заставили меня спуститься въ балку, поросшую мелкимъ кустарникомъ, который, уходя въ горы, постепенно превращался въ мрачную и непроходимую рощу. Брошенный на произволъ судьбы, на безотрадность моихъ неудачъ и несчастій, я смѣло шелъ

впередъ, забывая свое незнаніе мѣстности и то, что съ каждымъ шагомъ подвигаюсь къ новымъ страданіямъ. День вечерѣлъ, холодъ и мракъ рощи усиливались, усталость и голодъ тоже, а я не находилъ желаемаго и безвозвратно терялъ всякую надежду на свое спасеніе.... Воротиться назадъ было напрасно: тропинки и извилины рощи сбили меня съ пути; идти впередъ я уже не могъ, истерзанныя ноги отказывали мнѣ въ своей услугѣ.... Болѣзненнымъ, почти безумнымъ взоромъ я оглядѣлъ мрачную окрестность и, рыдая, въ мукахъ несказанной тоски и отчаянія, упалъ на корни чинары. Сонъ не смыкалъ глазъ моихъ.... холодъ, сырость и вой шакаловъ, довершали ужасъ моего положенія.

Такъ прошла ночь.

Только человѣкъ въ моемъ положеніи, только несчастный, которому все отказало въ помощи, могъ еще найти столько силъ, чтобы съ первыми лучами солнца подняться на ноги и идти, идти на вѣрную гибель или на встрѣчу счастливому случаю. Я шелъ на встрѣчу первой. Я рѣшился, выбравшись изъ рощи, войти въ первый аулъ, въ первую саклю и предать себя въ руки моихъ мучителей.... Жизнь, какова бы она ни была, все краше голодной смерти на распутьи. Говорю это не по убѣжденію въ моей трусости... Умереть за славу родины, въ ратномъ дѣлѣ, заснувъ непробудпымъ сномъ подъ шопотъ молитвы товарища—не страшно; но испытавъ столько страданій, бросить жизнь жалкой неудачѣ, бросить тѣло голодному шакалу, не сотворивъ, въ безсиліи разсудка и въ тоскѣ отчаянія, молитвы — тяжело и горько! Сжигаемый огнемъ жажды и голода, съ неестественною силою и бодростію, съ помутившимся разсудкомъ, я не шелъ, а бѣжалъ впередъ.... Воображеніе мое было сильно разстроено.... Мнѣ казалось, что я то встрѣчаю птицу, по которой стрѣлялъ я съ громкимъ воплемъ восторга, то толпа хищниковъ гналась за мною, и какъ пораненный звѣрь я легко и свободно прыгалъ чрезъ пни и овраги, уходя отъ враговъ моихъ.... Но вотъ зарѣдѣла роща.... я выбѣжалъ снова въ балку и съ веселымъ смѣхомъ бросился по крутому косогору къ горскому аулу. Въ первой встрѣтившейся саклѣ прикладомъ винтовки отворилъ я дверь, переступилъ за порогъ ея и, шатаясь, бросился на лавку.

Въ глазахъ моихъ было темно.... Какія-то живыя фигуры мелькали въ зрачкахъ моихъ, приступая ко мнѣ съ распросами....

— Ѣсть! прошепталъ я.... ѣсть!... больше! — Чарка кумысу и кусокъ пѣснаго хлѣба возвратили мнѣ память. Я вспомнилъ

страшное минувшее и сердце мое вздрогнуло отъ ужаса. Осмотрѣвшись кругомъ, я увидѣлъ толпу мужчинъ, ребятъ и женщинъ.

— Откуда онъ?... безумный! говорила толпа.

— Абрекъ, свершившій страшное дѣло! повторяли другіе.

— Вонъ его изъ аула.... еще накличетъ бѣду.... у него въ брюхѣ шайтаны! откликались третьи....

Быстрымъ движеніемъ руки я заставилъ смолкнуть общіе вопли и, говоръ.

— Кто здѣсь хозяинъ? прошепталъ я.

Изъ толпы выступилъ старый горецъ и подошелъ ко мнѣ.

— Ты? спросилъ я.

— Я, кунакъ.

— Благословеніе на домъ и жену твою, сказалъ я.... во имя славныхъ дѣлъ твоихъ, сѣдой джигитъ, требую гостепріимства.... сѣдла и бурки.... на которыхъ, быть можетъ, умру чрезъ часъ, подъ тягостію бѣдъ моихъ, передавъ тебѣ исторію моихъ золъ....

И съ глухимъ невыдержаннымъ рыданіемъ я протянулъ дрожащую руку старому горцу....

Смуглый лобъ его прорѣзали глубокія морщины, на глазахъ сверкнули слезы. Сжавъ мою руку, горецъ грознымъ и смѣлымъ взглядомъ окинулъ гостей своихъ и сказалъ:

— Голова моя и зарядъ винтовки за друга, или недруга.... Онъ гость мой — и стало быть властелинъ мой.... Уйдите.

Чрезъ нѣсколько мгновеній, поддерживаемый старымъ горцемъ, я опустился на бурку и забылся крѣпкимъ, отраднымъ сномъ.

Боль въ израненномъ плечѣ и чей то шопотъ надъ моимъ ухомъ заставили меня очнуться. Я открылъ глаза. Наклонившись ко мнѣ, старый горецъ съ заботливостію и роднымъ участіемъ обмывалъ мою рану....

Тронутый до глубины души участіемъ врага, я готовъ былъ обнять его, какъ въ этотъ моментъ на порогѣ сакли показался.... Келимъ-Ухъ.

Я затрепеталъ и быстро закрылъ лицо свое буркою. Старикъ бросился на встрѣчу нежданному гостю.

— Келимъ-Ухъ! вскричалъ онъ.... какой горный вихрь перебросилъ тебя за Кпасурь на кремнистыя вершины Баталъ-Кая?

— Не вихрь, слеза глазъ моихъ Шагетъ-Чебакъ, а просто пара овецъ и одно доброе дѣло....

— Еге! да какъ же это случилось, что Келимъ-Ухъ замѣшанъ въ добромъ дѣлѣ?

— Смѣйся, сѣдой кабанъ баталкайскій, съ особенною любезностію отвѣчалъ абазинъ, опускаясь на лавку, а я таки въ эти дни поработалъ довольно.... Во первыхъ укралъ гяура, во вторыхъ продалъ его Урти, въ третьихъ подстрѣлилъ хищника....

— Укралъ гяура? Гдѣ? вскричалъ Шагетъ-Чабанъ.

— Подъ Сухумомъ.... И какого еще золотаго гяура!... капудана.... мастера дѣлать дудочки и картинки.... умницу, который между пальцевъ ушелъ отъ насъ на дорогѣ за Киласурью.

— Ушелъ? повторилъ горецъ съ громкимъ смѣхомъ, ушелъ отъ васъ!

— Да! выразительно отвѣчалъ Келимъ-Ухъ.

— Что же, Урти?

— А, чтобъ его шайтаны изломали въ зеленый порошокъ для краснаго носа грузинскаго плясуна.... мнѣ какое дѣло! Рвался, плакалъ.... насилу могли утѣшить и то поколотивши порядкомъ.... пропадай онъ! Нѣтъ, вотъ ты спроси: что я-то?

— Ну, а тебѣ какое горе.... вѣдь ты его продалъ? Абазики взялъ... жида прибилъ....

— Всѣ это сдѣлано, вздохъ души моей Шагетъ-Чабанъ, да незабывай и того, что еще можетъ сдѣлаться!

— Пхе! Не понимаю. И Шагетъ-Чабанъ выразительно пожалъ плечами.

— Эге! Не знаешь развѣ, что Келимъ изъ мирнаго аула?...

— Ну, знаю.

— Эге! А развѣ изъ мирнаго аула можно наѣздничать? Теперь Капуданъ ужъ вѣрно въ Сухумѣ — и вѣрно не забудетъ объ моей продѣлкѣ....

— Правда.... правда — шталши Келимъ Ухъ.... Какъ-же теперь?

— Не знаю. Боюсь показаться въ аулъ.... Жаль Джигерды и ребятишекъ.... Особенно ребятишекъ! хоть-бы Дхелалому у меня.... Сокровище, змѣенышъ.... дни три тому назадъ чуть-чуть не зарѣзалъ меня....

— Пхе! твоя кровь.... славный ребенокъ....

— У! такъ звѣремъ и смотритъ.... украсть-ли что нибудь, поколотить-ли пріятелей.... на все мастеръ.... Ай!

— Что съ тобою кунакъ!

— Погоди.... погоди Чебакъ.... неужели я самъ себѣ набилъ ротъ грязью?... И абазинъ съ выраженіемъ сильнаго удивленія, спрыгнувъ на землю подбѣжалъ къ моей винтовкѣ, поставленной у очага. Она! вскричалъ онъ.... Клянусь храбростью Урти и моею совѣстью, что эта винтовка Дыза-Лазирь, проводника Урти, уби-

таго хищниками, винтовка, которою завладѣлъ Капуданъ.... Какъ она къ тебѣ попала Шагетъ-Чебакъ?... какъ!... говори....

Я былъ почти открытъ....

— Винтовка эта — не моя, спокойно отвѣчалъ горецъ, а вотъ этого наѣздника, котораго ты видишь здѣсь — на полу.

— Наѣздника? нерѣшительно повторилъ Келимъ и въ тоже мгновеніе хищникъ отдернулъ бурку, скрывавшую меня. Капуданъ! Гяуръ! вскричалъ онъ подпрыгнувъ на мѣстѣ. При этомъ Шагетъ-Чебакъ нахмурилъ брови, бросивъ страшный взглядъ на меня....

— И въ платьѣ горца! продолжалъ тѣмъ-же тономъ Келимъ Ухъ.

Тотъ-же страшный взглядъ Чебака, сверкая молніею, снова упалъ на меня.... Въ это мгновеніе я видѣлъ, какъ посинѣли и задрожали губы горца и какъ сильная рука его прорѣзанная черными жилами запрыгала на рукояти кинжала....

— Га! сказалъ онъ, задыхаясь.... на немъ поясъ моего брата! На немъ его черкеска....

— Такъ и есть, прошепталъ Келимъ; это платье того хищника, котораго подстрѣлилъ я....

— Гяуръ! вскричалъ горецъ.... гдѣ братъ мой? гдѣ онъ? ты убилъ его!... Убилъ!...

— Нѣтъ.... отвѣчалъ я.... напротивъ я едва не возвратилъ его къ жизни, когда онъ былъ сброшенъ въ пропасть, прострѣленный однимъ изъ нашихъ проводниковъ.... спасая его, я жертвовалъ своею жизнію. И тутъ я разсказалъ горцамъ исторію прошедшей ночи.

Но ни мои клятвы, ни мое чистосердечіе — ничто не помогало. Горецъ выходилъ изъ себя и клялся страшно отмстить мнѣ за смерть брата. Онъ былъ увѣренъ, что я убилъ его. Келимъ былъ совершенно согласенъ съ своимъ кунакомъ и не упускалъ случая подтакнуть горцу.

— Я думаю, наконецъ заключилъ онъ со всѣмъ хладнокровіемъ безпристрастнаго судьи, — запереть теперь капудана покрѣпче, — въ пустую саклю твоей покойницы жены, а вечеркомъ собрать хасъ и и на общемъ совѣтѣ предложить гяуру проплясать завтра джигитку надъ пропастью.

— Такъ! такъ! шепталъ горецъ — кровь просить крови! смерть гяуру.

— Смерть ему! повторилъ Келимъ и, какая-то неразгаданная

улыбка искривила его губы, Мнѣ даже показалось, что онъ смѣется надъ Шагетъ-Чебакомъ.

Брошенный въ пустую саклю, я въ безсиліи и изнеможеніи упалъ на голый полъ ея. Все свершившееся казалось мнѣ сномъ, страннымъ и ужаснымъ.... я хотѣлъ мыслить и не могъ.... Сердце отказалось болѣть, душа страдать.... какъ холодный безчувственный трупъ лежалъ я въ тяжеломъ забытьи.... и только въ полночь конскій топотъ подъ окнами моей сакли заставилъ меня очнуться. Это разъѣзжались горцы съ джемата, рѣшивъ судьбу мою.

«Завтра, думалъ я, конецъ моимъ страданіямъ.... часъ ужасной казни — одинъ только часъ насмѣшекъ, поруганій, позорной клеветы и оскорбленій — и послѣдній вздохъ мой зазвучитъ въ одинокомъ мракѣ преисподней пропасти....»

При этомъ бодрость меня оставила совершенно.... слезы брызнули изъ глазъ и съ невыдержаннымъ рыданіемъ я припалъ на мое жестокое изголовье.

Но вотъ чьи-то осторожные шаги зазвучали у двери.... Легко брякнулъ запоръ ихъ.... и голосъ Келима окликнулъ меня.

— Звѣрь! Демонъ! Чудовище! вскричалъ я; чего еще ты отъ меня хочешь?

— Тс! Капуданъ.... ни слова....

— Вонъ Келимъ!... поди вонъ.... не то клянусь.... первымъ кускомъ камня, оторваннымъ отъ очага, я размозжу твой черепъ!... Съ этими словами я бросился къ малгану....

— Тс!... тс! безмысленный гяуръ.... не продавай жизни за громкое слово.... не прыгай черезъ пропасть, когда есть тропинка, чтобы обойти ее....

Я остолбенѣлъ отъ изумленія. Я не понималъ моего мучителя.

— Пхе! продолжалъ Келимъ, не думаешь-ли ты, что я подарю тебя — этимъ карачаевскимъ осламъ, душа души моей, я для того только подзадорилъ глупца Шагета, чтобы онъ созвалъ хазъ и растерзалъ тебя на потѣху друзей своихъ, чтобы онъ не зарѣзалъ тебя на мѣстѣ — и чтобы, по старой съ нимъ дружбѣ, я могъ тебя снова украсть у него.... Видишь, какъ люди то здѣсь глупы и жестоки.... они скорѣй зарѣжутъ человѣка, чѣмъ уступятъ его.... Пхе! — Иди, капуданъ, насъ ждетъ конь, до разсвѣта мы будемъ далеко въ горахъ, а чрезъ день я, съ твоего позволенія, возьму за тебя полтапки абазовъ.... Рѣшайся, или прогулка въ Каръ-Джуртъ (*), или два прыжка въ джехеннемъ....

(*) Большой населенный аулъ, раскинутъ при горной дорогѣ по лѣвому берегу нижней Кубани.

При этомъ, не ожидая моего отвѣта, Келимъ взялъ меня за руку и осторожно, избѣгая малѣйшаго шуму, вывелъ на улицу. Ночной вѣтеръ освѣжилъ меня.... я вспрыгнулъ на сѣдло, Келимъ помѣстился за мною и мы помчались.... Проскакавъ заснувшій аулъ, мы вихремъ неслись по склону Баталкайской возвышенности. Кремень и камень, сверкая искрами, съ шумомъ взвивался изъ подъ копытъ лихаго коня, дождемъ ссыпаясь въ овраги и пропасти, которыми былъ усѣянъ нашъ опасный путь.

— Келимъ, говорилъ я, конь твой храпитъ и шатается.... Еще шагъ и онъ рухнетъ подъ нами....

— Гони, капуданъ! *Гай да!* шкура стараго коня не дороже нашей.... и Келимъ закрутилъ широкою плетью надъ ухомъ скакуна. Напрягая послѣднія усилія, покрытый пѣною и измученный конь рванулся и перепорхнувъ оврагъ, съ быстротою молніи донесъ насъ къ закраинѣ крутаго спуска съ косогора.... Отряхнувъ гриву и фыркнувъ, онъ на хвостѣ снесъ насъ въ балку.... Здѣсь дыханіе его стало прерывисто — онъ задрожалъ.... хотѣлъ подняться.... и палъ.

Келимъ спрыгнулъ на землю. «Конь пропалъ, сказалъ онъ, осматривая окрестность, но мы теперь спасены.... спасибо товарищу, въ часъ онъ проскакалъ столько, сколько не пролетитъ и карагутъ.... Мы теперь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Каръ-Джурта. Пойдемъ, капуданъ!» —

Мы отправились.

Прошло болѣе трехъ часовъ трудной ходьбы, а обѣщанный аулъ еще не открывался передъ нами. Намъ приходилось раза два переправляться въ бродъ черезъ Эльсканъ и Харзунъ (*), а потому, мокрые и продрогнувшіе въ ночномъ туманѣ, мы чрезвычайно обрадовались, когда клочья сѣрыхъ облаковъ, нависшихъ надъ хураутскими скалами, покрылись блѣдною краскою зари, предсказывая близкій восходъ солнца.

— Усталъ, капуданъ? спросилъ меня Келимъ.

— Усталъ и голоденъ, отвѣчалъ я.

— Пхе!... и я тоже.

— Ты говорилъ, Келимъ, продолжалъ я, что аулъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, а....

— Эге! говорилъ. Погляди.... вотъ онъ. И хищникъ указалъ внизъ на разбросанныя у опушки рощи черныя сакли Каръ-Джурта.

(*) Послѣдніе рукава Кубани.

Усталый, голодный, измученный болью раздробленнаго и худо забинтованнаго плеча, я почти радостнымъ крикомъ привѣтствовалъ жалкое селеніе. Мы спустились въ аулъ, въ то время, какъ февральское солнце, прыснувъ изъ за рощи теплымъ потокомъ лучей, заискрилось на влажныхъ крышахъ мазанокъ.

Аулъ еще спалъ и мы могли только замѣтить одного человѣка, который у крайней сакли хлопоталъ около своей арбы. Это было существо сгорбленное, невысокаго роста, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно проворное.... Незнакомецъ, какъ векша, прыгалъ около своего скрыпучаго экипажа, складывая въ него какую-то рухлядь.

— Вотъ мы и пришли, весело сказалъ Келимъ.... Эге! продолжалъ онъ, замѣчая проворнаго незнакомца.... капуданъ! узналъ-ли ты пріятеля?

— Нѣтъ; кто онъ?

— Урти.... сердце моего сердца.... это Урти.... Вѣрно сбылъ князю лакомый товаръ и отравляется теперь въ Акапу.... Урти! крикнулъ Келимъ.

Еврей поднялъ голову, бросилъ что-то находившееся у него въ рукахъ и въ два прыжка очутился передъ нами.

— Келимъ, ты здѣсь? вскричалъ онъ, почти повиснувъ на шею хищника, и, по видимому, не узнавая меня.

— Какъ видишь, отвѣчалъ абазинъ, отплевываясь отъ пріятельскаго поцѣлуя еврея.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

— Надо.... къ князю.

— И скоро въ Акапу.

— Можетъ быть, сегодня, сердце моего сердца....

— А! ну, такъ я тебя подожду ... вмѣстѣ веселѣе будетъ... Пф.... Келимъ! какой случай.... и какое счастье.... вѣдь Лейлу-то украли....

— Украли!... и ты Урти, называешь это счастьемъ?

— А то какъ-же! — украдь ее у меня, или пропади она такъ, какъ тотъ капуданъ, Урти раззорился бы въ конецъ, а ее украли ужъ тогда, какъ я ее продалъ....

— Кто-же этотъ молодецъ, который такъ дешево купилъ себѣ красавицу?

— Старый врагъ князя, старшина Аджи-Джай изъ аула Ау-

Дутъ.... (*) У! Келимъ... если-бы ты видѣлъ князя, когда онъ узналъ объ этой пропажѣ....

— Что же?

— Изъ своихъ рукъ застрѣлилъ нукера Сайлая, за то, что тотъ не отстоялъ плѣнницы. Вѣдь князю давно приглянулась Лейла и я, сказать — положа руку на сердце, года два торговалъ красавицу у матери, чтобы услужить Каръ-Джуртскому наѣзднику.

— Плохо....

— Ну, не совсѣмъ еще. Князь надѣется выручить красавицу....

— А.... такъ пожалуй и мы пригодимся ему въ этомъ случаѣ....

— Я думаю.

— Пойду къ князю, сказалъ Келимъ. Пойдемъ, капуданъ, примолвилъ онъ весело, столкнувъ съ дороги еврея, вздрогнувшаго при послѣднемъ словѣ абазина и вытаращившаго на меня изумленные глаза.

— Капуданъ! вскричалъ Урти.... Мой! мой!... поймали!... не пущу! продолжалъ онъ, горбясь и распахнувъ свои костлявыя руки.

— Урти, дай дорогу; холодно сказалъ Келимъ.

— Не пущу, отдай моего ясыря.

— Былъ твоимъ, а теперь онъ мой.... я самъ нашелъ его.

— Нѣтъ — онъ мой! мой! не отдамъ! кричалъ Урти, стараясь ухватиться за меня.

Келимъ пахмурился. «Дорогу, презрѣнный гадъ!... или я перешагну черезъ тебя!» И абазинъ встряхнулъ винтовкою.

— Не боюсь! вскричалъ изступленный Урти.... отдай моихъ барановъ, хищникъ, или ясыря....

— Дорогу! мрачно повторилъ Келимъ и глаза его налились кровью, онъ посинѣлъ отъ злобы и досады.... Прочь!

— Не двинусь съ мѣста: барановъ или ясыря?

— А! такъ ты хочешь пытать мое терпѣніе.... такъ на-же тебѣ, смердящій шакалъ! И горецъ со всею силою полоснулъ нагайкою горбатую спину Урти....

— Ухъ! Ай!... что-ты, Келимъ!... вскричалъ послѣдній, присѣдая на мѣстѣ, въ то время, какъ нагайка съ новымъ визгомъ впивалась въ исхудавшія его плечи.

— Не надо! не надо! жалобно завопилъ онъ.... Ѣшь моихъ барановъ.... владѣй моимъ ясыремъ.... Не шути только такъ

(*) Лежитъ за Кубанью, въ 12 верстахъ отъ Каръ-Джурта. Нынѣ этотъ аулъ раззоренъ совершенно.

больно, храбрый Келимъ.... Фу!... Ухъ, какая у тебя тяжелая рука!

Жалобный вопль и болѣзненная гримаса Урти обезоружила абазина. Выраженіе гнѣва на лицѣ его замѣнилось теперь веселою улыбкою; онъ подошелъ къ еврею и, ударивъ его по плечу, сказалъ:

— Давно-бы такъ, сердце моего сердца.... Вотъ тебѣ рука моя — будемъ кунаками по прежнему....

— По прежнему!... по прежнему, храбрый Келимъ.... Пойдемъ къ князю.... Позволь мнѣ радоваться твоею радостію, когда понесешь отъ него въ своей кабардинкѣ звонкіе абазики....

— Пойдемъ, дорогой мой Урти!

Подходя къ княжеской саклѣ, ничѣмъ не отличавшейся отъ прочихъ мазанокъ, мы встрѣтили на порогѣ ея стараго Байру, любимаго и вѣрнаго нукера князя. Повидимому, Келимъ и Байра были старые кунаки. При встрѣчѣ они дружески кивнули головою и положили руки на сердце.... За тѣмъ обмѣнявшись обычнымъ: Гей! Эге! горцы усѣлись рядомъ и закурили свои коротенькія трубки, въ то время, какъ Урти опустился на корточки передъ ними.

— Къ князю, вѣрно, кунакъ? спросилъ Байра.

— Да, отвѣчалъ Келимъ.

— Кстати!... Ему нуженъ молодецъ, мнѣ въ товарищи для одного славнаго дѣла....

— Эй! знаю. Хочешь выручить Лейлу.

— Да.... Но, хлопотъ будетъ много.

— Какъ-же вы думаете взять ее: съ кинжала?

— Э, нѣтъ. Видишь ли, кунакъ.... Старшина Аджи-Джай — вчера передъ разсвѣтомъ, почти изъ глазъ у нашего нукера, съ двумя молодцами укралъ красавицу.... Какъ видно, налетъ былъ проѣздомъ въ нашемъ аулѣ.... Я одинъ только успѣлъ броситься за хищниками. Заскакалъ впередъ ихъ, легъ въ оврагѣ и изготовилъ винтовку, расчитывалъ одного срѣзать пулей, а съ двумя другими перевѣдаться кинжаломъ.... Расчиталъ я, какъ видишь, не глупо, да не такъ случилось. Хищники не пошли арбенной дорогой, а бросились въ скалы, на тропинки. Казалось, все пропало.... Князь пріунылъ....

— Эге.... пріунылъ?

— Да! Только и подвернись ему Урти....

При этомъ еврей самодовольно улыбнулся и выпрямился.

— Князь не долго думалъ, отсчиталъ горсти двѣ абазовъ этому умнику и приказалъ развѣдать въ окрестныхъ горахъ объ Лейлѣ.

Урти пропадалъ только полдня и воротился съ радостною вѣсточкою.... Онъ сказалъ, что Аджи Джей, занятый теперь переговорами съ своими сосѣдями, сдалъ Лейлу, своему молочному брату Уруспію въ урочищѣ Учь-Куланъ, обѣщая сегодня, или завтра пріѣхать самъ за нею, а всего вѣрнѣе прислать одного изъ своихъ слугъ.... И тотъ, у котораго будетъ поясъ Аджу-Джая — можетъ получить красавицу....

— Славно, славно.... Догадываюсь! вскричалъ Келимъ. Мы засядемъ въ оврагѣ.... Мы ждемъ посланнаго.... и поясъ и Лейла наши....

— Такъ... Такъ! Нукеровъ-же Аджи-Джая я всѣхъ знаю... Пойдемъ къ князю.... А это кто съ тобою? спросилъ Байра, указывая на меня.

— Ясырь, котораго я обѣщалъ Дахмулу, и котораго укралъ, загнавши своего коня. Келимъ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою и я послѣдовалъ за нимъ.

Горецъ не высокаго роста, среднихъ лѣтъ, но съ привлекательною наружностію встрѣтилъ насъ при входѣ въ саклю. Онъ не скрылъ своей радости при видѣ Келима и меня. Съ тоскою и досадою я ждалъ, что будущій мой владѣлецъ, по обыкновенію, начнетъ ощупывать мое мясо, смотрѣть челюсти и ревизовать цѣлость членовъ.... Но каково же было мое удивленіе, когда съ непринужденною ласкою князь усадилъ меня на лавку, подчивалъ сыскелемъ и трубкой. Я ободрился. Купля совершилась при мнѣ, и въ то время, какъ Келимъ завладѣлъ нѣсколькими монетами, а князь мною, послѣдній обращаясь къ Байрѣ сказалъ:

— Сегодня мы испытаемъ новаго товарища. Возьмите его съ собою, и когда поясъ будетъ въ вашихъ рукахъ, пусть онъ съ нимъ отправится выручать мою Лейлу. Урти покажетъ ему въ урочищѣ саклю Уруспія....

Солнце высоко стояло на горизонтѣ, когда я, Бейра, Келимъ, Урти и еще двое молодыхъ нукеровъ, проскакавъ за аулъ верстъ семь — легли въ скрытомъ оврагѣ, при горной тропинкѣ, тянувшейся желтою змѣйкою къ урочищу Учь Куланъ.

Не долго мы оставались въ бездѣйствіи въ нашей засадѣ. Чрезъ нѣсколько мгновеній на скалахъ мелькнулъ нукеръ Аджи-Джая, скрылся въ оврагѣ и, снова обрисовавшись на тропинкѣ, съ быстротою вѣтра сталъ приближаться къ намъ.

Келимъ выправилъ винтовку и приложился. Байра сдѣлалъ тоже, прося товарища предоставить ему удовольствіе подстрѣлить нукера.

— Нѣтъ, душа моя Байра, отвѣчалъ Келимъ, однимъ выстрѣломъ мы все испортимъ.... Легко можно дать промахъ и тогда лови молодца, какъ знаешь...

— Кто, я промахнусь? спросилъ Байра, видимо оскорбленный словами кунака.

— Случается, сердце моего сердца, со всякимъ....

— Случается, да не по такой дорогой цѣли. Смотри.

Съ этимъ словомъ старый Байра вымѣрилъ вѣрнымъ глазомъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ нукера, — прицѣлился шагахъ въ ста двадцати отъ своей жертвы.... Выстрѣлъ зарокоталъ, далеко разсыпавшись въ горахъ мелкою дробью.... Въ тоже мгновеніе испуганный конь безъ всадника, закусивъ удила, промчался мимо насъ.

— Такъ-ли ты бьешь? равнодушно спросилъ старикъ, обращаясь къ кунаку.... Но Келимъ уже былъ далеко отъ насъ.... Напрягая послѣднее усиліе, онъ вытащилъ изъ оврага убитаго на повалъ горца и, разстегнувъ его серебряный поясъ, принялся отбирать патроны и вооруженіе.

Черезъ часъ, сопровождаемый Урти, въ то время, какъ наши проводники оставались въ горахъ, я уже проходилъ разоренное урочище Учь-Куланъ. Втрѣчавшіеся горцы не обращали на насъ никакого вниманія, а тѣмъ болѣе на меня, исхудавшаго также, какъ и они, и прикрытаго тѣми-же лохмотьями.

— Вотъ здѣсь, сказалъ Урти, указывая на новую саклю, поставленную отдѣльно отъ другихъ. Сакля была заперта. На мой легкій стукъ въ двери — мнѣ отвѣчалъ сухой кашель и дрожащій голосъ старухи:

— Уруспія нѣтъ.

— Отвори, сказалъ я. Посланный отъ Аджу-Джая, съ его поясомъ....

— А.... знаю, знаю! отвѣчала старуха, отворяя запоръ дверей. Уруспій говорилъ мнѣ, продолжала она, когда я уже былъ въ саклѣ, чтобы отдать красотку тому, кто привезетъ серебряный поясъ старшины. Покажи-ка его.

Прищуривая глаза и не переставая кашлять, старуха медленно подошла къ окну. Нѣсколько мгновеній она со всѣмъ тщаніемъ разсматривала богатую насѣчку пояса и наконецъ, отдавая

мнѣ его, сказала. «Да.... это онъ... знакомый поясъ.... вѣдь это подарокъ Уруспія.... Узнала, узнала....»

— Гдѣ же Лейла? спросилъ я, оставаясь, какъ на горячихъ угольяхъ.

Въ этотъ моментъ приподнялся уголъ циновки, раздѣлявшей саклю и черные глаза Лейлы остановились на мнѣ съ изумленіемъ....

— Руссынь! ипташи!... Гюль-зары! (милый дружечекъ) вскричала абазинка, и съ радостнымъ смѣхомъ въ одинъ прыжокъ бросилась ко мнѣ, обвила руками мою шею и остановила на мнѣ свой страстный взглядъ.

— Лейла! Боже мой — ты предала меня! шепнулъ я, освобождаясь изъ ея объятій.... Старая горянка не проронила ни одного звука.... Казалось, помолодѣвъ цѣлымъ десяткомъ лѣтъ, — она выпрямилась во весь ростъ, оттолкнула отъ меня Лейлу и схватилась за мой поясъ....

— Гдѣ укралъ, шайтанъ-гяуръ! прошептала она, въ то время, какъ сѣдія губы ея дрожали и взоръ ожилъ огнемъ злобы.

Я понималъ въ эту минуту, что выручить Лейлу и спасти самаго себя можно было только силою.

Съ этими мыслями, я вырвалъ поясъ изъ рукъ старой горянки и занесъ руку, чтобы схватить ее за горло, желая бросить на землю и связать.

Но въ два прыжка старуха, какъ тигрица, достигла стѣны — схватила Урустіеву винтовку.... и я уже былъ на прицѣлѣ.

— Поясъ! или ты не выдешь отсюда! вскричала она. Руки ея дрожали — глаза налились кровью....

— Лейлу, старая шакалка, или я задушу тебя! вскричалъ я, смѣло бросаясь на уставленное въ меня дуло винтовки.... Но въ этотъ моментъ старуха, сбитая съ ногъ проворною, Лейлою съ проклятіемъ упала на землю. При помощи моей хорошенькой наѣздницы, я завязалъ ротъ старухѣ, скрутивъ ее по рукамъ и ногамъ.

Въ то время, какъ слышался глухой стонъ побѣжденной, рѣзвая Лейла, прыгая около меня, напѣвала какую-то пѣсню, закутывая свою головку въ чадру....

— Ну.... идемъ, ипташи руссынь, сказала она, подавая мнѣ руку.... Да! А, куда-же мы идемъ?

— Къ князю Дахмулу....

— Не хочу!... Не хочу! Не пойду къ нему! вскричала горянка.... Нѣтъ.... Убѣжимъ со мною, руссынь....

— Но, куда мы убѣжимъ, Лейла?

— Въ горы.... или къ тебѣ.... туда въ Сухумъ.... Гюль-Хары — возьми меня къ себѣ! добавила она умоляющимъ голосомъ.

— Невозможно, Лейла! отвѣчалъ я — я такой же плѣнникъ, какъ и ты.... Не думай, чтобы я былъ присланъ за тобою одинъ.... Насъ ждутъ нукеры князя, на выходѣ изъ аула.... Идемъ.... время дорого.

Лейла печально опустила голову и вышла изъ сакли.

— А ты будешь жить у князя? спросила она, когда мы завидѣли уже нашихъ проводниковъ.

— Буду! отвѣчалъ я, не скрывая своей грусти.

— Будешь! У князя!... Ну, ипташи руссынь, — такъ объ чемъ-же я плачу?... Все-равно.... Не надо въ Сухумъ....

Здѣсь Байра и двое молодыхъ нукеровъ взяли отъ меня Лейлу и отправились къ князю. Мы же съ Келимомъ, измученные походомъ прошлой ночи, рѣшились отдохнуть въ первомъ оврагѣ. Урти не отставалъ отъ насъ. Еврей все еще надѣялся получить отъ своего купака или барана, или десятокъ абазовъ....

Располагаясь на отдыхъ, Келимъ отнялъ у меня дорогой поясъ и тутъ-же продалъ его Урти. Мы уснули въ оврагѣ, Урти при дорогѣ на камнѣ, опасаясь въ травѣ змѣй и жабъ.

Сырой и прохладный вечеръ раскидывался надъ скалами, въ то время, какъ разбудилъ меня Келимъ....

«Посмотри, сказалъ онъ.... видишь-ли двухъ наѣздниковъ, которые скачутъ прямо на насъ?

— Вижу.

— Это Уруспій съ нукеромъ.... Спрячемся въ кусты....

— А Урти? сказалъ я.

— Намъ какое дѣло? Пойдемъ.

Едва мы успѣли сѣсть за кустъ черемхи, какъ наѣздники поровнялись съ нами и остановили горскаго охотника, подымавшагося на дорогу.

— Не встрѣтилъ-ли, купакъ, въ горахъ, спросилъ его Уруспій, конныхъ хищниковъ съ молодою женщиною?

— Нѣтъ, князь Уруспій, нѣтъ; отвѣчалъ горецъ, и отправился своею дорогою.

Въ эту минуту нукеръ князя, обнюхивавшій каждый кремень при дорогѣ, наѣхалъ на самого Урти.

— Ба! Пхе! Князь! вскричалъ онъ.... Гляди, на этомъ евреѣ, который шлялся вчера въ нашемъ аулѣ, распрашивая о плѣнницѣ — поясъ Джу-Джая!

Князь вспрыгнулъ съ коня и сильною рукою, приподнявъ еврея, поставилъ его на ноги....

— Князь Уруспій! вскричалъ ошеломленный Урти, голосомъ, выражавшимъ страхъ и униженіе.

— Ага.... ты меня знаешь!

— Кто не знаетъ такого славнаго джигита? тѣмъ же тономъ продолжалъ Урти, окидывая безпокойнымъ взоромъ окрестность и не находя насъ въ оврагѣ.... Ушли они! прошепталъ онъ со стономъ....

— Какъ попалъ къ тебѣ этотъ поясъ? нахмуривъ густые брови, спросилъ Урустій....

— Купилъ.... купилъ.... прошепталъ Урти, вспомнивъ, что поясъ предалъ его теперь совершенно....

— Гм.... Стало-быть, ты знаешь, кто укралъ Лейлу?

— Нѣтъ, храбрый и великодушный князь, не знаю....

— Ну, да намъ это и знать не надо.... Теперь ужъ поздно.... Дѣло въ томъ, зачѣмъ ты указалъ хищникамъ дорогу къ моей саклѣ....

— Не я.... не я ее указалъ! шепталъ Урти, дрожа, какъ въ лихорадкѣ и блѣдный, почти похудѣвшій въ это мгновеніе, съ воплемъ упалъ къ ногамъ Уруспія.

— Помилуй! вскричалъ онъ.... не виноватъ.... я не виноватъ! говорилъ онъ, рыдая и цѣлуя полу княжеской черкески.

— Выручимъ его, Келимъ! шепнулъ я.

— Пхе! За что? Шутишь, купакъ.... Намъ какое дѣло, отвѣчалъ Келимъ, въ то время, какъ вопли и стоны Урти могли бы, кажется разжалобить и камень.

— Выручимъ! повторилъ я.

— Нѣтъ. За это онъ намъ не заплатитъ....»

И хищникъ съ обычнымъ хладнокровіемъ отправился со мною въ Каръ Джуртъ.

=

ГАСПАРО СПОНТИНИ, ГРАФЪ ДИ САН-АНДРЕА.

(*Некрологъ*).

—

Іези, небольшой городъ близъ Анконы, въ Римской области, двѣ недѣли тому назадъ совершалъ печальное торжество — погребеніе великаго композитора Спонтини, который, какъ будто нарочно посѣтилъ этотъ городокъ, мѣсто своего рожденія, чтобы въ немъ окончить блистательный вѣкъ свой. Спонтини, по духу своихъ сочиненій, по успѣхамъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ Парижѣ, — хотя и былъ итальянскаго происхожденія, — принадлежалъ болѣе Франціи, наровнѣ съ Керубини и Глукомъ; такъ-же, какъ Гендель принадлежалъ Англіи. Спонтини родился 14 ноября 1778 года. Съ семи лѣтъ онъ началъ обучаться музыкѣ въ Болоньи у Мартини — одного изъвеличайшихъ итальянскихъ теоретиковъ, и его-то первымъ совѣтамъ, вѣроятно, былъ обязанъ серьезнымъ направленіямъ своего таланта. Перевезенный родителями изъ Болоньи, въ Римъ, онъ продолжалъ свои уроки сперва у Бони, также воспитанника Мартини, а потомъ у Боррони, который, замѣтивъ необыкновенныя его способности присовѣтовалъ, помѣстить его въ Неаполитанскую Консерваторію Della Pieta, находившуюся въ то время подъ управленіемъ Сала и знаменитаго Траетты.

У этихъ двухъ наставниковъ Спонтини оказалъ быстрые успѣхи, и до того развился въ короткое время, что чрезъ два года былъ самъ избранъ въ профессоры этого училища. Такой фактъ чрезвычайно краснорѣчиво говоритъ въ пользу счастливой организаціи Спонтини и его необыкновенныхъ музыкальныхъ способностей. Преподавая законы контрапункта, онъ самъ не переставалъ трудиться и черезъ два года представилъ на Римскій театръ первую свою оперу «I Puntigli del Donne» которая имѣла неимовѣрный успѣхъ. Этотъ успѣхъ пробудилъ къ нему сочувствіе во всей Италіи: опера его прошла по всемъ сценамъ и всѣ импрессаріи спѣшили къ нему съ просьбами о новыхъ партитурахъ.

Но въ то время Спонтини писалъ, какъ молодой человѣкъ, жаждущій только успѣховъ, и не разбирающій средствъ къ ихъ достиженію. За каждую композицію принимался онъ съ юношескимъ увлеченіемъ, растрачивая неистощимый запасъ мелодій и

безъ разбора облекалъ ихъ въ тѣ формы, которыя въ то время были въ модѣ, — не разсуждая о томъ, что можно писать иначе и лучше, чѣмъ тогдашніе представители музыки. Онъ искалъ рукоплесканій и имъ жертвовалъ всякою личною оригинальностію. Образцемъ ему служили прославленныя творенія Паэзьелло, Саттини, Фіораванте и Траетто. Онъ находился подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ этихъ учителей, что не смѣлъ еще думать удалиться отъ того поприща, по которому они прошли съ такою славою, среди успѣховъ и удивленія всей Италіи.

Сочиняя одну оперу за другою, Спонтини въ теченіе шести лѣтъ проѣхалъ по всей Италіи; на каждой значительной сценѣ поставилъ по новому творенію и пожиналъ блестящіе, хотя и непрочные лавры.... Такъ сочинилъ онъ оперы: «I'Jsola Disabitata» (*Необитаемый островъ*) для праздниковъ карнавала въ Пармѣ; «Gli Elisi Delusi», на рожденіе Сицилійскаго наслѣднаго принца; и повсюду, въ Неаполѣ, въ Палермо, въ Римѣ, въ Венеціи, въ Пармѣ, — ему одинаково удивлялись и рукоплескали. Однимъ словомъ, съ 1798 года по 1804, Спонтини написалъ четырнадцать оперъ, которыя всѣ, безъ исключенія, имѣли успѣхъ. «Комическая опера, подъ названіемъ «Смѣшная храбрость» (Eroismo ridicolo), которая была спѣта въ Неаполѣ, пріобрѣла ему дружбу Чимарозы. Знаменитый авторъ «Тайнаго брака» (Matrimonio segreto), началъ руководить молодаго автора своими наставленіями. Онъ ознакомилъ его съ тонкими оттѣнками чувства, съ нѣжнымъ, энергическимъ выраженіемъ страсти; съ правилами вкуса утонченнаго и изящнаго, которыхъ строгіе уроки Мартини не могли ему сообщить. Но въ то самое время, какъ l'Eroismo ridicolo пріобрѣла ему дружбу Чимарозы, другая партиція «La finta Filosofa» навсегда упрочила за нимъ благоволеніе Наполеона. Императоръ Наполеонъ, желая окружить свою воинскую славу знаменитостями во всѣхъ родахъ, и любя страстно итальянскую музыку, пригласилъ Спонтини въ Парижъ. Въ Парижѣ, въ то время, великіе композиторы: Лесюеръ, Мегюль и Бертонъ гремѣли славою давно заслуженною. Спонтини хотѣлъ сдѣлаться достойнымъ этихъ великихъ именъ, и потому рѣшился выступить съ чѣмъ-нибудь болѣе важнымъ и продуманнымъ, чѣмъ прежнія его сочиненія. Онъ началъ серьознѣе углублятся въ духъ своихъ сочиненій, придавать имъ опредѣленный колоритъ, проводить сквозь нихъ идеи и возвышать характеры дѣйствующихъ лицъ точностію и выдержанностію ихъ партій.

Съ-тѣхъ поръ въ его композиціяхъ ничто уже не было оставлено на произволъ случая; все было обдумано напередъ, находилось въ настоящемъ свѣтѣ и на своемъ мѣстѣ. Онъ сталъ бояться за свое имя, за будущую славу, долго обдумывалъ каждую мысль, прежде чѣмъ облекалъ ее въ музыкальную форму, и занимался тщательной отдѣлкой гармонической части, которая въ прежнихъ сочиненіяхъ была имъ оставлена въ совершенномъ пренебреженіи. При такомъ направленіи талантъ его вполнѣ преобразовался. Но первыя попытки, написанныя имъ по этимъ правиламъ были не совсѣмъ счастливы. Въ нихъ замѣтны были неувѣренность, боязливость и отсутствіе геніальныхъ порывовъ. Двѣ комическія оперы его: «Загородный Домъ» (La petite maison), и «Юлія» были приняты публикою холодно; но въ третьей, въ «Мильтонѣ» можно было уже предчувствовать великій талантъ будущаго, знаменитаго маэстро.

Наконецъ, послѣ двухъ-лѣтняго труда явилась «Весталка»; въ ней осуществились всѣ надежды Спонтини. Неслыханный успѣхъ этой оперы вознаградилъ его за упорный трудъ, который не боялся никакихъ жертвъ, не отступалъ ни предъ какимъ препятствіемъ, чтобы достигнуть предположенной цѣли — явиться въ полной самобытности и оригинальности таланта, отъ которыхъ на время отвратили его обольщенія легкихъ успѣховъ. Весталка обратила на себя всеобщее вниманіе: оперу слушали, аплодировали ей, но долго ея не понимали; всѣ находились подъ вліяніемъ этой могучей музыки, но никто не могъ дать себѣ отчета въ отдѣльныхъ эфектахъ.

Самая критика была озадачена новизною формы, гдѣ въ каждой фразѣ соединялись: смѣлость нѣмецкихъ модуляцій, сила драматическаго выраженія французской школы, грація, ритмъ и мелодія итальянской музыки. Сперва автора упрекали въ странности, даже въ нелѣпости; но, мало-по-малу публика привыкла ко всему необыкновенному, что встрѣтила въ этой оперѣ. Начали давать себѣ болѣе положительный отчетъ во вліяніи музыки Спонтини, свыкаться съ шумной его оркестровкой, съ этимъ чуднымъ, хотя и непонятнымъ съ перваго взгляда, гармоническимъ сочетаніемъ — и наконецъ всѣ рѣшили единодушно, что Спонтини обладаетъ въ высшей степени искусствомъ драматизма, богатствомъ мелодіи, разнообразіемъ и всегда одинаково поддерживаемымъ одушевленіемъ.

Два года спустя Спонтини еще болѣе оправдалъ созданную имъ теорію музыки, блистательнымъ успѣхомъ новой оперы своей «Фернандо Кортецъ». Эта опера поставила его въ разрядъ первоклассныхъ композиторовъ. Совѣтъ Консерваторіи удостоилъ композитора національной 20-ти *лѣтней* награды. Съ этихъ поръ на Спонтини посыпались всѣ почести, которыя заслуживалъ его огромный талантъ. Наполеонъ наименовалъ его директоромъ Итальянской Оперы, которою онъ управлялъ, какъ истинный артистъ; имъ были выписаны и приняты отличные пѣвцы и пѣвицы: Порто, Пелегрини, Ангризани; г-жи Паста, Барилли, Коррея; имъ были поставлены на сцену лучшія творенія итальянскихъ композиторовъ. Онъ сохранилъ свое мѣсто и во время Реставраціи. Въ 1819 году, онъ отдалъ на театръ свою оперу «Олимпію», которая имѣла блистательный успѣхъ. На слѣдующій годъ онъ отправился въ Берлинъ, куда призывалъ его Прусскій король Фридрихъ - Вильгельмъ III, чтобы сдѣлать его главнымъ директоромъ королевской музыки. Во время осмнадцатилѣтняго пребыванія своего въ Берлинѣ онъ написалъ оперы: *Нурмагалъ*, *Альциндоръ*, и *Агнесу-Гогенштауфенъ*, представленную съ огромнымъ успѣхомъ въ 1837 году. Въ 1839 году Спонтини былъ избралъ въ члены Парижской Академіи изящныхъ искусствъ. Онъ былъ членомъ почти всѣхъ знаменитыхъ музыкальныхъ обществъ и украшенъ почетнѣйшими орденами: Пруссіи, Франціи и Неаполя. Музыкальное развитіе таланта Спонтини въ славную эпоху Наполеона имѣло ощутительное вліяніе на самый талантъ его. Онъ съ особенной любовью обратился къ изученію древностей и, проникнутый величіемъ Рима, перенесъ въ свои сочиненія какую-то важность и торжественность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воинскую бравуру, до него неизвѣстную. Въ немъ странно соединены были итальянская натура съ французскимъ характеромъ. Южные свои качества, живое воображеніе, огненныя чувства, воспріимчивость страсти онъ умѣлъ прекрасно сочетать съ простыми пластическими формами французской лирической драмы. Въ сочиненіяхъ его ясно выражается время, въ которое онъ писалъ, и народъ, для котораго онъ трудился. Вездѣ видна въ его музыкѣ царственная роскошь, народный энтузіазмъ, воинское увлеченіе; вездѣ онъ дѣйствуетъ широкими массами звуковъ и ритмъ, въ которыхъ такъ и дышетъ жаръ тогдашняго, воинственнаго времени. Оперы его безошибочно можно назвать музыкальными эпопеями.

Спонтини принадлежитъ къ числу людей избранныхъ, озарившихъ лучезарнымъ блескомъ начало нашего вѣка и конечно никто не былъ достойнѣе его академическихъ почестей, которыя онъ самъ цѣнилъ высоко. Эти почести требовали его присутствія въ Парижѣ, и благородный артистъ, не раздумывая, покинулъ блестящее и прибыльное положеніе въ Берлинѣ, гдѣ по порученію Короля Прусскаго, онъ занималъ должность директора придворной музыки и получалъ десять тысячъ талеровъ жалованья.

Какъ большая часть великихъ артистовъ, Спонтини, обладая солидными и пріятными качествами, былъ нѣсколько оригиналенъ. Въ прежнія времена онъ пользовался расположеніемъ фамиліи Бонапарте и покровительствомъ перваго консула и императора. Его цвѣтущіе годы и громкіе успѣхи принадлежали Имперіи и онъ свято сохранялъ преданія о той эпохѣ, когда онъ наслаждался жизнію. Онъ оставался послѣднимъ представителемъ щеголеватости 1810 года. Его новыя платья кроились по дѣдовскому фасону тѣхъ, которыя шивали ему встарину знаменитые портные тогдашняго времени, когда господинъ де-Монронъ и пѣвецъ Гара были самовластными законодателями хорошаго вкуса въ туалетномъ отношеніи.

Осенью онъ носилъ куртку сверхъ фрака, а зимою карикъ съ семью воротничками. Только по крайней необходимости покинулъ онъ брюки въ обтяжку. Бѣлый жилетъ, высокій галстухъ изъ органди, шляпа, парикъ, жабо, часовыя цѣпочки, печатки и кольца, всѣ подробности его одежды и наряда сохраняли видъ неприкосновенной давности. Его разговоръ, манеры, даже идеи согласовались вполнѣ съ костюмомъ, и по его смерти не остается уже живаго и полнаго типа изящности временъ г-жи Рекамье. Чтобъ воскресить моды этой эпохи, надо теперь обращаться къ однимъ рисункамъ, рыться въ картонахъ Библіотекъ и вѣрить собраніямъ Мезанжера и Карла Верне.

Ни одинъ артистъ нашего времени не обладалъ такимъ великолѣпнымъ собраніемъ табакерокъ, осыпанныхъ алмазами, драгоцѣнныхъ колецъ и дорогихъ булавокъ. Всѣ царствующія лица Европы награждали Спонтини. Папа возвелъ его въ графское достоинство и Спонтини очень радовался этому аристократическому титулу; многіе государи даровали ему по ордену; онъ справедли-

во гордился заслуженными отличіями, и всегда, даже въ утреннемъ неглиже, носилъ ихъ на груди.

—

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

=

ГУСТАВЪ АЛЬБЕРТЪ ЛОРЦИНГЪ (*Некрологъ*). Музыкальная Германія понесла 9-го января значительную утрату: игривый, граціозный, полный энергіи и задушевности, композиторъ Лорцингъ, этотъ Оберъ и Россини — нѣмцевъ, скончался на сорокъ осьмомъ году своей жизни. Онъ принадлежалъ къ остроумнѣйшимъ, самымъ ловкимъ и наиболѣе народнымъ сочинителямъ драматической музыки въ Германіи, и въ настоящую минуту только что достигъ полнаго развитія своего замѣчательнаго музыкальнаго таланта.

Лорцингъ родился въ Берлинѣ. 23-го сентября, 1803 года. Съ самаго дѣтства онъ уже предназначенъ былъ для сцены. Успѣхи его на этомъ поприщѣ, въ роляхъ комическихъ, были самые блистательные. Онъ пріобрѣлъ славу, но увлекся своей любовью къ музыкѣ. Владѣя прекраснымъ теноромъ, онъ началъ обработывать свой голосъ и вскорѣ перешелъ въ Оперу. И здѣсь успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ. Занимаясь постоянно музыкою, онъ на 23 году вздумалъ испытать свои силы въ композиціи и написалъ первую свою трехактную оперу: «*Али-паша Янинскій*», которая была очень благосклонно принята въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, въ Дрезденѣ и въ Мюнхенѣ. Первый успѣхъ указалъ Лорцингу настоящее его призваніе. Въ теченіе семи лѣтъ потомъ онъ написалъ еще три комическія оперы: «*Полякъ и сынъ его*», «*Два стрѣлка*», «*Царь и плотникъ.*» Послѣдняя возбуждала неистовый восторгъ во всей Германіи; менѣе, чѣмъ въ полгода она обошла всѣ сцены большихъ и малыхъ городовъ, сдѣлалась народною и поставила автора въ число первостепенныхъ композиторовъ. Оперу эту, которой содержаніе отчасти принадлежитъ русской исторіи, давали и у насъ на нѣмецкой сценѣ, и не смотря на недо-

статокъ хорошихъ пѣвцовъ въ тогдашней нашей нѣмецкой труппѣ, она все-таки произвела сильное впечатлѣніе на публику.

Послѣ славы, которой увѣнчала Лорцинга опера «*Царь и плотникъ*», онъ оставилъ совершенно сцену и исключительно посвятилъ себя музыкальному творчеству. Съ тѣхъ поръ написаны имъ слѣдующія оперы: «*Казанова*», «*Браконьеры*», «*Гансъ Саксъ*», «*Арматоръ*», «*Ундина*» и «*Диллетанты или проба Комической оперы.*» Послѣднюю онъ написалъ для Франкфуртскаго (на Майнѣ) театра и она произвела тамъ фуроръ. Кромѣ этихъ большихъ твореній, Лорцингъ сочинилъ музыку для множества опереттъ, водевилей, отдѣльныхъ арій и романсовъ, множество пьесъ для флейты и фортепьяно, двухъ инструментовъ, на которыхъ онъ самъ былъ отличный виртуозъ.

Лорцингъ въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ капельмейстеромъ разныхъ театровъ въ Вѣнѣ, Дрезденѣ и Мюнхенѣ. Три года назадъ онъ принялъ на себя музыкальную дирекцію Берлинскаго Кенигштетскаго театра. Смерть его послѣдовала внезапно. Въ понедѣльникъ, 8-го января, онъ дирижировалъ репетиціею оперы: »Il matrimonio segreto» Чимарозы; потомъ отправился въ отель, пообѣдалъ, и послѣ обѣда занялся составленіемъ статута и правилъ для новаго Филармоническаго Общества, образовавшагося въ Берлинѣ подъ именемъ *Одеона* и котораго онъ былъ избранъ директоромъ. Въ десять часовъ онъ легъ спать. Ночью онъ почувствовалъ стѣсненіе въ груди, и какъ только разсвѣло, тотчасъ послалъ своего слугу за докторомъ. Когда слуга возвратился, онъ нашелъ уже своего господина мертвымъ. По освидѣтельствованіи трупа, врачи нашли, что Лорцингъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Вся Германія оплакиваетъ Лорцинга, потому что онъ отличался не только великимъ, живымъ талантомъ, но и чрезвычайно обширнымъ умомъ и благороднымъ сердцемъ.

Января 12-го происходило погребеніе Лорцинга. Кисти у гроба его держали Генералъ-Директоръ Королевской музыки Мейерберъ, Генералъ-Интендантъ Королевскихъ театровъ Фонъ-Кюстнеръ, Дорнъ и директоръ Симфоническаго Общества Таубертъ. За гробомъ слѣдовали всѣ артисты, художники, литераторы и актеры Берлина. Въ церкви гробъ былъ поставленъ на великолѣпномъ катафалкѣ. Голова покойника была украшена свѣжими лаврами. Предъ катафалкомъ, на бархатной подушкѣ, лежали золотой лавровый вѣнокъ и серебряный капельмейстерскій жезлъ, дары, поднесенные покойному вѣнской публикой и Лейпцигской Музы-

кальной Консерваторіей. Тѣло сопровождали на кладбище хоры музыки всѣхъ кавалерійскихъ полковъ, находящихся въ Берлинѣ.

Мейерберъ учреждаетъ большой концертъ въ пользу семейства покойнаго, на который приглашаются всѣ лучшіе виртуозы Германіи. Самъ Мейерберъ будетъ управлять оркестромъ. Кромѣ того, всѣ значительнѣйшіе театры вызвались дать по бенефису съ тою-же цѣлію. Предположено, чтобы эти представленія преимущественно состояли изъ лучшихъ оперъ покойнаго маэстро.

Нѣкоторыя Берлинскія газеты увѣряютъ, что послѣ Лорцинга, кромѣ мелкихъ пьесъ, найдены въ его бумагахъ три оконченныя оперы: «*Кладовая инки*» (Die Schatzkammer des Inka), написанная на либретто Роберта Блума; «*Регина*» и «*Проба оперы.*» Одинъ изъ критиковъ Berliner Allgemeine Zeitung говоритъ объ Лорцингѣ:» До конца жизни этотъ артистъ былъ истинное *дитя природы*, что въ нашъ вѣкъ большая рѣдкость въ художественномъ мірѣ. Въ простотѣ души и безъ другой цѣли, кромѣ потребности собственнаго сердца, игралъ онъ звуками и отдавалъ ихъ свѣту, и радовался, какъ ребенокъ, когда они приносили удовольствіе другимъ. Онъ былъ бѣденъ и умеръ бѣднякомъ, потому-что не гонялся за стяжаніемъ, не искалъ возмездій, не спекулировалъ на прибыль. Лорцингъ самъ сознавался, что всѣ его оперы принесли ему только 1600 талеровъ, то есть, 1440 руб. сер. Онъ увлекся сначала новой, романтической музыкой Франціи, но умѣлъ отыскать въ себѣ органы національности и придать живому, энергическому дѣйствію французской школы, колоритъ и зерно германской задушевности, наивнаго чувства и глубины мысли. Лорцингъ, какъ никто изъ нѣмцевъ, воспользовался въ своихъ композиціяхъ народной пѣснью: онъ ее облагородилъ, онъ далъ ей новый элементъ, и ею же возвысилъ собственныя свои творенія. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался музыкальнымъ реформаторомъ въ Германіи, самъ того не зная. Комическая стихія въ операхъ Лорцинга проникнута особенной задушевностію: есть минуты, гдѣ она возвышается до патетическаго начала. Флотовъ чистый подражатель Лорцингу, хотя и умѣлъ придать отдѣльный, своеобытный колоритъ своимъ твореніямъ. Произведенія Лорцинга на долго останутся въ устахъ нѣмецкаго народа, а имя его навсегда займетъ почетное мѣсто между преобразователями нѣмецкой музыкальной школы.

—

СТАТИСТИКА ЕЖЕДНЕВНЫХЪ НЕСЧАСТІЙ ВЪ ПАРИЖѢ. Тѣ, которые бредятъ роскошью, удовольствіями, артистическимъ богатствомъ, разнообразными развлеченіями и шумною жизнью столицы Франціи, не воображаютъ, какой дорогой цѣною покупается вся эта модная суета и сколькихъ издержекъ и несчастій стоитъ она ежедневно Франціи. Чтобъ ознакомить съ ними читателя, извлекаемъ изъ французскихъ газетъ слѣдующія *оффиціальныя* статистическія показанія, обнародованныя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Ежедневно въ Парижѣ бываютъ слѣдующіе случаи: 1) Два банкротства; 2) 315 закладовъ вещей въ городскую заемную казну (Mont-de-Piété); 3) 50 публичныхъ продажъ по приговору судовъ; 4) отъ трехъ до четырехъ насильственныхъ смертныхъ случаевъ; 5) 470 больныхъ, принимаются въ публичныя больницы; 6) 94 умирающихъ; 7) 3000 взятыхъ подъ стражу или требуемыхъ къ суду по уголовнымъ показаніямъ; 8) 78 преступленій и противозаконныхъ случаевъ; 9) отъ трехъ до четырехъ несчастій на улицахъ, отъ экипажей, лошадей, паденій, ушибовъ и тому подобнаго. Парижу потребно, на наши деньги, ежедневно милліонъ рублей серебромъ: на наемъ жилищъ, пищу, питье, одежду и городскія повинности. Бѣдность столицы и ея окрестностей представляетъ слѣдующую картину: 14,625 семействъ получаютъ единовременныя пособія; 19,583 семейства содержатся на казенный и общественный счетъ въ теченіе всего года; всѣ эти нуждающіяся семейства состоятъ изъ 80,102 человѣкъ, то есть, изъ 19,895 мужчинъ, 30,754 женщинъ, 13,928 дѣтей мальчиковъ и 18,525 дѣвочекъ. Пенсіи получаютъ 2205 восьмидесятилѣтнихъ, 2997 семидесяти лѣтнихъ старцевъ; 1151 — слѣпыхъ и 329 разбитыхъ параличемъ.

—

ЕЩЕ СТРАННОСТИ ОБЕРА И СКРИБА. Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что композиторъ Оберъ большой наѣздникъ, и что лучшія свои мелодіи онъ сочиняетъ на всемъ скаку, галлопируя по Елисейскимъ полямъ. Для поддержанія своего вдохновенія, онъ содержитъ даже четырехъ арабскихъ пегасовъ на своей конюшнѣ. Смотря по темпу задуманнаго мотива, онъ или ѣдетъ *анданте* — то есть шагомъ, или въ три четверти и пять восьмыхъ — рысью, или, наконецъ, *престо-престиссимо* — скачетъ во весь опоръ. Теперь мы узнаемъ объ немъ другую странность, которая гораздо оригинальнѣе и больше говоритъ въ пользу его поэтическаго чувства. Оберъ еще никогда не видалъ представле-

нія своихъ оперъ! Хотя-бы оперу его давали въ первый разъ его ничѣмъ не заманишь въ театръ, и того менѣе на пробы. — «А занѣмъ я пойду?» говоритъ маэстро: «Я музыку эту знаю наизустъ и ужъ никто въ мірѣ не выполнитъ ее лучше моего воображенія! Я сталъ-бы только сердиться, еслибъ увидѣлъ, что музыканты и пѣвцы не поняли моей мысли или моего намѣренія. А сердиться вредно для печени, говоритъ мой докторъ каждый день».

За то постоянный сотрудникъ Обера, Скрибъ, не пропускаетъ ни одного перваго представленія своихъ пьесъ. Въ такихъ случаяхъ, онъ обыкновенно приноситъ на жертву бѣлый батистовый платокъ, разрывая его постепенно на мелкіе клочки, отъ волненія и неизвѣстности успѣха. Возвращаясь домой усталый, измученный, въ безсиліи и испаринѣ, онъ обыкновенно говоритъ: J'ai pris mon bain russe! (*Я былъ въ русской банѣ!*) Отъ подобныхъ то бань, которыя Скрибъ, при своей необычайной плодовитости, долженъ выносить довольно часто, онъ никакъ не можетъ войти въ тѣло и худъ, какъ некормленная коза.

Дюма, напротивъ, очень равнодушенъ и даже наивно-смѣлъ во время первыхъ представленій своихъ пьесъ. Онъ всегда садится въ первомъ ряду креселъ, между зрителями. Суетится больше всѣхъ, говоритъ о посторонникъ предметахъ, отпускаетъ остроты и шуточки. Въ удачныхъ сценахъ онъ самъ неистово апплодируетъ. Друзья разъ замѣтили ему, что подобныя рукоплесканія очень неловки и неприличны.

— Это отчего? спросилъ Дюма. Кому же лучше знать, что въ пьесѣ хорошо или дурно, какъ не мнѣ? Кажется, я ее самъ написалъ!

—

НАСЛѢДСТВО ЗНАМЕНИТОЙ АКТРИСЫ СЕНТ-ОБЕНЬ, — которая не такъ давно умерла въ Парижѣ, (смотр. «Пантеонъ» № 12, — 1850 года) по большей части, все состояло изъ движимости, картинъ, мебели, вещей, поднесенныхъ ей, въ разныя времена, ея почитателями и поклонниками. Такъ-какъ всѣ эти вещи болѣе или менѣе вышли уже изъ моды и не соотвѣтствовали современному вкусу, то наслѣдники госпожи Сент-Обень предпочли лучше пріобрѣсти нѣсколько наличныхъ денегъ отъ своей знаменитой родственницы, чѣмъ сохранить на память объ ней старую рухлядь. Поэтому большинствомъ присутствующихъ наслѣдниковъ было рѣшено продать все имущество покойной съ

аукціоннаго торга, а выручку за него раздѣлить соразмѣрно съ правами каждаго. Вздумано, сдѣлано. Одного изъ наслѣдниковъ однако-же не было въ это время въ Парижѣ: онъ пріѣхалъ, когда дѣло было уже конечно. Это былъ бѣднѣйшій изъ всѣхъ и потому, можетъ быть, наиболѣе обязанный покойницѣ. Онъ очень сожалѣлъ, что ему не оставили ни одной вещицы на память и узнавъ, что вся рухлядь гуртомъ скуплена ветошниками, отправился къ нимъ и успѣлъ еще захватить самую ничтожнѣйшую вещь, именно старинный, почернѣлый портретъ госпожи Сентъ-Обень, въ круглой, золоченой рамкѣ съ амурами и голубками. Артистка была представлена въ видѣ аркадской пастушки, съ напудренной капною, вмѣсто прически, на головѣ, въ такомъ робронѣ, который изъ нея дѣлалъ скорѣе чудовище, чѣмъ хорошенькую женщину. У амуровъ на рамкѣ были отбиты носы, а голубки растеряли крылья и стрѣлы, которыя держали въ лапкахъ. Но родственникъ покойной артистки былъ очень доволенъ, что могъ еще спасти хотя эту вещь и тѣмъ болѣе радовался, что можетъ, по-крайней-мѣрѣ, сохранить изображеніе своей благодѣтельницы. Принеся покупку домой, онъ хотѣлъ тотчасъ же перемѣнить старинную раму на болѣе красивую, въ современномъ вкусѣ. Представьте-же его изумленіе! Отколотивъ заднюю доску, которая удерживала картину въ рамкѣ, онъ вдругъ увидѣлъ двадцать пять банковыхъ билетовъ въ тысячу франковъ каждый. Хотѣла-ли покойница наградить этими деньгами именно того изъ родственниковъ, кто предпочтетъ ея портретъ другимъ, болѣе заманчивымъ вещамъ, или это дѣло случая, и она нарочно избрала самую старую вещь для своего казнохранилища, чтобы отвлечь вниманіе, въ случаѣ нападенія въ послѣднее смутное время— рѣшить никто не можетъ. Однако-же, эта находка должна породить нѣсколько процессовъ: остальные наслѣдники требуютъ своей части изъ найденной суммы, а лоскутникъ требуетъ ее всю, на томъ основаніи, что онъ продалъ картину, а не спрятанныя въ ней деньги. Нашедшій же не хочетъ уступить ни одного сантима, — и дѣло въ судѣ уже завязалось.

—

ПОЖАРЪ КРОЛЛЕВА ВОКСАЛА ВЪ БЕРЛИНѢ. — Кто только бывалъ въ Берлинѣ, тотъ вѣрно помнитъ превосходный Воксалъ Кролля, построенный въ Тиргартенѣ и не имѣвшій подобнаго себѣ зданія, по обширности, вкусу, великолѣпію, въ цѣлой Европѣ. На дняхъ воксалъ этотъ сгорѣлъ до тла. По-

жаръ случился въ 11 часовъ утра, отъ неосторожности ламповщика, который въ одной изъ боковыхъ залъ началъ засвѣщать люстру для представленія г. Кассиди, показывавшаго тутъ совершенно новое зрѣлище: «Гигантскую движущуюся Циклораму рѣкъ Миссисипи и Огіо. Ламповщикъ своимъ шестомъ, на который была придѣлана спиртовая лампа, нечаянно задѣлъ одну изъ драпировокъ сцены. Въ одинъ мигъ всѣ декораціи и машины вспыхнули и весь домъ занялся пламенемъ. О спасеніи нечего было и думать. Едва-едва успѣли вынести серебряную посуду и, пробивъ въ фундаментѣ дыру, спасти до восьми тысячъ бутылокъ дорогаго вина. Все остальное сдѣлалось жертвою пламени. Не говоря уже о Королевской залѣ, въ которой давались балы, маскарады и громадные концерты и которая въ архитектурномъ отношеніи была истиннымъ чудомъ, для художественнаго міра погибла и Циклорама, которая, какъ произведеніе живописи и какъ наглядная топографія еще мало извѣстной и любопытной мѣстности, была равно замѣчательна. Е. В. Король Прусскій тотчасъ-же назначилъ 50,000 талеровъ въ пособіе дочери г. Кролля, а страховое общество намѣрено немедленно выдать ей 500,000 талеровъ, сумму, въ которой зданіе было застраховано, чтобы она тотчасъ-же могла приступить къ новому сооруженію этаго чуднаго воксала, сдѣлавшагося необходимостью для Берлина.

—

КРЕСЛО МОЛЬЕРА. — Въ Пезенѣ, у потомка одного изъ Мольеровыхъ актеровъ, сохранилось, какъ драгоцѣнность, старое кресло, на которомъ Мольеръ умеръ, во время представленія Мнимаго Больнаго. Нѣсколько англичанъ предлагали ему уже значительныя суммы за это кресло; одинъ французскій литераторъ давалъ за него 3000 франковъ, а какой то князь Мышецкій даже полторы тысячи руб. сер., но владѣлецъ ни за что не хочетъ разстаться съ своею достопамятною рѣдкостію, которую путешественникамъ показываетъ за деньги. Теперь одному французскому драматургу пришло въ голову употребить это кресло въ дѣло—на сценѣ. Онъ написалъ нарочно пьесу, подъ названіемъ: «Le fauteuil de Molière», назначая ее для дня годовщины смерти Мольера, которая всегда празднуется на этой сценѣ особеннымъ торжествомъ. Онъ убѣдилъ владѣльца кресла привезти его къ назначенному дню въ Парижъ, предоставляя за то въ его пользу право на свою авторскую поспектакельную плату. Парижская публика, узнавъ объ этомъ, за-

ранѣе расхватала всѣ билеты, чтобы только взглянуть на стулъ великаго актера-поэта.

—

АМЕРИКАНСКІЙ СПОСОБЪ СБЫВАТЬ МЫЛО И ВАКСУ. — Авторъ занимательной англійской книжки «Across the Atlantic» (*Объ Атлантическомъ океанѣ*) разсказываетъ, между прочимъ, очень забавный случай. Въ Бальтиморѣ онъ отправился осматривать кладбище. Между множествомъ прекрасныхъ памятниковъ особенное вниманіе его обратилъ на себя великолѣпный мавзолей, изукрашенный дорогими изваяніями и бронзовыми выкладками. Онъ прочелъ надпись, которая прославляла покойника выше небесъ, и очень удивился, что подъ нею не было ни года, ни мѣсяца смерти усопшаго. Проводникъ, на вопросъ его, отвѣтилъ: что это и не можетъ быть иначе.

— Почему-же? спросилъ путешественникъ.

— Да просто, потому что покойникъ еще не умеръ.

— Какъ не умеръ!

— Такъ, просто, онъ живъ и здравствуетъ.

— Но какимъ-же образомъ попалъ сюда этотъ памятникъ.

— Очень просто. Пять лѣтъ тому назадъ, когда мистеръ Гаунъ женился и открылъ свою маленькую фабрику, онъ велѣлъ соорудить этотъ памятникъ и поставить его на видномъ мѣстѣ.

— Но для чего-же?

— Просто для того, чтобы онъ каждому бросался въ глаза. Всѣ заѣзжіе обыкновенно посѣщаютъ кладбище; ну, разумѣется, каждый и спроситъ, такъ какъ вы, да что-же это за чудакъ? А я, или другой проводникъ, или сторожъ, и отвѣтимъ: «это знаменитый мистеръ Гаунъ, жительство имѣетъ въ Пуффстритѣ, № 15. и фабрикуетъ отличное мыло и ваксу.» Ну, разумѣется, всякій захочетъ взглянуть на этого оригинала, а какъ придетъ взглянуть, оригиналъ ему сбудетъ банку ваксы или кусокъ мыла. Оно, знаете, и прибыльно; и отъ такого надгробнаго памятника отлично живется на свѣтѣ.

—

ДОРВО, СТАРѢЙШІЙ ИЗЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ДРАМАТУРГОВЪ — недавно умеръ въ Парижѣ. Ему было восемьдесятъ-семь лѣтъ. Подобно многимъ *сочинителямъ*, которые почитаютъ себя безсмертными, онъ давно уже пережилъ свою извѣстность. Нынче имя Дорво миоъ, которому никто не вѣритъ. А не смотря на то, было

время, когда это имя безпрестанно встрѣчалось въ журналахъ и на театральныхъ афишахъ, когда ему рукоплескали или свистали. На разныхъ сценахъ Парижа сыграно болѣе ста пьесъ его сочиненія. Это былъ Скрибъ своего времени. Онъ писалъ въ стихахъ и въ прозѣ, часто пьесы его приводили въ самый поэтическій восторгъ, а часто падали самымъ прозаическимъ образомъ. И увы! нынѣ отъ всѣхъ его твореній ничего не осталось, даже макалатурной бумаги, даже воспоминанія! Sic transit gloria mundi! Послѣдняя пьеса Дорво сыграна за тридцать пять лѣтъ предъ симъ; первая появилась во времена терроризма. Онъ написалъ комедію въ стихахъ, въ которой жестоко бичевалъ Маратовъ, Робеспьеровъ и всю кровожадную ватагу. Пьеса, надъ которою онъ много поломалъ голову чуть-чуть не стоила ему самому головы. Его схватили и заключили въ Темпльскую темницу. По счастію, реакція Термидора спасла его, и онъ, послѣ этого урока, радъ былъ отказаться отъ извѣстности, чтобы только запрятаться въ какой нибудь темный уголокъ Франціи. При Наполеонѣ онъ снова появился на сценѣ. Въ жизни этого писателя, очень богатой событіями, былъ одинъ случай довольно замѣчательный, который мы намѣрены разсказать. Дорво нѣсколько разъ сряду испытывалъ на сценѣ «Одеона» рѣшительное паденіе, однакожъ, онъ не унывалъ и отдалъ разучить новую свою комедію въ стихахъ, подъ названіемъ: «*Завистникъ*» (l'Envieux), которую почиталъ лучшимъ своимъ твореніемъ. Первое представленіе было назначено 17 марта, 1799 года. И авторъ и дирекція театра, и актеры ожидали отъ нея большаго успѣха. Вышло наоборотъ: пьесу жесточайшимъ образомъ освистали. Дорво рвалъ на себѣ волосы и въ отчаяніи кричалъ за кулисами: «Проклятый театръ! Хоть бы ты сгорѣлъ!» Съ этими словами онъ кинулся бѣжать и, продираясь въ корридорахъ сквозь толпы зрителей, которые продолжали смѣяться и свистать, безпрестанно восклицалъ: «Сжечь надо-бы эту глупую сцену! Я, кажется, Богъ знаетъ, что далъ бы, чтобъ видѣть ее въ головѣшкахъ!»

По странному случаю, чрезъ нѣсколько часовъ въ театрѣ дѣйствительно произошелъ пожаръ, а на слѣдующее утро отъ него остались одни головни. Когда объ этомъ сказали Дорво, онъ изумился: «Какое несчастіе! воскликнулъ онъ. Тутъ просто видѣнъ перстъ судьбы, карающей за безвкусіе публики!» Но философскія его разсужденія были прерваны полицейскимъ коммиссаромъ и солдатами.

— Что вамъ угодно отъ меня? спросилъ Дорво съ удивленіемъ.

— Ни больше, ни меньше, какъ взять васъ подъ стражу и отвести въ тюрьму! отвѣчалъ полицейскій чиновникъ.

— Но за что же?

— За бездѣлицу: за зажигательство.

Судьи не хотѣли вѣрить, чтобъ театръ загорѣлся отъ посторонннихъ причинъ, они полагали, что Дорво въ отчаяніи и бѣшенствѣ, въ самомъ дѣлѣ, поджегъ его. Его предали уголовному суду. По счастію, слѣдствіе скоро обнаружило настоящую причину пожара и бѣднаго драматурга выпустили на волю. Этотъ вторичный урокъ заставилъ его на долго отказаться отъ театра. Подъ старость онъ удалился въ Фонтенбло, гдѣ жилъ скромно, въ безвѣстности. Здѣсь онъ встрѣтилъ стараго актера Брюне, для котораго не разъ писывалъ эфектныя роли. Они подружились и были почти неразлучны. Часто встрѣчали обоихъ стариковъ въ отдаленныхъ аллеяхъ парка, гдѣ они рука въ руку прогуливались и декламировали сцены изъ стараго репертуара.

Дорво былъ человѣкъ самаго беззаботнаго и веселаго нрава, любилъ посмѣяться и поострить. Одно только сокрушало его на старости лѣтъ, какъ могли забыть сдѣлать его академикомъ? Прочитавъ о принятіи въ Академію Скриба, онъ воскликнулъ: «Вотъ справедливость! Молокососамъ даютъ кресла, а старыхъ, заслуженыхъ ветерановъ драматургіи — забываютъ! Но я имъ напомню о себѣ.... Я убью ихъ этимъ напоминаніемъ! Я снова поставлю своего «*Завистника*», только ужъ не на сценѣ Одеона, и мы увидимъ!»

Съ этой мыслью онъ и умеръ. Бѣдный пѣвецъ!

—

МИСТЕРЪ БАРНУМЪ, АНТРЕПРЕНЕРЪ ЖЕННИ ЛИНДЪ въ Соединенныхъ Штатахъ, почитается первымъ *пуффъ*-мейстеромъ своего отечества. Это самый энергическій и находчивый спекуляторъ, на котораго соотечественники смотрятъ, какъ на восьмое чудо. Въ послѣдніе годы онъ показывалъ новому свѣту слѣдующія диковинки: небывалую въ природѣ рыбу, съ кошачьей мордой и совиными крыльями; великана-квакера и великаншу, которыхъ онъ потомъ уговорилъ жениться; чета эта, на которую также пускали за деньги, принесла ему 16,000 доллеровъ; старую негритянку, кормилицу генерала Вашингтона, которая разсказывала публикѣ разныя подробности о дѣтскихъ шалостяхъ

великаго человѣка; карлика Тома Тумба; китайское семейство, со всѣмъ его домашнимъ бытомъ; негра, который вслѣдствіе открытаго имъ секрета, могъ, по желанію публики, вымываться до бѣла и потомъ опять чернѣлъ; шведскаго соловья Женни-Линдъ. Нельзя не сознаться, что Барнумъ истинный геній по надувательной части который изучилъ американскую натуру до послѣдней фибры.

—

МОСКОВСКІЙ КАЛАЧЪ СЪ БРИЛЛІАНТОВОЙ НАЧИНКОЮ. Намъ пишутъ изъ Москвы, что въ предпослѣднее представленіе Фанни-Эльслеръ на тамошней сценѣ, когда артистка по окончаніи балета была вызвана и осыпана сотнями букетовъ, московская публика, въ знакъ своей признательности за доставленное ею удовольствіе, поднесла знаменитой танцовщицѣ подарокъ, столь-же драгоцѣнный, какъ и оригинальный. Чрезъ оркестръ подали г-жѣ Эльслеръ огромный калачъ изъ чистаго, позолоченнаго серебра, вышедшій изъ знаменитой русской пекарни — г. Сазикова. Артистка тутъ-же разломила этотъ хлѣбъ и нашла въ немъ и *соль*. Въ калачѣ лежалъ богатый браслетъ, осыпанный крупными брилліантами и составленный только изъ шести камней: Малахита, Опала, Сапфира, Кальцедона, Венуса, Аметиста. Камни не дорогіе, но смыслъ ихъ дорогъ: они составляютъ акростихъ: «Москва.»

Можно себѣ представить съ какимъ восторгомъ артистка приняла этотъ подарокъ, который навсегда долженъ запечатлѣть въ ея сердцѣ память о нашей древней столицѣ. Изъявленіямъ восторговъ и благодарности, какъ со стороны публики, такъ и со стороны великой артистки не было конца. Не даромъ-же Москва славится въ отечествѣ нашемъ своими калачами! Теперь калачу ея подивится и вся Европа, и не одна европейская знаменитость подавится имъ — отъ зависти.

Вотъ какъ происходила эта овація.

«Давали «Эсмеральду» все, что ни есть лучшаго въ столицѣ изъ аристократіи и купечества, наполняло залу; чрезъ часъ по открытіи кассы, ни одного уже мѣста, кромѣ райка, не оставалось. Съ первымъ появленіемъ знаменитой артистки, въ одно мгновеніе, при неистовомъ взрывѣ рукоплесканій, вся сцена, въ полномъ смыслѣ слова, была засыпана цвѣтами; а отставной кавказскій генералъ, князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, отъ имени всѣхъ москвичей, подалъ ей черезъ оркестръ превосходнѣйшій букетъ, гдѣ по бѣлымъ камеліямъ изъ красныхъ рисовалось

кругомъ крупными литерами слово «*Москва*»; этотъ огромный и удивительно составленный букетъ, еще при внесеніи его княземъ въ залу, былъ уже привѣтствованъ единодушными «*браво*!» Но когда дорогой гостьѣ поднесенъ былъ русскій калачъ, и въ немъ великолѣпный браслетъ, надобно было видѣть, что въ эту минуту сдѣлалось съ благородною виновницею торжества!... Она залилась слезами и тутъ-же, надѣвая браслетъ, съ жадностію его цѣловала!... Во второмъ актѣ, въ той сценѣ, гдѣ Эсмеральда пишетъ на стѣнѣ имя своего любимца Феба, Фанни, неожиданно для всѣхъ, начертала другое, болѣе ей драгоцѣнное «*Москва*»; пала на колѣна и облобызала милыя литеры.... Что тутъ было — трудно пересказать, рукоплесканія и рыданія надолго прекратили представленіе *.... По окончаніи балета вызовамъ и букетамъ, разумѣется, счету не было; не только публика, но даже артисты намиѣальио приняли участіе въ общемъ торжествѣ, и магическою силою выдвинутые изъ-за кулисъ, осыпали незабвенную цвѣтами, проливая слезы сладостнаго умиленія.... При выходѣ изъ театра, Фанни уже не узнавала лѣстницы, по которой прежде всходила: она вся была устлана богатѣйшими коврами, забросана цвѣтами; карета Фанни обратилась тоже въ подвижной цвѣтникъ и до самаго дома она сопровождаема была безчисленною толпою, при неумолкаемыхъ восклицаніяхъ.... Словомъ, это было нѣчто въ родѣ сѣверо-американскихъ овацій Женни Линдъ.

«Въ заключеніе скажемъ, какъ въ свою очередь, и артисты-бенефиціанты, выразили свою сердечную признательность благороднѣйшей и величайшей изъ современныхъ художницъ за всегдашнюю, обязательную ея готовность участвовать въ ихъ бенефисахъ. Изъ драматическихъ актеровъ г. Ленскому первому судьба предоставила счастіе украсить именемъ Фанни его бенефисную афишу, и потому онъ первый счелъ себя вправѣ предложить своимъ товарищамъ составить подписку для поднесенія ей посильнаго подарка. Всѣ съ восторгомъ приняли предложеніе и поручили ему придумать приличную форму для выраженія ихъ задушевнаго чувства. Онъ заказалъ лучшему въ Москвѣ ювелиру, Фульда, браслетъ изъ девятнадцати золотыхъ пластинокъ, идущихъ волнообразно и въ длину и по краямъ; въ серединѣ и тоже волнообразно, идетъ эмалевая темноголубая лента, по которой крупны-

* Во второмъ актѣ Фанни танцовала свое па подъ единодушный аккомпанементъ рукоплесканій въ такту, и отъ начала до конца... Эффектъ невыразимый!

ми буквами изъ розъ блеститъ простая фраза «Les artistes de Moscou» — стало быть, тутъ приходится по буквѣ на каждую пластинку, и всѣ эти пластинки такъ мастерски соединены между собою, что даже когда браслетъ на рукѣ, шарьеровъ рѣшительно нельзя замѣтить; края украшены превосходною рѣзьбою; а внутри браслета, съ двухъ концовъ, вырѣзаны на каждой пластинкѣ сперва годы, съ одного 1850, а съ другаго 1851; съ одного по алфавитному порядку имена подписавшихся артистовъ, а съ другаго артистокъ; всѣхъ именъ 15; двѣ пластинки занимаютъ годы и двѣ слова «Messieurs» и «Mesdames», стало, опять всѣ 19 пластинокъ заняты. По краямъ же вырѣзаны крупнымъ шрифтомъ фразы, тоже каждая со знакомъ препинанія, состоящая изъ 19 буквъ, по числу пластинокъ; первая, сверху: «Au talent le plus beau» и вторая, снизу «Au cœur le plus noble». — Въ субботу на масляницѣ, наканунѣ прощанія Фанни съ публикою, подписчики-бенефиціанты собрались всѣ въ утреннемъ спектаклѣ, предъ балетомъ «Катарина», стали въ кружокъ предъ уборною Фанни и поручили г-жѣ Иркѣ-Матіасъ просить гостью выйти къ нимъ на сцену. Чрезъ нѣсколько минутъ, Фанни, уже въ костюмѣ Катарины, является передъ артистами.... Аграфена Тимоѳеевна Сабурова подаетъ ей браслетъ, г жа Ирка-Матіасъ говоритъ.... Фанни хочетъ отвѣчать, но не можетъ.... она дрожитъ.... изъ прекрасныхъ ея глазъ струятся слезы.... Ленскій вынимаетъ изъ богатаго баула огромный и великолѣпно-калиграфически написанный листъ — и читаетъ ей слѣдующіе, простые, но отъ полноты души вылившіеся у него четыре стиха:

НЕСРАВНЕННОЙ ФАННИ-ЭЛЬСЛЕРЪ.

Чтобъ вещью оцѣнить великій вашъ талантъ —
Едва-ли въ мірѣ есть достойный бриліантъ.
Вы здѣсь найдете три простыя украшенья:
Признательность, любовь и чувство уваженья.

Артисты Императорскаго Московскаго Театра.

Потомъ режиссеръ Французской труппы, Удино, прочелъ ей переводъ этихъ стиховъ, сдѣланный французскимъ артистомъ Моро.

A L'INCOMPARABLE FANNY-ELSSLER.

Qui voudrait mettre à prix un talent si charmant,
Trouverait-il au monde un égal diamant?
Dans trois simples joyaux notre offrande s'exprime:
«Reconnaissance, amour, inaltérable estime.»

Les artistes du Théâtre Impérial de Moscou.

Одно трогательное «Mercі!» прерванное рыданіями и поцѣлуями, было отвѣтомъ геніальной женщины, но браслетъ артистовъ не сходилъ у Фанни съ руки, какъ въ это представленіе, такъ и въ послѣднее, и она цѣловала его въ глазахъ всей публики.

Надобно-же случиться, чтобъ и калиграфъ-то отыскался между театральными: это нѣкто Кантемировъ, артистъ-хористъ, — но не аферистъ; прекрасный и довольно образованный малый. Въ двое сутокъ онъ успѣлъ сдѣлать чудесную вещь: имя Фанни-Эльслеръ составилъ онъ изъ звѣздъ, отъ нихъ бросилъ лучи, перевилъ лавровымъ вѣнкомъ.... и мысль и исполненіе въ высокой степени изящны.... и все это, представьте, однимъ почеркомъ!

Въ-заключеніе помѣщаемъ стихи, которыя были поднесены Фанни, при появленіи ея на сцену; въ нихъ выражено общее чувство Москвы.

Г-ЖѢ ФАННИ-ЭЛЬСЛЕРЪ.

ВЪ ДЕНЬ ЕЯ ПОСЛѢДНЯГО ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

Не улетай, прелестное созданье!
Не покидай тобой плѣненный край!
Останься намъ, сердецъ очарованье,
Не улетай!
Мы всѣ твои, тебя мы полюбили,
И сцена намъ тобою стала рай,
Гдѣ полной жизнью мы восторга жили....
Не улетай!
Ты солнце намъ въ годину вьюги снѣжной,
Ты роза намъ въ ненастный зимній день,
Цвѣти и грѣй!.. Не исчезай небрежно,
Какъ счастья тѣнь!
И старъ и малъ восхищены тобою,
Соперницъ нѣтъ межъ женщинъ у тебя,
Гордимся всѣ твоею мы красою,
Ее любя!
Какъ сонъ, какъ воплощенье идеала,
Какъ идеалъ всѣхъ прелестей земныхъ,
Явилась ты — и зависть замолчала
Въ устахъ нѣмыхъ.
И всѣ тебѣ радушно рукоплещутъ,
Всѣхъ очи и сердца прельщаешь ты,
И всѣхъ мечты у ногъ твоихъ трепещутъ,
Какъ ихъ цвѣты!

Послушай насъ, въ Москву вернися снова,
Друзей твоихъ на вѣкъ не оставляй
Въ прощальный день безъ радостнаго слова
Не улетай!

Графиня Ростопчина.

Москва, февраля
18 дня 1851 года.

—

АНДРЕЙ ОСИПОВИЧЪ СИХРА Въ Петербургѣ недавно скончался знаменитый виртуозъ на гитарѣ Андрей Осиповичъ Сихра. Онъ первый усовершенствовалъ семиструнную гитару и занимался ею всю свою жизнь. Преобладающія качества игры Сихры были чувство, вкусъ и пріятность. Еслибъ этотъ виртуозъ, при своихъ отличныхъ музыкальныхъ способностяхъ избралъ себѣ менѣе неблагодарный инструментъ, слава его гремѣла-бы во всей Европѣ. Но Сихра принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, которыя находятъ особенное наслажденіе бороться съ препятствіями и во что бы ни стало невозможное хотятъ сдѣлать возможнымъ. Гитара комнатный инструментъ и притомъ очень несовершенный, который только хорошъ для акомпанемана слабаго голоса въ пѣніи. Сихра хотѣлъ его сдѣлать инструментомъ концертнымъ. Онъ достигъ высшей степени игры на гитарѣ; но гитарѣ все-таки, при всѣхъ, придуманныхъ имъ усовершенствованіяхъ, не придалъ болѣе важнаго значенія, чѣмъ она прежде занимала въ музыкальномъ мірѣ. Онъ написалъ для этого инструмента, нынѣ почти совсѣмъ брошеннаго, много прекрасныхъ композицій и пельзя не пожалѣть, глядя на всѣ эти усилія и труды, что артистъ потратилъ ихъ попустому. По игрѣ на гитарѣ могъ съ Сихрою сравниться одинъ Пузинъ, московскій гитаристъ, который умѣлъ извлекать изъ этого инструмента столько души, особливо при исполненіи русскихъ пѣсенъ, что навертывались у слушателей невольныя слезы. Какъ жаль, что нашъ знаменитый виртуозъ умеръ именно въ то время, когда въ Англіи сдѣлано изобрѣтеніе, которое, можетъ быть, поставитъ гитару на ряду съ арфою! Кто слышалъ игру Сихры, незабудетъ ее, кто зналъ его, какъ человѣка, всегда будетъ жалѣть о немъ.

—

МОЛЧАЛИВОСТЬ ГЕНІАЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ. — *Данте*, во время бесѣдъ, былъ молчаливъ или язвителенъ; — *Бутлеръ* говорилъ мало, и если говорилъ, то это были насмѣшки; — *Грей* и *Альфіе-*

ри отвѣчали только на вопросы и то очень лаконически, притомъ ни тотъ, ни другой, почти никогда не улыбались. — *Декартъ*, котораго сама наука заставляла безпрестанно углубляться въ думу и отыскивать уединенія, говорилъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. — *Ж. Ж. Руссо* былъ вялъ и несвязенъ, въ его разговорѣ не было и слѣда воображенія или краснорѣчія. — *Мильтонъ* былъ бука: онъ начиналъ сердиться, если кто обращался къ нему съ разговоромъ. — *Аддисонъ* и *Мольеръ* разыгрывали въ обществѣ только роль наблюдателей, и никогда не высказывали своихъ мнѣній. — Баснописецъ *Лафонтенъ* былъ разсѣянъ, отвѣчалъ не впопадъ и, по большей части, игралъ въ молчанку, чтобы, какъ самъ выражался: «не сказать глупости.» — *Дрейднъ* самъ говоритъ о себѣ: «Я въ разговорѣ вялъ и неловокъ, нравъ у меня крутой и скрытный; словомъ, я не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые забавляютъ общество остроуміемъ и поражаютъ ловкими отвѣтами.» — *И. А. Крыловъ* въ обществѣ бывалъ также молчаливъ, и только въ самомъ нецеремонномъ кружкѣ короткихъ знакомыхъ разсказывалъ иногда любопытные случаи изъ своей жизни. — *Пушкинъ* былъ очень разговорчивъ и увлекательно краснорѣчивъ въ дружеской бесѣдѣ, но если въ комнату входило незнакомое ему лицо — онъ тотчасъ замолкалъ и хмурился.

=

АНГЛІЙСКІЕ РОМАНЫ ДЖЕНЪ-ЭЙРЪ И ШЕРЛИ, которые теперь переводятся въ нашихъ журналахъ, въ новѣйшее время возбудили особенное вниманіе въ Англіи. Долго полагали, что имя автора *Курреръ-Бель*, псевдонимъ, и никто не умѣлъ рѣшить, написаны-ли они дамою или мужчиною. Недавно вышедшая брошюрка самого автора разъясняетъ загадку. Сельскій священникъ въ Англіи имѣлъ трехъ дочерей, которыя тайкомъ другъ отъ друга занимались литературою: писали стихи и повѣсти. Нечаянно онѣ открыли, что имѣютъ общее, любимое занятіе и сообщили другъ дружкѣ свои произведенія. По общему совѣту, онѣ рѣшились напечатать свои сочиненія и чтобы скрыть настоящее свое имя, назвали себя *Актонъ Бель*, *Эллисъ Бель* и *Курреръ Бель*. Съ большимъ трудомъ отыскали онѣ себѣ издателя и въ 1847 году впервые появились повѣсти: «Wuthering Heights» — Эллисъ Беля, «*Агнеса Грей*» — Актонъ Беля, и «*Дженъ-Эйръ*» — Курреръ Беля. Но первыя двѣ сестры тяжко заболѣли вскорѣ послѣ появленія въ свѣтѣ этихъ сочиненій. Эмилія (Эллисъ Бель) умерла

19 го декабря 1848 года; вторая сестра, Анна (Актонъ Бель) послѣдовала за ней въ могилу 28-го мая 1849 года. Послѣдняя сестра Каролина, Курреръ Бель оплакала ихъ потерю въ упомянутой выше брошюрѣ. Она-то и есть знаменитый нынѣ авторъ романовъ «*Дженъ Эйръ*» и «*Шерли.*»

—

МЕЛОЧИ.

Между разными диковинками, приготовляемыми въ разныхъ странахъ для Лондонской Всемірной Выставки, заслуживаетъ особеннаго замѣчанія *кровать съ музыкою*, изобрѣтенная и сдѣланная въ Вѣнѣ. Кровать эта прикрыта чрезвычайно мягкимъ и пышнымъ матрацомъ на пружинахъ, обитымъ шелковымъ глазетомъ. Едва на нее ляжешь, какъ раздается усладительная, тихая гармонія, составленная изъ самыхъ пріятныхъ итальянскихъ мотивовъ, наиболѣе способныхъ разнѣжить нервы, убаюкать воображеніе и усыпить человѣка, навѣвая на него сладкія мечты. Выдумка прекрасная, но какъ-то она покажется тѣмъ композиторамъ, которыхъ произведенія найдены наиболѣе способными нагонять сонъ!

—

На той же Выставкѣ отведено огромное мѣсто для разныхъ инструментовъ. Оно снабжено гармоническимъ поломъ, или *ресонансомъ*, и чрезвычайно высоко. Между инструментами, какъ слышно, одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, будутъ занимать *императіалы*, изобрѣтенные нашимъ Лихтенталемъ. Также прислано отъ разныхъ англійскихъ и французскимъ мастеровъ много разнаго рода органовъ. Тутъ особенно отличаются — одинъ *церковный органъ* въ гигантскихъ размѣрахъ, съ двадцатью-четырьмя различными клавіатурами, и другой, названный *энгармоническимъ*, выполняющій всѣ мельчайшія подраздѣленія гаммы съ точностью изумительной. Изобрѣтеніе этого чуднаго инструмента принадлежитъ диллетанту, полковнику Томсону (Thompson), члену Парламента. Теперь Томсонъ занятъ окончательной отдѣлкою изобрѣтенной имъ энгармонической гитары, которая, какъ увѣряютъ знатоки, будетъ маленькимъ дивомъ и дастъ этому заброшенному инструменту важное значеніе въ музыкѣ.

—

Знаменитый пьянистъ *Тальбергъ* написалъ оперу. Она будетъ представлена въ предстоящій сезонъ — въ Лондонѣ.

—

Извѣстная нашей публикѣ віолончелистка, дѣвица Элиза *Кристіани*, если вѣрить извѣстіямъ, давала послѣдній свой концертъ въ *Камчаткѣ*. Алеуты въ совершенномъ восторгѣ отъ ея игры.

—

Въ Лейпцигѣ недавно давали въ первый разъ новую оперу, сочиненія извѣстнаго тамошняго капельмейстера Рица, подъ названіемъ: «*Корсаръ*». Опера имѣла огромный успѣхъ; композиторъ былъ два раза вызванъ, что тамъ великая рѣдкость. Рицъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, онъ жаркій приверженецъ и послѣдователь Мендельсона Бартольди. Къ сожалѣнію онъ не владѣетъ мелодіею въ той степени совершенства, въ которой является у него всегда гармоническая часть. Этотъ недостатокъ ощутителенъ и въ «Корсарѣ». Впрочемъ въ оперѣ есть много блистательныхъ мѣстъ для пѣнія, въ особенности отличны хоры.

—

Директоръ Миланской Консерваторіи, сеньоръ Росси, написалъ оперу, подъ названіемъ: Il sindico Babbeo, а молодой композиторъ Графинья комическую оперу: Il magnetismo. Обѣ были назначены для открытія театра Ла-Скалы во время карнавала. — О второй въ особенности говорятъ много хорошаго.

—

Неутомимый Верди также произвелъ новое твореніе нынѣшней зимою. Это семнадцатая его опера; она называется «*Герцогъ Вандомскій*» (Duc di Vendome) и теперь ставится на театрѣ Фениче — въ Венеціи.

—

Извѣстный русскій актеръ, Илья Васильевичъ Орловъ, который навсегда остался памятнымъ для московской публики ролями: *Осипа* — въ «Ревизорѣ», *Скалозуба* — въ «Горе отъ ума» и *Дятла* — въ «Двумужницѣ», теперь завелъ свой собственный театръ въ Серпуховѣ, котораго небольшая труппа составлена изъ довольно хорошихъ талантовъ провинціальныхъ и столичныхъ сценъ, и весьма недурно разыгрываетъ небольшія пьесы, подъ

управленіемъ самого содержателя. И такъ, потребность сценическихъ наслажденій дѣлается ощутительною даже въ небольшихъ городахъ Россіи, и даетъ имъ возможность заводить свои театры! Добрый знакъ! Ничто такъ не дѣйствуетъ на образованіе вкуса, на смягченіе нравовъ и образованность народа, какъ сценическія зрѣлища, которыя поучаютъ — забавляя!

—

Извѣстный англійскій композиторъ Бальфъ отыскалъ гдѣ-то музыкальное диво, которое теперь приводитъ въ восторгъ и удивленіе весь Лондонъ. Это какая-то дѣвица Луччіола, итальянка, обладающая превосходнымъ голосомъ — *теноромъ*. При этой необыкновенной игрѣ природы, г жа Луччіола, въ добавокъ, хороша, какъ англичанка, очаровательна, какъ полька, и поетъ, какъ соловушко. Бальфъ вывелъ ее въ первый разъ въ своемъ концертѣ, данномъ въ Эксетергаллѣ. Она спѣла арію изъ «*Пророка*», которую ее заставили три раза повторить, и извѣстный романсъ *Бриндизи*, въ которомъ, послѣ каждаго куплета на нее сыпались цвѣты и браво. Почтенные джентльмены рѣшительно забываютъ свой сплинъ, и приходятъ почти въ такой-же пѣнстовый восторгъ отъ этого тенора — въ женскомъ платьѣ, какъ сѣверо-американцы отъ *шведскаго соловья* — Женни Линдъ.

—

Въ Гагѣ, столицѣ Голландіи, двѣ недѣли тому, давали въ первый разъ на Королевскомъ театрѣ, съ большимъ великолѣпіемъ, новую оперу, подъ названіемъ: «*Ламбертъ Симнель.*» Либретто для нея написано Скрибомъ, музыка ея имѣетъ много красотъ, особенно хвалятъ гармоническую часть. Авторъ музыки скрылъ свое имя: нѣкоторые полагаютъ, что она сочинена г. Ван-деръ-Доесомъ, фортепьяннымъ концертистомъ Е. В. короля Вильгельма III; но люди, посвященные въ закулисныя тайны, приписываютъ ее музыкальному генію болѣе высокаго лица. Вслѣдствіе этого успѣха, король вознамѣрился французскую оперу замѣнить въ Гагѣ національною, голландскою, для которой уже набираются голоса.

—

На Королевскомъ театрѣ въ Копенгагенѣ въ Новый годъ представлена въ первый разъ новая комедія поэта Оверскона, подъ

названіемъ (Kjærlighedens Torsyn), которая имѣла громадный успѣхъ. Пьеса эта отличается своей оригинальностью, показываетъ въ авторѣ большую силу изобрѣтенія, ловкость въ отношеніи группировки сценъ, много остоумія и наглядности. Дѣйствіе происходитъ во второй половинѣ 17 столѣтія. Главное лицо сынъ графа Гишарда. Другія лица, по большей части, также принадлежатъ исторіи.

—

Въ теченіе 1850 года въ Парижѣ поставлены на различныхъ сценахъ *триста тридцать два* драматическія произведенія, надъ которыми трудились около *двухъ-сотъ* писателей. Плодовитѣйшимъ изъ нихъ былъ г. *Клервиль*, поставившій въ теченіе 1850 года *двѣнадцать* водевилей. За нимъ слѣдуютъ Гг. *Левенъ*, *Брунсвикъ*, *Гранже*, *Монтененъ*, *Мери*, *Роже де-Бовуаръ*, *Альфонсъ Ройэ*, *Гюставъ Ваэзъ*, *Жюль Кордье* (*Волабель*), *Бризбаръ*, *Гино*, *Бопланъ*, *Декурсель*, *Куальякъ*, *Баяръ*, *Дюмануаръ*, *Дюверъ* и *Лозанъ*. *Г. Скрибъ* написалъ немного, но за то большія пьесы, имѣвшія замѣчательный успѣхъ и дававшіяся нѣсколько мѣсяцевъ сряду на сценахъ Большой и Комической Оперъ и Перваго Французскаго театра.

Въ теченіи того же года въ Парижѣ играны были музыкальныя произведенія десяти композиторовъ, а именно: Гг. *Обера*, *Галеви*, *Адольфа Адана*, *Альфонса Гризара*, *Амбруаза Тома*, *Пуньи* (находящагося въ настоящее время въ Петербургѣ), *Жосса* (капельмейстера въ нашемъ Михайловскомъ театрѣ), *Пуассо*, *Виктора Массе* и *Эрнеста Роже*.

—

Городъ Орлеанъ собралъ по подпискѣ 60,000 франковъ и заказалъ колоссальную верховую статую Жаны д'Аркъ, Орлеанской дѣвственницы, которую предположено поставить на главной площади города. Какъ извѣстно, статуя во весь ростъ Жаны д'Аркъ давно уже существуетъ въ Руанѣ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ избавительница Франціи была сожжена. Но если городъ ея смерти почтилъ память вдохновенной героини, то и главный городъ ея родины не хочетъ отстать въ увѣковѣченіи ея имени.

—

Любимцы нашей публики г жа Джули Борси и веселый Ровере восхищаютъ теперь своимъ пѣніемъ и игрой Барцелону; а г-жа Кастеланъ сводитъ съ ума серьозныхъ Берлинцевъ. Послѣ придворнаго концерта, въ которомъ она участвовала, г-жа Кастелланъ выступила на сцену, въ партіи Лючіи Ламермуръ, и произвела такой фуроръ, что теперь публика ничего не хочетъ слушать, кромѣ Лючіи. Успѣху оперы много содѣйствовали и теноръ Пардини — въ ролѣ *Эдгара*, и басъ Гвигіарди — въ партіи *Аштона*. О Пардини берлинскіе музыкальные журналы отзываются съ величайшей похвалою: они говорятъ, что такого исполненія *Эдгара* еще никогда не слыхали въ Германіи, что въ отдѣльныхъ аріяхъ и мѣстахъ многіе были лучше его, но въ цѣломъ ни одинъ пѣвецъ, даже Рубини включительно, игрой и пѣніемъ, не производилъ такого полнаго и сильнаго эффекта, какъ онъ.

—

Въ Калифорніи болѣзнь принадлежитъ къ числу тѣхъ роскошей, которыя могутъ себѣ позволить только самые богатые люди. Всѣ врачи Сан-Франциско составили союзъ и 22 іюня 1850 года опубликовали свой прейскурантъ, точь-въ-точь, какъ у насъ публикуютъ о продажѣ чаю или винъ. Изъ этого прейскуранта видно, что докторскій визитъ въ пять минутъ, при долговременномъ леченіи, стоитъ 16 доллеровъ (около двухъ рублей серебромъ); въ особенныхъ случаяхъ, за каждые четверть часа времени платится доктору 36 доллеровъ; за каждую версту проѣзда — полагается сверхъ того 12 доллеровъ; письменное свидѣтельство о болѣзни стоитъ отъ 60 до 100 доллеровъ, ночное посѣщеніе 50 доллеровъ, за судебный осмотръ трупа 300 доллеровъ, свидѣтельство о здоровьи 50, привитіе оспы 42, простая помощь при родахъ 150; хирургическая 700, ампутація ноги или руки 400, операція каменной болѣзни или другая отъ 700 до 1000 доллеровъ.

—

Въ англійскихъ журналахъ мы находимъ очень любопытныя свѣденія о послѣднемъ сподвижникѣ, оставшемся въ живыхъ, капитана Кука. Это старецъ, по имени Джонъ Вальсвадъ. Онъ ро-

дился въ Нью-Іоркѣ, 1 мая 1751 года, когда Америка принадлежала еще Англіи. Въ 1773 г., онъ началъ службу на одномъ англійскомъ кораблѣ, и въ 1827 г. былъ уволенъ въ отставку подшкиперомъ. Въ теченіи этого долгаго періода времени, онъ участвовалъ въ весьма многихъ компаніяхъ, на сушѣ и на морѣ, и былъ раненъ 21 разъ, между прочимъ, весьма тяжело въ голову, въ морскомъ сраженіи при Абукирѣ (1798). Въ началѣ своей морской карьеры, Вальсвадъ поступилъ на корабль Resolution, котораго капитаномъ былъ Джемсъ Кукъ, сопровождалъ знаменитаго мореплавателя во всѣхъ его путешествіяхъ, и находился подлѣ него, когда онъ былъ убитъ на Сандвичевыхъ Островахъ, при чемъ и самъ былъ раненъ. Вальсвадъ былъ на кораблѣ Барфлёрѣ, въ сраженіи при мысѣ Сенъ-Винцентѣ: на фрегатѣ Аретузѣ, при взятіи французскаго фрегата La Belle-Poule, и др., наконецъ на Беллерофонѣ, въ сраженіяхъ при Абукирѣ, Копенгагенѣ, Кампердоунѣ и Трафальгарѣ. На Беллерофонѣ же находился Вальсвадъ, при вступленіи Наполеона на этотъ корабль.

Теперь Вальсваду 99 лѣтъ: онъ живетъ въ Кингстоунѣ, гдѣ проситъ милостыню и находится въ самомъ несчастномъ положеніи.

—

Пишутъ изъ Севастополя: недавно къ намъ пріѣхали изъ Симферополя нѣсколько актеровъ и актрисъ, которые увеличили нашу труппу. Она теперь состоитъ изъ одиннадцати лицъ мужескаго пола и семи женскаго. — Итальянская оперная труппа тоже увеличилась: къ намъ пріхала недавно изъ Одессы еще одна примадонна, г-жа Барбери, такъ, что у васъ теперь три примадонны: г-жи Горбини, Брайда и Барбери. Итальянская труппа дала уже въ пятнадцать представленій семь оперъ: Лучію ди Ламмермуръ, Джемму ди Вержи, Лукрецію Борджіа, Соннамбулу, Колумеллу, Линду ди Шамуни и Норму.

—

Лондонскіе журналы сообщаютъ, что корабль *Индусъ*, прибывшій недавно изъ Александріи въ Соутгамптонъ, привезъ для вы-

ставки 1851 г., множество драгоцѣнныхъ предметовъ изъ Китая и Восточной-Индіи. Между ними особенно замѣчательны: женское платье, шитое мелкимъ жемчугомъ, въ 7,000 фунтовъ стерлинговъ (43,750 р. сер.); сѣдло съ золотыми и алмазными украшеніями, принадлежавшее Рейджитъ-Сингу, въ 6,000 ф. стерл. (37,500 р. сер.); рѣзныя издѣлія изъ слоновой кости, изъ Китая; столовая скатерть и шаль, вышитыя индусскими дамами и представляющія богатые рисунки, во вкусѣ, до-сихъ-поръ еще неизвѣстномъ въ Европѣ.

—

Въ 1850 г., во Франціи напечатано 7,208 сочиненій, книгъ и брошюръ, различнаго рода. Изъ нихъ, 4711 напечатаны въ Парижѣ, 2,460 въ департаментахъ, 37 въ Алжиріи. 1,360 суть перепечатки, изъ этихъ 7,208 книгъ и брошюръ, 6 661 написаны на французскомъ языкѣ, 68 на нарѣчіяхъ различныхъ провинцій Франціи, 53 на нѣмецкомъ, 61 на англійскомъ, 2 на арабскомъ, 51 на испанскомъ, 83 на греческомъ, 6 на еврейскомъ, 15 на итальянскомъ, 165 на латинскомъ, 14 на польскомъ, 16 на португальскомъ, 4 на румынскомъ, 1 на русскомъ, 2 на турецкомъ, 2 на нѣсколькихъ языкахъ вмѣстѣ.

Кромѣ того, въ 1850 г., во Франціи вышло 2,697 гравюръ и литографій, 122 географическихъ карты и плана, 579 пьесъ для вокальной и 625 для инструментальной музыки.

—

Нынѣшній годъ чрезвычайно счастливъ на дорогія находки. Со всѣхъ сторонъ только и слышно о нечаянномъ открытіи драгоцѣнныхъ оригинальныхъ картинъ знаменитѣйшихъ мастеровъ. Недавно еще въ Урбино отыскана отличная картина Рафаэля Санціо, а теперь газеты разсказываютъ, что какой-то сеньоръ Кампани въ одномъ изъ Лондонскихъ аукціоновъ купилъ картину Микель-Анджело, признанную за дѣйствительный оригиналъ римскою Академіею Художествъ и оцѣненную въ 35,000 руб. сер. на наши деньги. Въ тоже самое время кто то на публичной продажѣ въ Ганноверѣ пріобрѣлъ за полтора талера извѣстную, но почитавшуюся потерянною картину Леонарда да Винчи. Знаменитый

живописецъ Остерлей увидалъ ее случайно, узналъ по кисти и описаніямъ, и оцѣнилъ въ 20,000 талеровъ. Она представляетъ Леду съ лебедемъ, возлѣ нея два ребенка, а за нею купидонъ. Какъ извѣстно, картина эта была написана великимъ художникомъ по заказу Людовика Мора и представляетъ аллегорическое изображеніе: подъ видомъ Леды представлена Беатриче д'Эсте, лебедь Людовико Сфорца, а дѣти — сыновья ихъ, Максимиліанъ и Францискъ. Картину эту причисляютъ къ художественнымъ произведеніямъ перваго разряда.

—

Нѣмецкія газеты разсказываютъ удивительный трагическій случай, бывшій недавно въ Данцигѣ. Крестьянинъ, возвращаясь изъ города, встрѣтилъ дорогою пріятеля своего, охотника, который охотился въ окрестностяхъ, и пригласилъ его къ себѣ въ близлежащую деревню. Чтобы сократить путь они пошли черезъ Вислу. Крестьянинъ нечаянно попалъ въ окно, занесенное снѣгомъ, и началъ топуть. Охотникъ, чтобъ спасти его подалъ ему ружье прикладомъ. Утопающій схватился за курокъ, въ туже минуту ружье выстрѣлило: пуля прошла охотнику въ самое сердце. Онъ упалъ, а крестьянинъ, оборвавшись, опустился ко дну, прежде, чѣмъ ему могли помочь подоспѣвшіе прохожіе.

—

БАЛАГУРЪ.

=

ИСТОРІЯ ТЫСЯЧА ПЕРВАГО КАНДИДАТА ВЪ ГЕНІИ.

(Журнальные нравы.)

—

ПИСЬМО I.

Милостивый Государь!

Чувствуя съ давнихъ поръ призваніе къ литературнымъ занятіямъ, и желая выступить на поприще отечественной словесности подъ Вашимъ руководствомъ, я рѣшаюсь представить на Вашъ просвѣщенный судъ, препровождаемую при семъ повѣсть «*Волканическая страсть*».

Если статья эта удостоится напечатанія въ Вашемъ прекрасномъ журналѣ, то буду имѣть честь представить, къ одному изъ слѣдующихъ нумеровъ, еще нѣсколько статей въ томъ же родѣ.

Мнѣ было бы весьма пріятно и лестно узнать Ваше *личное* мнѣніе объ этомъ слабомъ произведеніи моего пера, чтобы при дальнѣйшихъ литературныхъ занятіяхъ, я могъ руководствоваться указаніями Вашего эстетическаго вкуса, которымъ запечатлѣна и проникнута каждая страница Вашего, въ высшей степени интереснаго, журнала.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Аполлонъ Иппокреновъ.

—

ОТВѢТЪ.

Милостивый Государь!

Благодарю Васъ за доставленную мнѣ прекрасную статью и убѣдительно прошу и впредь не оставлять сообщеніемъ Вашихъ

произведеній. Вы желаете знать мое личное мнѣніе объ этой повѣсти, но на это мнѣ трудно отвѣчать Вамъ положительно, потому-что по одной статьѣ нельзя сдѣлать рѣшительнаго заключенія о степени Вашего дарованія. Скажу только, что если не ошибаюсь, у васъ много наблюдательности и глубокаго анализа. Все это заставляетъ полагать, что Вы обладаете замѣчательнымъ дарованіемъ и если будете потщательнѣе отдѣлывать свои повѣсти, то со временемъ можете сдѣлаться свѣтиломъ не послѣдней величины въ нашей литературной плеядѣ. И такъ трудитесь, юноша, работайте, не теряйте бодрости, а главное — наблюдайте правило безсмертнаго Цицерона, то-есть: чаще перевертывайте свой стиль.

Истинный доброжелатель Вашъ

Иванъ Проспектусовъ.

—

ПИСЬМО II.

Милостивый Государь!

Радушный пріемъ, оказанный Вами моему блѣдному произведенію, даетъ мнѣ смѣлость представить новую повѣсть въ двухъ частяхъ, въ правахъ XIV вѣка, подъ названіемъ «*Волжскіе удальцы*».

Прошу принять увѣреніе въ томъ нелицемѣрномъ почтеніи и преданности, съ которыми имѣю честь быть

Вашимъ
покорнымъ слугой
Аполлонъ Иппокреновъ.

—

ОТВѢТЪ.

Милостивый Государь!

Усердно благодарю за сообщенную мнѣ прелестную повѣсть. Могу предсказать, что она произведетъ глубокое и живѣйшее впечатлѣніе на публику, которая всегда умѣла цѣнить истинныя дарованія.

Преданный Вамъ
Иванъ Проспектусовъ.

—

ПИСЬМО III.

Милостивый Государь!

Досадное стеченіе неожиданныхъ обстоятельствъ побуждаетъ

меня принять смѣлость и покорнѣйше просить Васъ о врученіи подателю сего причитающихся мнѣ денегъ, за двѣ напечатанныя въ Вашемъ журналѣ статьи, сколько придется по счету печатныхъ листовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляю Васъ, что я приступилъ къ сочиненію новой статьи. Я намѣренъ въ формѣ повѣсти представить развитіе одного весьма интереснаго психологическаго факта, который до сихъ-поръ оставался нетронутъ.

Имѣю честь быть

Вашимъ покорнымъ слугой
Ап. Иппокреновъ.

—

ОТВѢТЪ.

Милостивый Государь!

Мнѣ очень прискорбно, что не могу исполнить Вашего желанія: прислать денегъ; но за бельлетрическія статьи у насъ платы не полагается. Вотъ, если Вамъ будетъ угодно перевести съ нѣмецкаго, прилагаемую при семъ статью: О первобытныхъ жителяхъ Гренландіи» — то можете получить по 10 руб. серебромъ за печатный листъ. Но постарайтесь, чтобъ переводъ былъ тщательный, и доставьте его, если возможно, дня черезъ два.

Вашъ покорный слуга
Иванъ Проспектусовъ.

—

ПИСЬМО IV.

Милостивый Государь!

Ученыхъ статей переводить я не намѣренъ, но прошу Васъ, *непремѣнно* прислать мнѣ деньги за первыя мои статьи, если желаете, чтобъ я третью и всѣ, сколько впредь напишу, напечаталъ въ вашемъ журналѣ. Въ противномъ случаѣ, я обращусь къ редакторамъ «Собесѣдника», или «Еженедѣльной газеты.»

Вашъ покорный слуга
Ап. Иппокреновъ.

—

ОТВѢТЪ.

Милостивый Государь!

Я, хоть и не имѣю чести быть знакомъ съ Вами, по вижу, что вы еще очень молоды и совершенный новичокъ въ литературномъ дѣлѣ. Меня чрезвычайно удивило письмо Ваше отъ 19 мая. Странный тонъ, странныя требованія! Вы пишете, чтобъ я при-

слалъ Вамъ за статьи деньги, между-тѣмъ, какъ вы доставили ихъ ко мнѣ безъ всякихъ условій. Вы угрожаете тѣмъ, что отошлете свои будущія произведенія другимъ редакторамъ.... Полноте, юноша прекрасный! да кто ихъ у Васъ возьметъ? Въ «Собесѣдникѣ» двѣ первыя статьи Ваши разобрали и разбранили въ пухъ и прахъ. Еженедѣльная газета, въ 113 нумерѣ, объявила, что повѣсти Ваши ниже всякой критики, и весьма обязательно отвела вамъ мѣсто въ фалангѣ литературныхъ тружениковъ, наряду съ господами Кузмичовымъ, Сиговымъ, Орловымъ и комп. Такъ умѣрьте же свою горячность, или пінтическій восторгъ, и послушайте меня, стараго журнальнаго ветерана. Если Вы имѣете какое нибудь обезпеченіе, то продолжайте писать повѣсти, очерки нравовъ и тому подобное, и присылайте намъ, а мы постарается доставить Вамъ извѣстность; если же Вы, простите за откровенность, небогаты, такъ принимайтесь за переводъ ученыхъ статей, и мы первые будемъ платить Вамъ деньги, только работайте скорѣе и приноровляйтесь къ духу нашего журнала, а между-тѣмъ....

Извините, сейчасъ принесли изъ типографіи корректуру, и я спѣшу заключить свое длинное письмо тѣмъ, что попрошу Васъ убѣдиться въ моей искренности и доброжелательствѣ.

Иванъ Проспектусовъ.

—

ПИСЬМО V.

Милостивый Государь!

Совѣтовъ Вашихъ мнѣ не нужно, и въ поденщики къ Вамъ я не пойду. Покорнѣйше прошу Васъ возвратить мнѣ *немедленно* рукописи моихъ двухъ повѣстей. Вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляю, что завтра-же объявлю въ газетахъ, что отнынѣ не принимаю въ Вашемъ журналѣ никакого участія, и впредь принимать не буду.

Вашъ покорный слуга
Ап. Иппокреновъ.

—

ОТВѢТЪ.

Милостивый Государь!

Взявъ въ соображеніе, что Вы, какъ писали сами, находитесь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, я считаю долгомъ избавить Васъ отъ лишнихъ расходовъ на газетное объявленіе. Въ послѣд-

ней книжкѣ своего журнала, вышедшаго сегодня утромъ, *я самъ* объявилъ, что Вы печататься у насъ не будете. Полагаю не лишнимъ привести здѣсь краткое извлеченіе:

«Къ величайшему сожалѣнію своему должны мы признаться, что «господинъ Аполлонъ Иппокреновъ, повѣсти котораго «*Волканическая страсть*» и «*Волжскіе удальцы*» были напечатаны въ «нашемъ журналѣ, далеко не оправдалъ нашихъ надеждъ. На «дняхъ мы получили отъ него еще нѣсколько статей, но не рѣшились ихъ печатать, потому-что онѣ изъ рукъ вонъ плохи. «Г. Иппокреновъ, какъ оказалось, принадлежитъ къ тому разряду «писателей, которыхъ хватаетъ на одну, или много на двѣ повѣсти. Ободренный нѣкоторымъ успѣхомъ первыхъ своихъ произведеній, г. Иппокреновъ, при всей ограниченности познаній «человѣческаго сердца, рѣшительномъ отсутствіи эрудиціи и «литературнаго такта, взялся рѣшить весьма важный психологическій вопросъ и—увы! не справился съ нимъ. Къ важнѣйшему «недостатку своему, которымъ отзываются его первыя статьи, «односторонности, онъ присоединилъ и другой: вдался въ педантизмъ.»

Вашъ покорный слуга

Ив., Проспектусовъ.

P. S. Вы какъ-то писали, что намѣрены разработать предметъ, который до сихъ поръ оставался не тронутъ, въ такомъ случаѣ напишите: *похвалу своимъ сочиненіямъ*. Ручаюсь Вамъ, что этотъ предметъ совершенно новый и никѣмъ не разработанный.

—

Черезъ годъ.

ПИСЬМО VI.

Милостивый Государь!

У меня теперь много свободнаго времени и я готовъ посвятить его литературнымъ занятіямъ. Если вы имѣете надобность въ переводчикѣ съ нѣмецкаго и французскаго языковъ, *какихъ-бы то ни было* статей, то потрудитесь увѣдомить. На счетъ-же платы затрудненій не будетъ; я возму даже нѣсколько меньше того, что Вы даете другимъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

вашимъ покорнымъ слугою

А. Иппокреновъ.

—

ОТВѢТЪ.

Давно-бы такъ, молодой человѣкъ! Препровождаю Вамъ статьи «О животномъ удобреніи» и «О новоизобрѣтенномъ топливѣ.» Постарайтесь возвратить обѣ статьи черезъ три дня. Деньги получите по напечатаніи.

Усердно преданный Вамъ

Ив. Проспектусовъ.

—

ТИВЕТСКІЙ ПИКЪ

Кто-то сказалъ, что жизнь есть странствованіе. Это дѣйствительно правда. Я зналъ одного англичанина, который никакъ не могъ усидѣть на мѣстѣ. Онъ всю свою жизнь провелъ въ путешествіяхъ. Объ этомъ чудакѣ можно было сказать, что онъ нашелъ способъ быть разомъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ.

Этого англичанина звали мистеръ Брайсбенъ; по всей вѣроятности онъ обладалъ всѣми качествами воздушнаго шара. Представьте себѣ: я встрѣчался съ нимъ въ Ріо-Жанейро, потомъ на мысѣ Доброй-Надежды, потомъ въ Новой-Голландіи, на Сандвичевыхъ островахъ, въ Ріо-де Лаплата и, четыре года назадъ, встрѣтилъ его въ Петербургѣ, въ Большой Подъяческой.

— Гау ду-ю-ду, закричалъ онъ мнѣ издали.

— Здравствуйте, милордъ.

— Вы, кажется, мистеръ N*?

— Ваша правда.

— Я видѣлъ васъ у антиподовъ Петербурга?

— Очень можетъ быть.

— Потомъ мы съ вами присутствовали въ Севильѣ на воловьей травлѣ?

— И это такъ. Вы, если не ошибаюсь, мистеръ Брайсбенъ, и путешествуете по части сильныхъ ощущеній?

— Yes! это я, разбитый, и изломанный. Уходили меня эти вояжи. Баста! Я рѣшился бросить якорь и воротиться домой, къ родному очагу.

— Давно пора, давно пора.

— Да; я и самъ это чувствую. Завтра я уѣзжаю въ Тибетъ, а оттуда....

— Прямо на тотъ свѣтъ, проговорилъ я мысленно. И угадалъ, потому что мой неутомимый путешественникъ успокоился толь-

ко въ могилѣ, да и то навѣрно не знаю. Я думаю, что ему и въ гробу не лежится.

Вотъ его послѣднее путевое приключеніе:

На другой день нашей встрѣчи въ Петербургѣ, онъ точно отправился въ Тибетъ, но не прямымъ и ближайшимъ путемъ, какъ бы слѣдовало каждому порядочному человѣку, а околицей, и сдѣлалъ безъ малаго тысячъ пять верстъ крюку. Онъ, проѣхавъ всю Европу, обогнулъ мысъ Доброй Надежды и проплылъ по Индѣйскому морю до Калькуты. Пріѣхавъ туда, онъ тотчасъ потребовалъ къ себѣ ловкаго и искуснаго проводника и отправился съ нимъ пѣшкомъ по Индостану. Долго странствовали они среди восхитительной индійской природы, встрѣчались со львами и съ тиграми; видали и слоновъ, какъ они держали въ осадѣ плантаціи; испытали и ураганы, уничтожавшіе цѣлые лѣса.

Достигнувъ береговъ рѣки Джинъ-Джинъ, наши путешественники остановились. Мистеру Брайсбену куда какъ не хотѣлось дожидаться, потому что благородное рвеніе то и дѣло подталкивало его итти впередъ да впередъ. Къ-счастію, какой то *сипай* вызвался перевести его на своей пирогѣ черезъ рѣку и ровно черезъ часъ высадилъ ихъ обоихъ на другомъ берегу. У мистера Брайсбена отъ радости въ зобу дыханье сперло, — передъ нимъ голубоватой полосой рисовался Гималайскій хребетъ.

Въ ближайшемъ селеніи онъ отпустилъ своего проводника; нашелъ другаго, помоложе и посильнѣе, и велѣлъ вести себя на Давалагири.

— Никто еще не влѣзалъ выше моего; я поднимусь на самый возвышенный пунктъ земнаго шара и покрою свое имя славой и безсмертіемъ.

Наши Кавказскія и Уральскія горы и всѣ эти Альпы и Пиринеи, просто игрушка въ сравненіи съ чудовищными горами Тибета и Индостана. Мистеръ Брайсбенъ все это сообразилъ, какъ нельзя лучше, и сердце его забилось, лицо запылало восторгомъ, пульсъ отъ восхищенія увеличился въ сто девяносто четыре раза въ минуту. Да какъ ему было не восхищаться, увидѣвъ передъ собой такую, необъятную массу гранитныхъ горъ.

Мистеръ Брайсбенъ принялся съ своимъ проводникомъ карабкаться на Давалагири.

Они поднялись на шесть тысячъ метровъ.

— Поднимался-ли кто-нибудь выше моего? спросилъ неутомимый англичанинъ своего спутника.

— О гораздо выше, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, полѣземъ еще.

На высотѣ шести тысячъ пяти сотъ метровъ они очутились на площадкѣ.

— Ну, а здѣсь, былъ-ли кто, прежде меня?

— Какъ же, милордъ; въ прошломъ году, одинъ, тоже англичанинъ, по имени Джонъ Смитъ, поднимался повыше этого, и я же его провожалъ.

— Что ты? Не можетъ быть?

— Точно такъ, милордъ.

— Да вѣдь передъ нами ледяныя стѣны?

— Что-жъ такое; онъ перелѣзалъ черезъ нихъ.

— И остался живъ?

— Какъ-же съ; живъ и здоровъ.

— Ну, такъ и я пользу на стѣну.

Мистеръ Брайсбенъ уцѣпился за край разсѣлины, перепрыгнулъ черезъ пропасть, поднялся еще, еще и еще....

— Здѣсь-ли? спросилъ онъ проводника, съ трудомъ переводя дыханіе отъ усталости и необыкновеннаго напряженія.

— Еще немножко, милордъ, и вы поднимитесь выше Смита.

Мистеръ Брайсбенъ собралъ послѣднія силы, протянулъ руку и запустилъ въ небольшую впадину, стараясь половче зацѣпиться. О чудо! онъ ощупалъ тамъ бумажникъ, разкрываетъ и что-же находитъ? — Визитную карточку Смита.

Онъ спряталъ ее въ карманъ и поднявшись, съ нечеловѣческими усиліями, еще на нѣсколько вершковъ, положилъ бумажникъ со своей карточкой подъ камень. Затѣмъ онъ пустился въ обратный путь.

Радость невыразимаго блаженства сіяла въ его чертахъ, разплывшихся отъ неумѣреннаго употребленія грога. Наконецъ, любимѣйшая мечта его исполнилась; онъ былъ тамъ, на самомъ возвышенномъ пунктѣ земнаго шара, куда не осмѣливался подниматься до тѣхъ-поръ ни одинъ путешественникъ.... Голова его закружилась, онъ поскользнулся, полетѣлъ въ пропасть и глубоко увязъ въ снѣгу. При паденіи, онъ вывихнулъ себѣ плечо и повредилъ ребра. Онъ лежалъ безъ всякаго движенія; чрезмѣрный восторгъ лишилъ его употребленія языка. Проводникъ помогъ ему выкарабкаться изъ снѣга и затѣмъ они, безъ особенныхъ приключеній, пустились вспять.

Мистеръ Брайсбенъ отправился прямо въ Саверникъ, оттуда въ Бенгалію. Въ Пондишери онъ сѣлъ на пароходъ и поплылъ въ Лондонъ. Прибывъ туда, онъ прежде всего отправился къ Джо-

ну Смиту, знаменитому путешественнику и натуралисту. Ему сказали, что Смитъ теперь въ Парижѣ; мистеръ Брайсбенъ переѣхалъ въ Кале, явился въ Парижѣ и снова отправился на поиски за Смитомъ.

Къ величайшему огорченію онъ узналъ, что Смитъ только наканунѣ уѣхалъ въ Лондонъ; мистеръ Брайсбенъ въ туже минуту воротился назадъ; онъ отыскалъ Смита въ Музеумѣ, гдѣ онъ работалъ. Онъ былъ принятъ очень вѣжливо.

— « Позвольте спросить, сэръ, что доставляетъ мнѣ удовольствіе васъ видѣть?

— «Я, сэръ, пріѣхалъ отдать вамъ визитъ.

— « Но я, кажется, не имѣю удовольствія васъ знать?

— « Это все равно; мы сейчасъ познакомимся. Я Брайсбенъ.

— « А я Джонъ Смитъ.

— « Я нашелъ вашу визитную карточку въ Индіи, на Давалагири и взялъ ее.... вотъ она, сэръ.

— « Какое безпримѣрное оскорбленіе, сэръ; вы похитили мою славу, уничтожили мои заслуги!... мой подвигъ, надѣлавшій въ свѣтѣ столько шума!

— « Какъ видите, сэръ. Впрочемъ, если вамъ угодно будетъ во-второй разъ сдѣлать восхожденіе на Давалагири и подняться выше моего, такъ я долженъ вамъ сказать, что отправлюсь вслѣдъ за вами и вскарабкаюсь хоть на самую вершину, но славы вамъ не уступлю.

— « Надѣюсь, сэръ, что послѣ такой обиды вы не откажетесь дать мнѣ удовлетвореніе?

— « О, съ большимъ удовольствіемъ, сэръ.

Противники немедленно отправились въ чистое поле, пригласивъ, разумѣется, секундантовъ.

Въ одно и тоже время грянули два выстрѣла и оба противника покатились по землѣ. Они были убиты оба.

Секунданты отправились потолковать объ усопшихъ въ сосѣднюю таверну и выпить въ память ихъ бутылку вина.

Одинъ изъ нихъ взялъ журналъ и, пробѣжавъ его глазами, воскликнулъ.

— «Боже мой!

— « Что такое?

— « Удивительный случай!

— « Да что-же?

— « Слушайте господа:

« Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, страшное землятрясеніе опустошило

Тибетъ. Земля разверзлась во многихъ мѣстахъ и поглотила множество селеній, нагодъ и даже нѣсколько городовъ; рѣки прорыли новыя русла; Давалагири осѣлся; на немъ открылось множество разщелинъ и снѣговая вершина его, съ страшнымъ трескомъ рухнулась въ долину».

— «Ну, какъ не сказать послѣ этого: что всѣ суета, печально произнесъ бывшій секундантъ мистера Брайсбена.

— А что, господа, замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, не выпить ли намъ по случаю землетрясенія?..

=

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ГРОБЫ.

Жена одного изъ знаменитыхъ Европейскихъ трагиковъ, вставъ нѣсколько раньше своего мужа, увидѣла въ передней незнакомаго человѣка, повидимому, ремесленника.

— Кто ты?

— Гробовщикъ, сударыня.

— «Что тебѣ?»

— Пришелъ мѣрочку снять съ вашего супруга, для гроба его милости.

— «Мѣрку для гроба! Съ моего мужа!... Въ умѣ ли ты!» воскликнула испуганная женщина, и съ крикомъ бросилась въ спальню, чтобъ увѣриться, ужъ не дѣйствительно-ли умеръ ея мужъ.

Въ дверяхъ спальни она встрѣтила мужа.

— Что случилось, что съ тобою, другъ мой? спрашиваетъ онъ у жены, видя ее крайне встревоженною.

— «Помилуй, другъ мой! къ намъ пришелъ гробовой мастеръ.... Онъ хочетъ съ тебя снять мѣрку для гроба.... Шутка это, что-ли?»

— Нисколько.... Я послѣ-завтра играю *Короля Энціо*, и въ третьемъ дѣйствіи ложусь въ гробъ.... Всѣ гробы, какіе у насъ заготовлены въ театрѣ, не по моему росту, и для меня надо заказать новый.... Эй, мастеръ!»

При этихъ словахъ смѣтливый гробовщикъ вынулъ изъ кармана галунъ, и вѣрно въ первый разъ въ жизни снялъ мѣрку для гроба съ живаго человѣка.

Жена трагика не могла придти въ себя все утро, не пила ни кофе, ни чаю, не завтракала; за то смѣялась до слезъ при представленіи *Короля Энціо*.

—

Другой подобный анекдотъ окончился не такъ забавно.

Посѣтители нашего французскаго театра вѣрно еще помнятъ хорошенькую актрису Луизу Форжо, которая была на нашей сценѣ лѣтъ девять тому назадъ. Изъ Петербурга она поѣхала искать счастія въ Лондонъ и тамъ сдѣлалась первымъ сюжетомъ на театрѣ г. Жюльена. Въ началѣ нынѣшняго января, разъ утромъ у нея собралось нѣсколько гостей. Всѣ весело завтракали и шутили, когда вошла горничная артистки и что то ей шепнула на ухо. Форжо улыбнулась и, обращаясь къ гостямъ, сказала:

— Господа! мнѣ принесли новенькое платье, сдѣланное по моей фантазіи. Не хотите-ли взглянуть, идетъ-ли оно ко мнѣ?

За тѣмъ она пригласила гостей въ свою уборную. Но каково было ихъ удивленіе, когда они вмѣсто платья, увидѣли роскошно сдѣланный гробъ, выложенный внутри простеганнымъ атласомъ. Онъ былъ приставленъ къ стѣнѣ и артистка тотчасъ же въ него вошла.

— Что это значитъ? воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Это значитъ, что я заказала себѣ новый костюмъ для Жюльетты, въ пятомъ актѣ; всѣ наши театральные костюмы такъ грязны и затасканы, что я рѣшилась лучше потратить деньги и оставить его за собою. Какую бы роль ни пришлось играть на свѣтѣ, а эта одежда всегда пригодится.

Въ тотъ-же вечеръ сыграли «Ромео и Жульетту.» Форжо обновила свой костюмъ, но какъ онъ былъ сдѣланъ слишкомъ аккуратно, то она чуть не задохлась подъ герметически прикрывшей ее крышей. Страхъ ея однакожъ былъ такъ великъ, что въ туже ночь съ нею сдѣлалась нервическая горячка, а черезъ пять дней ее въ этомъ же самомъ гробѣ снесли на кладбище.

—

«О чемъ ты плачешь?» спросилъ Сократъ юнаго ученика своего, находясь въ темницѣ. — «О томъ, что ты осужденъ безвинно,» отвѣчалъ Критіасъ. «Неужели же ты хочешь, чтобъ я былъ виновенъ?» возразилъ Сократъ.

—

Актеръ, который заключилъ съ дирекціей Марсельскаго театра контрактъ на три дебюта, былъ жестоко освистанъ въ первой роли, въ которой явился. Директоръ Марсельскаго театра, сожалѣя бѣдняка, деликатно далъ ему почувствовать, что онъ можетъ не играть остальныхъ ролей болѣе, и что онъ не будетъ настаивать на исполненіе условія.

— Какъ! возразилъ, обидясь, актеръ: За кого вы меня принимаете? Я никогда не нарушаю моихъ обязательствъ. Знаете-ли, что мнѣ свистали въ Парижѣ въ каждой роли, а я все таки не переставалъ играть, до тѣхъ-поръ, пока не сыгралъ всѣхъ условленныхъ ролей. Для меня, сударь, честь дороже всего!

—

Принцъ Регентъ, посадившій Вольтера въ Бастилію за эпиграмму, былъ до того восхищенъ представленіемъ его «Эдипа», что немедленно велѣлъ возвратить ему свободу. Поэтъ явился благодарить принца. «Будьте благоразумны, молодой человѣкъ, сказалъ ему принцъ, и я васъ не забуду. Я самъ буду заботиться о вашей участи.» Безконечно — обязанъ, возразилъ Вольтеръ, но умоляю, Ваше Высочество, не заботьтесь болѣе о моемъ жилищѣ и о моемъ содержаніи.

—

— Послушай, какъ бьется мое сердце, говорила извѣстная актриса Дежазе, одному изъ своихъ товарищей, въ разсѣянности кладя его руку на правую сторону. — Какъ.... здѣсь? спросилъ онъ съ удивленіемъ. — А развѣ для тебя мое сердце не вездѣ бьется одинаково? отвѣчала она.

—

Одинъ купецъ, который всѣми силами тянулся за знатью и пародировалъ во всемъ аристократическій бытъ, давалъ разъ пріятелямъ своимъ обѣдъ на славу. За столомъ ему не понравился порядокъ въ подаваніи блюдъ. Желая при гостяхъ сдѣлать выговоръ дворецкому, онъ сказалъ: «Извините, господа, этотъ человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ утонченномъ образѣ жизни.» — Гдѣ же мнѣ и было научиться, — отвѣчалъ дворецкій, — когда я столько лѣтъ живу въ вашемъ домѣ!

—

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 2.

ГОЛУБОЙ КАПОТЪ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧ. КН. КУГУШЕВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:	АКТЕРЫ:
ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ДОРИНСКІЙ.	*Г. Григорьевъ.*
НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, его жена.	*Г-жа Жулева.*
СТРѢЛЬСКІЙ.	*Мартыновъ.*
МАТРЕНА, нянька у ДОРИНСКИХЪ.	*Г-жа Гусева.*

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ квартирѣ Доринскихъ.

Гостиная. Въ глубинѣ дверь и по бокамъ двери. Направо отъ зрителей окно, драпированное. Налѣво у стѣны диванъ, а pianino стоитъ вкось, къ нему приставленъ стулъ. На аванъ-сценѣ у окна нѣсколько мягкихъ креселъ и между ними столикъ. Налѣво на аванъ-сценѣ тоже мягкія стулья и столикъ. Иванъ Петровичъ, во фракѣ, сидитъ налѣво отъ зрителей, на аванъ-сценѣ; передъ нимъ на столикѣ стоитъ чайный приборъ на подносѣ, то-есть два чайника, одинъ съ чаемъ, другой съ горячей водою, а самовара нѣтъ. Надежда Николавна сидитъ на противоположной сторонѣ съ книгой, которую не читаетъ.

I.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ и НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Рѣшительно не хочешь чаю ты!
Жена?.... Надишенька?.... Надежда Николавна?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Я не глуха.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Чего-жъ молчишь?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Забавно!
Хочу молчать....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Вотъ это было-бъ славно,
Когда-бъ я то-же, погрузясь въ мечты,
Хотѣлъ молчать...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ну, оба-бы молчали.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

И что-жъ бы вышло?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Я бы не слыхала васъ,
А вы меня бы не слыхали.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

И такъ мы, кажется, въ молчанку проиграли
Сегодня цѣлый день.... вотъ скоро ровно часъ...
Хочу узнать ты чай пить будешь?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Въ сотый разъ,
Не буду!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Съ булкой, съ сухарями....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Не буду....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, показывая связку.

Бублики!...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Простынетъ, право, чай....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, ШУТЛИВО.

Капризная жена! Иди-же, наливай!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, ЛѢНИВО.

Ахъ, наливайте сами.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Нѣтъ, какъ ни пробовалъ, объ чайникъ обожгусь,
И кипяткомъ
Я съ головы до ногъ, навѣрно, обольюсь.
А видишь, я притомъ
Уже въ парадномъ туалетѣ.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Да, ѣдетъ на вечеръ, а фракъ сидитъ мѣшкомъ!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ахъ, не тянуться жъ мнѣ въ корсетѣ.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, надувая губки.

Да, ѣдетъ на вечеръ, а на мою бѣду
Чай дома пьетъ. Такая лѣнь встать съ мѣста!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

На вечерахъ не чай даютъ, а, такъ сказать, бурду.
Тамъ съ чаемъ всякой дряни ты напьешься вмѣстѣ.
Да ну же, напои меня чайкомъ.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, вставая не хотя.

Какъ скучно, этотъ чай мнѣ, просто, родъ недуга!
(Идетъ на ту сто ону, садится и молча наливаетъ мужу чай.
Онъ пьетъ, а она оглядываетъ его съ ногъ до головы, и
потомъ уже говоритъ:)
Ну, галстухъ кто-жъ повязываетъ туго
И просто на просто узломъ? —
Онъ долженъ быть навязанъ слабо,
Чтобъ шея нѣсколько всегда была видна.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да вѣдь она, небрита и черна!.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Такъ выбрить и бѣлѣй была-бы.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да шею — оголи ее — какъ разъ простудишь!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Какъ странно объ всемъ ты, судишь!
На воздухъ выйдешь ты, ну надѣвай кашнэ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да, повяжи я бантикъ,
Почти безъ галстуха ходи, какъ модный франтикъ,
То всякій такъ смѣяться станетъ мнѣ,
Что на поди!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Тебѣ то что до смѣха?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Помилуй, въ сорокъ лѣтъ....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Такъ пятый значитъ ты живешь десятокъ?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Въ началѣ....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Фи, старикъ!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, извините, нѣтъ,
Въ порѣ мужчина!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ходишь безъ перчатокъ....
Брелоковъ нѣтъ, и ключикъ безъ печатокъ!
Жилеты у тебя.... да есть-ли пара ихъ?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, припоминая.

Два черныхъ, сѣрый, бѣлый..

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Фасонъ давнишній, устарѣлый....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А что-же въ нихъ —
Въ фасонахъ выписныхъ?
Иной фасонится вдругъ у троихъ портныхъ....
Глядишь его въ тюрьму, иль въ мать-землю зароютъ....
Портные же себѣ дома на Невскомъ строятъ.
Вотъ про меня-то говоришь,
А посмотри сама-то въ чемъ сидишь?...
Бывало, въ день одѣнешься три раза,
А нынче, скоро мѣсяцъ вотъ,
Какъ будто по-чьему заказу
Одинъ все носишь ты капотъ.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, сконфузясь.

Да, хорошо онъ скроенъ.
Притомъ покоенъ....
Я платья берегу.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Налей-ка мнѣ еще чайку.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, наливая.

А для мужчины въ свѣтѣ нужны:
И видный входъ и блескъ наружный.
Будь хоть пустая голова,
Но разпричесана по модѣ,
Да впереди ее молва
Что это геній въ новомъ родѣ;
Такъ будетъ лучше принята
Чѣмъ всякая другая!

(Встаетъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ.)

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Нѣтъ, матушка, ужъ голова пустая,
Какъ ни завѣй ее, пуста!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Я признаюсь меня съ ума то сводитъ,
Что въ обществѣ ужасно ты смѣшенъ.
Взойдешь, какъ просто люди входятъ!
Нѣтъ, надо знать какой принять и видъ и топъ,
Знать, какъ стоятъ и какъ лорнетъ наводятъ!
Садишься ты, вотъ такъ....

(Быстро садится и опять встаетъ.)

Нѣтъ, сядь вотъ такъ, какъ не-хотя, лѣниво....

(Садится такъ, какъ говоритъ.)

И граціозенъ будь, не нюхая табакъ,

(Дразнитъ мужа и нюхаетъ, какъ онъ.)

А поправляя усъ! (*Гладитъ небывалый усъ.*)
Встаешь ты слишкомъ живо....

(Встаетъ.)

Кто такъ встаетъ? Нѣтъ, лучшій тонъ

(садится.)

Встаетъ, какъ-будто жаль съ софой ему разстаться!...

(Встаетъ лѣниво.)

Идетъ небрежно (*ходитъ*) и въ углу иль у колоннъ
Прислонится. (*Прислоняется*). Вотъ надо какъ держаться!
Заговоритъ — особый, странный звукъ:
Какъ будто теноръ вмѣстѣ съ баритономъ....
Не держитъ, напримѣръ, вотъ этакъ странно рукъ,
(*Дразнитъ мужа*). А такъ, съ достоинствомъ и тономъ.
(Принимаетъ позу.)
Взойдетъ ли въ комнату, съ одной руки перчатка
Всегда снята,
Другая, для порядка,
Рукою лѣвою со шляпою взята.
(Беретъ мужнину шляпу, а на лѣвую руку надѣваетъ его замшевую огромную перчатку и ходитъ такъ, пока нужно; потомъ ставитъ шляпу на мѣсто.)
Идетъ легко и безъ оглядки,
По временамъ знакомымъ руку жметъ.
(Два раза жметъ рукою предполагаемую руку, потомъ жметъ руку мужу.)
Его ничто не развлекаетъ,
Онъ все на свѣтѣ презираетъ,
Его ничто не увлечетъ,
Онъ ко всему такъ равнодушенъ,
Не засмѣется и шутя,
Онъ вѣчно золъ, онъ вѣчно скушенъ,
Хотя душой почти дитя.
Въ немъ видно къ свѣту пресыщенье,
Онъ, по обязанности, тутъ,
Онъ къ женщинамъ питаетъ отвращенье,
Дичится ихъ, какъ алеутъ;
Однако холодно - учтиво
Къ нимъ обращаетъ взоръ и рѣчь
А иногда, лорнетъ наводитъ живо
На шелкъ кудрей и мраморъ плечъ,
Какъ выражаются поэты....
Вотъ свѣтскихъ львовъ главнѣйшія приметы,
Вотъ франта моднаго вернѣйшій образецъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, сильно.

Да франтъ такой, по моему, глупецъ!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, встороиу.

Ахъ ! каково сносить подобные отвѣты!

(Вслухъ восторженно.)

Счастлива женщина, когда подобный левъ
Невольно, можетъ-быть, случайно увлеченный,
И съ каждымъ днемъ все болѣе влюбленный,
Люблю ей скажетъ и, какъ сладостный напѣвъ,
Ей зазвучитъ плѣнительное слово....
И снова,
Дремавшее давно тяжелымъ сномъ,
Подъ властію его очарованья,
Проснется сердце и потомъ
Настанутъ дни и счастья, и страданья !...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, разразясь громкимъ смѣхомъ.

Какая чепуха !

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, съ негодованіемъ.

Какъ вы учтивы !...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, хохочетъ.

Какъ вы краснорѣчивы !...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Не будетъ-ли?...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я не могу.... ха.... ха.... ха.... ха !...
Однако-же съ тобой я заболтался....
Ей! Кто тамъ ! (*Матрена входитъ.*)
Ты чай возьми, а сани подавать....

(Матрена беретъ полносъ и уходитъ.)

А ты ложись себѣ, голубчикъ, спать,
Оно вѣрнѣй !...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, встороиу.

Вотъ привязался!
(*Ему*) Кто-жъ спать ложится съ этихъ поръ?
Вдругъ кто-нибудь пріѣдетъ, ну, вдругъ гости?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Вотъ вздоръ !
Кому пріѣхать?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, встороиу.

Я едва дышу отъ злости.

(*Ему.*)

Быть можетъ, что придетъ фантазія, бредъ, блажь,
Заѣхать Стрѣльскому; его принять должна-жь!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да, это пошлое, но модное созданье
Частенько что-то насъ изволитъ посѣщать.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

А почему бъ ему и не бывать?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Различныхъ съ нимъ мы свойствъ и воспитанья.
Онъ — мотъ, картежникъ, франтъ....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Неправда, онъ строжайшихъ правилъ....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Имѣнье промоталъ....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Устроилъ и поправилъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Безъ смыла!...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Умница!...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Пьетъ!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, сильно.

Никогда!...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Педантъ!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, почти сквозь слезы.

Начитанность педанствомъ называетъ!...

(Садится на прежнее свое мѣсто.)

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, встороню.

Охъ, что-то Стрѣльскаго она такъ выхваляетъ,
Что страшно стало. Я не знаю самъ,
Что такъ меня тревожитъ?
Ужель онъ съ цѣлью ѣздитъ къ намъ?
Ужель она? О! нѣтъ, быть этого не можетъ!
Хоть взглядовъ нѣсколько украдкой я поймалъ,
Пожатіе руки, ну, это нынче въ модѣ,

Я думалъ, и самъ его почаще приглашалъ
И велъ съ нимъ рѣчъ о циркѣ, о погодѣ.
Ужель сегодня безъ меня
Она ему назначила свиданье?
О! если такъ, отдѣлаю же я
Велико-свѣтское созданье!
Но нѣтъ, не можетъ быть!
(*Ей*) Прощай, душа моя!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ты скоро возвратишься?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не знаю....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Вѣрно засидишься?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да, пульки двѣ-три надобно сыграть!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

И будешь ужинать?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какъ знать!
Какъ проиграюсь, такъ съ досады
Займъ свой проигрышъ.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, робко.

А пить, мой другъ, не надо.
Намедни, помнишь, какъ пріѣхалъ ты домой?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Часа въ два, въ три, не поздно....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

И не рано....
Но былъ ты.... былъ.... такой....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Веселый?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Нѣтъ.... такой....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Забавный?...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Просто пьяный....

А знаешь, какъ я пьяныхъ не терплю!
Имѣю къ нимъ такое отвращенье....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я самъ пить, право, не люблю,
Но было, видишь-ли, пріятеля рожденье,
Такъ пилъ на радости, ему я въ угожденье....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

А нынче нѣтъ-ли имянинъ?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Нѣтъ, вечеръ, просто, знаешь, скромный
Хозяинъ—добрый семьянинъ,
Зажиточный, но очень экономный....
И я, повѣрь мнѣ, удержусь
И, посмотри, домой вернусь
Такой-же точно....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Очень рада.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Прощай-же, Надя! дай мнѣ ручку....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ну, не надо! (*Онъ однако-жъ беретъ руку и цѣлуетъ.*)
И что за нѣжности!...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, взявъ ее за талію.

О, прелесть ты моя!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, весело.

Прощай, амурчикъ!...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

До свиданья! (*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

—

II.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, одна.

Предобрый человѣкъ, да жаль безъ воспитанья....
Ему не пара вовсе я.
Живу средь страннаго какого-то народа.
Послушаешь ихъ рѣчь — все карты да погода.

И вѣкъ одна! Мужъ мой на службѣ по утрамъ,
А тамъ
За преферансомъ онъ въ собраньи.
Куда какъ весело мое существованье!
И то сказать, онъ дома будь,
О чемъ вести бесѣду?
О завтрашнемъ обѣдѣ,
Или еще о чемъ-нибудь?
Все это скучно, скучно, скучно,
Но съ нѣкоторыхъ поръ
Я ко всему такъ стала равнодушна.
Бывало, новенькій узоръ
Займетъ, иль модная работа;
Но больше и она нейдетъ теперь на умъ.
Дѣтишки.... вотъ моя забота,
Источникъ радости и горькихъ, тяжкихъ думъ.
Но я желала-бъ развлеченья,
Я молода, я жить хочу,
И признаюсь, не умолчу,
Жду Стрѣльскаго я жадно посѣщенья.
Любезность, ловкость, тонъ,
Непринужденное такое обращенье;
Одинъ его поклонъ
Меня уже приводитъ въ восхищенье!
Въ немъ виденъ такъ изящный вкусъ,
Цвѣта подобраны, какъ въ женскомъ туалетѣ
И, глядя на него, любуюсь и дивлюсь
Я въ немъ одномъ людямъ большаго свѣта.
Боюсь увлечься.... отчего?
Ахъ, оттого, должна самой себѣ признаться,
Что съ нимъ разстаться
Я-бъ не могла, что я.... почти люблю его.
Пока его не знала,
Не вѣдала его магическихъ оковъ,
Я всюду съ мужемъ выѣзжала;
И кругъ нашъ мнѣ казался не таковъ,
Какимъ теперь.... я много танцовала...

И даже.... изъ мужчинъ....
Мнѣ нравился одинъ.... блондинъ
Но, Боже мой, какое-же сравненье!
Предъ Стрѣльскимъ всѣ мужчины — ничего,
Предъ нимъ они ничтожныя творенья,
Не стоятъ пальчика его!
Сегодня быть, — сегодня вѣдь суббота, —
Сегодня быть онъ обѣщалъ! (*Смотритъ на стѣнные часы*).
Но десять било, а не ѣдетъ что-то....
Вчера еще онъ мнѣ писалъ,
Что будетъ. (*Вынимаетъ крошечное письмецо и смотря въ него, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и потомъ машинально садится къ столу, гдѣ сидѣлъ мужъ.*)
Ужель забудетъ?
Вчера въ театрѣ онъ, въ сѣняхъ,
Когда мой мужъ мнѣ въ торопяхъ
Кричалъ, что поданъ нашъ возокъ наемный,
Пожалъ мнѣ руку нѣжно такъ, и въ ней
Письмо оставя скромно,
Съ поклономъ вышелъ изъ сѣней. (*Задумывается. Письмецо лежитъ открытое передъ ней.*)

—

III.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА и СТРѢЛЬСКІЙ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Надежда Николавна!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА. При звукѣ знакомаго голоса, вздрагиваетъ, встаетъ, смущается.

Ахъ, это вы? (*Забывая письмо на столикѣ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ нему.*)

СТРѢЛЬСКІЙ.

У васъ
Въ тотъ самый, какъ назначилъ, часъ... (*Встороку.*)
Въ любви я малый преисправный,
Иное дѣло по долгамъ!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Сѣсть не угодно-ль вамъ? (*Жестомъ приглашаетъ его сѣсть и садится на прежнее свое мѣсто, направо отъ зрителей.*)

СТРѢЛЬСКІЙ.

Благодарю! (*Садится отъ нее черезъ кресло.*)

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Вошли вы, не слыхала....
Звонили вы?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Нѣтъ, тамъ въ сѣняхъ
Кухарка ваша, съ кѣмъ не знаю,
Съ мужчиной, эдакимъ, въ усахъ,
О чемъ-то бойко толковала.
Какъ я вошелъ, она и увидала
И дверь мнѣ тотчасъ отперла,
Вотъ какъ исторія была!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Откуда вы?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Я.... изъ театра....

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА.

Изъ какого?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Афишки есть у васъ?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Не получаемъ, нѣтъ.

СТРѢЛЬСКІЙ, всторону.

Такъ, стало, можно врать. (*Ей*). Я.... изъ Большаго....

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА.

Давали оперу?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Балетъ:
«Воспитанница Феи.»

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Перо хорошъ, по мнѣнью моему.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Да, онъ хорошъ, но я дивлюся одному,
Какъ онъ себѣ не сломитъ шеи?

Балета я не досмотрѣлъ...
Не мудрено.... душой и сердцемъ къ вамъ летѣлъ.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Благодарю васъ за вниманье,
Что не смотря на разстоянье....

СТРѢЛЬСКІЙ, перебивая.

Чтобъ видѣть васъ и васъ однихъ
Готовъ сто тысячъ верстъ летѣть на почтовыхъ ...
(*Всторону.*) Чиновница должно быть такъ и таетъ.
(*Вслухъ.*) А что, позвольте васъ спросить,
Супругъ вашъ.... почиваетъ?...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Его нѣтъ дома, гдѣ-то въ карты онъ играетъ.

СТРѢЛЬСКІЙ, всторону.

Коль выиграетъ тамъ, здѣсь вѣрно потеряетъ.
Чиновницу себя заставлю я любить.
(*Вслухъ.*) Меня сегодня приглашали
Обѣдать въ общество одно,
Гдѣ случаемъ какимъ-то отыскали
Сорока-лѣтнюю бутылочку Бордо.
Чудеснѣйшая влага!
Какой букетъ!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, боязливо.

Его вы пили?

СТРѢЛЬСКІЙ, всторону.

Ой! оплошалъ. (*Ей.*) Э!... нѣтъ,
Я пью, и то разъ въ годъ, съ бисквитами малагу.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Скажите, ваша жизнь, въ большомъ кругу
Течетъ, навѣрное, иначе?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Про нашу жизнь вотъ все, что я сказать могу...
Зимою — въ городѣ, а въ лѣтній зной — на дачѣ,
Но скука таже и всегда...
Отъ раутовъ, баловъ и приглашеній
Бѣда!
Но правилъ пѣтъ безъ исключеній,
И на подобный tête-à-tête

Готовъ я ѣздить двѣсти лѣтъ.
Что тамъ, скажите ради Бога? —
Всегдашній шумъ, всегдашняя тревога
И съ поздней ночи до утра
Одна картежная игра.
Тамъ ужинъ, разные припасы,
Зимою ягоды, горошекъ, ананасы....
Все это удивитъ конечно новичка,
Пріѣзжаго сюда провинціала;
Но мнѣ вся эта дрянь гадка
И не манитъ меня ни мало.
Тамъ танцы, подъ плѣнительные звуки,
Переплететъ мужчина съ дамой руки
И прыгаетъ, пока съ обоихъ потъ
Какъ дождикъ къ куриць не польетъ.
Глядишь въ углу на нихъ отъ скуки
И думаешь: ужель была пора,
Что самъ я прыгалъ также до утра,
Что самъ я натиралъ паркеты?...
И мнѣ смѣшны исчезнувшія лѣта.
Тамъ женщины иныя — при огнѣ
Могли бы нравиться, но мнѣ,
На это слишкомъ много нужно,
По мнѣ, ихъ блескъ наружный
Такъ быстро можно угадать,
Что лучше время убивать
За картами, виномъ иль на охотѣ,
Чѣмъ подвергать себя дремотѣ,
Часъ битый слушая ихъ модный разговоръ.... (*Встороиу.*)
Какой я ей несу чухонскій вздоръ,
Но на слово она всему повѣритъ.
(*Ей*) Тамъ всякій думаетъ одно,
А говоритъ другое, лицемѣритъ,
Тамъ чувство всякое смѣшно,
Любовь — одно пустое слово,
Мечты — все это сущій бредъ
И въ нашей жизни — жизни нѣтъ.

Вотъ гдѣ влачить существованье
И мнѣ судьбою суждено!
И что-же? Вдругъ, средь этого изгнанья
Встрѣчаю я одно
Чистѣйшее, безгрѣшное созданье,
Столь чуждое всей свѣтской суеты,
Въ разцвѣтѣ юности и дивной красоты,
Созданье съ сердцемъ и душою,
Способное любить и понимать,
Сочувствовать, страдать....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Довольно....

СТРѢЛЬСКІЙ, встороиу.

Каково метнулъ я фразой выписною?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ахъ, перемѣнимъ разговоръ....

СТРѢЛЬСКІЙ, все съ большимъ жаромъ.

Какъ вамъ угодно ... Да, съ тѣхъ поръ,
Какъ я нашелъ подобное созданье,
Съ минуты перваго свиданья
Я понялъ, что она
Своей холодностью убить меня должна!
Она должна меня навѣрно ненавидѣть,
Но все равно: я все готовъ перенести,
Лишь только бы ее, хоть разъ въ недѣлю видѣть,
Съ ней говорить; филе, пожалуй, съ ней плести,
Служить, какъ рабъ, ей, какъ невольникъ,
И пѣть, и танцовать,
Дурачиться какъ школьникъ....
Сидѣть съ ней рядомъ. (*Пересаживается.*)
Воздухомъ дышать,
Она которымъ дышетъ....
И тихо ей шептать: люблю....
Пускай она меня не слышитъ....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА; быстро.

Довольно.... я прошу.... молю. ..

СТРѢЛЬСКІЙ, не слушая.

Касаться ручекъ этихъ нѣжныхъ....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Что дѣлаете вы?...

СТРѢЛЬСКІЙ.

И съ ногъ до головы
Ей любоваться....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ахъ, начнемте прежній
Нашъ разговоръ....

СТРѢЛЬСКІЙ.

Вѣдь то созданье: вы.... —

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Я знаю, Боже мой!...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Вы вѣрно отгадали,
Что я люблю васъ!...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ахъ, къ чему?...
Я за-мужемъ....

СТРѢЛЬСКІЙ.

Но чувству моему
Отвѣтьте нѣсколько!...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ну, это ужъ едва-ли?...
(*Встороиу.*) Въ его глазахъ какой-то есть магнитъ.
Но побороть съумѣю эту силу!

—

IV.

ТѢЖЕ и **МАТРЕНА**. (Въ дверь на лѣво отъ зрителей.)

МАТРЕНА (вбѣгая, громко.)

Сударыня! Андрюшенька кричитъ!

(Надежда Николавна, какъ громомъ пораженная, вскакиваетъ съ своего мѣста, Стрѣльскій быстро отъ нея отходитъ.)

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Насилу!...
Крикъ ангела меня туда манитъ....
Я васъ оставлю на минуту....

(Убѣгаетъ въ дверь, налѣво отъ зрителей.)

МАТРЕНА, встороиу.

Ишь баринъ то какой надутый,
Какъ словно кто его обухомъ въ лобъ хватилъ.
(Уходитъ въ туже дверь на лѣво отъ зрителей.)

—

V.

СТРѢЛЬСКІЙ, одинъ.

Кой прахъ сюда тащилъ
Сѣдую эту няню
Въ платкѣ и пестромъ сарафанѣ!
Я только въ роль свою входилъ,
Хотѣлъ ей выказать возвышенную душу,
Какъ вдругъ тутъ дернуло кричать Андрюшу,
Весь пламенный порывъ онъ сразу осадилъ.
Но я вѣдь не изъ тѣхъ.... я неудачь не трушу:
Попробую еще!
Тутъ надобно скорѣе
Ковать, пока желѣзо горячо.
И такъ смѣлѣе!...
Она идетъ!.. (*Къ публикѣ.*)
Прибѣгну къ театральной сценѣ
И брошусь со всѣхъ ногъ предъ нею на колѣни.

—

VI.

СТРѢЛЬСКІЙ и НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, выходя изъ той же двери, въ которую ушла.

Вы здѣсь еще?...

СТРѢЛЬСКІЙ, опускаясь на колѣни.

Здѣсь!...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Боже мой! къ чему?...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Я встрѣтить васъ хотѣлъ въ подобномъ положеньи,
Какъ Пери дивную, какъ чудное видѣнье,
Столь недоступное житейскому всему....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Повѣрьте.... я такая
Подземная.... Но встаньте...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Неземная!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ахъ, я боюсь васъ могутъ такъ застать.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Подобное явленье,
Лишь въ театральномъ представленьи
Случалось мнѣ встрѣчать! ...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ну, встаньте жъ, сядемте, хотите?...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Нѣтъ, я умру у вашихъ ногъ!

—

VII.

ТѢЖЕ и ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, входя въ среднюю дверь.

Что вижу?...

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА.

Мужъ!... (*Бросая на полъ платокъ, говоритъ Стрѣльскому очень скоро.*)
Платокъ мой поднимите!

Иванъ Петровичъ подходитъ быстро, становится между ними и, удерживая за руку встающаго Стрѣльскаго, который опять опускается на колѣна, говоритъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ (къ Стрѣльскому.)

Что дѣлали вы тутъ?

СТРѢЛЬСКІЙ, подымая руку съ платкомъ.

Я поднималъ платокъ.
(*Встаетъ.*)

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

У всякаго своя на это есть манера,
А ваша странная. (*Женѣ.*) Я думалъ ты одна,
А ты въ компаніи....

СТРѢЛЬСКІЙ, всторону.

Прескверная афера!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, женѣ.

Но что съ тобой? .. ты такъ блѣдна....
И что жъ мы говоримъ все стоя?...
Садись.... (*Она идетъ сѣсть направо отъ зрителей.*)
Бесѣду вы вели вдвоемъ,
Теперь насъ будетъ трое,...
(*Стрѣльскому*) Присядьте же.... (*Стрѣльскій кланяется и садится, черезъ кресло отъ Надежды Николавны.*)
Поставилъ на своемъ,
Не сѣлъ играть и возвратился кстати....
Нѣтъ ухо надобно держать теперь востро
При этомъ фатѣ!
(*Садится на прежнее свое мѣсто направо отъ зрителя.*)

СТРѢЛЬСКІЙ, Надеждѣ Николавнѣ.

Увертку вы придумали хитро.
Почтенный вашъ супругъ навѣрно не замѣтилъ.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Старайтесь быть любезнѣй съ нимъ,
Онъ очень холодно васъ встрѣтилъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, увидя письмо, забытое женою на столикѣ.

Письмо.... и почеркомъ чужимъ
Написано, мнѣ, вовсе неизвѣстнымъ...
Прочтемъ ...
(*Встаетъ и подходитъ къ самой рампѣ.*)

СТРѢЛЬСКІЙ, Надеждѣ Николаевнѣ.

Какъ въ страхѣ были вы прелестны.

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА.

Ахъ, ради Бога, хоть при немъ
Не смѣйтесь надо мной....

СТРѢЛЬСКІЙ.

Клянуся!
(*Всторону*) Отъ страха не видалъ я ровно ничего.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Письмо къ женѣ (*Взглянувъ на подпись*) и отъ него!
Напалъ же я на гуся. (*Читаетъ.*)
«Въ субботу, завтра, буду къ вамъ»....
(*Говоритъ*) Она вчера еще письмо то получила....

(*Читаетъ.*) «Меня влечетъ, не знаю самъ,
Таинственная сила,
Чтобы у вашихъ ногъ»....
(*Говоритъ.*) Ну, такъ и есть у ногъ ея валялся!
(*Читаетъ*) «Вамъ высказать я могъ
Все то, въ чемъ вамъ на балѣ клялся!»
(*Говоритъ*) Проклятье на тебя
Глупѣйшее на балахъ танцованье!...

СТРѢЛЬСКІЙ, Надеждѣ Николаевнѣ.

Клянусь вамъ честью я....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Не вѣрю, съ вашимъ воспитаньемъ,
Любезностью... умомъ....

СТРѢЛЬСКІЙ.

Но дѣло въ томъ,
Что по сіе мгновенье
Я не былъ искренно любимъ.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ахъ, мы всегда такъ говоримъ,
Чтобъ возбудить къ себѣ участье, сожалѣнье....

СТРѢЛЬСКІЙ.

Вы зло умѣете шутить....
(*Тихо продолжаютъ.*)

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, про себя.

Гдѣ силы взять, терпѣнья?
Какъ поступить?
Дочтемъ (*Читаетъ.*) «Но дайте убѣжденье,
Что не противны вамъ мои всѣ посѣщенья....
А чтобъ вѣрнѣй мнѣ это знать
И ваше сердце разгадать,
То вспоминайте о субботѣ
И будьте въ этотъ день въ томъ голубомъ капотѣ,
Въ которомъ въ первый разъ
Имѣлъ я счастье видѣть васъ!...»
(*Мнетъ письмо.*) Онъ смѣлъ назначить знакъ условной!
Темно въ глазахъ.... холодный потъ....

(Надежда Николавна съ Стрѣльскимъ встали ранѣе и подходятъ къ нему, онъ оборачивается и видя жену.)

Ахъ!... голубой капотъ!...

(*Быстро прячетъ письмо въ карманъ и въ изнеможеніи опускается въ кресло.*)

СТРѢЛЬСКІЙ.

Что съ вами?...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, вставая.

Ровно

Со мною.... ничего....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ты блѣденъ сталъ вдругъ, отчего?...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я.... блѣденъ.... оттого....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ты весь дрожишь?...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, тихо ей.

Да.... отъ капота твоего...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Лекарства не принять ли вамъ какаго?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, едва говоритъ.

Причина!..

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, значительно.

Не люблю я цвѣта голубаго.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, всторону, въ ужасѣ.

Онъ все узналъ!...

СТРѢЛЬСКІЙ, ей тихо.

Что, часто съ нимъ подобные припадки
Бываютъ?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, значительно взглянувъ.

Да, когда узнаетъ все....

СТРѢЛЬСКІЙ, всторону.

Пропалъ!...

И чувствую бьетъ сильно лихорадка....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, всторону.

Но время не ушло!
Скорѣе надо вырвать зло
И не давать укореняться!
И какъ ее спасти?
И какъ съ нимъ расквитаться....
Ни шумъ, ни крикъ

Негодны! ... Избѣжимъ огласки....
Хоть справедливый гнѣвъ великъ,
Но вѣдь она чиста — и дружескою лаской
Я приведу ее на путь
Раскаянья, забытый на мгновенье.
И, можетъ быть, въ минуту увлеченья,
Прощу когда-нибудь!

СТРѢЛЬСКІЙ, всторону.

Я нахожу, что положенье
Мое становится часъ-отъ-часу смѣшнѣй
И потому (*Беретъ шляпу и громко.*)
Мое почтенье!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Останьтеся....

СТРѢЛЬСКІЙ.

Нѣтъ.... я ... отправилъ лошадей,
А на извощикѣ, безъ навыка, позднѣй
Двѣнадцати, я ѣздить страхъ боюся.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я васъ домой свезу на лошади своей....

СТРѢЛЬСКІЙ, всторону.

Такъ стало цѣлъ домой я возвращуся?
Онъ, кажется, простакъ, притомъ-же и несмѣлъ, —
Моя здѣсь безопасна шея!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, всторону.

Ахъ, Боже мой, счастливая идея!
(*Вслухъ.*) Я за столомъ сегодня мало ѣлъ.
Ѣсть хочется.... и кстати.... Вѣдь вы съ нами
Закусите?....

СТРѢЛЬСКІЙ.

Извольте-съ.... я готовъ....
(*Всторону.*) Вотъ рѣдкій мужъ между мужьями....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Мы поѣдимъ и выпьемъ.... да?... Жена!....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Мой другъ?...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Надежда Николавна
Не ужинаетъ вѣдь....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Нѣтъ.... иногда ..

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Вотъ славно!

И часто.... Прикажи подать сюда вина
И ужиномъ поди распоряжайся!...
Но долго не заставь насъ ждать....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Я ужинъ вамъ велю сейчасъ подать.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Но и сама сейчасъ-же возвращайся!

СТРѢЛЬСКІЙ, встороны.

Чего же давича такъ испугался я?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, женѣ.

Ты поняла меня?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, робко.

Вернуся ужинать я съ вами . .
(*Уходя, встороны.*)
Что будетъ съ нимъ, что будетъ съ нами!
(*Уходитъ въ дверь, налъво отъ зрителей.*)

—

VIII.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, СТРѢЛЬСКІЙ потомъ **МАТРЕНА.** Въ продолженіе этой сцены Матрена приноситъ ужинъ и вино на подносѣ и ставитъ на тотъ самый столъ, на которомъ стоялъ чайный приборъ. Иванъ Петровичъ молча подходитъ къ Стрѣльскому, показывая ему его письмо. Стрѣльскій лорнируетъ письмо, потомъ узнавъ свою руку конфузится. Долгое молчаніе.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не спрашиваю васъ,
Кто авторъ вычурной статейки....
Ее жена мнѣ отдала вчерась.

СТРѢЛЬСКІЙ, встороны.

Я не у женщины былъ.... у злодѣйки.....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Что будете сюда, вчера еще я зналъ.

СТРѢЛЬСКІЙ, встороны.

Такъ чтожъ она со мной комедію играла?...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Сначала
Я долженъ вамъ сказать,
Что если лишнее сказала
Вамъ что-нибудь жена, то это понимать
Должны, какъ шутку, вы. Чтожъ поводъ вамъ давало
Ей пламенно и дерзко такъ писать?
И тайныя свиданья назначать
И непремѣнно по субботамъ,
И о любви судить по голубымъ капотамъ?
А голубой капотъ на ней лишь потому,
Что онъ по вкусу моему.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Я въ первый разъ ее, сударь, въ немъ встрѣтилъ,
Вотъ почему.... (*Встороиу.*) А я совсѣмъ забылъ
И въ чемъ она была, я право, не замѣтилъ.
(*Вслухъ.*)
Вотъ голубой капотъ мнѣ отъ чего такъ милъ;
Но если вамъ мое обидно поведенье,
То я готовъ на удовлетворенье.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Въ другое время я-бъ иначе поступилъ
И какъ ворону бъ васъ убилъ,
Иль, лучше, между нами,
Глазъ на глазъ, какъ теперь,
Я-бъ заперъ дверь
И этими руками
Я-бъ васъ
Такъ знатно....
Вы понимаете?...

СТРѢЛЬСКІЙ, встороиу.

Да, мимика понятна.
(*Вслухъ.*) Но поздно, скоро часъ..
И какъ мнѣ ни пріятно
Быть съ вами.... но.... (*Фальшивый выходъ.*)

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, удерживая его и указывая на столъ.

Ужъ столъ накрытъ,

А вы мнѣ слово дали
И я, какъ человѣкъ не злой!
Прошу васъ скушать здѣсь со мной
Кусочекъ пирога, холоднаго, жаркаго....

СТРѢЛЬСКІЙ, всторону.

Готовъ присягу дать, что въ жизнь мою такого
Я мужа не встрѣчалъ другаго!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, уходящей Матренѣ.

Постой! (*Она возвращается.*)
Тамъ въ шкафѣ есть графинъ хрустальный,
А въ немъ
Ямайскій ромъ....
Тащи его сюда! (*Она бѣжитъ*) Постой, потомъ
Зови жену сюда, она тамъ вѣрно въ спальней.

(Матрена уходитъ и черезъ минуту приходитъ съ графиномъ.)

СТРѢЛЬСКІЙ, всторону.

Я вижу по всему: онъ человѣкъ не дальній.
И mauvais genre, за то его жена!
Какъ строитъ нѣжности, различныя фигуры
И мужу письма отдаетъ?
Но голубой надѣла-же капотъ,
Такъ значитъ любитъ, дура!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Вотъ и жена идетъ....

(Матрена подвигаетъ стулья къ столу и когда всѣ сядутъ, уходитъ.)

—

IX.

ТѢЖЕ и НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Садись, мой другъ, насъ ужинъ ждетъ.
(*Стрѣльскому.*)
Присядьте!

(Садятся. Она налѣво отъ зрителей, мужъ въ срединѣ, Стрѣльскій напротивъ Надежды Николавны.)

Я скажу вамъ напередъ,
Что у меня прескверная натура,
Въ компаніи люблю ужасно покутить,

И надобно со мною пить да пить....
А вы на это мастеръ вѣрно?

СТРѢЛЬСКІЙ, всторону.

Охъ, дѣло скверно!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, указывая на жену.

А вотъ она
Мнѣ говоритъ, не пьете вы вина....
Но развѣ эта вещь возможна?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Они, мой другъ, одну малагу пьютъ....

СТРѢЛЬСКІЙ.

И вообще пью очень осторожно. (*Всторону.*)
А чаще пью, что ни нальютъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, наливая изъ графина.

Отвѣдайте!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Извольте.... вамъ въ угоду
Я буду пить....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, подавая ему графинъ.

Что?... вѣрно воду?...

СТРѢЛЬСКІЙ, указывая на стаканъ.

Нѣтъ-съ, это вотъ... (*Глотаетъ*) Что это?..

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, спокойно.

Это ромъ....
Его всегда вы пьете цѣликомъ.

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА, всторону.

Возможно-ли?...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Нѣтъ-съ.... я уже давно...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, ему тихо.

Послушайте, я вамъ скажу одно:
Что пить должны вы все: ромъ, водку и вино,
Что ни налью, а то я подыму тревогу!...
И вотъ, ей Богу,
Съ снарядомъ боевымъ
Мы завтражъ полетимъ
На Петергофскую дорогу.

СТРѢЛЬСКІЙ, всторону.

Ну, дѣлать нечего, коль подано,

Такъ надо пить .. Конечно.... рѣшено. . .
(*Ей*) Здоровье ваше.... Я, вообразите,
Пить началъ ужъ въ тринадцать лѣтъ.
Бывало убѣгу въ буфетъ,
Дамъ гривенникъ буфетчику Никитѣ,
И дую у него лафитъ.
Въ пятнадцать лѣтъ я былъ разочарованъ,
На свѣтъ и на людей сердитъ,
И какъ шалунъ, который образованъ,
Я самъ не знаю для чего,
Но началъ пить шато-марго.
Въ шестнадцать лѣтъ, особенно при дамѣ,
Чтобъ показать себя,
Какъ юнкеръ первыми усами,
Портвейномъ сильно хвасталъ я.
Потомъ въ порѣ любви мятежной,
Порой одинъ, съ моей хандрою нѣжной,
Пилъ хересъ, грогъ и пуншъ, мадеру, тенерифъ
И самъ не знаю, какъ тогда остался живъ.
Теперь же наконецъ я пью изъ угожденья —
И въ тридцать лѣтъ къ вину имѣю отвращенье.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, наливая ему еще стаканъ.

Я вамъ еще налью.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Пожалуй!. .

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Вотъ за что люблю!
Отвѣдайте....

СТРѢЛЬСКІЙ.

Извольте! (*Отпиваетъ.*)
Но не забудьте..... еще разъ....
Я пью не для себя (*осушаетъ*) для васъ.
(Беретъ самъ бутылку и наливаетъ себѣ.)

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, всторону.

Глазамъ не вѣрю я....

СТРѢЛЬСКІЙ.

Однако-же позвольте....
(*Глядя на часы, хочетъ встать.*) Ужъ скоро часъ....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, удерживая его.

Ну, выпейте еще....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, въ сторону.

О Боже! неужели
Онъ выпьетъ? (*Стрѣльскій пьетъ.*) Выпилъ!....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, еще!...

СТРѢЛЬСКІЙ, пьянѣетъ.

Ну, за одно!... (*Къ ней.*) А что вы поблѣднѣли?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА

Напротивъ, нѣтъ, горитъ лицо мое
Отъ удивленья.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Чему-жъ дивитесь вы?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Тому,
Что вы.... (*Онъ пьетъ*) Нѣтъ, можно потерять терпѣнье.

СТРѢЛЬСКІЙ, выпивъ.

Такъ вы дивитеся чему?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Что ужъ не знаю я, по счету моему,
Который вы стаканчикъ осушили.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Вы обо мнѣ иначе бы судили,
Когда бы знали, что вчера
Я пилъ съ утра
И до глубокой ночи.
По утру завтракъ былъ,
Я пилъ.
Потомъ мой другъ меня обѣдать потащилъ —
И тутъ я пропустилъ,
Что было только мочи.
Потомъ легъ спать, но чуть слипались очи,
Какъ нѣсколько друзей пріѣхали ко мнѣ...
Тутъ ужъ пошла потѣха!
Тонули, такъ сказать, въ винѣ
И наконецъ, для смѣха,
Отправились всѣ вмѣстѣ въ маскарадъ.

Тамъ подошли къ намъ маски....
Мы сѣли ужинать, попарно съ ними, въ рядъ,
И, не повѣрите, но все это не сказки,
Намъ въ шестеромъ
Былъ хересъ ни почемъ,
А ужъ шампанское считаетъ кто-жъ виномъ?
И въ нашемъ свѣтѣ
Его, какъ воду, тянутъ дѣти.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, вставая.

Ну, мысль моя
Увѣнчана успѣхомъ
И драма кончится должно быть общимъ смѣхомъ

СТРѢЛЬСКІЙ, вставая.

Однако, знаете, что я —
Для очищенья глотки —
Я выпью водки?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, наливая стоя.

Прошу покорно!...

СТРѢЛЬСКІЙ, выпивъ стоя.

Хороша!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, вставшая ранѣе.

Нѣтъ, не могу сносить и лопнуло терпѣнье!
Уйду. (*Хочетъ идти.*)

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, удерживая ее.

Куда же ты, моя душа?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, тихо мужу.

Смотри въ какомъ онъ положеньи....
Я пьяныхъ не терплю....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, тихо ей.

Ахъ, я совсѣмъ забылъ.
А, помнишь, давича?.... колѣнопреклоненье?
Онъ давича опаснѣй вдвое былъ.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, встороиу.

О Боже мой! какой урокъ жестокій!...

СТРѢЛЬСКІЙ, пьянъ.

Есть у меня, вотъ я вамъ разскажу
Пріятель; человѣкъ онъ смирный, одинокій,
Я вмѣстѣ съ нимъ еще служу.

Пока онъ не пилъ, кромѣ кваса,
Ни капли, онъ, повѣрьте, не имѣлъ
Такого баса,
Какой теперь есть. Выпилъ и запѣлъ!
И чѣмъ труднѣй выводитъ нотки,
Тѣмъ больше пьетъ онъ водки

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, встороиу.

Гдѣ прежній видъ и прежній тонъ?
Исчезло все!

СТРѢЛЬСКІЙ.

И я, спасая баритонъ,
Но не держась его примѣру,
Пью водку и мадеру....
И оттого
(Проходя мимо Надежды Николавны, тихо).
Я ради цвѣта голубаго....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Какой намекъ!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Вотъ выпью одного....
(*Опрокидываетъ рюмку водки.*) Потомъ другаго!... (*Наливаетъ рюмку мадеры.*)

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, встороиу.

Теперь пора оставить ихъ.
(*Ему тихо, отводя его*) Я васъ съ женою оставляю,
Неловко вамъ въ глазахъ моихъ,
Но безъ меня я позволяю
Любезничать вамъ съ ней и изъ послѣднихъ силъ
Всѣмъ вашимъ страстнымъ выраженьямъ
Придать энергію и пылъ.

СТРѢЛЬСКІЙ, съ рюмкой.

Я принимаю съ восхищеньемъ!
(*Встороиу.*) И кто жъ подобнымъ предложеньямъ
Не будетъ радъ! (*Выпиваетъ*) Хоть я немного пьянъ,
Но вижу ясно: онъ болванъ!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, видя уходящаго мужа.

Куда же ты?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я въ этомъ кабинетѣ
Пойду надѣть пальто.
Такъ не люблю я фраки эти....
Неловко какъ-то, все не то!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

И я уйду....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, удерживая ее.

Ты давича сказала,
Что рано спать нейдешь,
Что ты гостей какихъ-то ожидала....
Вотъ дождалась, сама желала....
Къ тому жъ я этого хочу,
Останься!...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, робко.

Я боюся.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, сухо, сильно, но не зло.

Сказалъ и дѣлайте.... я съ вами не шучу....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, почти сквозь слезы.

Я.... о — ста — ю — ся....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, всторону, съ чувствомъ, но просто.

Давнишнимъ опытомъ и нѣсколько умомъ
Я сдѣлалъ все, все для ея спасенья....
Объ остальномъ
Пускай сама приложитъ попеченье!..

(Уходитъ въ дверь направо отъ зрителей. Съ самаго ужина Надежда Николавна держится на лѣвой сторонѣ отъ зрителей.)

—

X.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА и СТРѢЛЬСКІЙ.

СТРѢЛЬСКІЙ, всторону.

Оставилъ насъ вдоемъ!...
(*Смѣется.*) Ну, я-жъ его уважу!
Смѣлѣе Стрѣльскій! Мужъ велѣлъ! Начнемъ!
(Хочетъ подойти къ ней.)
Нѣтъ выпью водки для куражу....
(Подходитъ къ столу и выпиваетъ рюмку.)

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, встороиу.

И онъ мнѣ нравился!...

СТРѢЛЬСКІЙ, подходя.

Какой на васъ капотъ
Хорошенькій! Вѣдь это тотъ,
Въ которомъ въ первый разъ я гдѣ-то васъ увидѣлъ?
Цвѣтъ голубой я прежде ненавидѣлъ,
За то съ тѣхъ поръ боготворю,
Какъ сталъ онъ мнѣ любви нѣмое увѣренье.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Что говорите вы?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Я говорю,
Что вами я любимъ и въ этомъ нѣтъ сомнѣнья.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Какъ смѣли думать вы?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Да, смѣлъ,

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Но почему жъ?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Хотите знать? Извольте.
Кто голубой капотъ надѣлъ?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ахъ, отъ вопросовъ вы меня увольте.

СТРѢЛЬСКІЙ.

А нѣтъ, позвольте!
Я этого хотѣлъ
И вы мое исполнили желанье....
Капотъ на васъ....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Ахъ, Боже мой,
На мнѣ случайно онъ, и что за испытанье!...
Хочу носить капотъ....

СТРѢЛЬСКІЙ.

Зачѣмъ-же голубой,
А не какой-нибудь другой?
Но впрочемъ, тутъ нѣтъ еще дурнаго

Отъ мужа глупаго любить
Кого-нибудь другаго.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Какъ смѣете вы мнѣ все это говорить?...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Вы голубой капотъ изволите носить...
Послушайте, я очень понимаю,
Что были мной вы такъ увлечены...
Я, что ни шагъ, то женщинъ побѣждаю

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Вы больше жалки, чѣмъ смѣшны.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Быть можетъ, но не въ этомъ дѣло.
Я васъ могу увѣрить смѣло,
Что мужа мы бояться не должны. —
Мы другъ для друга рождены,
Насъ сблизило сердечное влеченье!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, встороиу

О Боже! вотъ мученье!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Я жилъ досель, какъ бы въ дремотѣ...
Вы мнѣ открыли новый свѣтъ....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, перебивая его.

Оставите-ль меня?...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Я?... нѣтъ
Зачѣмъ вы въ голубомъ капотѣ!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Васъ мужъ заставитъ замолчать.

СТРѢЛЬСКІЙ.

На это вы надѣетесь напрасно,
Вашъ мужъ давно ушелъ ужъ спать.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, въ страхѣ.

Возможно ли?...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Ну, что жъ? прекрасно!
Не съ вами-ль я? Не вы ль такъ страстно
Меня изволите любить?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, всторону.

И я могла въ немъ душу
Находитъ!
(*Она хочетъ отъ него убѣжать.*)

СТРѢЛЬСКІЙ, заграждая дорогу.

Куда вы? бѣгать хуже!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, перебѣгая на другую сторону.

Не смѣйте подходить!....

СТРѢЛЬСКІЙ, увиваясь.

Ну, полноте . . мой розанъ, мой жасминъ....

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, перебѣгая.

Одно лишь средство: кликнуть мужа....
Иванъ Петровичъ!...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Что такой за господинъ?
Не вашъ-ли обожатель?

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Иванъ Петровичъ?...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Я васъ пламенно люблю,
А тутъ другой? Нѣтъ я его убью!...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, въ отчаяніи.

Иванъ Петровичъ! Ахъ, Создатель!...

СТРѢЛЬСКІЙ, все заграждая дорогу.

Куда не спрячьтесь, я сыщу.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, опять перебѣгая.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не подходите! .

СТРѢЛЬСКІЙ, поймавъ ее за руку.

Поймалъ!...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, выбиваясь, громко.

Пустите!....

СТРѢЛЬСКІЙ, еще громче.

Нѣтъ!...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, въ отчаяніи.

Пустите!

СТРѢЛЬСКІЙ, еще громче.

Не пущу!...

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА, сквозь слезы.

Иванъ Петровичъ!...

Конецъ этой сцены должно вести очень живо.

XI.

ТѢ ЖЕ и ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ

Иванъ Петровичъ входитъ быстро и становится между Стрѣльскимъ и женой, которыя должны вести сцену такъ, чтобы къ выходу Ивана Петровича, Стрѣльскій находился у самаго кресла съ права отъ зрителей. Иванъ Петровичъ беретъ Стрѣльскаго за руку и отталкиваетъ отъ себя, отъ чего тотъ опускается въ кресло.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Стрѣльскому.

Посидите.

СТРѢЛЬСКІЙ, опускаясь въ кресло.

Мужъ на лицо! Вообразите!...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, послѣ молчанія, женѣ.

Про франтовъ давича ты проповѣдь прочла....
За мною очередь, — она теперь пришла.
Конечно, можетъ быть, они умѣютъ
И въ комнату войти и по иному сѣсть,
За то и рта открыть не смѣютъ
Чуть словъ коснутся: совѣсть, честь.
Въ семействѣ мирномъ поселиться,
Сперва холоднымъ притвориться,
За слабой женщиной преступно волочиться.
Ея взаимности добиться —
И поселить въ семьѣ вражду, раздоръ,
Для нихъ — ничто, пустое, вздоръ!
Иль промотавъ послѣднія деньжишки,
Поймать почти ребенка-новичка
И гдѣ-нибудь въ картишки
Обдѣлать мерзкія дѣлишки
На счетъ богатаго мамашина сынка.
(Указывая на Стрѣльскаго.)
Иль иногда когда карманы
Его полны, на парѣ удалой,
Онъ ѣдетъ съ бала ночью, пьяный
Къ себѣ домой,
Ложится, засыпаетъ,
Встаетъ поутру въ два часа
И вновь безъ цѣли выѣзжаетъ....
Глядь.... тамъ какой-нибудь межъ франтами краса,

Его какъ липку обираетъ.
Когда-же денегъ нѣтъ,
То часто по недѣли
И люди барскіе не ѣли —
И пара безъ овса; а баринъ на обѣдъ,
Чужой, конечно, точитъ зубы.
Въ сравненіи нашъ братъ, не модный, грубый,
Въ высокомъ галстухѣ, съ небритой бородой
И съ головой почти сѣдою,
За то сидитъ весь день-деньской
Надъ кипой дѣлъ, съ согнутою спиною.
(*Указывая на свое лице*) И если тутъ
Ты видишь раннія морщины.
Ихъ проложилъ полезный трудъ!
Я мужъ, отецъ, мужчина —
И я служу отечеству, Царю
И за труды имѣю воздаянье.
Богъ далъ мнѣ умъ, Царь далъ мнѣ содержанье,
И я обоихъ ихъ въ душѣ благодарю. —
А если иногда я упущу приличье,
То можно кое-что простить
Тому, кто на груди давно привыкъ носить
Знакъ заслуженнаго отличья!
А эти франты, погляди,
Игрушки носятъ на цѣпочкѣ,
А на груди
Изъ дамскаго букета лишь цвѣточки!
И вся ихъ жизнь: отъ картъ къ вину
И отъ попойки къ картамъ,
Жизнь полная страстей, азарта,
Готовящая имъ лохмотья и суму
Или поносное, гнилое заточенье!
Вотъ жизнь дѣтей и модъ и пресыщенья.
Вотъ эти неучи съ французскимъ языкомъ,
Вотъ эти жалкія творенья,
Ничтожные и сердцемъ, и умомъ,
Необходимые средь раутовъ, баловъ,

Какъ украшенія на блюдѣ,
Но жалкіе, какъ люди,
И недостойные именъ мужей, отцевъ
И ласковой жены сердечнаго привѣта! —
Вотъ свѣтскихъ львовъ главнѣйшая примѣта,
Вотъ франта моднаго живѣйшій образецъ.

(Со стиха: «И вся ихъ жизнь....» и т. д. онъ обращается въ ту сторону, гдѣ сидитъ Стрѣльскій и наконецъ прямо указываетъ на него, но тотъ уже съ первыхъ словъ монолога спитъ крѣпкимъ сномъ.)

А я, дѣтей твоихъ отецъ,
Безъ средствъ, связей и состоянья,
Трудящійся для васъ, я наконецъ,
Любившій такъ тебя.... и вотъ мнѣ воздаянье!...

(Показываетъ письмо Стрѣльскаго, рветъ его, наконецъ живо утираетъ слезу:)

Матрена!...

—

XII.

ТѢЖЕ и МАТРЕНА входитъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, указывая на Стрѣльскаго.

Барина вотъ этого, скорѣй
Сведи въ переднюю.... тамъ шубу
Ему надѣнь.... не обращайся грубо
И съ лѣстницы свѣти до самыхъ до сѣней....

МАТРЕНА.

Что-жъ это, батюшка, съ нимъ дурно стало что-ли?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да, онъ подверженъ иногда
Бываетъ головной жестокой очень боли.

МАТРЕНА.

И точно, батюшка, такая боль бѣда.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ будитъ Стрѣльскаго.

Послушайте!...

СТРѢЛЬСКІЙ, просыпаясь.

А! что?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, Матренѣ.

Бери его въ охабку....

СТРѢЛЬСКІЙ, вставая.

Я гдѣ-то тутъ оставилъ....

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Шапку!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Нѣтъ шляпу ...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, подавая ему шляпу.

Вотъ.... (*Матренѣ*).

Тамъ кучеръ мой

Его свезетъ, да чтобъ на поворотѣ

Не вывалилъ, замерзнетъ гдѣ-нибудь.

Ну, добрый путь....

(Стрѣльскій идетъ, пошатываясь. Матрена его поддерживаетъ. Нѣсколько не дойдя до средней двери, онъ, останавливаясь, адресуется къ Матренѣ, принимая ее за Надежду Николаевну.)

СТРѢЛЬСКІЙ Матренѣ.

Зачѣмъ вы въ голубомъ капотѣ?

МАТРЕНА.

Чего-съ?... (*Они уходятъ. Иванъ Петровичъ провожаетъ ихъ до двери, въ которую смотритъ.*)

—

XIII.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ и НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА. (Стоявшая съ самаго монолога Ивана Петровича на одномъ мѣстѣ безмолвная, убитая уничтоженная, говоритъ тихо, но съ чувствомъ.)

О! какъ онъ добръ и смѣлъ!

Какъ въ правомъ гнѣвѣ онъ покоенъ!

И кто его любить всѣмъ сердцемъ не умѣлъ,

Тотъ сожалѣнія, презрѣнія достоинъ.

Иванъ Петровичъ тихо возвращается садится направо отъ зрителей. Молчаніе. Надежда Николавна подходитъ робко къ нему у самаго его кресла, молча, падаетъ на колѣни.)

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, вставая и подымая ее.

Жена!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Тобой, не правда-ль, прощена?
Она передъ тобою
Виновна мыслію, не сердцемъ, не душою
И, видишь, плачетъ какъ она!...
Прости ее!...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, кротко, но холодно.

До времени другаго
Отложимъ разговоръ, ужъ полчаса втораго.
Прощай.... (*Идетъ направо къ двери, она налѣво. Не дойдя, она возвращается.*)

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

Прикажешь мнѣ идти одной?...

(Указываетъ на дверь налѣво.... Иванъ Петровичъ, послѣ секунды борьбы внутренней, бросается къ ней. Они сходятся на серединѣ сцены. Онъ беретъ обѣ ея руки и цѣлуетъ.)

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Приду, мой другъ, прощусь съ тобой!

(Провожаетъ ее до двери.)

—

XIV.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, одинъ.

(Быстро и весело подходя къ публикѣ.)

А что ни говорите —
Вы, господа, за женами смотрите,
А то бѣда, какъ нѣсколько субботъ
На нихъ все голубой капотъ!

—

10461
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА СССР имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца. Въ *„Репертуарѣ Русской сцены“* печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, и картинки.

Цѣна за 12 книгъ „Пантеона“, при нихъ 12 №№ „Репертуара Русской сцены“, съ картинками и нотами:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанска Собор

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лав Ба-зунова.

Издатель долгомъ считаетъ увѣдомить, что дая тѣмъ лицамъ, которыя подписались-бы на „Пантеонъ не въ началѣ года, журналъ этотъ будетъ доставленъ нь, начиная съ *перваго нумера* и *со всѣми приложен*

Кто пожелалъ бы имѣть „Пантеонъ“ за 3 и 1850 годы, оба года вмѣстѣ, или каждый отдѣльо оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, тотъ м тъ получить ихъ изъ „Главной Конторы Пантеона“ С. Петербургѣ. Для новыхъ-же подписчиковъ на 1851 годъ, съ этихъ изданій дѣлается, по сношенію съ Главной Конторой журнала, уступка. (Въ 1849 г. Пантеонъ не издавался.)

дакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ омѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.

Редакторъ *Ѳ. Кони.* — Издатель *В. Печаткинъ.*